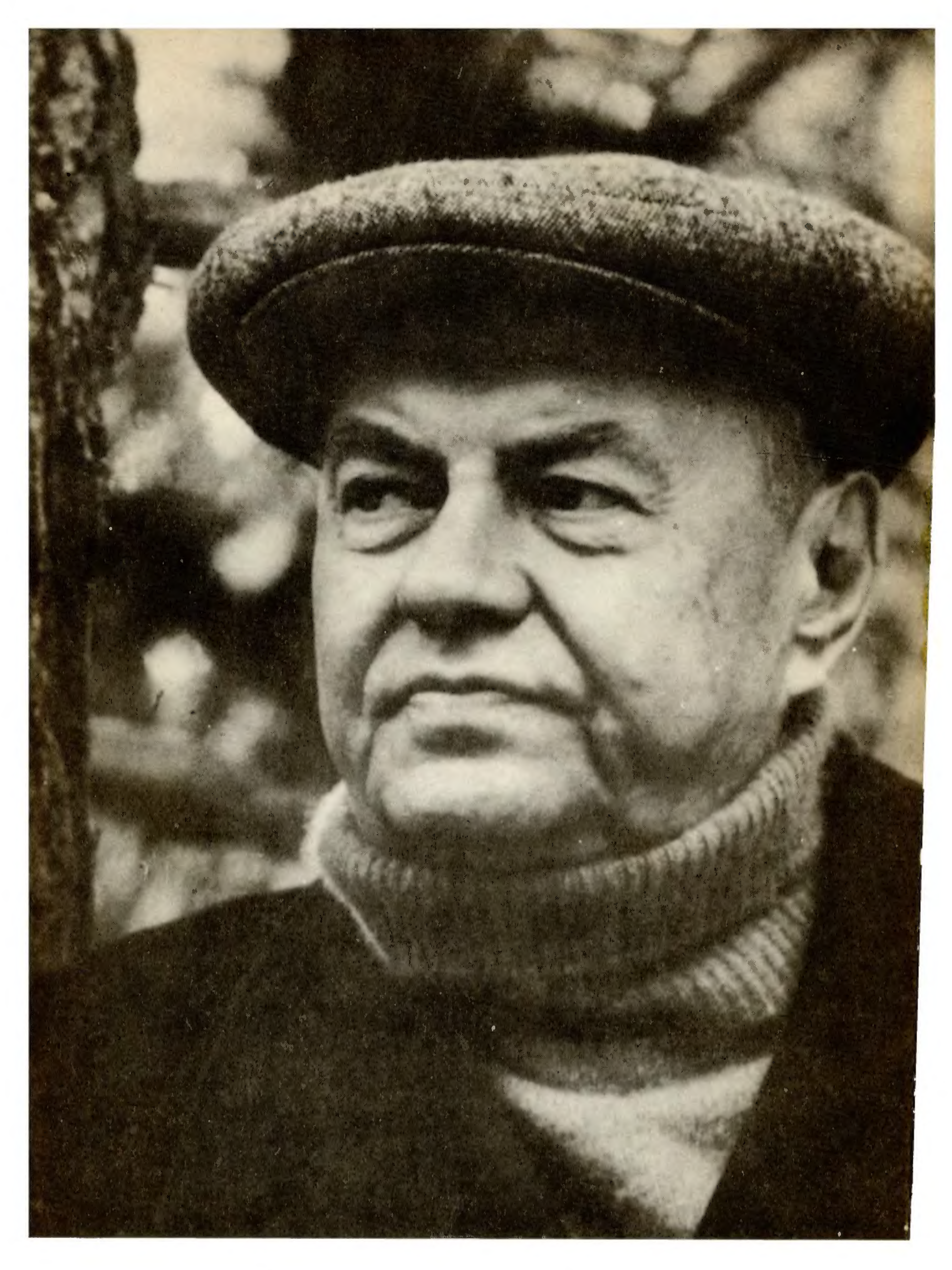

1•1981

Анатолий Владимирович Софронов

К 70-летию со дня рождения

Фото А. Маслова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

1•1981

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Владимир МУССАЛИТИН. **Трое в привокзальном сквере.** Алексей ЛОГУНОВ. **Школа моя деревянная.** Владимир КУРОПАТОВ. **Блокадный хлеб.** Эдуард КРАМАРЕНКО. **Проходной двор** — **3**

Юрий ПОРОЙКОВ. **Звезда на снегу.** Романтическое повествование — **46**

Александр ШЕЛУДЯКОВ. **Югана.** Роман — **80**

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» — **161**

Валентин СОЛОУХИН. **Вздохнула радостно свирель.** Стихи — **258**

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Николай АЛЕШИН. **Высокий день.** Стихи — **263**

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

Комсомол страны на передовых рубежах пятилетки

Виктор ЛЕВАШОВ. **Билет до Байкала** — **268**

На фронтах идеологической борьбы

Сергей ГУК. Маски и лица современного нацизма **283**

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 70-летию со дня рождения Анатолия Софронова

Юрий ПРОКУШЕВ. Светлый и щедрый талант **291**

Александр КАРЕЛИН. Жизни верные черты... Заметки об очерках нравов современной деревни **299**

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Сергей АНАНЬИН. Идеологические диверсанты. Аристарх АНДРИАНОВ. Как совесть велела... Валентин СЕРГЕЕВ. В глубину народной жизни. Аркадий ХВОРОЩАН. «...У времени в плену» **310**

Премии журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» за 1980 год **320**

Первая страница обложки: Усть-Илим. Фото В. Орлова.
Четвертая страница обложки: Ангара. Фото В. Орлова.

Рисунки в номере В. Халютина.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

РАССКАЗЫ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Владимир
МУССАЛИТИН

ТРОЕ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ СКВЕРЕ

День выдался солнечный, безветренный, такой славный стариковский денек. Привались спиной к завалинке, зажмурь глаза и блаженствуй, вбирай в себя остатки тепла. Раньше, по молодости, его занимали старики, любопытно было знать, какие такие думы думают те на склоне лет. Теперь же, когда и сам догреб до их годков, мог признаться, что все в стариковских рассуждениях обыденно и просто. День прошел, и слава богу! А дни эти лётом летят. Кажись, еще вчера пацаны сшибали майских жуков, а вот уж и Покров у ворот. Подумаешь, велика беда — зима. Она лодырю страшна. А он ее, зиму, ждал. Со старухой запасы впрок готовил. Одной картошки со своего огорода тридцать мешков собрал, капусты две бочки набил да еще бочку огурцов... Туда, поближе к холодам, поросенка заколют. Чего еще им надо? Это в молодости запросы велики. И то нужно, и это блазнится. А старику удовольствовать себя нетрудно. С детьми, конечно, был бы иной расход, да детей нет. А в общем, грешить на судьбу нечего.

Думая так о разном, житейском, Шебаршов потихоньку добрался до места очередного привала — небольшого вокзального сквера. Одноэтажное здание станции в три широких окна просматривалось насквозь и было пустынно. Да и откуда взяться народу — утренний прошел, до вечернего, или, как еще его называли, «вагончика», еще не скоро. Это они раньше выходили к поезду чуть ли не за полдня. Сейчас не как прежде, каждый временем дорожит, старается подгадать к самому приходу поезда.

Сквер был густо усыпан листвой, успевшей уже зачерветь после недавнего зазимка. Шебаршов сбросил на землю вязанку сушняка, мельком взглянул на бюст, что стоял посреди сквера на постаменте, где в три строчки значилось: «Герой Советского Союза Иван Афанасьевич Кузькин. 1912—1944». Скамейки были расположены полукругом возле памятника, он сел на крайнюю. И вновь обратил лицо к бюсту. Теперь уже рассматривая с присталь-

ным интересом, словно бы желая убедиться, удостовериться в целости и невредимости его.

— Здоров тебе, Иван!

Солнце стояло в зените. Темно-зеленоватая бронза блестела, отражая нежаркое осеннее светило.

— Ишь какой нынче денек! — Шебаршов прищурился. — Хотя что тебе.

Он вяло махнул рукой, достал из кармана затертой фуфайки пачку «Примы», закурил, не сводя глаз с бронзового, торжественно-непроницаемого лица старого товарища.

По большаку, что лежал за его спиной, ровно гудя моторами, проносились машины. И он изредка оборачивался на их гул, провожая глазами очередной серо-зеленый, покрытый густой пылью самосвал. С картошкой окрестные хозяйства уже успели покончить, теперь же до холодов, до того, как земля успеет заколенеть, спешили вывезти на приемный пункт свеклу.

Самосвалы бежали ходко. В азарте, в спешке ли шоферы порой забывали притормозить перед выбоиной, рытвиной, а может, и сознательно не брали их в расчет, и тогда на большак из глухо погромыхивающих кузовов летели крупные корни. Тяжело, упруго ударяясь о землю, они еще какое-то время скакали вслед за удалявшейся машиной. Следя за колхозными машинами, Шебаршов недовольно качал головой. Что значит — не свое. Приученный к бережливости — жизнь многому научила, — он болезненно воспринимал всякую бесхозяйственность. Зря, что ли, до самого выхода на пенсию в своем колхозе его постоянно избирали в группу народного контроля. Правда, не все, что приходилось выявлять ему в ходе проверок и потом докладывать об этом, нравилось колхозным руководителям. Но и молчать он тоже не мог. Он, и уйдя на пенсию, нет-нет да и заглядывал в правление колхоза, чтобы сказать о том, где и что делается не так.

Шебаршов слышал, как за спиной, взвизгнув тормозами, остановился грузовик, хлопнула дверца. Он оглянулся. От горбатого ЗИЛа, одного из тех, что возили свеклу, к нему спешил парень в красной яркой рубахе. Он легко перемахнул через невысокую изгородь, огораживающую сквер, и, прищелкивая пальцами правой руки, приближался к Шебаршову.

— Привет, отец! — Парень кивнул и улыбнулся ему как давнему знакомому.

— Не дашь огоньку?

И пока Шебаршов извлекал из глубокого кармана фуфайки коробок спичек, парень ловко вытряхнул из пачки и быстро размял в длинных, гибких, совсем не мужских пальцах сигарету, предложив заодно и Шебаршову.

— Да нет уж, — отказался тот, — свои вроде как лучше.

Парень вновь усмехнулся, тряхнул чернявой головой, и Шебаршову почудилось в этой усмешке, в этом резком, быстром движении, во всем облике невысокого подвижного парня, который-то и стоять спокойно на месте не мог — перебирал пальцами, быстро бросал зоркий нетерпеливый взгляд то на него, Шебаршова, то на памятник, то на стоявшую поодаль машину, — что-то знакомое, схожее с кем-то. Шебаршов, казалось, был уже близок к отгадке, но парень тряхнул вновь чернявой головой, смачно прищелкнул пальцами.

— Спасибо, отец.

— Да ты взял бы спички, коли нет, — крикнул Шебаршов, пытаясь задержать парня, который был уже у изгороди.

— Кинь, коли не жалко, — в тон ему отозвался парень, не пожелавший, однако, вернуться.

Сверкнув озорно бойкими глазами, он нетерпеливо прихлопнул ладонями, давая понять, что поймает коробок. И Шебаршов, отвыкнув от подобного баловства, грузно приподнялся и, стараясь не промахнуться, бросил, но не рассчитал, однако парень ловко изогнулся и поймал коробок у самой земли, вновь весело стрельнув глазами. Шебаршов тоже невольно улыбнулся.

— Бывай, отец, — крикнул парень и, встряхнув коробком, как бы приветствуя его, вновь легко перемахнул через изгородь и побежал к машине.

Красная рубаха слегка пузырилась от быстрых движений парня. И чувство зависти к этому легкому на ногу парню, к молодости, здоровью остро кольнуло Шебаршова, и в ту же секунду все мгновенно вспомнилось. Господи, да это же Иванова рубаха! И парень ни дать ни взять Иван — и обличьем и выходкой. Шебаршов даже привстал от волнения. Но самосвал уже тронулся, резво побежал дальше, подпрыгивая на ухабах, погромыхивая железным кузовом, завихряя дорожную пыль. Надо же случиться такому! Шебаршов растерянно осмотрелся вокруг и вновь сел на скамейку. Тело охватила усталость.

Он снова взглянул на памятник. Бронза слепила, Шебаршов прикрыл глаза. Но сквозь смеженные ресницы упрямо полыхало красное. То ли солнце, то ли та красная рубаха. Именно в такой любил щеголять Иван Кузькин. Из-за пристрастия к той рубахе прозвали его на деревне Кумачовым. Кумачовый, Кумачовый... Шебаршов улыбнулся, вспомнив Иваново прозвище. Что и говорить, рубаха та здорово шла ему. Но, как понимает теперь Шебаршов, дело тут не только в рубахе. Кузькин и в своем отношении к жизни, к колхозным делам был таким же ярым, горячим, как его кумачовая рубаха.

Такая у него была натура. Хотя что — натура. Как помнит Шебаршов, Иван в ангелах не числился. Кто в Марьином логу ржевским парням носы квасил, чтобы отвадить их от чужой «улицы»? Иван!.. Что и говорить, бедовый был мужик!

— Частенько ты мне вспоминаешься, Ваня, — сказал Шебаршов, вновь обращаясь к своему товарищу, словно тот мог и впрямь услышать его.

Шебаршов вздохнул, и было трудно понять, чего больше в том вздохе — сожаления к Ивановой судьбе, оборвавшейся так рано, или, напротив, жалости к себе, рожденной сознанием своей стариковской немощности.

Шебаршов пристально посмотрел на бронзовый бюст. Мысли его снова прочно занял Иван Кузькин, давний товарищ его по детским забавам, а позднее, когда вошли во взрослые лета, и соперник. Не только он, Шебаршов, но и другие деревенские парни и мужики многое делали с оглядкой на него, Ивана Кузькина, на его кумачовую, ярившую их рубаху.

Дело прошлое, да только он, Шебаршов, имел через Кузькина много всяких неудобств. Затмевал как бы его все время Иван. Даже и сейчас, когда уже нет его, не дает что-то покоя. Пришли как-то нынешним летом к нему в дом красные следопыты — серьезные такие огольцы. Хоть и были свои, деревенские, а сразу не признал — очень взрослыми показались. Правильно их учительница послала. Не к кому-нибудь, а к нему, Шебаршову, который и первую пятилетку захватил, и войну не на печке, на фронте встретил.

Обрадовался Шебаршов, давай шарить в сундуке, искать разные свои документы, подтверждающие причастность его, Шебаршова, к великим делам. Старуха помогать кинулась, может, говорит, за заслуги твои пенсию

тебе прибавят. У этой одно на уме. Возгордился Шебаршов вниманием тех огольцов, приготовился к долгому рассказу. А ясноглазая девчонка — годков двенадцать, не более, — так и остудила его. Нам, говорит, дедушка, про ваши подвиги все известно, а чего не знаем, после придем расспросим. Вы нам лучше про Кузькина Ивана Афанасьевича расскажите.

Ну, не досада ли? Понятно, Ивановой вины в том нет, а все же обида взяла. Конечно, рассказал он следопытам про Ивана Афанасьевича. Рассказал то, что и хотели они услышать. Умолчал разве только про свою обиду, про то, как рядом с Иваном приходилось ему чуть ли не из кожи лезть, чтобы взять верх. Да не просто это было. Иван, видя эти его старания на колхозном дворе или на деревенском выгоне, где сходились две гармошки — кузькинская и шебаршовская, лишь усмехался молча. Мол, давай, давай. Насмешливый был человек. Улыбочка всегда была при нем. Знать бы об этом скульптору, который этот бюст лепил. Тогда бы не был Иван таким суровым. А вышел бы иным, живым Иваном — хитровато-простодушным, уверенным в своей силе. Хотя никакой такой особой силой Кузькин вроде бы и не обладал. Задался самым обыкновенным мужиком. Если сравнивать с ним, Шебаршовым, так Иван был пожиже, поуже в кости, однако это обстоятельство не мешало ему обставлять того же Шебаршова, да и других мужиков, куда как крепких.

К примеру, таскают с подводы в амбар мешки с зерном — утробистые мешки, сейчас таких и не шьют. Пудов на пять, не меньше. Всякому ясно, мешки те сподручнее вдвоем брать, а Иван хыкнет, крякнет, бросит усмешливый взгляд на мужиков, мешок тот на горб и попер к амбару. Мужики фордыбачатся, чего, мол, постромки рвать, а сами между тем посрамлены. Не в их пользу этот Иванов пример. А ему что! Усмехается, дьявол. Мол, я вас ни к чему не подбиваю, работайте, как можете. Но как после этого здоровенным мужикам один мешок вдвоем нести? Перед теми же бабами стыдно.

Иванова усмешка не только одного Шебаршова выводила из себя, заставляла пуп надрывать, чтобы доказать, что и ты чего-нибудь да стоишь. Не раз доставалось Ивану за ту усмешку. Он и сам, видать, не рад был, что с таким характером уродился, но ничего с собой поделать не мог.

По молодости они, бывало, отношения свои и на кулаках выясняли. Ивану за его насмешливость характера не раз доставалось на орехи. И что же? Синяк под глазом наливается, а он смотрит на своего обидчика заплывшим глазом и унять усмешки не может. Ему еще добавят, а он, как и прежде, усмехается, ну не дьявол ли? И всем ясно, пусть схлопотал Иван, но верх-то все равно его. Правда, мужики в их деревне, не как в соседних, — куда как смирные были. Драки редко случались, если только на большой праздник. А так силу в основном на колхозном дворе показывали, где все тот же Иван Кумачовый заводилой выступал.

Вспомнился Шебаршову тридцать пятый год. Жито тогда у них в «Ударнике» уродилось богатое. Более чем сто пудов на круг. Хорошим вышел тогда и трудодень — хлеб, мед, семечки — бабам на потеху. Пропадали на току до глубокой ночи. Иванова молотилка на одном краю, поближе к амбарам, его — на другом. В то лето повсюду только и говорили, что про Стаханова, про его рекорд на шахте. Им тоже на своих молотилках нужно было стахановскую выработку показать. Серьезно к этому делу готовились, будто и не прежняя, хорошо знакомая работа их ждет, а нечто новое. Он до того извелся в ожидании соревнования с Иваном, что, когда начали, все казалось ему не так. И подавальщики неповоротливы. И коней словно подменили — вместо четырех крепких, добротных коньков, которых сам впрягал, ходят ленивые клячи. Что значит волнение?

Выстави председатель артели против него кого другого, он, быть может, и не так бы переживал. А тут — Иван Кузькин! А может, и лучше, что именно он, Шебаршов, наконец-то покажет Ивану, что и он не лыком шит. Как сейчас видится Шебаршову тот ток, залитый полдневным июльским жаром, нестерпимой тяжелой духотой, неизбывно исходящей от вороха зерна, прокаленного зноем белесого неба, от потных лошадиных спин. Мякина над молотилкой стоит стеной, слабый ветерок не в силах пробить плотного пыльного полога. Стучит молотилка, остья режут грудь, пот ест глаза. Минутку бы передыха. Но остановить свою молотилку — значит дать Ивану превосходство. Дудки! Начали тягаться, так до победного! Порой кольнет: а на кой ляд это нужно, можно же работать по-людски, без надрыва, но это лишь до той минуты,

пока не встретится со взглядом Кузькина, который и тут, за молотилкой, доставал его...

Две недели соперничали они на току. Шебаршов осунулся, почернел. Да и Кузькин был не краше. Хорошо еще, что харч добротный. Кулеш с салом да по большому куску мяса. Каждый день колхоз барана резал...

В иные минуты казалось: все, не сможет больше продолжить этого адова состязания. Но Иванов пронзающий, прокалывающий взгляд, который доставал его всюду, снова кидал к молотилке. С новой злостью обрушивался Шебаршов на снопы, будто они всему виной.

Иногда высверкивала жестокая, навязчивая мысль: пробраться бы ночью к Ивановой молотилке, повредить, попортить что-либо в ней. Пусть себе колупается. Ему верилось, что эта неожиданная остановка образумит, остудит Кузькина, сотрет сатанинскую ухмылку с его лица. Лишь ради этого стоит решиться на поломку. Но по тому, как подробно и живописно рисовал себе Шебаршов картину ночного разбоя, уже знал, что решиться на такое, хотя и очень хотелось поутишить, присмирить Ивана, не сможет. Думал же об этом лишь затем, чтобы как-то отвлечь себя, вконец не сомлеть от духоты и зноя, чтобы не рехнуться от этой невыносимой, каторжной работы подле Ивана.

— Ну и черти, ну и черти! — восхищенно вскрикивал председатель колхоза Елшанов, двадцатипятитысячник, подбадривая их, видя, что они ломят из последнего и похвальное слово не будет лишним.

Хорошо тебе трепаться, думал зло Шебаршов, облизывая спекшиеся губы, недобро окидывая присланного из города председателя, выряженного, как на праздник. Был он смугл и кучеряв, в расшитой косоворотке, в коричневых парусиновых сапогах. Шебаршову бы такие, пофорсил бы он перед девками. Как бы взглянула на него Анна, заявись он, передовик труда Никита Шебаршов (Кузькин снова не в счет), в таких сапогах, в новом пиджаке на атласной подкладке на гулянку?

Однако взять верх над Иваном Кузькиным в ту осень не удалось. Ломили на равных, и кони как будто тоже были в одной силе, но случилась в его, шебаршовской, молотилке поломка (что значит не желай худого другому!) — порвался ремень. Иван уступил свой запасной, помог установить, но время было потеряно, Иван выгреб дальше. Намолотил семьдесят тысяч пудов зерна. На пол-

тыщи пудов обошел Шебаршова. И потому в январе тридцать шестого в Москву на встречу передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства поехал не он, Шебаршов, а Кузькин. И орден товарищ Калинин приколол к пиджаку Кузькина.

Так у них и пошло. За какое бы дело ни брались, а глядишь, Иван и обставит. И у Шебаршова сноровки было немало, но то, что ему с натугой давалось, у Ивана получалось сразу. Везло ему, надо полагать, благодаря его характеру — легкому, насмешливому. Анну завлекал тульской гармошкой он, Шебаршов, а повел ее под венец Иван. Короткой, правда, вышла их семейная жизнь, да не Иванова вина в том.

Пуля, известное дело, дура, не выбирает, кого шлепнуть. Но, надо думать, Иван и с пулями шутил. Про то, как Кузькин смерть свою нашел, Шебаршов от других узнал. Были они в это время в разных частях, хотя на войну их в одной подводе от сельсовета повезли, в одну стрелковую роту определили. Но потом Шебаршов попал в медсанбат и отстал от Ивана. Случилось это под Сталинградом, а до этого почти два года топали рядом. Какие это были годы — известно. Особенно сорок первый. Немцы вовсю жмут, а сдержать их сил нет.

А Ивану словно и тогда наперед все было известно, как дело дальше повернет. Будто он о скором переломе в ходе войны уже знал. Сидит, обмотки перематывает — из болота, куда немцы их загнали, чудом выбрались, — а сам усмехается. Командир к нему, что, мол, за смех, рядовой Кузькин? Усмешку эту командир на свой счет принял. Перед тем, боясь попасть в окружение, знаки различия с гимнастерки посрывал, вот и решил, что солдат над ним, лейтенантом, смеется. «Я вас спрашиваю, что за смех?» — кричит лейтенант, а сам за наган держится.

— Приказываю встать, рядовой Кузькин.

Ну, Иван, ясное дело, встал и так спокойно, кивнув на гимнастерку командира, сказал:

— Не горячитесь. Мы теперь вроде на равных.

И, по сути, не тот зеленый командир вел их тверскими лесами, а Иван Кузькин, который вроде бы и даром командирским не обладал. Но уж таким он, Кузькин, задался, что и без должности власть над людьми имел.

И говорить слов особых Кузькину не было надобности, чтобы убедить в чем-то мужиков. Это Шебаршов знал

еще по колхозной жизни. Примеров всяких он мог бы вспомнить изрядно, ну хотя бы то, как Кузькин вступал в колхоз. Дело для всех тогда было новое, непривычное. Мужики побаивались колхозов. Пугало само слово. Карпов Яков, горлопан и задира, ходил всегда возле Кузькина, ища его дружбы, скорее выгоды от дружбы. Ясное дело: двое не один — легче от любого отмахнуться. Яшка, не боясь властей, орал: на что мне колхозный кол, у меня и свой в сенях валяется? И каково же было удивление того же Яшки Карпова, прозванного Козлом за свою строптивость и непостоянство, когда Иван Кузькин, молча до того слушавший пересуды мужиков на риге, взял под уздечку своего доброго пегого конька и на виду у всей деревни отвел на общий двор. Иное дело, когда голытьба бежала записываться в колхоз. А тут крепкий мужик — и сам пошел. Сломил Иван недоверие к колхозу, пошел народ за ним.

Если так поразмыслить, горячая была натура у Ивана Кузькина. Но поступки свои не по случаю, не под настроение, а по трезвому рассуждению совершал. Человеком был горячим, однако не заполошным. Потому и имели полное уважение к нему мужики.

Пригретый последним теплом осеннего солнышка, Шебаршов снял старенькую кепку, пригладил редкие волосы. Чего греха таить — было время, когда он считал себя счастливчиком, что остался в живых, а вот Ивана-то Кузькина давно уже нет, хотя, поди, хорошо было бы ему при Золотой Звезде заявиться целым, невредимым, ну пусть даже с ранением, с увечьем каким в родную деревню Шахово. Тут тебе и уваженье и почет, больше, чем в довоенную пору.

В иные ночи, когда не спалось, когда вспоминалось минувшее, Шебаршов подолгу думал о возможной судьбе своего приятеля. Кем бы стал, чем занялся Иван Кузькин, вернись с войны? Смекалистый, головастый мужик всегда первый человек в деревне. А после войны в них, мужиках, особая нужда была.

Кузькин бы у них в Шахове хорошо развернулся. Уж не чета ему люди, а хозяйством колхозным заправляли. Что значит колхозная демократия! Чуть не все в председателях успели перебывать. И двоюродный брат Ивана — Алексей Кузькин, тот, что умудрялся на ходу спать, и бабник Михалев Пашка, и однорукий Гревцев Семен, и Венедеев Петр, прозванный малахольным. Калюжный на

протезе, другой Калюжный, здоровый. Пересчитать всех — пальцев на руках не хватит. И всё меньше, чем за десять лет. Даже он, Шебаршов, со своими неполными пятью классами через эту должность прошел... Но не было среди них такого, кто бы, как Кузькин, своим примером сумел увлечь. Хотя и старались. И в чем тут закавыка — не понять. У Кузькина же это запросто получалось, без всяких слов, без криков, без натуги. Да что говорить, никто из шаховских мужиков такого авторитета, как Иван Кузькин, не имел. Само собой, беспокойство было подле Ивана, подле его кумачовой рубахи. Но и азартно, и весело. А если кто и злился на Кузькина, так больше по дури своей. Иван по две нормы ломил, в стахановцы вышел, так и они, гонясь за ним, вроде другими людьми себя чувствовали. На своем-то дворе каждый умел приналечь, но вот чтобы на общественном так же рьяно, с охотой... Ивану же все ра́вно было. И та его бесовская искорка многих подпалила, по-другому заставила на дело взглянуть.

Шебаршов откинулся на спинку скамейки. Солнце прикрылось облаком. С деревьев на бронзовую голову Кузькина, на угловатые усеченные плечи в сержантских погонах слетала желтая листва, словно медными монетами осыпая.

Шебаршов вздохнул, покосился на ожидавшую у ног вязанку хвороста. Крепко засиделся он нынче.

— Ну мне пора, Иван, — сказал он и уже собирался встать, как услышал за спиной шуршание листвы, чьи-то шаги.

То был Карпов Яков — деревенский мужик, одногодок. Вот уж с кем не хотелось встречаться Шебаршову сегодня и особенно тут, в привокзальном сквере. Карпов шел, заволакивая ногу. «Принесла нелегкая», — подумал с досадой Шебаршов. В его понятии, Карпов Яков был пустым, никчемным человеком. И подчас ему казалось странным, как это Иван Кузькин мог допускать его к себе, терпеть эту блудливую, козлиную рожу. Правда, дружбы между ними не было, но и вспоминать, как Карпов Яков оказывал когда-то Кузькину приятельские услуги, неприятно. Давно это, конечно, было, когда еще парнями на улицу ходили, но все равно не хотелось, чтобы Карпов Яков даже в том далеке каким-то образом соседствовал с Иваном.

— Вот ты где устроился! — воскликнул Карпов

Яков. — Я тоже тут люблю посидеть. Особенно за этим делом.

Он тронул рукой отвислый карман пиджака, из которого торчала белая литая головка «червивки».

Жил Яков в деревне бобылем, ночуя в сторожке при скотном дворе. Девок было много, а для жизни никого не выбрал. Да и не всякая согласилась бы с таким беспутным бедовать. В мужике ищут опору, а в Якове этой надежности, основательности не было. Одни тенти-бренти. Для улицы, для гулянки — куда бы ни шло, там это даже к месту, а для жизни семейной другое нужно. Бабы это нутром чуют. Впрочем, каким бы петухом ни разгуливал, сыскалась бы баба, которая к рукам прибрала. А тут дуры не нашлось. Знали, с Яковом добра не наживешь, скорее сама по миру пойдешь. Лет до пятидесяти, пока был в силе, он хорохорился, мол, меня любая готова принять — стоит захотеть. И правда, кочевал из одного двора в другой — вдовых и одиноких баб в деревне хватало, но потом и сам сник, да и бабам, у которых поднялись дети, а затем внуки, не до него стало, не до прежних утех.

Невесело было Якову, и жалел временами его Шебаршов, да кто ж виноват, что жизнь свою вот так попусту растратил. Свою-то голову не приставишь. Иван Кузькин тоже хотел из него человека сделать. Рядом с собой в одну упряжку ставил. Подле Ивана Яков вроде бы тоже старался, тужился, но работал как бы из-под палки. Лишь бы отстал от него Иван.

Карпов Яков присел на край скамейки.

— Ты, вижу, и знаться не хочешь? Ну да мы люди не гордые!

Он ухмыльнулся, вытащил из кармана бутылку, пошарил под скамейкой, достал завернутый в лопушок стакан, подмигнув Шебаршову, мол, все при нас.

Хотя и знал, что Шебаршов откажется, но все же предложил.

— Ну будь здоров!

Яков поднял стакан. Рука подрагивала.

— Ну а тебе чего сказать? — кинул он взгляд на бронзовый бюст. — Тебе что ни говори — все одно. Потому как ты — мертвый. А мы вот еще шебаршимся.

Карпов Яков хихикнул и обернулся к Шебаршову, довольный каламбуром.

— Жаль, что в свое времечко вот так втроем редко

сиживали. Жаль. Все спешили, торопились. Гнали без удержу своих коней. А куда? Зачем?

В тусклых глазах Якова пробился злой огонек.

— Ну да ладно, — сказал примирительно он, — как говорится, побудем живы! Слышь, сосед? — окликнул он Шебаршова. — Что-то я забыл, как Кузькина на деревне звали? Все силюсь вспомнить, но никак. Что значит, памяти нет...

— Как звали, так и звали, — сердито отозвался Шебаршов, — тебе-то не все ли равно?

— Э, не скажи! Это существенно! — заметил Карпов. — Прозвища зазря не даются. В прозвищах как бы весь норов человека. Ведь он, Иван, каков был? Поперед всех старался. Ты, к примеру, чем хуже его, а в первый ряд не лез? Не лез! И скажу: правильно делал.

— Жизнь уже прожил, а так ничего и не понял, — сказал Шебаршов, поднимаясь со скамейки, закидывая за спину вязанку хвороста.

— Зато вы многое поняли... Прозрели, как же!.. Ладно, пусть я темный, да живу!.. А Ванька? То бы счас бутылочку со мной раздавил, а то вот — железка...

Шебаршов сплюнул и, не оглядываясь, пошел прочь.

Он шел, и каждый шаг отдавался в груди, и Шебаршов ругал себя за то, что не смог сдержаться и теперь вот, чего доброго, может опрокинуться посреди дороги. Не надо бы, не надо затевать эту ругань, убеждал он себя, но и дать в обиду Ивана и то, что было связано с прошлым, дорогим, он тоже не мог.

Он был сейчас один на этой просторной осенней дороге. И ощущение безмерного пространства рождало бессознательную тревогу. Он скинул вязанку, потер рукой левую сторону груди. Оглянулся в надежде. Хоть бы попутка какая случилась. Со стороны свеклоприемного пункта что-то пылило. Машина? Это была машина.

Шебаршов собрался уже голосовать, но самосвал и сам притормозил, густо обдав пылью. Из кабины, выбросив руку, перебирая пальцами, словно суша их, свесился парень в красной рубахе, тот самый, что прикуривал в сквере.

— Ты, вижу, притомился, отец? — крикнул он весело. — Садись!

Шебаршов замешкался, не зная, как быть со своим добром. Парень выскочил из машины, перехватил веревку и легко кинул вязанку в пустой кузов.

— Все не порожняком катить! — подмигнул он Шебаршову.

Машина быстро набрала скорость. Исправный мотор гудел ровно, на высокой ноте. Шебаршову порой казалось, что они не едут — летят по накатанному до блеска большаку. В груди замирало, и он еще крепче сжимал скобу перед собой.

Остроглазый парень, весь отдавшийся скорости, быстрой езде, изредка бросал на него усмешливый взгляд.

— Ничего, батя, не боись!

Да Шебаршов и не боялся. Если он и смотрел вопросительно на парня, то вовсе не затем, чтобы остудить его. Тут было другое.

Ветер, влетавший в открытое стекло, парусил яркую красную рубаху на спине остроглазого парня, лицом, обличьем своим удивительно схожего с Иваном.

Алексей ЛОГУНОВ

ШКОЛА МОЯ ДЕРЕВЯННАЯ

1

В нашем колхозе семь деревень. Среди них Куликовка и наша Ключевка, если полным именем, — Большие Ключи. Исстари они ни в чем не хотят уступать друг другу: ни в работе, ни в слове.

У нас в Ключевке народ все больше мастеровой: плотники, каменщики, печники. Все дома в округе построены их руками. А куликовцы — земледельцы. У них и урожаи всегда выше. Но что интересно: в песнях и сказках, в творчестве своем ключевцы отдают предпочтение природе, а куликовцы — мастерству. Например, ключевские девушки вышивают полотенца петухами да колосьями, а куликовские — домиками да башенками.

Заметна эта разница и в облике наших деревень.

Ключевка похожа на пшеничный колос. Большак с бревенчатыми мостами и мосточками — узловатый сте-

бель. Он начинается у горизонта, на Куликовом поле. Влево и вправо отходят от большака узкие листья проселочных дорог. А вот и сам колосок — наша деревня. Словно зерна, жмутся друг к другу крыши. Местами видны прогалы — это вылущила избы война... Но колосок жив, топорщит в разные стороны усики тропинок и стежек!

А Куликовка — наконечник стрелы. Впрочем, это с какой стороны смотреть. Если со стороны Москвы, то две куликовские слободы похожи на две ладони. Кажется, кто-то большой и сильный раскрыл эти ладони — и выпорхнула чудо-птица! Выпорхнула и опустилась неподалеку, на краю Куликова поля, превратившись в прекрасный храм Сергия Радонежского.

Когда куликовцы идут на железнодорожную станцию, то проходят через нашу Ключевку. А ключевцы, отправляясь на базар, проезжают через Куликовку. И те и другие зорко высматривают, как живут соседи. И если заметят что-либо новое, то тотчас и у себя сделают такое, даже еще похлестче. Свой первый колхоз ключевцы назвали «Оборона страны». А куликовцы — «За мировую революцию!». Сейчас, после укрупнения, колхоз у нас общий и называется «Куликово поле».

Долго завидовали куликовцы нашей школе. Говорят, когда в 1905 году запылали помещичьи усадьбы, начали шерстить барское имение и куликовцы. В нашей же деревне имения не было. Тогда запрягли мужики лошадей да на железнодорожную станцию: там как раз разбилось несколько вагонов с лесом. Местность у нас голая, мужик над каждой доской, бывало, трясся, гроб себе и то норовил из лыка сплести, а тут — такое богатство! Ну под шумок и перевезли лес в деревню. А чтобы не вышло чего худого, собрались всем миром да за три дня и срубили на пригорке, рядом с церковью, просторную красавицу школу. Сделали ее в виде буквы Г, этаким сапожком. И поселился в нем шумный и веселый народ — школьники.

На вечерки и посиделки ключевцы собирались в избе-читальне. А на праздники или общие собрания все шли в школу — в эти дни она превращалась в клуб. Тесовые переборки между классными комнатами разбирали, и получался огромный зал, который вмещал в себя всех жителей деревни. В конце этого зала сдвинутые парты застилали досками, на проволоку натягивали две трофейные

плащ-палатки — и готова сцена с занавесом. На ней парни и девушки разыгрывали пьесы, строили живые пирамиды, пели и плясали. Здесь же киномеханик Толя Клюй устанавливал стрекочущую аппаратуру и показывал кино.

Когда вечером во всех окнах школы вспыхивал яркий свет — во всей Ключевке становилось словно бы светлее. Первыми на этот свет прибегали мальчишки. А встречала их учительница Елена Игнатьевна.

2

Приехала Елена Игнатьевна в нашу деревню еще в тридцатые годы, в пору коллективизации. Когда ключевские бабы впервые увидели ее, то настороженно поджали губы: уж больно красивая...

Двое ребят у молодой учительницы: мальчуган за юбку держится, а девчушка на руках, грудная еще.

Муж к Елене Игнатьевне приехал через месяц. Человек он был военный, и супругам часто приходилось жить в долгих разлуках. К тому времени учительница уже обосновалась в небольшой комнатке при школе. Многие думали, что через год-другой уедет. А оказалось, что приехала она навсегда.

Никто в деревне не видел учительницу небрежно одетой или непричесанной. Носила она всегда один и тот же жакет и черную юбку, но выглядела очень нарядно. Казалось, для нее каждый день — праздник.

Для нас, деревенских ребятишек, каждая встреча с Еленой Игнатьевной тоже была праздником. Когда она показала нам первые буквы, мы стали повсюду находить их. Покосившийся телефонный столб с подпоркой и перекладиной — буква А. Обруч от ивовой корзины — буква О, а хвост у Шарика, который жил при школе, походил на букву С.

Потом мы научились складывать слова и писали их где могли: углем на стене, щепкой на песчаном берегу речки, пальцем на запотевшем стекле... А мой сосед по парте написал слово «мама» на зеленой лужайке. Буквы он вырезал лопатой. Вышли они большие, отчетливые — издалека видно. Но то ли в спешке, то ли по незнанию вместо «мама» получилось «мома». Так его по сей день и кличут этим непонятным для посторонних прозвищем — Мома.

Наверное, мы меньше бы писали где попало, будь у нас бумага. Но ее не было. Елена Игнатьевна приносила в класс старые газеты, из которых мы мастерили себе тетради. И прежде чем написать что-то, мы старались в этих самодельных тетрадях прочитать печатные строчки. А они еще дышали гарью и порохом — «Родина-мать зовет!», «Все для фронта!», «Подвиг разведчика»... Больше всего нам нравилось могучее, по-весеннему живое слово «Победа», которое в газетах встречалось все чаще. И нам совсем не хотелось замазывать его своими каракулями.

Учительница не настаивала. Однажды она ушла пешком в райцентр, где пробыла два дня, и вернулась оттуда с большим свертком оберточной бумаги — серой, зеленой, коричневой... И нам уже не приходилось писать по печатному тексту. А тетрадями из старых газет мы стали обмениваться, как книгами, и дома читали из них вслух разные статьи и заметки. Узнав об этом, учительница задумалась, потом попросила нас поднять руки, у кого дома есть какие-нибудь книжки. Руки подняли человек десять, не больше. Я тоже поднял: у меня была книжка-раскладушка «Ворона и ворон», которую мне привез с фронта отец.

Елена Игнатьевна предложила принести эти книги в школу. И на следующий день появились в школе зачитанные до дыр «Русские народные сказки», «Стихотворения А. С. Пушкина», довоенный альманах «Литературная Тула» и еще несколько книг.

Все эти книги и составили нашу первую школьную библиотеку. Мы сами сколотили для нее ящик из фанеры и по очереди были библиотекарями — обязанность эта считалась у нас почетной. Скоро пришлось сделать еще один ящик: библиотека росла. Учительница подарила нам книги Льва Толстого, Некрасова и Ушинского. Сами мы тащили все, что только находили печатного: старый журнал, песенник, брошюру о разведении капусты... Однажды на школьном чердаке мы нашли какую-то совсем уж несуразную книжку: с деревянными крышками, написанную от руки. К тому же не было у этой книжки ни начала, ни конца — кто-то вырвал листы. Но мы все равно принесли ее в библиотеку.

А потом эта книжка стала для нас самой любимой. В ней были собраны древнерусские летописи, былины, а также легенды и предания, связанные с Куликовым по-

лем. Кто их переписывал, оставалось тайной, но по орфографии, как объяснила Елена Игнатьевна, можно было заключить, что писали уже в наше, советское, время. До сих пор живут в моей памяти слова из этой удивительной книги, от которых и сейчас еще по спине пробегает тревожный холодок и замирает сердце: «О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими — всего ты исполнена, земля Русская!..»

Негромкий голос Елены Игнатьевны, читавшей нам рукописную книжку, звучал как могучая музыка.

«Живет — как птица небесная!» — говорили ключевцы про Елену Игнатьевну. Но смысл в эти слова вкладывали разный. Одни осуждали: ни коровы не держит, ни курицы... Разве можно без хозяйства? Другие, как моя мама, замечали:

— Она человек особенный: живет — словно песню поет.

Когда я слышал слова «птица небесная», мне почему-то представлялся жаворонок. Не воробей, не чибис, не стремительная ласточка, а именно маленький жаворонок с его неумолчной песней над весенним полем. Может быть, потому, что жаворонков мы почти никогда не видим на земле, а всегда — в небе и всегда поющими. Сыт ли он, голоден, мы не знаем, но слышим — поет! И сердце проникается к этой хохлатой крохе нежностью.

Кстати сказать, наша учительница была еще и неугомонная, словно птица. Вместе с парнями и девушками она ставила пьесы, пела в хоре, бывала и на посиделках, где училась у деревенских мастериц вязать варежки. И всегда, сколько помню, на ней были неизменные черный жакет и черная юбка.

— Она, видать, и родилась в своей черной юбке, — как-то пошутил Степка Деготь, признанный в деревне балагур и остряк.

Но на этот раз шутку его ключевцы не приняли, даже никто не улыбнулся.

Постарела она как-то сразу, за год, когда в школе осталось совсем мало учеников. Елена Игнатьевна передала их на попечение своей дочери и другим молодым учи-

телям, а сама вышла на пенсию. Она располнела, стала носить просторную стеганую фуфайку, купила корову, завела кур и уток и теперь уже ничем не отличается от остальных деревенских женщин.

Я часто вижу Елену Игнатьевну на огороде, где она пропалывает грядки с морковью и огурцами. Рядом с ней степенно ходит грач Захар, который живет в школе, — подобрали грачонка со сломанной лапкой, вылечили, он и прижился. Захар помогает хозяйке: выдергивает с грядки такую же сорную траву, что и она.

— Вот, молодец, Захарушка, — разговаривает с ним Елена Игнатьевна. — Вырастет морковка, станут ее ребята есть да нас похваливать. Правда?

— Кар-р! — утвердительно отвечает грач.

3

Многие считали, что нашей учительнице не повезло с сыном. Вот дочка ее — такая разумница, а этот... «Первый блин — комом!» — невесело шутили бабы.

В деревне его звали Толя Клюй. Кареглазый, с густым загаром на лице, он зимой и летом ходил в вязаной шапочке с желтым помпоном и напоминал мне медный колокольчик.

Однажды утром погнали бабы в стадо коров, глядят — кто-то за огородами голый бегает. Да как-то чудно: то руками начнет махать, точно ветряная мельница, то ногами взбрыкивает, как застоялый конь... Присмотрелись — а это Толя Клюй!

— Совсем, что ли, голый? — допытывались у них девки.

— Да нет — в трусах. Ох и горе Елене Игнатьевне с таким сынком ненормальным.

— Он же гимнастикой занимался, — объясняли матерям школьники, — все культурные люди по утрам зарядку делают.

Но разве наших ключевских баб переспоришь?

— Брал бы в руки топор — и заряжался. Вон у бабки Агафьи ни полена дров, помог бы нарубить.

А Клюй совсем не обращал внимания на пересуды и продолжал по утрам бегать за огородами. Мало того, и ребятишек за собой сманивал!

Когда я пошел в первый класс, Клюй уже учился в седьмом. Именно к тому времени и относится его увле-

чение спортом. Он сам принес из лесу два столба, вкопал их возле школы, выпросил в кузнице железный прут и сделал турник. Что он не выделывал на нем! Клюй и нас учил разным упражнениям: легко, без напряжения подтягиваться до десяти раз, делать стойку на руках и даже «крутить солнышко», что удавалось далеко не каждому.

Увлечения у Клюя менялись одно за другим. Охладев к гимнастике, он взялся за изучение животного мира. Поводом к этому послужил забавный случай.

Как-то одна наша ключевская баба повезла на станцию гуся, да и обменяла его у проезжего мужика на мыло — тот с заработков возвращался. В последний момент гусак загоготал так протяжно и печально, что бабе стало его жалко. А мужик сунул гуся в мешок — и в поезд.

— Откуда хоть будешь-то? — крикнула ему вслед загоревавшая хозяйка.

— Рязанские мы, из Ряжска! — на ходу отвечал мужик. — Не бойся, не съем твоего гусака — на развод беру!

А через два месяца гусь вернулся в Ключевку.

Мы, ребятишки, долго обсуждали это событие. То, что животные умны и сообразительны, мы знали, примеров тому в деревне достаточно. Но как гусь нашел обратную дорогу — для нас было загадкой. Ведь не смотрел же он, в самом деле, в окно, когда в поезде до Ряжска ехал!

Клюй, скорый на решения, поймал школьного кота, сунул его головой в валенок, потом завязал в мешок, чтобы кот не подглядывал, и мы понесли его в лес. Занесли в самую чащу, выпустили, засвистели — и кот дал стрекача. Потом до вечера бродили по лесу, сами чуть не заблудились, а когда вернулись в деревню, кот был уже дома! Увидев нас, он взлетел на высокий тополь и настороженно посматривал оттуда узкими, как зеленые линзы, глазами. После этого Клюй и завел специальную тетрадь, куда записывал свои наблюдения за животными и птицами.

А потом нашей школе подарили лошадь, которая служила в Красной Армии, и случилось так, что во время боя она спасла раненного врагами командира. Лошадь была белая, а хвост и грива — черные. Звали ее Искра. Больше всех радовался подарку Толя Клюй: он ухаживал за Искрой, чистил ее, водил на речку купать, стерег в ночном вместе с другими колхозными лошадьми.

Вот так и рос Толя Клюй. И человек из него получился вроде не хуже других. Может, потому, что воспитывала его не только родная мать, но и вся деревня.

— Ты чего это дуришь? — говорил кто-нибудь из мужиков, когда видел, что Клюй закуривает вместе с другими подростками.

— Им можно, а мне нет? — обижался Толя.

— Ты — сын учительницы. В школе живешь. Так уж держи марку, брат. Понял?

И Клюй, вздохнув, бросал и затаптывал папиросу.

После службы в армии Толя Клюй купил себе гармонь и по вечерам зачастил в Куликовку. А вскоре и совсем туда перебрался — женился.

— Что же вы уши развесили? — ругали бабы наших девок. — Такого парня из своей деревни упустили!..

4

Когда ключевские мужики поставили на пригорке красавицу школу, то осталось немного леса. Чтобы он зря не пропадал, срубили во дворе небольшую избушку-амбарушку в два окна. «Пригодится», — рассуждали они. И действительно пригодилась. Сначала в этой избушке хранились наглядные пособия, большой глобус, несколько новых парт, разные пробирки-реторты для опытов и другие школьные принадлежности, потом, перед самой войной, оборудовали там столярную мастерскую. И уж после войны, на моей памяти, в этой избушке поселился Ваня-солдат, или Безотказный, как чаще называли его ключевцы.

Ваня-солдат в жизни школы занимал особое место. Если с Еленой Игнатьевной мы постигали мудрость книг, с Толей Клюем веселились и озорничали, то Безотказный олицетворял для нас мастерство и бескорыстие.

Мы любили забегать в его избушку-амбарушку, которая имела одно удивительное свойство. Снаружи она маленькая, впору шапкой накрыть. Но стоило войти внутрь, как избушка словно бы раздвигала свои стены и становилась широкой, просторной. В одном углу ее была печка-лежанка с плитой, рядом — деревянный топчан, служивший хозяину кроватью. В другом углу, у окна, — дубовый стол, который часто превращался в рабочий верстак. А вдоль бревенчатых стен — деревянные лавки. Сами стены были голые, в пазах между венцами торчал

мох, а в трещинах золотились янтарные капельки застывшей смолы.

Ваня-солдат всегда что-нибудь мастерил. В костистом продолговатом его лице с толстой, чуть отвисшей губой было что-то от добродушной старой лошади, на которую надели пилотку. И действительно, на нем не ездил только ленивый. У одних он перекладывал задымившую печь, у других чинил крышу, у третьих чистил колодец или копал новый погреб... Платы он никакой не брал, просто останется пообедать, и все. Так и жил, как шутили в деревне, «на общественных харчах».

Летом ремонтировал парты, столы и стулья, красил полы в классах, белил стены и потолки. Лишь изредка просил он себе в помощники двух-трех ребят постарше, да и то для того лишь, чтобы научить их владеть рубанком или малярной кистью. Когда Ваня-солдат работал, лицо его становилось одухотворенным и сходство с лошадью пропадало. И еще я заметил, что работал он всегда с удовольствием.

В его избушке на полу валялись стружки, опилки, обрезки листового железа, стояли худые ведра и самовары, которые хозяйки приносили на починку. Мы, мальчишки, были уверены, что Ваня-солдат умеет все. Да и взрослые, если у кого-нибудь вдруг остановится будильник или сломается трофейная зажигалка, обычно говорили:

— Что ты мучаешься? Отнеси Безотказному — наладит.

И он действительно приводил в порядок и будильник и зажигалку. Как-то отец пригласил его к нам домой, перестелить щелястый пол в избе. Ваня-солдат пришел пораньше и сразу же взялся за дело, а я, разумеется, все время вертелся рядом. За завтраком он взял наш кухонный нож, потрогал пальцем лезвие, усмехнулся:

— На таком ноже хоть верхом да вскачь!

Мама укоризненно посмотрела на отца, тот засмеялся, а мне так понравилась поговорка, что я потом долго бегал по улице и радостно сообщал каждому встречному:

— А на нашем ноже хоть верхом да вскачь! Не верите? Сам Безотказный сказал!

Мать, когда узнала про это, огрела меня хворостиной вдоль спины — «чтобы язык не распускал!» — и я, разобиженный, решил убежать куда глаза глядят. Бежал, бежал — и очутился возле Ваниной избушки. В спешке

я порезал о стекляшку босую пятку и справедливо полагал, что домой пока лучше не являться, можно получить от матери еще большую взбучку.

В избушке никого не было. Я забрался на топчан, под овчинный полушубок, и поскуливал от боли в пятке. К вечеру вернулся хозяин.

— Ишь забрался втихомолочку, как мышь на полочку, — разговаривал он сам с собой, осторожно ступая по скрипучим половицам.

Потом, заметив, что я не сплю и плачу, присел на топчан, положил руку мне на лоб:

— А вот это, Мужик Мужикович, ты зря — реветь. Как у нас взводный говорил: дай боли волю — полежишь да умрешь.

Я показал ему свою окровавленную пятку, он засуетился, принес с улицы большой зеленый лопух, надавил из него соку и смазал мне рану. Боль стала еще сильнее, пятку невыносимо драло, я орал, а Ваня-солдат все рассказывал про своего взводного.

— Знаешь, как меня на Синявинских болотах осколком чиркнуло? Ого, брат!

Он приспустил брюки, и я увидел на его белом, совсем не тронутом загаром теле широкий полукруглый рубец, похожий на медный серп.

— Чуть начисто не снесло, сидеть не на чем было бы, — усмехаясь, говорил он. — Думал — конец. Да спасибо, взводный наш откуда-то выскочил. «Чего развалился? — набросился он на меня. — Дай боли волю — полежишь да умрешь! А у речки переправа, ползи туда!» Ну я зубы сжал — и пополз...

«Ах, Ваня-солдат, — думал я, — все у него не как у людей! У других мужиков раны на голове или под рубахой, а у этого...» Боль в пятке становилась все тише и тише. Домой меня, уже сонного, он отнес на руках. Жил Ваня-солдат бобылем. До войны уезжал он из Ключевки куда-то на шахты, на заработки, и там, говорят, были у него жена-мордовка и две ясноглазые дочки — обе в мать. Во время войны они погибли под бомбами, и осиротевший солдат снова вернулся в родную деревню. Вернулся — и прижился возле школы, рядом с детворой.

Он охотно учил нас плести из ивовых прутьев верши и корзины, мастерить скворечники, табуретки, самодельные лыжи и салазки. Помню, как я впервые в жизни

сплел небольшую корзинку и хотел уже бежать домой, похвастаться перед мамой, но Ваня-солдат удержал.

— Подожди-ка, — сказал он и поставил рядом с моей корзиной свою. И тут я увидел, что моя выглядела уродцем: обруч не круглый, а почему-то сплюснут наподобие яйца, на боках выпирают ребра, словно у старой коровы, вконец отощавшей за зиму... Дав мне возможность полюбоваться на обе корзины, Ваня-солдат невинно сказал:

— Ну, теперь иди к матери.

Но мне уже идти не хотелось. Более-менее прилично плести корзины я научился только через год, когда испортил не один сноп ивовых прутьев.

У Ваниной избушки было крылечко из двух ступенек, под которым иногда ночевал бездомный пес Шарик. По утрам он встречал нас у школы — лохматый, весь в репьях, и принимался от радости прыгать. Мы играли с Шариком, делились своими завтраками и однажды решили сделать ему конуру. Ваня-солдат дал нам обрезки досок и кусок фанеры. Трудились мы, наверное, целую неделю. Фасад украсили резьбой, на крыше выжгли увеличительным стеклом от старых очков разные рисунки — в общем, получилась не конура, а игрушка.

На следующее утро мы прибежали в школу чуть свет. И очень удивилась: красивая конура пустовала! А Шарик спал на старом месте, под крылечком из двух ступенек.

Впрочем, о конуре вскоре забыли. Ваня-солдат, чтобы не угасла наша тяга к мастерству, предложил еще одно интересное дело: украсить резными наличниками деревенские избы. Родителям не до этого, у них своих хлопот хватает.

И пошло-поехало! Каждый день теперь в избушке у Вани-солдата стучали молотки и стамески, жикали лобзики и ножовки. Мы чувствовали себя заговорщиками, и если шли по деревне, то шныряли глазами по сторонам: не валяется ли где подходящая доска?

Мы спешили. Впереди был День Победы, самый почитаемый в деревне праздник, и нам хотелось украсить избы именно к этому дню. И вот вечером восьмого мая Ключевка вдруг наполнилась перестуком молотков — мы прибивали к окнам новые наличники. В сумерках хорошо рассмотреть их, конечно, было нельзя, зато утром, когда засияло солнце и ключевцы высыпали на улицу, чтобы идти на торжественный митинг, все ахнули. Старые, пе-

режившие войну избы словно помолодели! Узоры на каждом окне были разные: где звездочки, где листики-сердечки, а где и вообще настоящее деревянное кружево.

Особенно нарядной стояла школа.

В тот же день о наличниках узнали в Куликовке. И хотя время было трудное, там не пожалели денег, раздобыли несколько банок масляной краски. И засияли в Куликовке окна всеми цветами радуги — красные, синие, зеленые, желтые!

— Подумаешь, — усмехались на это ключевцы, — деревня-то у них теперь разноглазая...

Давно наша Ключевка стала другой — подновилась, обстроилась. Но ребячьи наличники на школьных окнах сохранились и до сих пор. Уцелели они и на некоторых избах.

Ваня-солдат постарел. Живет он все в той же избушке при школе. Колхоз предлагал ему переселиться, но он отказался, лишь попросил назначить его деревенским сторожем.

Просьбу его уважили. И теперь по ночам он ходит по Ключевке. Белая голова его в темноте похожа на любопытную луну, скатившуюся с неба на весеннюю землю. Старик сделал себе забавную колотушку — деревянный кружок с ручкой и с шариком на ремешке. С такими колотушками, должно быть, ходили сторожа еще во времена татарского нашествия...

Давно минули времена нашествий. Даже недобрых людей все меньше в окрестностях Куликова поля. Но не спит Ваня-солдат, охраняет родную деревню и чистые сны ребятишек.

5

Лет пять назад построили в Ключевке новый школьный корпус — двухэтажный, кирпичный, с большими окнами. Стоит он среди деревни как красная вешка на пути в завтрашний день.

В школу пришли молодые учителя. Один из них, Юрий Иванович, родом из Куликовки. Это парень лет двадцати, тонкий и длинный, с чистыми голубыми глазами. Стесняясь своего роста, он всегда старается сжаться, ссутулиться. Школьники сразу же окрестили нового учителя Малявочкой.

Новый учитель оказался на редкость наивным. Даже не верится, что есть еще такие люди.

— Господи, и кого только в учителя принимают! — судачат бабы. — У него у самого детство из глаз выглядывает...

Вот уж действительно Малявочка.

Вспоминают женщины послевоенное детство, глядят вслед молодому учителю и жалеют его: разве сладить такому с нынешними сорванцами? Не с его характером!

А учитель и не догадывается ни о чем, удивляется вместе с ребятишками сорочьему гнезду, которое светится в зарослях боярышника непонятным металлическим блеском. Когда рассмотрели его поближе, все поняли: гнездо наполовину было сооружено из обрезков алюминиевой проволоки. Оставалось только загадкой, где сорока раздобыла такой необычный для нее строительный материал. Но и это выяснили. Весной электрики ремонтировали вдоль Куликовского большака электролинию, а обрезки проволоки бросали. Вот сорока ими и воспользовалась.

...Наступили каникулы. Но учитель нет-нет, да и заглянет в Ключевку, проведать ребятишек. То отправится с ними на речку, то уведет на Куликово поле и рассказывает про старинных богатырей, которые защищали от врагов родную землю. Однажды водил он мальчишек по овражкам да лощинам за деревней. Возле дороги, у мостика, сели отдохнуть. Глядят — Федя Укроп катит, перегоняет комбайн с одного поля на другое. А мостик-то худой. Да и колею на дороге машины так раздолбили, что колеса на полметра в землю уходят. Можно, конечно, осторожненько по кромке проехать... Но если сорвешься — комбайн застрянет.

Обо всем этом и подумал учитель, а потом с присущим ему простодушием сказал комбайнеру, когда тот притормозил у мостика.

— Учи своих чиграшей! — обиделся Федя Укроп. — Мы и не такие преграды брали!

Газанул, рванулся вперед — и застрял. Заглушил мотор, стукнул со злости сапогом по колесу, плюнул:

— Накаркал ты мне, Малявочка!

И пошел к стожку сена — спать. Глаза у парня слипались: на рассвете от ухажерки вернулся...

Вскоре к мостику подкатила целая колонна автомашин из «Сельхозтехники». А дорога загорожена. В объезд ехать — далеко.

— Твой комбайн? — кричат шоферы учителю.

— Мой, — отвечает.

— Что же ты, столб телеграфный, наделал? Шею тебе за это намылить?

— Чем зря шуметь, помогли бы, — учитель говорит. — Подтолкните бампером, а я назад сдам. Мне бы его только из колеи выволочь.

Ругаются шоферы, но делать нечего, помогли учителю комбайн вытащить. Ребятишки даже рты пооткрывали от удивления — вот так Юрий Иванович! Оказывается, он с комбайном управляется не хуже, чем с велосипедом. Учитель послал их посмотреть, как там Федя Укроп, не проснулся еще? Мальчишки обежали вокруг стожка, свистнули раз-другой — спит. Тогда учитель завел комбайн и потихоньку-полегоньку, по самой кромке мостика, рядом с развороченной колеей переехал на другую сторону лощины.

Услышав знакомое тарахтение мотора, Федя проснулся. Вскочил, а комбайн уже за мостом.

— Ты что же это, Малявочка, финты выкидываешь? — угрожающе двинулся комбайнер на учителя. Парень он был крепкий, натренированный — недавно из армии пришел. — А если бы ты его с моста грохнул и в трясине утопил?

— Ничего, — учитель смеется, — и не такие преграды брали.

Этого Укроп снести не мог.

— Да я тебя сейчас самого в этой трясине утоплю!

И пошла катавасия! Испуганные ребятишки хотели было в деревню бежать за мужиками, но потом в канаве спрятались. А Укроп и учитель сцепились, кидают друг друга через голову, как мешки с сеном, но ни тот, ни другой не падает. В воздухе перевернутся — и опять на ногах. И никак оба не поймут, в чем дело. Остановились отдышаться, Укроп и спрашивает:

— Где служил?

— В десантных войсках...

— А я на границе, — улыбнулся комбайнер.

Пожали они друг другу руки, стоят, беседуют, как старые друзья. Десантнику да пограничнику есть о чем потолковать.

— И комбайн знаешь! — Укроп удивляется.

— Отец-то комбайнер. Помогал ему.

— Живешь на селе — учись владеть техникой, — солидно заметил мальчуган с двухколесным самокатом.

И тут только Укроп и учитель опомнились: ведь за их схваткой мальчишки наблюдали! Ну теперь будет в деревне разговору... Взглянули парни друг на друга, улыбнулись: ничего, дескать, выдержим.

— Пойдешь ко мне штурвальным? На лето, а? Замотался я один, — спросил Федя.

— А чего не пойти, — согласился учитель. — Все равно бездельничаю.

— Нет, серьезно?

— Вполне!

До самого сентября работал Малявочка помощником комбайнера, убирал хлеб. Впрочем, почему Малявочка? Юрий Иванович! Только так теперь, по имени-отчеству, называют его ключевцы.

Сейчас нашу старую школу, этот «деревянный сапожок», и не видно среди разросшихся тополей и лип. Но она по-прежнему гудит и поскрипывает от ребячьей беготни: там занимаются младшие классы и группа продленного дня.

Владимир КУРОПАТОВ

БЛОКАДНЫЙ ХЛЕБ

Аилов без труда отыскал на Фонтанке нужное здание. Секретарша, выслушав его, с сочувствием сказала, что ему не повезло: редактор на городском активе, а первый заместитель заболел — и предложила:

— Может, вас провести ко второму заму?

— Будьте добры.

Уже в коридоре, идя чуть впереди Аилова, секретарша пояснила:

— Правда, он у нас совсем недавно заместителем...

Из-за стола поднялся молодой, моложе, чем Аилов ожидал увидеть, человек с круглым бледным лицом.

— Алексей Антонович, — подал Аилову руку, — можно просто — Алексей, — опустился в кресло. — Значит, из славной Сибири, — сдержанно улыбнулся, — к нам в экс-столицу?..

Незаконченность вопроса предполагала объяснение Аилова о цели приезда. И он объяснил, что приехал в

Ленинград в командировку, и сказал, куда именно и зачем.

— А заодно и с братом повидаться. Здесь — в часе езды с Балтийского вокзала — живет мой брат.

— Так... — Было видно, что Алексей пришел в некоторое замешательство. Ребрами ладоней поправил лежащий перед ним сахарно-белый лист. — Но...

«Но при чем тут я?» — именно это хотел спросить Алексей.

— Мне хотелось бы... — Аилов интригующим взглядом посмотрел на второго зама и поставил на колени портфель.

— Что? — Алексей снова поправил лист, на котором Аилов прочитал еще раньше: «Точка опоры». Это было заглавие. Под ним строчка: «В жизни каждого человека случаются...» Больше ничего не было. Наверное, в это самое время вошла секретарша и доложила об Аилове.

Подумав, что Алексей, возможно, пишет срочную и важную статью, Аилов почувствовал себя неловко и заторопился.

— Я кое-что привез вам, — достал из портфеля сверток, положил его перед Алексеем.

Тот с любопытством посмотрел на Аилова, потом на сверток. Развернул. На бумаге лежала небольшая, очень невзрачная, бурая, почти черная буханочка.

— Что это? — с недоумением спросил второй зам, и щеки его слегка порозовели.

Аилов рассказал, как однажды учащиеся пищевого техникума, где он работает преподавателем литературы, организовали вечер «Хлеб — имя существительное». В актовом зале звучал Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Убранные белыми вышитыми скатертями столы, казалось, едва-едва выдерживали тяжесть подносов и корзин с хлебами, караваями, сдобами, булками, сайками, рожками, бубликами, пряниками, разным печеньем, тортами, «хворостом»... Все это было пышно, румяно, запашисто. И тем невзрачнее выглядели на тарелке, покрытой накрахмаленной салфеткой, небольшие, не больше саек, черные буханочки, черствые и, чувствовалось, тяжелые. Возле стояла этикетка: «Ленинградский блокадный хлеб. Рецепт: древесные опилки, отруби, сушеная трава, жмых, клей, мука (20 процентов). Испечен учащимися группы 6-П».

О хлебе на том вечере говорили сельские механизаторы, пекари, поэты. Но самым впечатляющим был рассказ девушек из группы 6-П о ленинградском блокадном хлебе, о том, как им удалось разыскать его рецепт.

А спустя какое-то время Аилову выпала командировка в Ленинград. И ему пришла в голову мысль: отвезти ленинградцам буханочку блокадного хлеба, испеченного в Сибири.

— И вот я привез...

Недоумение с лица Алексея исчезло. Он откинулся на спинку кресла, сказал:

— Это интересно... Спасибо...

Аилов встал и распрощался...

В сквере перед Театром имени Пушкина стояла зеленолицая, с шапкой снега на короне Екатерина Вторая. На скамейках, несмотря на промозглый ветер и снегопад, состязались заядлые шахматисты. Чуть в сторонке сбились в стайку и спорили любители хоккейных баталий. Хлопали крыльями голуби, вспугиваемые мальчишками, играющими в снежки.

«Глупо, — отрывая взгляд от памятника, сказал себе с досадой Аилов. — Все получилось глупо и наивно», — и пошел по Невскому в сторону Зимнего...

Он остановился перед аркой Главного штаба. Отсюда начинался «топот первых октябрьских атак». Огляделся — вокруг никого. Приподнял шапку и тут увидел: с Дворцовой площади под арку катит автомобиль. Поправил рукой волосы, будто только затем и обнажил голову.

«Почему мы бываем так стыдливы в проявлении своих лучших чувств? Или эти лучшие чувства, если взглянуть со стороны, тоже наивность, провинциальный сентиментализм, и нужно стараться быть благоразумнее, трезвее?..» — думал он, проходя мимо пышно-зеленого Зимнего к набережной Невы.

Река была скована льдом. Значит, подо льдом сейчас и Ладога. Вспомнилось: в этот самый январский день сорок второго года запасов муки в осажденном Ленинграде оставалось меньше, чем на двое суток. Но «Дорога жизни» начинала уже работать. Сегодня по этой дороге никто не ходит и не ездит. Сегодня такой дороги просто нет. К чему она, когда есть множество других дорог. «Дорога жизни» живет только в людской памяти...

Аилов бродил по городу.

Адмиралтейство... Площадь Декабристов... Медный всадник... И, наконец, Исаакий.

Не один раз рассказывал Аилов своим учащимся: высота — 101,5 метра, длина — 111,5 метра, ширина — 97,6 метра. Во время праздничных служб вмещал тринадцать тысяч человек. Сто двадцать монолитных колонн, по 114 тонн весом каждая...

На многих колоннах виднелись щербатины и отколы — мелкие, малозаметные. Были, похоже, и покрупнее, но их «залатали». Очень аккуратно. Правда, камень некоторых «заплат» был другого оттенка, чем монолит колонн. Догадаться о происхождении отколов было не так уж трудно.

По Исаакиевской площади навстречу Аилову шла женщина. Невысоконькая, худенькая. Лет, может, сорока семи. Ее не занимал ни собор, ни что другое вокруг. Она глядела перед собой и думала о чем-то своем. Значит, здешняя, заключил Аилов, не приезжая.

— Простите, — остановил он ее.

— Да?

— Вы ленинградка?

— Коренная, — мягко улыбнулась женщина. — Мои мама и папа были питерские, а я ленинградка. И сын мой ленинградец, и внук, которому сегодня исполнилось пять... целых пять дней! — тоже ленинградец. Вот иду со свидания с ним и придумываю ему имя. Хотя наперед знаю, что напрасно стараюсь.

— Это почему же? — спросил Аилов, отметив про себя словоохотливость женщины.

— А кто сейчас прислушивается к советам бабушек? — засмеялась. — А вы, значит, гость нашего города?

— Да. И хотел вас спросить: эти отколы на колоннах — следы артобстрелов?

— Верно.

— Похоже, чаще стреляли оттуда, из-за Невы.

— Ой, отовсюду стреляли. — Лицо женщины переменилось, помрачнело.

— Вы пережили блокаду?

— Все девятьсот дней, — вздохнула. — Не дай, как говорится, бог. Натерпелись.

— Сколько вам тогда было?

— В сорок первом? Двенадцать. Папа ушел в ополчение, мама сутками работала в госпитале. Вот мы вдвоем

с братишкой — на три года младше меня — и голодали-холодали. В мае сорок второго братишки не стало...

— Умер?

— Осколком убило. Возле Александро-Невской лавры... Мы с ним одуванчики собирали.

— Одуванчики?

— Да, одуванчики. И другую травку. Варили похлебку. Тогда все варили и ели. Даже земельку.

— Земельку?..

— Да, земельку. Сладкую, — горько улыбнулась. — Немецкие самолеты разбомбили продовольственные склады Бадаева. Все, конечно, сгорело. Так мы с места сахарного склада брали земельку и кипятили. Иногда сластила. Тяжело вспоминать.

— Тогда не надо. Простите.

— Надо. Иногда надо. Как сейчас бывает-то? Идешь— на тротуаре валяется недоеденная сдоба, пирожок. Кто-нибудь из молодых возьмет да и пнет, как камешек. А в блокаду на этих же тротуарах люди от голода умирали. Потихоньку человек перебирает, перебирает ногами, сядет на бордюр отдохнуть и уснет. Не хватало таких кусочков, какие мы топчем. По сто двадцать пять граммов выдавали. Да каких?..

— Знаю: древесные опилки, жмых, отруби, сушеная трава, клей и только двадцать процентов муки...

— А казался вкуснее сегодняшней сдобы. Сколько лет уже прошло, а тот хлеб — вы, может, и не поверите — все снится мне. Будто ем его. Проснусь, и мне радостно: не то время, не та жизнь. А блокадный хлеб во сне — у меня к добру... Вы уж простите мне мою суеверность, но вот недавно он мне приснился, и родился внук, — женщина счастливо засмеялась.

— А если бы не во сне, а наяву вы увидели блокадный хлеб?

— Да ну. Где его сейчас увидишь? А, знаете, бывает такое желание: поесть того хлеба. Каким бы он показался?.. Или хотя бы запах ощутить, посмотреть.

— Я могу угостить вас блокадным хлебом...

Женщина посмотрела на Аилова в упор, гадала: что это, неуместная шутка или насмешка?

— Я серьезно. Сейчас вы получите двухдневную норму ленинградского блокадного хлеба. — Аилов достал из портфеля сверток и протянул женщине. — Правда, не совсем свежий, позавчерашней выпечки.

Женщина нерешительно, наверное, все еще сомневаясь, не подвох ли какой-нибудь, развернула бумагу. На ладонь ее легла бурая тяжелая буханочка. Склонившись, понюхала хлебец. И, показалось Аилову или в самом деле, она чуть вздрогнула.

— Он... Он... Но как, откуда?.. Кто вы?

— Чародей из Сибири. Ну а если серьезно, то учащиеся нашего пищевого техникума раздобыли рецепт, испекли. А я сегодня привез. — После короткой паузы Аилов добавил: — Вам.

— Мне-е?

— Именно вам.

— Понимаю. Спасибо. — Женщина, как по спине котенка, провела ладонью по горбушке буханочки. — Вы там добрые люди. Спасибо, — и, немного отвернув лицо, умолкла.

То ли от сырого ленинградского ветра, то ли от дыма сигареты, которую Аилов, и не помнил как, закурил, то ли...

Действительно, все-таки почему мы боимся, стесняемся признаться даже самим себе в своих добрых чувствах?..

Аилов краем перчатки смахнул навернувшуюся слезу и зачем-то поднял голову вверх. На него и женщину равнодушно смотрели с собора святые и коленопреклоненные ангелы.

— Не получи я дважды хлеба, — тихо сказала женщина, тоже утирая платком глаза, — то есть вот такую буханочку, и не было бы меня. Значит, не было бы и моего сына, и не родился бы пять дней назад мой внук... Я вам очень благодарна. Чем отплатить вам?

— Расскажите, как лучше добраться отсюда до Балтийского вокзала.

— Я не стану рассказывать. Я вас провожу до самого вокзала. Вы едете дальше?

— Да. К брату. Всего час на электричке.

— Так это ему вы везли буханочку?

Вторую буханочку Аилов вез людям, с которыми ему предстояло пять командировочных дней работать и общаться. Но он совершенно не знал их, никогда не встречался. Кто знает, может, и они, как Алексей, второй зам... И он решил: отвезу брату.

— Нет, — твердо ответил Аилов, — вам. Мой брат здесь совсем недавно. И в блокаде он не был. Так что такой хлеб ему не снится...

Эдуард
КРАМАРЕНКО

ПРОХОДНОЙ ДВОР

Это рассказ о дедушке, бабушке, дяде Володе, его жене Марусе, обо мне самом и о том времени, когда все мы жили под одной крышей.

* * *

Из моего детства мне больше всего запомнилось то лето, когда все мы жили в дедушкином доме.

Тем летом в доме было тесно. Под одной крышей четыре семьи. Три дочери с мужьями и детьми, дедушка с бабушкой и их младший сын Владимир. Внуков было трое: Михаил, Людка и я. Я самый старший — семь лет, в сентябре в школу, Людке — пять лет, и всеобщему любимцу Михаилу — три с половиной года.

Жили мы дружно. Сейчас даже трудно представить, как нам это удавалось. Наверное, было в характерах дедушки и бабушки что-то сдерживающее семейные страсти.

До войны дедушка с бабушкой жили в своем небольшом домике, растили детей, потихоньку старели. И все бы так и шло своим житейским чередом, но грянула война и докатилась до наших мест. Немцы уже были на окраинах Сталинграда, когда дедушка с бабушкой покинули город. Чтобы не тащить с собой ничего лишнего, они закопали свое нехитрое имущество во дворе дома. Дедушка был уверен, что скоро вернутся. Вернулись нескоро. Ни дома, ни имущества. «Какой-нибудь сукин сын подсмотрел, как закапывали, и вытащил», — говорил дедушка. Пришлось им с бабушкой на старости лет обзаводиться всем заново.

Весь город был разрушен. На месте нашей улицы одно пепелище. Дали дедушке ссуду на постройку дома, и в 1944 году он первым возвел своими руками небольшой домишко — три комнаты и кухня. Вскоре рядом кто-то построился. Кончилась война, вернулись мужики с фронта, повырастали новые дома. Образовалась улица. Назвали ее «Победой». Дедушкин дом оказался в центре улицы, и, когда проводили водопровод, прямо напротив него

поставили общественную колонку. Женщины частенько судачили на скамейке перед нашим домом, пока тонкая струйка воды наполняла подставленные ведра.

Двор наш был проходной, и с соседней улицы ходили через него за водой.

Соседи с уважением относились к дедушке как к местному старожилу, часто заглядывали в гости и охотно обсуждали дворовые и исторические события под хриплый лай крутившегося волчком на цепи нашего пса Весты. Это была четвертая по счету Веста, на этот раз кобель.

Шел 1947 год. В городе еще оставались неразминированные участки. Саперы то и дело оцепляли места с ушедшими под землю и неразорвавшимися снарядами, бомбами. Много моих знакомых ребят покалечилось, разбирая блестящие и такие притягательные предметы, начиненные смертью. Родители ругали нас, твердили, чтобы мы не ковырялись в земле, не подбирали патроны, запалы и не пытались выяснить, что скрывается под холодной оболочкой металла. Но мы все равно подбирали, разряжали, высыпали порох, выплавляли свинец на грузила, подкладывали выбитые пистоны под трамвай. На Волге, на отмель волны выбрасывали человеческие черепа, кости, их было так много, что они даже не пугали.

Любимая наша игра, конечно, война. Шумная: рвались патроны, взлетали ракеты, с шипением горел артиллерийский порох. Привлеченные громом битвы, взрослые разгоняли нас, но мы собирались в другом месте, более удаленном от домов, и война продолжалась. Война кончилась для взрослых и продолжалась в играх детей и сейчас продолжается в играх сегодняшних детей, только стала намного тише и безопаснее.

Дома у ребят хранилось настоящее оружие: пистолеты, винтовки, ракетницы, гранаты. То и дело проносился слух: у такого-то пацана милиция изъяла целый арсенал. Мы жалели и осуждали пострадавшего за то, что не уберег своих сокровищ. Уже когда я пошел в школу, помню, мы проходили каждый день мимо кучи металлолома, в которой торчали хвосты авиабомб, и только надпись предупреждала, что приближаться к этому месту опасно.

Смерть была всюду. Сосед копал огород и наткнулся на «лимонку». Весть об этом мгновенно разнеслась по всей улице, и мы затаив дыхание смотрели, как он осто-

рожно, смахивая капли пота со лба, выкапывает кусок металла. Наверное, с полчаса он возился над ним, а затем бережно, как драгоценный сосуд, понес на лопате, нетвердо ступая ногами, к ближайшему оврагу. Глаза его были прикованы к кругляшку, а наши к нему. Он швырнул «лимонку» в овраг, упал на краю, закрыв голову руками, мы отпрянули за угол дома, и несколько секунд на улице стояла звонкая тишина, отзываясь тихим урчанием в наших тощих животах. Никакого взрыва, мы рассмеялись. Смешон был сосед в своем трепетном отношении к куску железа. Потом мы достали «лимонку» и в своей заячьей ребячьей храбрости считали соседа трусом, рассказывали всем, как он ковырялся над этим безобидным кругляшком.

Теперь я понимаю, сосед был храбрым человеком. Он не был на войне, но не побоялся вынести со своего двора смерть, заключенную в железную оболочку, потому что больше, чем за себя, он боялся за свою семью.

Город наш восстанавливали пленные. Они проходили огромными колоннами, одетые во всевозможное тряпье, и мы, хотя ежедневно играли в войну и никто из нас не хотел быть фашистом, не чувствовали к ним злобы. Мы знали, что это фрицы, но не ассоциировался в нашем сознании их жалкий вид с теми, кто принес нам столько горя. Те, считали мы, были другими — жестокие, сильные, хорошо обмундированные, марширующие, как в кинофильмах о войне, и в играх своих мы воевали не с теми немцами, которых ежедневно видели, а с другими — экранными. И только гораздо позже, когда никаких пленных в нашем городе уже не было, я понял, что это были не другие, а те же самые, некоторые, возможно, стали другими, а кое-кто остался таким, каким пришел на нашу землю. Но разве могла эта мысль прийти ко мне в то время, когда я видел, как пленный немец стоял у булочной и молча, механически протягивал к выходящим женщинам полинявшую пилотку, в которую нет-нет, да падал кусок черного хлеба. Разве мог он представить, что будет вот так безмолвно стоять на солнцепеке за тысячу километров от родного дома, рядом с собаками, возбужденными запахом хлеба, и так же безмолвно смотреть и ждать.

О чем он думал, стоя у булочной, что вспоминал, кого винил? Может быть, ни о чем и не думал, кроме: сыт он будет сегодня, увидит ли вообще свой дом; а может быть,

думал, почему все так обернулось, что он стоит тут с протянутой рукой, когда мог бы собирать свой хлеб, любить жену, растить детишек.

Но не об этом мой рассказ. А о том, как вошел в наш дом, нашу жизнь новый человек.

...Мы сидели с Володей на крыльце. Заходящее солнце отбрасывало длинные тени от кустарников смородины, посаженных перед домом. Володя мастерил удочки — утром нас ожидала рыбалка.

Девушка подошла к нам и спросила:

— Можно пройти через ваш двор?

Девушка была очень красива. Я не знаю, тогдашнее ли это восприятие красоты или теперь, спустя много лет, я понимаю, что она была красива.

— Можно, — сказал Володя.

— Проводи меня, — сказала она и протянула мне руку.

Я вел ее через наш двор, и вытянутая в струну Веста не знала, как отнестись к незнакомке.

Я помню тепло ее руки и свое желание, чтобы путь этот тянулся как можно дольше. У калитки, с другой стороны нашего двора, она провела ладонью по моей голове, улыбнулась. Володя пошел провожать ее через соседний двор, а я стоял и смотрел им вслед. Заходящее солнце золотило ее светлые волосы.

...Вскоре она вошла в наш дом, и все мы стали звать ее Марусей. К дому прилепили еще одну пристройку, в которой и поселились Володя с Марусей.

После свадьбы дедушка сказал, что надо сделать семейную фотографию, чтобы все мы помнили о том времени, когда обитали под одной крышей и какое у нас было тесное и нескучное житье.

Запечатлеть нас дедушка пригласил знакомого фотографа. Пришел старичок с допотопным деревянным аппаратом на треножнике. Вынесли во двор стулья, фотограф натянул на заборе кусок серой материи, разместил всех. Дедушка с бабушкой сидели на стульях, за ними стояли дочери с мужьями, Володя с Марусей, мы с Людкой расположились прямо на земле, Михаил устроился у дедушки на коленях. Выдержка была долгой, все вышли какими-то оцепенелыми, только Маруся хорошо получилась.

Я люблю эту фотографию, часто разглядываю, и вдруг выплывет из тумана памяти какая-то давно позабытая подробность из того времени.

Неподалеку от нашей улицы Победы находился рынок, на котором мы иногда проводили часть своего необъятного детского досуга. Чего там только не было! Но нас, мальчишек, притягивал закуток, где здоровенные личности, словно олицетворяя силу своего товара, торговали витаминами. Из аптечных пузырьков выкатывались на руку покупателя драгоценные зеленоватые горошины по сумасшедшей цене — рубль штука. До сих пор помню их вкус. Сладкая верхняя оболочка и маленькое белое кисло-сладкое ядрышко. На нашей улице одному пацану отец выдал десять рублей (он помогал ему копать колодец), и мы шумной компанией отправились на базар покупать витамины. Владелец десятки протянул торговцу красивую большую купюру, тот осторожно, постукивая пальцем по пузырьку из-под валерьянки, высыпал на худую с синими прожилками ладошку десять зеленых шариков. Вот тогда мне и довелось узнать их вкус. Мы верили, что витамины эти обладают чудодейственной силой. Я положил горошину в рот и долго сосал ее, ощущая приятный холодок на нёбе, и в неокрепший мой детский организм вливалась бодрость и отвага. Я даже пожалел, что нет под рукой моего заклятого врага с соседней улицы, положившего меня на обе лопатки при очередном столкновении уличных интересов. Я верил, что в эту минуту никто не сможет одолеть меня, потому что витамины делали свое дело, гнали по крови свои целебные свойства, и я был непобедим.

Вот таким витамином жизни и была для меня Маруся.

В моем тогдашнем полуголодном детстве была одна страсть — печенье. Зная о ней, Маруся каким-то образом доставала эту послевоенную роскошь и выдавала мне по два печенья в день. И хотя я знал — печенье она бережет для меня, — стал потихоньку таскать печенье, произвольно увеличивая свой паек. Прибегал, когда в комнате никого не было, лез в буфет, засовывал печенье за майку и убегал играть. Однажды, выбегая так вот, столкнулся с Марусей в дверях.

— Хочешь печенья? — спросила она, зная, что я улыбнусь и скажу: «хочу».

Я растерялся, скажу: «хочу» — она пойдет за печеньем, и разбой откроется; скажу: «нет» — просто не поверит. Но «нет» отодвигало расплату, и я сказал:

— Нет.

— Так не бывает, — сказала Маруся и стала ласково тормошить меня. Из-под майки глухо зацокало по половицам крыльца ворованное печенье, одно колесико покатилось по ступеням на дорожку и катилось долго-долго, пока не шлепнулось на обломок кирпича садовой дорожки.

— Печенье? — сказала Маруся, еще не связав воедино мой отказ и посыпавшиеся кружочки.

— Печенье, — выдавил я из себя, и мне захотелось укатиться, как тот кругляшок, далеко-далеко, упасть бездыханным, чтобы не знать, что станет потом.

Маруся все поняла, но вместо того, чтобы отругать меня, облегчив тем самым мою участь справедливостью наказания, заплакала. Она тихонько всхлипывала, подбирая печенье, всхлипывал и я. Она плакала так, как потом у нас в школе плакали девчонки, когда мы их обижали. Она плакала не потому, что я обманул ее, она плакала потому, что не могла сделать так, чтобы у меня вдоволь было печенья, плакала от слабости и невозможности что-либо изменить. Маруся притянула меня к себе, вытерла мои слезы, положила мне в руку собранное печенье и сказала:

— Не надо прятать, бери всегда сколько захочешь.

Маруся стала добрым ангелом нашего многочисленного семейства. Своей молодостью, свежестью, ласковым и добрым характером она наполняла нашу жизнь. И когда Маруси не было с нами за общим семейным столом в час вечернего чаепития, всем нам как будто чего-то не хватало.

Дети в ней души не чаяли. Особенно Людка. Ей Маруся из своего старого крепдешинового платья сшила прекрасное платьице с белыми и голубыми клиньями на юбке. Людка ежеминутно подбегала к зеркалу, расправляла кончиками пальцев юбку, вертелась, поворачивая голову на девяносто градусов, чтобы убедиться, что и сзади платье производит такое же потрясающее впечатление, как и спереди. Ей захотелось в нем немедленно погулять, и ее отпустили со мной. На расходы нам дали пять рублей, которые Людка зажала в своем маленьком кулачке. Мы отправились в центр, там находились магазины.

Шли по улицам, прохожие оборачивались нам вслед, и Людка вся извертелась.

— Не вертись, — говорил я и дергал ее за руку.

Но она шла, поминутно расправляла платьице, вертелась и спотыкалась. Вот он, центр, — магазины, палатки — цель нашего путешествия. В плане у нас газированная вода с сиропом и мороженое. У будки с газированной водой остановились.

— Давай деньги, пить будем, — сказал я.

— Ни, — сказала она, — не хочется.

Я почувствовал, что моим планам не осуществиться, если не надавить своим мужским авторитетом, старшинством в конце концов.

— Давай я выпью, а ты потом, когда захочешь.

— Ни, — сказала сестра, — я не захочу, я дома из колодца напилась.

— Хорошо, — сказал я рассудительно, — тогда купим мороженое.

— Ни, — сказала Людка, — не хочется.

В это я не мог поверить.

— Врешь, — сказал я.

— Не вру.

— А что хочешь?

— Арбуз.

Эта глупость — иметь пять рублей и покупать арбуз, который наверняка принесет кто-нибудь из взрослых, — сразила меня наповал.

Я посильней тряхнул ее за руку.

— Отдай пять рублей, я куплю себе мороженое, а тебе арбуз.

— Ни, — сказала Людка, — большой арбуз хочу, для всех.

По прежнему опыту я знал: спорить с ней бесполезно, только подеремся, радость по случаю обладания пятью рублями улетучилась, натолкнувшись на несгибаемый характер моей сестры, и мы отправились на базар за арбузом. Купили большой арбуз, килограммов на восемь. Сперва я нес его, потом вместе, отдыхая по пути. Людка садилась на арбуз и становилась похожей на огромную красивую бабочку.

— Давай катить, — предложила она.

Мы покатили арбуз по тропинке, ведущей к нашему дому. С трудом закатывали его на небольшие холмики, осторожно поддерживали на спуске. Арбуз норовил ускользнуть от нас, и мы порядком намучились, прежде чем прикатили его к дому.

Арбуз пришелся кстати, вечером пришли гости, пили чай, вино, ели арбуз, он оказался сочным, спелым.

— Вот кого надо посылать за арбузами, — сказал дедушка.

Позже детей отослали спать, а сами взрослые сумерничали. Я лежал в чулане и слушал, как они пели. Начинала Маруся, подхватывала тетя Шура, потом остальные.

Я любил смотреть и слушать, как пела Маруся. Она вся отдавалась песне, словно бы хмелела в те минуты.

— Душа горит, — говорил дедушка.

Потом я вычитал в какой-то книге, что это признак таланта. Но тогда мне не надо было знать — талантлива Маруся или нет, я был уверен: поет она лучше всех на свете.

Хорошо они пели. Это было не пьяное пение, где чем громче поют, тем больший интерес, нет, это было красивое пение — спокойное, чуть грустное, с паузами; кончив песню, не подхватывали сразу другую, а некоторое время молчали, как бы переживая и обдумывая то, о чем говорилось в песне, с сознанием, что спели хорошо, могут и отдохнуть, прежде чем затянуть новую.

Да что и говорить, петь Маруся умела — это была ее работа. Она пела перед началом вечерних сеансов в кинотеатре «Родина». На взгляд моих теток, несколько странная работа, а для нас с Людкой — просто замечательная. Как родственники мы бесплатно проходили на дневные сеансы.

...И вот все это: вечерние чаепития, гости, пение — разом кончилось. Маруся сбежала на юг с флейтистом из оркестра. Я не знаю, что за человек этот флейтист, думаю, что-то в нем было, что заставило Марусю уехать с ним.

Но вскоре флейтист бросил Марусю, вернулась она не сама — Володя привез.

Все в доме затаились, казалось, ждали, когда раздадутся Марусины крики и все прибегут на помощь, оттащат Володю, будут слезы, утешение, раскаянье, примирение, и во всем этом найдет выход затянувшееся молчание, забудутся нехорошие мысли, и все по-прежнему будут любить друг друга...

Ничего этого не было. Маруся вскоре стала такой же, какой была до побега, — веселой, жизнерадостной, любящей, счастливой. Да и Володя повеселел. И вот этого не могли простить Марусе его сестры. И раньше ее вы-

зывающая молодость, не отягощенная семейными заботами, напоминала им, какими они были когда-то и как далеко ушли от этого праздника юности. Сестры не говорили ей обидных слов, но в тишине своих спален наверняка осуждали ее за легкомыслие, за поведение, недостойное замужней женщины, — они ведь были не такими.

Да, они действительно были не такими. Только мельком прикоснувшись своей юностью к мирной жизни, они были вынуждены преждевременно повзрослеть, обремененные заботами, тяжелой работой, тоскливым беспокойством за своих мужей, воюющих вдалеке от родного дома, томимые неизвестностью: а суждено ли им вообще с ними встретиться?

Тетки не были в этом виноваты, не была виновата и Маруся. Ей выпала другая жизнь. Но сейчас Маруся была виновата и была счастлива. Такое не прощается. Сестры уверовали, что Маруся околдовала Володю, и решили, что с него надо снять это колдовское заклятье. Стали относиться к нему, как к больному, несчастному человеку, угождали во всем, словно стремились своей любовью очертить вокруг него магический круг, через который не могла бы проникнуть колдовская сила Марусиной любви. И чем труднее это было сделать, тем рьянее они старались. К Марусе они относились просто враждебно. Быть может, сестры и преуспели бы в своем рвении, если бы Маруся была другой. Но ее любовь была настолько искренна, естественна и проста, что Володя не испытывал нужды в очищении.

Тяжело стало жить в доме. Все чувствовали это. Даже Веста, словно сознавая нашу разобщенность за вечерним чаепитием, перестала проситься к людям.

Бабушка тихо молилась («Господи, прости прегрешения наши...»), вздыхала. Дедушка молчал, но поведение дочерей ему было не по душе, как и худая слава, прокатившаяся по улице Победы.

Все разрешилось на одном из семейных праздников. Выпили, вроде оттаяли все, Маруся запела, и, как всегда, должен был влиться в песню голос старшей Володиной сестры — Шуры, она любила петь и пела неплохо. Молчание... Маруся, не докончив песни, убежала в комнату, Володя за ней. Понятно было — не простили и не простят.

Володя с Марусей съехали от нас, сняли комнатку, а

когда родился сын, они получили квартиру от завода, где работал Володя.

...Шли годы, получили квартиры и мои тетки, в конце концов получили и мы.

И вот я думаю о колдовстве Маруси и, кажется, понимаю, в чем это колдовство. В жизни сердца, не контролируемого разумом, безоглядности чувств, избытке любви. И бьет жизнь свое же создание за этот избыток, ломает, как бы испытывая — а по заслугам ли она наделила свое творение этим даром? И, словно убедившись, что по заслугам, награждает неувядающей молодостью, свежестью чувств и счастливым характером до самой глубокой старости.

...Дедушка с бабушкой остались одни. Сперва все часто собирались у них, потом реже. Сейчас уже совсем редко. Старики не жалуются.

Двор наш уже не проходной. Да и вообще поговаривают, снесут улицу, построят новые многоквартирные дома с горячей водой, газом.

— И хорошо, — говорит дедушка, — сил нет за садом смотреть.

Я живу в таком доме: газ, горячая вода, все прочее. Конечно, хорошо. Но иногда, не устав от хождения по малогабаритной квартире, навертевшись в пятиметровой кухне, едва разойдясь с женой в коридорчике, ляжешь спать, беспокойно ворочаешься, пытаясь не слышать рева машин, проносящихся по нашему проспекту, и вдруг провалишься в сон — и тишина, солнце, лето (почему-то всегда лето), дорожка из битых красных кирпичей, вдоль дорожки цветы, запах варенья, пес наш, стесненный ошейником и все-таки свободный — на ночь спустят, по дорожке идем я и Маруся — я еще не знаю, что это Маруся, и ее светлые волосы золотятся от солнца, и какое-то неведомое чувство подсказывает: нет, это не сон. это было. И радостно проснуться — это действительно было. И горестно. Проснувшись, осознаешь — это было, но никогда больше не будет.

●

ПОЭЗИЯ

Юрий **ПОРОЙКОВ**

ЗВЕЗДА НА СНЕГУ

Романтическое повествование

Мы в детстве все
Декарты и Спинозы —
Не под ноги лишь смотрим,
Но на звезды.
Так мы росли,
И так растут сейчас,
Когда все внове
И привычно вроде,
Как будто все,
Что ни на есть в природе,
Возникло вместе с нами
И для нас,

Как будто и закаты, и рассветы —
Лишь потому,
Что родились поэты,
И есть, конечно,
Показать кому
И синий лес,
И красный луг,
Озерце,
В котором тает

Круглой льдинкой солнце,
Как снег идет и дождь...
Все потому,
Все потому,
Что детство всемогуще,
Нет, не гадает
На кофейной гуще,
Не ворожит на картах —
Ни к чему.
Живет себе и знает:
У Вселенной
Есть уголок какой-то
Сокровенный,
И тропка есть,
Ведущая к нему.
Что там увидишь,
В далях необъятных,
Где и созвездья —
Лишь большие пятна,
Но видит детство что-то
И сквозь тьму.
Романтики,
Поэты,
Звездочеты,
У них и с временем
Иные счеты —
Как жизнь — мгновение.
Все потому.

* * *

Вот мой герой —
Мальчишка поселковый.
Не вундеркинд, конечно,
Но толковый,
И Шкетом прозван
Вовсе не со зла.
Случилось так,
Что вылетело слово,
Над ним повисло
И прилипло,
Словно
Мать при рожденье
Шкетом назвала.

В том детском царстве
Слыл он звездочетом,
А это значит,
Что, по всем расчетам,
Был среди тех,
Кто вроде поглупей.
Не любят в детстве слабых,
Как и, впрочем,
Не любят тех,
Кто задается очень
Ученостью иль силою своей.
И если ты по рангу воробей,
Будь воробьем.
Орлом летать не смей.
...Круты ступени жизни и пороги.
Но разве смотрим в детстве мы под ноги?
Через ступеньки
Прыгаем подчас!
На синяки и шишки
Счет особый,
А потому и детство
Разной пробы
У всех у нас,
У каждого из нас.
Одни росли,
Как будто пальмы в кадке,
Другие как грибы в лесопосадке,
Такой уж выпал случай —
Родились,
И самым близким
Поначалу в тягость,
И дальним тоже
Не в большую радость.
А ничего.
Привыкли.
Поднялись.
И в подворотнях,
На глухих задворках
Входили в силу
От плодов тех горьких,
Что здесь росли.
Играли, но была
Игра игрой,
Неравенство плодящей, —

Как отраженье
Жизни настоящей,
Когда бы не кривые зеркала.
Искали образцы
На книжной полке,
Да наобум,
Как в темноте иголки,
Не потому ль
Здесь не было угла,
Не занятого временно кумиром,
Который правил тем углом,
Как миром,
На мир смотря воинственно
С бугра?
Все ничего бы,
Коль со всеми вместе
Шкет продолжал чирикать
Честь по чести,
Когда бы не расправил два
Крыла,
Пусть воробьиных,
Но вполне исправных,
Чтоб возомнить себя
Почти на равных
С орлом иль тем,
Кто роль играл орла...
Мальчишка,
Плут,
Придумал бы иное,
Почище пусть,
Но только чтоб земное
И о земном.
Кто ложью не грешит?
А он вот взял и брякнул,
Что упала
Звезда на снег,
И вовсе не пропала —
Лежит себе.
Он знает,
Где лежит!
«Звезда?
Зимой?
На наших-то широтах? —
Спросил учитель. —

Ты напутал что-то,
Привиделось, наверное, во сне...»
С тех пор лгуном
Прослыл бесповоротно,
Над Шкетом издевались
Принародно:
«Умора!
Звезды падают на снег!»
Он был упрям
И отвечал предерзко:
«Да, знаю это место,
Да, я найду и вновь ее зажгу!»
Упрямых,
Как и слабых,
Не любили,
Уже не раз
Мальчишки Шкета били,
Чтоб не искал он
Звезды на снегу...
Читатель мой,
Свое ты помнишь детство?
Вот не успел ты толком
Оглядеться
В чужом дворе,
Как окружен уже,
Стоишь один
Как перст,
К стене прижатый, —
Не виноват
И все же виноватый —
Кому-то не пришелся
По душе...
И повода нет вроде бы
Для драки —
Ты просто стал объектом
Для атаки
Лишь потому,
Что выглядишь слабей.
Расквасят нос
Зачинщику, тебе ли
По правилам
Мальчишеской дуэли;
Кровь появилась —
Далее не смей!

Был смысл какой-то
В драках беспричинных.
Чрез них прошли, наверно,
Все мужчины,
И может быть,
В безъяростности их,
Когда лишь силой мерились,
Не боле,
И пробуждалось пониманье боли
Чужой
И глупость кулаков своих...
Но здесь — другое.
Словно волчья стая,
На одного,
Безжалостно сминая,
Накинулась.
Да не сломился Шкет.
Разбиты губы
И синяк под глазом,
И словно гвоздь невытащенный —
Фраза:
«А есть звезда!
Ее нашел я след!»
В том детском царстве
Все решалось скопом,
И родилась идея —
Телескопом
Всерьез заняться,
Чтобы удила
Накинуть на того,
Кто не сдавался:
«Он, говорят,
Звезду зажечь собрался?
Отнять игрушку,
Вот и все дела!»

* * *

Был старый телескоп
Его богатством.
Он по наследству
Перешел к нему,
Отец покойный,

Пережив войну,
Считал, что звезды —
Лучшее лекарство
От всех болезней.
Золотые руки!
На ощупь хоть —
Все сделал по науке,
Не для затей каких,
Для пользы чтоб
Служил исправно
Этот телескоп.
Он твердо верил —
Существуют связи
Меж душами и звездами, хотя,
Серьезность пряча
В плутовском рассказе,
Об этом говорил
Как бы шутя:
«Пока мечта, как девочка,
Беспечна —
Юна, глазаста,
Трепетна, нежна,
Бежишь за ней,
Не думая, конечно,
Какая будет из нее
Жена...
А все ж поверь!
Доверься!
Нет, не просто,
Вопросов тьма.
Что не вопрос — секрет.
Вот где бы я искал, к примеру,
Звезды? —
И там, где их
И не было и нет,
Когда б мечтал...
И что б ни говорили,
Уж если повела тебя
Мечта,
Доверься ей.
Звезду найдешь ты или...
Она сама найдет тебя,
Звезда.
Взгляни на небо, —

Говорил он Шкету, —
То души предков
Смотрят на планету,
На нас с тобою,
Так ли мы живем,
Не заблудились ли,
Туда ль идем?
И вот пока их помнят
На Земле,
Их свет не затеряется
Во мгле...»
Сердилась мать:
«Черт спутался с младенцем!
И без того хватает
Иждивенцев,
Что обмануть хотели бы
Судьбу,
Забраться в рай,
Но на чужом горбу!
Язык бы, что ли, кто тебе
Оттяпал —
Наговорил с три короба
Мальцу...» —
«Да понял он! --
Отец улыбку прятал. —
Вон посерьезнел,
Вижу по лицу.
Ты понял, что хотел тебе
Сказать?
Находит тот,
Кто знает, что искать!»
И Шкет искал.
Не знал наивный Шкет:
«В своем отечестве
Пророков нет...»
Каким бы ты
И кем бы ты здесь ни был,
Смотри под ноги чаще,
Чем на небо.
С тревогой мать
Смотрела на него:
«Все в люди вышли,
Этот вот в кого?
Ведь что ни день —

Царапины, синяк.
Нет, не в отца,
Тот смирный был чудак!»
И так как Шкет
Не признавал вины,
Мать стала прятать
От него штаны,
И нераскаявшийся еретик
Сидел по воскресеньям взаперти.
Как рассудить?
Наверно, мать права,
Синяк — большая плата
За слова.
Но прав и Шкет.
Он был платить готов —
Слова, считал,
Сильнее кулаков.
Мы иногда корим
Своих сынов
За то, что те
Бегут высоких слов,
А вот он встал,
Чтоб защитить слова,
Мы дергаем его
За рукава...

* * *

В нас детство бродит
Незабытым сном —
Знакомым, но расплывшимся пятном —
И разглядишь какие-то детали —
Неужто так и было?
Нет, едва ли...
Прозрачным отгорожено стеклом,
Так утро проступает за окном.
Мы на него привычно оглянемся,
Потом опять к своим делам вернемся,
И так всю жизнь свою,
Так — день за днем.
Нет, не лукавим мы,
Нет, не забыли!
Все в нас живет —

И небыли, и были,
Как нитки, перепутаны
В клубке,
Но из сегодняшней,
Из нашей дали,
Что и увидишь,
Различишь едва ли,
Потянешь нитку —
Весь клубок в руке.
А все же судим,
В гневе упрекая
Своих сынов, —
Живут, тревог не зная,
И детство безмятежное
С душком...
Дерзки,
Робки,
Трусливы,
Анемичны...
И тут же будем пойманы
С поличным
Своим же
Много помнящим дружком:
«А вспомни-ка,
Кто нашим королем
Тогда считался?
Были мы при нем
Ты в должности шута,
А я — лакея...
Потом другой явился,
Понаглее,
И наш кумир,
Вчерашний наш король,
Стал исполнять
Совсем другую роль.
Как нам пришлось
Тогда волчком вертеться!
Не безмятежным было
Наше детство —
Не радости одни,
Была и боль».
Но это к слову.
Разными бывали,
И раны наши быстро заживали,

Хотя, конечно,
Помнились потом...
Вот человек —
И выглядит орлом,
И крылья есть,
Но машет бестолково:
Не то душа к полету
Не готова,
Не то там,
В детстве,
Брали на излом...

* * *

Директор, нервно потирая руки, —
В глаза смотрел, а видел потолок —
Проговорил:
— Не знаю, как там слухи
И есть ли в этих ваших спорах прок,
Подозреваю, вовсе не со скуки
Питомцы ваши спорили взахлеб
По поводу затей лгунишки Шкета
(Он, говорят, еще драчлив при этом?).
И вот финал — стащили телескоп!
Мы обходились вроде без милиций,
Ну а теперь уже не до амбиций.
Как подождать?
Какой быть может срок?
Вы не Макаренко,
А я не Спок.
Все ясно здесь.
Извольте согласиться,
Не вы учили,
Жизнь дала урок!
Повременить?
Доверить вам?
О боже,
Я б наказал вас,
Будь вы помоложе,
Но уважаю в вас фронтовика.
Попробуйте.
Я подожду... пока
Вы сами не поймете, к сожаленью,

Что нет пути короче к пораженью!
И вот еще,
Совсем уже попутно:
Не кажется ли вам,
Что эта смута
Вокруг звезды,
Хотя и не подсудна,
Но все ж опасна?
Слышал я, как будто
Вы сами разогрели
Этот спор,
Не выразив к предмету
Отношенья?
И если так,
Достойно сожаленья,
Что не вмешались вы
До этих пор...
Не хочется тащить из дома сор,
Но я боюсь,
Что ваши заблужденья
Заставят нас продолжить разговор
На педсовете...

* * *

Учительская ноша нелегка.
Когда своя —
Она не тянет плечи.
Иной и тащит груз нечеловечий —
Пожалуй, впору
Запрягать быка!
А ничего.
Не хочет, чтоб полегче.
Не балует судьба
Жрецов своих,
Что в храмах школьных
Правдою и верой
Не служат, нет,
Живут и полной мерой
И отдают, и платят.
Ноша их
Не тяжелей, чем, может,
У других,
Но кто иной,

Едва лишь стукнут в двери
Или раздастся вдруг
Ночной звонок,
Подумает не о своей
Потере —
О тех, других,
Что спят без задних ног
В отроческих ли,
Детских ли постелях?
И кто еще,
Когда невмоготу,
И все из рук,
И свет уже не светит —
Идет, как на свою Голгофу,
К детям,
Отрезав напрочь от себя
Беду.
На время.
На пока.
И ни слезинки!
И лишь глаза — синеющие льдинки —
Не тают от жестокого тепла
Огромного
Кипящего
Котла
Беды не ощущающего детства.
И кажется, вовек не отогреться,
А минул срок —
И нет беды.
Ушла.
Учительская ноша непроста,
На глаз чужой
Почти неразличима.
Не потому ль
К учительским починам
Не обнаружишь длинного хвоста?
Не потому ли
Тянемся к вершинам,
Что одиноки,
Словно Эверест?
Их высотой —
Единственным аршином
Мы измеряем все,
Что есть окрест...

* * *

Завяжет жизнь порою узелок
И прост на вид,
А точно дьявол метил:
В нем два узла,
И хищно ждет виток,
Чтоб захлестнуть их оба
В узел третий.
Небрежно тронул —
И в руках моток,
Теперь развязывай
До самой смерти.
И разрубить недолго,
И пора —
Торопит время —
Поспешает ныне...
И вот
Кто легким росчерком пера,
А кто и словом
Вместо топора
Ударит так,
Что нет узла в помине!
Так просто?
Да!
И в самом лучшем виде,
Без хлопот лишних и забот притом.
Торчат концы —
Обрубленные нити? —
То не беда.
Свяжи своим узлом!
В учительской случился спор такой.
Сюда сходились,
После боя словно.
Оружие — учительское слово —
Оттачивалось в этой мастерской.
Неужто так?
Неужто в самом деле,
Что ни сезон,
То старый разговор?
Здесь — проморгали.
Там мы не успели,
Там, где успели,
Сделать не сумели...

— Всеобщий школьный шапочный разбор! —
Закончил кто-то надоевший спор. —
Развязывать узлы?
Помилуй бог!
Где б силы взять,
Чтоб провести урок? —
И посмеялись грустно —
Для порядка,
И разошлись опять по старым грядкам
Полоть и сеять,
Сеять и полоть,
Дух формируя и, конечно, плоть,
Хотя она живет не по канонам
Теории,
А по своим законам...
Заметим, кстати,
Много есть теорий,
Но что сказать,
Как сделать, чтобы сын,
Который вдруг без видимых причин
И с миром, и с собой в жестокой ссоре,
На землю б встал — без всяких аллегорий?
Увы,
Пока исследуются только
И в основном тенденции...
Мой Колька —
Один! —
Мог дать бы матерьяла столько,
Свои бесцельно прожигая дни,
На десять лет программа для НИИ,
И то, боюсь,
Не вышла б неустойка —
Пока рассмотрят,
Папой станет Колька!..
Опасно плавать без надежных лоций,
И все-таки на свой и страх, и риск
Мы выступаем в роли Песталоцци *,
Надеясь, что сама подскажет жизнь,
Что делать,
Как,

---

* Песталоцци (1746—1827) — швейцарский педагог-демократ, основоположник теории научного обучения, связавший обучение с воспитанием, педагогику с психологией.

Когда,
Зачем —
Покуда
Еще цела, как говорят, посуда...

* * *

...Не знаю, может быть, совсем иначе
В тот вечер думал мой второй герой,
Когда вдруг понял, что решать задачу
Возможно и не спором, а игрой.
Ну, например, могла бы быть такая,
Как «поддавки» —
В ней важен первый ход.
Здесь, как ни странно, побеждает тот,
Кто без всего остался, отдавая.
Похоже на военное сраженье —
Идешь к победе через пораженье!
Когда он спор решительно прервал,
Мосты сжигая все для отступленья,
Не думал он, что в руки отдавал
Его,
Упрямого до исступленья,
Тем, кто не верил, но торжествовал, —
Ведь мстительность не знает снисхожденья.
Потом он видел драку,
И потом,
Себя замучив поздним сожаленьем,
Не спал всю ночь
И размышлял о том,
Как необъятны наши заблужденья,
Как однозначна плата —
Суть в одном:
Костром ли выжигают,
Кулаком
Иль словом выбивают убежденья —
Ушедший или восходящий век —
Коль устоял ты,
Значит, человек!
А прав — не прав?
Кто скажет без сомненья?
Как часто спорят разум и душа,
Свой способ жизни видя и решенья...

А истине дистанция нужна.
Бывает и победа пораженьем.

* * *

Живем не прошлым мы,
А настоящим.
А ведь порою, как в почтовый ящик,
Мы в прошлое заглянем и найдем
Как бы письмо —
Когда-то затерялось! —
И вот нашлось,
И объясненье в нем
Тому, наверно, почему так сталось,
Хотя иначе вроде бы мечталось
И представлялось...
Это мы прочтем,
Желая знать,
Какая все же малость
С пути нас сбила —
Глупость или жалость?
А не узнать —
Все смыто быстрым днем.
Так пыль с листвы смывается дождем...
Наступит час,
И навсегда осталась,
И то не пыль уже —
Души усталость.
И не хотел, а вытащил на свет
Из дальних тех,
Полузабытых лет
Воспоминанье...
Грузный кадровик —
Как поршень, в горле двигался кадык,
А взгляд такой,
Как будто был отточен,
Отполирован множеством замочин,
На ближнего нацелен,
Не на даль! —
Спросил:
«И что, всего одна медаль?»
...Вся жизнь его
Обычна и проста —

Чтоб описать,
Достаточно листа,
Да как читать!
Одной строкой — война!
Но юность ею вся опалена.
С наградами и вправду небогато —
Одна медаль у бывшего солдата,
Не принято в анкетах —
Не писал,
Что трижды умирал и воскресал
И вновь смотрел в глаза пустые смерти.
Таким в полку его был каждый третий,
Недаром взводный их любил шутить:
«Приказ один: до самой смерти — жить!»
Ну а медаль...
Он знает,
Весит сколько
Медаль со следом шалого осколка.
Считал, что был он дважды награжден:
Наградою и тем, что был спасен
От неминучей смерти той медалью —
Тонка на вид,
А не пробило сталью!
Годна она для службы и парада,
Пусть и одна.
И коль на то пошло,
Другим, увы, совсем не повезло —
Звезда из жести,
Вот и вся награда.
...Приходит час,
Когда ты жизнь свою,
Всю целиком
Без никакой оглядки
На чашу должен бросить
Тех весов,
Что скажут и тебе
И всем без слов,
Каков ты есть —
Не на пиру,
В атаке!
И коль поднялся,
На судьбу не сетуй —
И жизнь, и смерть
Окупятся победой!

Вот что читалось за его анкетой.
Но кадровик того не прочитал,
Жевал губами и, прищурясь, ждал,
Когда ему расскажут про медаль —
Как ни крути, хорошего солдата
Не только служба красит,
Но награда...
Он так считал.
Был тверд в своих сужденьях —
Невежество не знает снисхожденья.
И человек исчез, как не бывал —
Слова витали отзвуком раската,
И с той поры уже не надевал
Медаль свою — и вправду не богато.
...Из прошлого пришло к нему решенье,
Хотя, казалось, думал не о том.
Чем жили, все имеет отношенье
К тому, чем в настоящем мы живем.
В днях нынешних есть отблеск дней вчерашних,
Взглянул иначе
И открыл глаза,
И говоришь себе —
Да, прав сказавший:
Не стоит мира детская слеза
Всех ценностей его...

* * *

Ложь во спасенье — праведная ложь?
Не сердцем даже чувствуем, а кожей,
Что никого той ложью не спасешь,
Но повторим,
Великолепен нож
В руках хирурга —
Он спасает тоже
Больного,
Погруженного в наркоз.
И вот когда был выяснен вопрос,
Во всеоружье знания предмета
(Он был на весь район по части звезд
Единственным пока авторитетом),
Письмо учитель в красочном конверте
В воскресный день по улице понес.

Писал всю ночь при тусклом ржавом свете,
Впервые лгал, не чувствуя вины.
Тревожился учитель в нем: «Ах, дети... —
Ворчал солдат: — Не знаете войны...»
А тот, кто лгал, строчил: «В научном свете
Открытия, возможно, что совет,
Который создан изучать кометы,
Метеориты, прочие предметы
И даже те, которых еще нет,
Рассмотрит предлагаемый объект.
Спасибо... Академия... Доцент...»
И точный адрес астронома Шкета
На белом поле яркого конверта.
Вот первый ход: письмо свое прочтет
Ребятам он — и выручает Шкета.
И ход второй: Шкет розыгрыш поймет
И образумится. Расчет на это!
И третий ход. Была задача третья —
Себя проверить, так сказать, на детях.

* * *

Немного знал учитель о задворках,
Так кое-что мелькало в поговорках,
Да в книгах тех, что изредка листал,
Звучал порою явственно металл.
Все авторы, что мыслили проблемно,
Об улице писали непременно,
Как требовал введенный в оборот
Научный термин «комплексный подход».
И вот он шел туда,
Где, словно поезд,
Сошедший с рельс,
Уткнувшийся в тупик,
Таилось детство.
Там писалась повесть —
И детская,
А не простой язык.
...Со стороны фасадной все как должно,
И на домах отдельных,
Над крыльцом,
Текст, заключенный в рамку, —
Значит, можно

С них брать пример.
Успехи налицо
В борьбе за быт.
И ясно, и понятно,
Что сведены родимые здесь пятна
Совместной и упорнейшей борьбой.
Когда бы так же было и с изнанки,
Тогда бы отказались мы от рамки,
Писали текст бы на стене резьбой!
Ну а пока была совсем иная
Здесь,
На задворках, жизнь.
Такой иной
Представилась,
Не скажешь — не земная,
Была скорее околоземной,
С учительской сугубо точки зренья...
Не приходя в себя от изумленья,
Беспомощно стоял он.
Мир вокруг
Был и знаком
И словно вздыблен вдруг.
Среди каких-то ящиков разбитых
И ржавых бочек из других эпох
(Должно быть, не страдали аппетитом
Прародственники наших выпивох!),
Среди различной прочей дребедени
Научным представленьям вопреки
Полустояли и полусидели,
Полукричали и полугалдели
Или, как ныне говорят, балдели
Не кто-нибудь —
Его ученики,
Счастливые!
Веселые!
При деле!
И первоклашки и выпускники.
Что их свело?
Что вдруг объединило
На пятачке убогом столько троп?
Водой холодной словно окатило —
Он телескоп увидел.
Телескоп?
О нет, конечно, лишь ему подобный —

Труба одна,
И та уже без линз...
Ко рту приставив,
Кто-то выл утробно,
И ржал другой.
Не видел он их лиц,
Но знал обоих,
И учил обоих,
И подсчитать успел —
Две тыщи дней!
И вот!
Они!
Уличены!
В разбое!
И радостны, и счастливы вполне!
Как беспощадны руки человечьи,
Когда им все на свете нипочем,
Хотя что — руки?
Руки ни при чем,
Грызут зубами,
Если рушить нечем.
Но это в общем...
Но ребята,
Дети?
Откуда в них,
В его учениках,
Такая тяга к разрушенью,
К смерти,
Ведь и железка смертна, как-никак...
Нет, суть не в том,
Что жизнь разбила грубо
Иллюзии.
Наивным он не слыл.
И море знал
И не впервые плыл,
Но...
Потревожим снова тень Колумба —
Плыл в Индию,
Америку открыл.
Знал поименно каждого,
Казалось,
Но мысль внезапно странная подкралась,
Что из всего огромного того,
Чем он владел,

Что передать стремился,
Ведь им не нужно было ничего...
Их зыбкий мир как будто бы стеклом
От мира общего отгородился,
И он случайно в этот мир проник,
Который — знал! —
Исчезнет в тот же миг,
Как только он увидит отраженье
Свое
В глазах учеников своих —
Победа обернется пораженьем...
Вот он сейчас
(Несносная одышка!)
Чуть кашлянет,
Но лишь откроет рот,
Разрушится стекло и опадет —
И станут меньше на вершок мальчишки,
Он выше на вершок, наоборот.
Но то мираж!
И странный мир обычным
Опять предстал.
Оправившись едва,
Учитель голосом своим привычным
Сказал проникновенные слова.
Они упали, как в песок пустыни...
Ребятам было,
Говоря всерьез,
Так далеко
До неба и до звезд,
Что рассуждать он мог и на латыни...
Стоял учитель перед их твердыней
И понял вдруг,
Что, расшиби он лоб,
Встань на колени даже
Перед ними,
Их души все ж
Останутся пустыми...
Что телескоп?
Наладят телескоп.
Как раздражает нас
Сиюминутность,
И боремся —
Она берет свое.
А седина...

Да что там!
Если б мудрость
Была прямое следствие ее!
Бежал спасать,
А от какой напасти?
И для кого свои готовил
Снасти,
Сжигая за собою все мосты?
Чтоб уберечь мальчишку
От мечты?
От ожиданий дерзких и опасных?
Чтоб предложить взамен
Предельно ясных,
Которые и сам не уважал?
Когда не так,
Кого же он спасал?
Суд над собой —
Куда уж откровенней,
Казнишь себя всегда
Виной двойной.
И опоздал, казалось,
На мгновенье,
Да вот мгновенье —
В жизнь твою длиной.

* * *

Рос человек!
О, как он быстро рос —
Как без оглядки
Убегал от утра
Чуть над землей
Еще вчера как будто —
Сегодня головой почти
У звезд...
— Ты веришь в то, что падала звезда? —
Спросил он Шкета.
Шкет ответил:
— Да!
— И ты бы мог сводить меня туда? —
Ответил Шкет одним дыханьем:
— Да!
— Тогда веди! —

А дело шло к весне.
Сидело солнце на кривой сосне.
Дремали почки в беспокойном сне.
В кустах шуршал заблудший ветерок.
Согнувшись в три погибели, росток
Поднять пытался и поднять не мог
Заснувший еще осенью листок.
Светилась голубой водой тропа.
Хрустели, как пустая скорлупа,
Измятые сугробы...
И ручьи
На все четыре стороны — ничьи
И в никуда растерянно моргали...
Вокруг зима,
А здесь весна в разгаре!
И на одной из множества прогалин
Вдруг вспыхнули живыми огоньками
Подснежники.
И как включили свет!
— Так вот же он,
Звезды упавшей след! —
Учитель подсказал,
Но Шкет в ответ
Лишь засмеялся и блеснул глазами...
— Я так и думал. Ты растешь, играя,
И немудрёна сказка, и проста, —
Сказал учитель, грусть свою скрывая...
Невежливо его вдруг прерывая,
Шкет закричал:
— Смотрите! У куста!
— Ну, вижу. Камень. Мало их, камней?
Еще не повод, чтоб кричать, ей-ей, —
Сказал учитель, мягко упрекая, —
Не думаешь же ты...
— Конечно! Да! —
И Шкет нагнулся, камень взял —
Звезда!
И день померк, сиянью уступая...
Когда ж учитель вновь обрел дар речи,
Увидел он все то же — сосны-свечи,
Измятые сугробы. Синий снег.
И яркий день. И солнце на сосне.
И красный куст в сплошном потоке света.
И серый камень на ладони Шкета.

Что скажешь здесь?
Лишь разведешь руками.
Себя спросите:
А могло бы с вами
Такое приключиться, нет?
Вы скажете, что разными глазами
Мы часто смотрим на один предмет:
Один булыжник видит под ногами,
Другой — звезду,
Упавшую на снег...

* * *

Как три ручья, что в озеро стекали,
Смешавшись, общею водою стали —
Не различишь на вкус, какая чья? —
Три пораженья, словно три ручья,
Грядущую победу намывали.
В узлах иных запрятано крушенье.
Не разглядел, а рубанул сплеча...
Сполна познавший горечь пораженья
Уже не тронет без нужды меча.
Лишь кажется, что кончилось сраженье,
Оно идет. Тебя зовут опять!
Сполна познавший мудрость пораженья
Поднимется, чтоб снова все начать
С начала. С самого. Без всяких сожалений,
Не отстраняя от себя вину.
Сполна познавший силу пораженья
Не покорится никогда ему.
На зов трубы тревожной поспешая,
Теперь уже он мог себе сказать:
Все дело в первом и в последнем шаге,
Ну, и конечно, в том, куда шагать...
Не ставлю точку.
Этот мой рассказ
Лишь об одном-единственном мгновенье.
О сколько их —
Длиной и в жизнь и в час —
Таят в себе
Прекрасных откровений!
Завидую, учитель,
Ты велик

Величием своим обыкновенным:
И не заметен в слове вдохновенном,
И на виду, когда тревожен миг,
И перед миром, ярким и крылатым,
Без почестей особых и наград,
Стоишь, как есть, в костюме небогатом,
И чувствуешь себя ты виноватым
За всех за нас, кто вправду виноват,
И все просчеты наши и промашки —
От грязных душ до грязной промокашки —
Ты на себя безропотно берешь,
Свечой горишь, себя не бережешь...
Терпенье духа и души боренье,
Не дерзкий взлет, а гордое паренье —
Ты так живешь!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Живем мы в тайном ожиданье чуда,
Не все ль равно, какое и откуда,
Когда бы повезло
Увидеть чудо.
Только, как назло,
Жизнь не спешит —
Скупится на подарки —
Покажет свечи,
В руки взял — огарки...
Так после грандиозного спектакля
Тебе, смеясь, покажут —
Это пакля,
Из марли — небо,
Из фанеры — лес,
А ты считал,
Что был в стране чудес...
Не в дураках, конечно,
Но не в умных.
Смешно и грустно
От надежд подспудных.
Но и с тобою мы играем, жизнь!
Сподобились, как следует, кажись,
И не докличешься до нас, покуда
Вдруг не поманишь обещаньем чуда.
Лениво выйдем

И откроем рот —
Неужто, батюшки,
Произойдет?!
Произошло.
Случилось.
Вот оно!
...Оттаяло морозное окно.
Зацвел столетник,
И куда б ни шло,
Когда б цветы,
Но словно обожгло,
Едва коснулась —
Горячи, как угли!
Открыла подпол —
Там сплошные джунгли,
Клубком змеиным
Спуталась ботва...
А на полу щетиною трава.
Как передать словами изумленье?
Зазеленели листьями поленья,
Что у печи сушились
Для растопки...
И тут уж мать,
Хотя была не робкой,
Из дома — прочь!
И вот уже народ
Испуганно столпился у ворот.
Молодцеватый представитель власти,
Не верящий в химеры и напасти,
А бабий вздор совсем не по нутру! —
Значительно поправил кобуру
И в дом вошел.
За ним вошли гуськом
Директор школы, фельдшер, агроном —
Ну так сказать, все местные светилы
По части чистой и нечистой силы.
И в ожиданье чуда иль не чуда
Застыла улица.
О, сколько пересудов
И домыслов досужих!
Наконец
Открылась дверь.
От тех светил гонец,
Ступая тяжко,

Вышел на крыльцо,
Явив народу хмурое лицо.
Был участковый краток:
— Чертовщина!
Подозреваем, что всему причина
Булыжник странный.
И всего с кулак,
А не смогли
Втроем
Поднять никак.
И почему он вдруг такой тяжелый,
Не объяснил и сам директор школы.
Булыжник, может быть,
С каким секретом?
Сходить бы надо
За мальчишкой Шкетом,
Не он шалит ли?
Говорят, что плут
И выдумщик,
А не до шуток тут!
Ведь зелень лезет изо всех углов —
Уже деревья
Вместо косяков...
Какая может быть меж этим связь,
Не знаю я —
Не видел отродясь,
И шли бы вы, товарищи,
Отсюда!
Но кто ж уйдет,
Когда такое чудо?
И в ожиданье замерла толпа,
Примеривая чудо на себя:
Когда бы так, да всем бы повезло —
Как жаль, что мы поселок — не село!
Кормов навалом и какой привес
Дала б скотина от таких чудес!
(Заметим в скобках, что практичность эта
Насторожила местного поэта,
Да только знал он —
Не в обиду слову! —
Не прокормить поэзией корову.)
Смолчал поэт.
Стоял себе в сторонке
В престижно-романтической дубленке,

Тоща и холодна,
Зато по чину
На десять рангов обошла
Овчину,
В родне, да кровной,
Но о том — молчок,
И не мечтай,
Чтоб на один крючок!
Ну это так...
Туда вернемся снова,
Где сотряслись научные основы,
Где, загнанный природою в тупик,
Директор школы огорченно сник,
Где агроном, презрев свою науку,
Пощипывал, чтобы проснуться, руку,
Где даже фельдшер — черт ему не черт! —
Забыл закрыть от удивленья рот,
Где лейтенант — совсем уж не к добру! —
Ощупывал тревожно кобуру:
Кого и как здесь защищать от чуда,
Не зная,
Что оно,
Зачем,
Откуда?!
О том молчат инструкции,
Устав...
Народ,
От ожидания устав,
Стал расходиться.
Ждал один поэт.
Он завершал по случаю сонет
И между прочим —
Экая причуда! —
Застрял как раз
На рифме к слову «чудо»...
Когда б его позвали,
Он, должно быть,
На многолетний опираясь опыт
Борьбы со словом,
Подсказал решенье,
Ну да кому нужно
Поэта мненье?
Сказали бы —
На то он и поэт,

Чтоб там искать,
Где ничего и нет.
Занялся бы
Полезным делом лучше,
А то еще загнули б что покруче
Из лексикона пьяных ездовых...
В поэзии ходил он в рядовых,
В последней, полагаем мы, десятке,
С которой, как известно, взятки гладки,
За ним —
Лишь поэтический ликбез,
А дальше сплошь все графоманский лес —
Ступая тяжко, мрачные дубы
Выкручивали руки у судьбы
И загоняли в угол власть имущих...
Соседство, прямо скажем, не из лучших,
Но что же делать,
Если для страны
Поэты, не поэты — все равны,
И в общий поэтический поток
Стремился влиться всякий ручеек.
Поэзия — она такая дама —
Дерзка, и своенравна, и упряма,
Как лед, порой бывает холодна,
Но, боже мой, когда она нежна!..
Вот эти сокровенные детали
Известны тем лишь, кто на пьедестале.
Другие же, кому заказан вход,
Молчали, как воды набрали в рот,
Надеясь, что усердием отменным
Заслужат благосклонность непременно,
И среди них —
О не толкался, нет! —
Ждал часа звездного
И наш поэт...
Но найден Шкет.
Немедленно доставлен
И посредине комнаты поставлен
Под перекрестный, так сказать, допрос.
— Откуда камень? —
Первый был вопрос
Директора.
Он показал на диво.
— Не камень это! —

Шкет сказал учтиво
И взял булыжник.
На его ладони
Он вспыхнул вдруг —
Так ярко стало в доме,
Что все, кто был,
Зажмурились на миг...
Директор школы
Прикусил язык
И прищемил
Сорвавшееся слово,
Которое убило б, безусловно,
Учительский его авторитет
В глазах других...
— Откуда этот свет?! —
Воскликнул фельдшер,
К двери отступая,
А участковый, что стоял, моргая
И щупая — на месте ль кобура? —
Хотел сказать: на потолке — дыра! —
Но промолчал,
Себе не доверяя...
...Пока судили,
Спорили покуда,
Само собою разрешилось чудо:
Окно заплыло.
Сумрачный столетник
Стал снова незаметным,
Как штакетник.
Вполне реалистичная картошка,
Как оказалось,
Проросла немножко.
Давно готовые к употребленью,
Потрескивали
Желтые поленья.
А чистый пол,
Отдраенный до блеска,
Не оставлял уже
Сомненьям места,
Что был допущен
Явный перекос:
Не чудо было —
Массовый гипноз!
Кляня себя,

Хозяйку,
Шкета,
Жизнь,
Сконфуженно светилы
Разошлись...
...Зажглась в ту ночь
Еще одна звезда.
Над самым домом. Только вот беда —
Как доказать? И кто поверит Шкету?
Поэт, возможно? Подойдем к поэту...
— Ты все, конечно, понимал,
Поэт? —
Но он вздохнул,
Признавшись честно:
— Нет.
В ту ночь как раз я —
Экая причуда! —
Подыскивал все рифму к слову «чудо»...
— Ну и нашел?
— Увы, в чужих стихах...
А то, что чудо было в двух шагах... —
Конечно, есть в сомненьях свой резон,
Когда не спишь, а словно видишь сон,
Что полон разных сказочных реалий.
Будь ты мудрец — не сразу разберешь,
Где правда здесь, где полуправда, ложь,
А разобрался — точно обокрали.
И знаешь — не было и не могло
Такого быть никак. Что из того?
И сердце ноет, и душа горит,
Глаза в слезах — от радости, от боли?
Хотя на самом деле не болит,
И что за радость? Жизнью недоволен!
Не размышляй. Не надо. Это — сон.
И, значит, прочь, что там наворотили.
Так проще жить. И в этом весь резон.
И правда вся.
Они правы, светилы.
И прав поэт. Он не из той десятки,
Что истину выводят из догадки.
Но как же быть, как завершить сюжет?
Когда сомненье — было чудо, нет?
Да так, наверно, теми же словами:
Вот мы идем. Вот камень под ногами,

Совсем никчемный — видно за версту.
Один прошел — зачем ему тот камень?
Другой нагнулся и поднял...
Звезду.

* * *

...Вселенная и человек — та малость,
Которая настойчиво пыталась
Понять себя в соединенье с тем,
Что и не виделось — предполагалось
Как часть иных зависимых систем
Скоплений — малых и больших галактик...
Стать звездочетом должен был романтик,
Чтобы, в себе себя сломив, дерзнуть
Взглянуть в Ничто
И, ужаснувшись — Вечность! —
Домашним, изначальным словом —
Млечный —
Назвать тот путь, который и не путь.
Но — путь! Не иначе. Не как-нибудь.
Как будто бы с рожденья точно зналось,
Что рано или поздно эта малость
Сюда придет измерить Млечный Путь.
О, сколько разного прошло над миром
И кануло ничтожно быстрым мигом —
Как спички вдруг загасли на ветру...
Но мы на звезды смотрим. Я смотрю!
Тот звездный мир как данность принимая,
Всю невозможность чуда понимая,
Я, зацепившись взглядом за звезду,
Парю над вечностью.
Я чуда жду!
Бессмертны мы и велики, покуда
Живет мечта в нас — ожиданье чуда,
Пока мы видим что-то и сквозь тьму,
Пока мы знаем с детства —
У Вселенной
Есть уголок какой-то сокровенный
И тропка есть,
Ведущая к нему.

Александр ШЕЛУДЯКОВ

ЮГАНА

Роман

Весной 1972 года слесарь Томского ремонтно-механического завода Александр Шелудяков предложил журналу рукопись романа «Из племени Кедра» — о жизни охотников Васюганской тайги, о геологах. Самобытность авторских красок, знание жизни эвенков, вера автора в преображение дремучего края привлекли внимание редакции к роману. «Из племени Кедра» тепло был принят читателями. Позднее он был напечатан в «Роман-газете», переведен на польский, венгерский, финский языки.

Прошло восемь лет, и читатели вновь встречаются с героями Александра Шелудякова на той же таежной земле. Роман «Югана» продолжает тему первой книги, рассказывает о поисках сибирской нефти. Старуха Югана из эвенкийского племени Кедра помогает геологам в их нелегкой работе.

Новый роман А. Шелудякова посвящен той важной народнохозяйственной задаче, о которой Л. И. Брежнев говорил на октябрьском Пленуме ЦК КПСС: «...разработать крупномасштабную программу форсированного развития нефтегазовой промышленности Западной Сибири».

И. ПАДЕРИН

А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские городы. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибирь. Река Обь Великая пала в море в летнюю в ранную зорю, а течет от Бухарской земли с правые стороны.

...А против того з другие стороны в Обь реку пала река Иртыш; а выше Обсково Большово 70 верст Ласлыпеи; а выше Ласлыпея 170 верст пала в Обь реку Вас-Юган; протоку Вас-Югана реки 220 верст.

(Книга Большого Чертежа, составленная в 1627 г. в Разрядном приказе по «государеву указу»)

Глава первая

1

Седая женщина стоит у берегового уреза, ветер отбрасывает ее длинные волосы, и они вскипают за ее спиной так же, как пена на гребнях волн. Женщина в легкой меховой куртке из пыжика, узкие брюки коричневой замши заправлены в ноговои, женские легкие сапожки, расшитые орнаментом из цветных нитей. На широком поясном ремне, украшенном голубым и алым бисером, висит в берестяных ножнах промысловый нож с костяной рукояткой из лосиного рога.

Она пристально смотрит вдаль — с противоположного берега плывут четыре обласа. Это легкие речные челны. Кто рискнул выйти в такую непогоду на ветробой? Какие смельчаки забыли предание о берегинях-русалках? Вздрогнула седая женщина и тревожно закрыла лицо ладонью. С одним из четырех смельчаков что-то случилось, облас раненой птицей начал слепо рыскать по волнам.

— Весло поломалось... Это пустяк. Сейчас запасное возьмет, — тихо прошептала женщина.

Четыре речных суденышка, долбленных из толстых обских осокорей, наперекор северному ветру и волнам упрямо плыли к берегу. На лице седой женщины теплилась улыбка спокойной гордости. Она повернулась спиной к ветру и, чуть ссутулившись, набила трубку табаком, прикурила, сделала несколько жадных затяжек. Облегченно вздохнув, она пошла по берегу, устланному хрусткой прошлогодней травой, к небольшому заливу, куда вот-вот должны на попутной волне влететь искушенные пловцы.

— Хо, Орлан пришел первым! — приветливо крикнула старая женщина.

Юноша разгоряченными руками выдернул на берег облас и теперь смотрел зорко в речную сторону.

— За тобой идет Карыш, — сказала женщина. — У него было хлипкое весло. Карыш мог обогнать Орлана.

— Да, Югана, Карыш шел здорово, но ему не повезло.

Орлан ничем не выдал свою гордость, радость победы. Второй облас так ловко и быстро выбросился с волной на берег, что не успела река вновь положить крутогривый зализ, как юноша уже был на ногах. Он уперся веслом в плотный береговой наилок и поддернул облас за веревку из конского волоса подальше от приплеса. Одежда была на нем мокрая, волосы лежали на голове черной смоленой корой. Он был смущен поражением.

— Карыш — Летучая Стерлядь хорошо вел облас! Но весло обмануло Карыша, — сказала Югана.

— Ургек и Таян идут рядом. Смотри, Югана, у них силы равны, — выкинув руку, сказал Карыш. На его раскрасневшемся лице сияла отвага. Он был еще там, в буре и грохоте воды.

Орлан и Карыш, встретив братьев, помогли им вытащить на берег обласы.

— Теперь Югана спокойна, — проговорила женщи-

па. — Сам великий Орел-Волнорез смотрел на сыновей из небесного урмана глазами речной чайки. Югана много видела весенних бурь на таежных реках, но сегодня самая великая буря. Сыновья Орла-Волнореза могут считать себя молодыми вождями. Но главным вождем племени Кедра будет Орлан. Сам Вас-Юган выбрал главного вождя. Берегини-русалки баловались с Карышем и сломали у него весло. Сам Сивер — Злой Дух тундры — не пустил Карыша вырваться вперед и обогнать Орлана. Нет, не Югана выбирала главного вождя племени Кедра. Вождя выбирали небо, земля и таежная река Вас-Юган.

Надо идти в дом Шамана. Чай можно пить, отдыхать, — позвала Югана молодых вождей, постукав угасшей трубкой по навершию весла.

— Югана, мне послышалось, что за той протокой взвыла собака, — сказал Ургек, показав рукой на устье небольшого ручья.

— Хо, уши великого охотника Ургека не путают голос ветра и шум волн с языком собаки! — сказала Югана, окинув дальнозоркими глазами берег протоки, заросший непролазным кустарником.

— Югана, у собаки нет сил переплыть. Я перевезу ее, — скороговоркой выпалил Таян и бросился сталкивать облас на воду.

Рослый кобель из породы обских лаек устало вылез из обласа на берег. У него были повреждены передние лапы. Собака приветливо вильнула хвостом и, прихрамывая, направилась к береговому взгорку, откуда хорошо была видна бушующая таежная река.

Югана и ребята молча смотрели на отощавшую лайку. С хозяином этой собаки случилась какая-то беда.

— Ушкан, — сказала Югана о собаке, — смотрит на реку и ждет своего хозяина. Вы оставайтесь тут, погодите маленько. Югана одна пойдет к Ушкану и станет говорить с ним.

Эвенкийка пошла туда, где сидела собака. Ушкан, вытянув морду, тревожно смотрел, как по реке несло большую, вывороченную с корнями сосну.

— Ушкан пришел к молодым вождям просить, чтоб они спасли хозяина? — спросила Югана у лайки. Собака ласково взглянула на эвенкийку и завиляла хвостом. Югана погладила ее по голове. Собака лизнула морщинистую руку эвенкийки и несколько раз тявкнула. Югана еще раз внимательно присмотрелась к плывущей по

реке сосне. Ей почудилось, что на дереве затаился обессилевший человек.

— Югана! — крикнул Орлан, тоже увидевший человека верхом на стволе. — Как на грех, у нашей лодки пробило днище!

— У молодых вождей есть обласы, — сказала Югана, дав понять Орлану, что теперь уже некогда думать о большой лодке.

Четыре речных обласа ринулись в кипящие волны весеннего Вас-Югана. Эвенкийка внимательно наблюдала за плывущей сосной и за человеком.

— Твой хозяин живой, — сказала Югана собаке.

Обласы плыли по реке как по цепочке. Снова первым вел свой облас Орлан.

— Хо, у Орлана сильные руки, — сказала Югана.

Старая эвенкийка не успела сказать ребятам, чтобы они не ставили свои обласы бортами под волновой удар, когда с плывущей сосны будут снимать человека. Надо уловить момент, когда сосна развернется боком к подветренной стороне.

Радостный лай и повизгивание собаки возвестили, что человек спасен.

— Орлан, вождь племени, взял твоего хозяина в свой облас, — гордо сказала Югана. — У Карыша сердитые волны ударили облас о ствол сосны. Потерял и Таян свой облас — его утащили игривые берегини на дно реки для люльки своим детенышам. Хо, это все пустяк, и большой беды нет.

Карыш и Таян сидели на комле сосны. Им оставалось ждать, когда Орлан с Ургеком вернутся за ними.

В носовой части обласа Орлана лежал незнакомец. Он был очень слаб и не мог говорить. Ургек плыл в своем обласе рядом. Он был готов прийти на помощь брату в любую минуту.

Югана внимательно наблюдала за своими воспитанниками.

— Орлан, вождь племени Кедра, хорошо идет со спасенным человеком. Хо, теперь уже недалеко до берега!

Спасенного мужчину закутали в старенькое меховое одеяло из дымленой шкуры оленя, Югана напоила его густым заваром из листьев и корней брусничника.

— Югана, — тихо спросил незнакомец, — как там ребята? Как они выкарабкались из этой речной падеры?

— Хо, молодые вожди рубят сейчас кедровую сушину

на дрова. Они будут топить баню. Надо парить хозяина белой собаки, выгонять простуду пихтовым веником.

— Меня звать Григорием. Тарханов. Неужели ты не узнаешь меня, Югана? Я следователь. Лет семнадцать назад был у вас в Улангае. Тогда в районную прокуратуру поступил донос от вашей продавщицы. Соней ее звали, кажется, я приезжал, чтобы предупредить Костю Волнорезова, просил уехать из Томской области подальше. Но он не послушал меня. А уж после раскопал всю историю Вадим Пирогов.

— Хо, теперь глаза вернули память Югане. Большой следователь Тархан был тогда шибко молодой! Правильно сказал Тархан: не уехал тогда Костя из Улангая. И слепой суд судил зрячего человека.

— Время-то, Югана, как пролетело! Какие ребята вымахали из волнорезовского корня!

— Пусть Тархан еще попьет чаю. С медом надо пить.

Югана сняла с железной печки котелок и налила в кружку густозаваренный настой из кореньев шиповника.

— Всю ночь меня швыряло. Вижу, ребята плывут, хочу крикнуть, а не могу.

— Пошто Тархан пошел в большую падеру по Вас-Югану? — спросила эвенкийка. — Тархан-следователь не ловит больше в свой капкан людей-шакалов?

— Работаю, Югана, все там же, в прокуратуре. Приходится вылавливать. — Григорий откинул меховое одеяло, приподнялся и поправил в изголовье старенькую телогрейку, от которой пахло дымом костра и сушеной рыбой. — Понимаешь, Югана, кто-то занимается раскопкой древних захоронений. Второй год не могу напасть на свежий след! Неделю назад мне сообщили, что в Мыльджино продавец магазина купил по дешевке золотую пряжку из древнего могильного золота.

— Хо, вороватые люди пришли в урман давно. Кости из могил выбрасывают, золото и серебро ищут.

— Получилось у меня, как говорится: широко шагнешь — штаны порвешь. Разузнал я в Мыльджино, что продавец купил золотую пряжку у бурового рабочего, а тот, оказывается, выменял ее у какого-то неизвестного за муку, крупу и тушенку. Выходил этот неизвестный из тайги на буровую прошлой еще зимой — подзапастись продуктами... Поехал я обратно из Мыльджино на моторлодке, взял там дюральку у участкового милиционера.

А тут непогода. На юганском большом плесе мотор у меня скис...

Югана посмотрела в глаза Григорию и подумала, что, если бы не случайность, этот человек мог погибнуть в волнах бушующего Вас-Югана.

2

Поселок Улангай умер четыре года назад. Позаросли усадьбы лебедой, крапивой, мелким тальником, у заброшенных изб не заколочены окна и двери, а это плохой признак — хозяева покинули свои насиженные гнезда навсегда.

Около десяти лет в этих местах работала Улангаевская нефтепоисковая разведка. Где-то тут, недалеко от Улангая, первая скважина дала небольшой приток первого газа, нефтяной кондесат на васюганской земле. Но остальные скважины оказались «холостыми». Надежда улангаевских нефтепоисковиков угасала. Последний удар нефтеразведке был нанесен геофизиками — они не нашли ни одной структуры, обещающей нефть. Люди разъехались в поисках новой работы, нового местожительства. Осталось в Улангае всего-навсего девять человек: Таня Волнорезова с четырьмя сыновьями, Югана с Андреем Шамановым, Михаил Гаврилович Чарымов с женой.

Четыре года назад закрылись в Улангае школа и магазин. А звероферму прикрыли еще шесть лет назад. Для людей в поселке не осталось никаких заработков, кроме рыбалки и охоты.

Югану и своих сыновей Таня встретила на берегу у самой воды. В глазах Тани таилась печаль.

Югана по-прежнему не дает ей спокойно жить: то сманит парней на охоту, то на рыбалку или уведет их искать пчелиные дупла. Несколько дней назад она сманила мальчишек перед самой бурей в какую-то глухомань.

Григорий Тарханов поднялся на берег и присел на обрезок кедрового сутунка, Таня обернулась лицом к Югане и укоризненно покачала головой. Она приказала сыновьям топить баню, носить воду.

— Югана, ты меня с ума сведешь, — сказала Таня, когда ее сыновья ушли с берега. — Четыре дня не находила себе места.

— Курица всегда кудахтает, когда цыпленок отшатнется в сторону. Даже медведица плачет, когда медвежонок

упадет с коряги. Человек, птица, зверь — все любят своих детей. Любовь без глаз и без ума делает детей трусливыми, злыми и завистливыми. Скоро Орлан, Карыш, Таян, Ургек... все уйдут на большую тропу жизни. А там только умный и сильный будет идти первым в великом кочевье.

Тане трудно свыкнуться с обычаями эвенкийской женщины. Она ревнует сыновей к Югане, ей кажется, что ребята больше любят Югану, чем мать.

— У мальчишек есть имена. Зачем ты понадавала им эти дурацкие клички: Орлан, Карыш, Ургек, Таян? — с обидой высказала Таня.

— Почему Таня стонет тоскливой перепелкой? Сыновья великого Орлана-Волнореза носят имена могучих вождей племени Кедра.

Эвенкийка неторопливо закурила трубку и подробно объяснила Тане, что означают имена молодых вождей. Орлан — всевидящий речной дух предков, Карыш — Летучая Стерлядь, человек-молния, Ургек — великий охотник, повелитель рек, озер и урманов, Таян — благословляющий дух огня, мудрый сказитель племени.

— Горе мне с тобой, Югана. Ребята совсем от рук отбились. А ей заботы мало.

— Югана сделала, как просил Орел-Волнорез, земной муж Тани.

Проводив Таню, старуха докурила щепотку махорки в своей женской трубке. Ей не хотелось уходить с берега. Нынче в доме у нее скучно и пусто. Андрей Шаманов уехал на Большой Юган, в хантыйскую землю, после он отправится в Кайтес, в самое верховье Вас-Югана, на приток Игол-Тым.

— А ты, Югана, все сидишь тоскуешь? — сказал Григорий Тарханов и сел рядом с ней на бревно.

— Хо, Тархан совсем молодым сделался, и одежда на нем красивая.

Григорий был чисто выбрит, одет в штормовку защитного цвета, на ногах болотные сапоги с отвернутыми голенищами.

— Да вот Орлан нарядил как жениха. А кое-что позаимствовал у Андрея. А то пришлось бы мне топать до Медвежьего Мыса босиком.

Он показал в сторону деревни:

— Жалко, обезлюдел Улангай.

— Хо, совсем наш Юрт-Улангай помер. Теперь над

Улангаем совсем тихое небо. — Югана вдруг хитровато посмотрела на Григория. — Тархан маленько старым сделался — волос на голове иней прихватил. Югана помнит Тархана шибко молодым.

— Как не постареть, Югана? На каждого человека плуг времени кладет свои борозды и посыпает голову пеплом.

— Волосы на голове человека белят годы, а тайгу — снег, — согласилась Югана.

— Сколько же тебе, Югана, лет? — спросил Григорий.

Старуха давно уже перестала считать свои годы. Чтобы ответить, ей придется выкурить не одну трубку. Надо вспомнить большой мор оленей, потом великий пожар в таежной тундре (горели тогда торфяники, сухие болота), вспомнить, как болела урманная земля, ее трясла лихорадка, землетрясение.

— Хо, сколько лет Югане? — выскабливая потухшую трубку костяной лопаточкой, переспросила она. — Лось не меряет пройденных дорог, у женщины нет обратной тропы в молодость.

Григорий надолго замолчал. Слышался стук топора. Танины сыновья кололи дрова на берегу у бани.

— Пошто глаза Тархана как у осеннего журавля, у которого перебиты крылья? Пошто долго молчит Тархан? — спросила Югана, уловив в глазах Григория грусть.

— Так, Югана... Вспомнил жену. Чем-то похожа была на Таню.

Солнце раскаленным колесом зависло в полуденной весенней дремоте. День выдался теплый. Туманились в прозрачной речной дымке макушки затопленного тальника, тихие волны играли с обновленными берегами.

— Югана, тебе или Андрею не приходилось встречаться на реке или в тайге с человеком, который слегка прихрамывает на правую ногу, оставляет след с глубокой пяткой?

— У человека маленько хромого язык лисы, а след шакала. Югана не видала человека с ленивой ногой. Но пяткоступный след человека Югана знает. В прошлом году Пяткоступ украл большую бочку с бензином на заимке в Мучпаре.

Эвенкийка сняла с ноги сапожок с высоким голенищем и раскинула на бревне сырую портянку.

— Значит, Пяткоступ пасется где-то в этих краях уже не один год, — задумчиво проговорил Григорий.

— Человек-Пяткоступ ищет в урмане много денег.

— Какие деньги он может искать в тайге?

— У Пяткоступа есть друг Сед-Син, Черный Глаз. На лодке пришел Черный Глаз в Улангай...

— Стоп-стоп, Югана! — перебил эвенкийку Григорий. — Так ведь этот самый Черный Глаз и обменял золотую пряжку у бурового рабочего. Черный Глаз имеет много разных золотых вещиц, сам не дорожит ими. Или его приперла нужда?

— Югана сказала Тархану: Черный Глаз приходил в Улангай на лодке. На Перне, Священном Холме, около озера Тухэм-Тор место великого идола урманов.

— Об этом, Югана, мне довелось слышать. В прошлом году я был на Тухэм-Торе, но культового места не нашел.

— Хо, святое место кволи-газаров охраняют мудрые духи! Там много золотых денег, медных котлов, ножей и костей, черепа медведей, рога лосей и оленей.

— Югана, зачем приходил в Улангай Черный Глаз? Почему ты решила, что он друг Пяткоступа?

— Тогда пауты и слепни помирать начали. Был месяц спелой ягоды. Пришел Черный Глаз к Шаману-Андрею и сказал, что у него есть бумага от большого начальника. Черному Глазу надо было проводника к священному бугру кволи-газаров. Шаман, вождь племени Кедра, сказал, что не пойдет проводником к человеку, у которого язык лисы, а глаза волка.

— Выходит, Андрей держал в руках какие-то документы Черного Глаза?

— Зачем какие документы? — удивленно спросила Югана. — У каждого человека один документ — глаза. У Черного Глаза был жадный и трусливый документ. Хо, Шаман-художник все понимает! Черный Глаз тогда обиделся и ушел в другую деревню искать себе проводника.

Югана принялась неторопливо набивать свою трубку махоркой.

— Пяткоступ был тогда с Черным Глазом и прятался в лодке?

— Нет, Тархан, Пяткоступа Югана не видела. Черный Глаз приезжал один. Пяткоступ шибко хитрый — всегда прячется от людей.

Следователь попросил у Юганы кисет и свернул себе

самокрутку. Он задумчиво смотрел, как вялые и мелкие волны переваливали прошлогоднюю траву и сучья-обломыши.

Таня шла с ведрами за водой к берегу, на ее коромысле всхлипывали пустые ведра.

— А пошто Тархан вторую жену не промышляет? — Югана многозначительно посмотрела в глаза Григория.

Дымилась у берега баня. Дым лениво стелился над водой и отражался в речном зеркале синевой свинца. Одиноко и грустно было видеть следователю в умирающем селении единственный дымный хвост у берега реки — признак человеческого стойбища.

— Куда дальше из Улангая побежит тропа Тархана? — спросила Югана.

— Надо возвращаться в Медвежий Мыс. Дело с бугровщиками-грабителями оказывается сложнее, чем я предполагал. Югана, где сейчас живет и работает Илья Кучумов? — спросил Григорий.

— Илья Кучумов после большого горя похоронил свое старое имя и фамилию. Теперь он Иткар Князев. А вождь племени Кедра Шаман уехал искать Иткара, звать его жить обратно в Улангай. Давно уже откочевал Илья-Иткар из Улангая. Наверно, прошло лет семь, а то и больше. Ушел геолог Иткар Князев на закат солнца, в ханты-мансийскую землю. Зимой прислал он письмо Шаману — живет в Нефтеюганске, на Тюменской стороне.

Глава вторая

1

В Медвежьем Мысе возле речного вокзала есть небольшой базарчик, в один прилавок, под односкатной крышей продают здесь кедровые орехи, ягоду, квашеную капусту, сметану, молоко. Главными покупателями считаются пассажиры речных судов.

Пенсионерка Агафья Тарасовна Немтырева, бывшая проводница речного теплохода, торгует обычно лекарственными кореньями, травами и грибами.

По левую руку от Агаши два старичка пасечника продают мед, а чуть в сторонке стоят мешки с кедровым орехом.

Григорий Тарханов посматривал на Агашу, и она заметила следователя.

— Чего это ты, Гришенька, ждешь кого или отдыхаешь?

Следователь подошел к Агаше и облокотился на прилавок.

— За тобой я пришел, Агафья Тарасовна.

— Какое дело собираешься пришить к моему подолу?

— Да что ты, Агаша! Поговорить нужно, посоветоваться.

— Понятно. Значит, нужно нам с тобой идти ко мне домой. Пешком ты нынче или на своей таратайке?

Тарханов принялся помогать Агаше укладывать кульки с кореньями и пучки трав в холщовый мешок.

Небольшой приземистый домик старинной рубки осел на подгнивший нижний венец.

— Так что же тебе, Гришенька, от меня нужно?

— Суть вот в чем: твоя квартирантка Ульяна Громова...

— Нашли ее? — перебив следователя, торопливо спросила Агаша.

— Нет, не нашли. Прошу тебя, Агаша, вспомни все подробно и расскажи: как и когда ты с ней встретилась, познакомилась, кто к ней приходил, о чем был разговор?

— Да-а, вот тебе и Ульянушка-певунья! Допрыгалась девонька. Что я тебе, Гриша, могу обсказать? Вот так же, как нынче, в прошлом годе в это время торговала я на базарчике. Пароход пришел как раз из Томска. Ну, значит, все разошлись с пристани, и вывернулась откуда-то девчушка, подходит ко мне. Одета бедненько. Спрашивает: «Тетенька, помогите мне определиться на квартиру». Курсы поваров она кончила... Пожалела я ее, взяла к себе. Устроилась она поварихой в экспедицию. Улетит на буровую — недельку там поварит, а потом смена. Вот и все, Гриша. А что с ней в тайге случилось, я только вчера узнала. Будто ушла Ульяна на ближнее болото за клюквой и сгинула. Вертолетом ее искали. Буровики всей бригадой ходили по тайге. С концом пропала девка. Видать, заблудилась аль медведь ухайдакал и схоронил в чащобнике.

— Да, все это так, — задумчиво сказал следователь. — Давай, Агаша, покажи мне, какие у нее вещи остались, письма. Одним словом, все имущество. Мне кажется, что тут медведь ни при чем.

— Неужто убили? — спросила Агаша.

Она вытащила из-под койки небольшой фанерный че-

модан. Следователь открыл его и выложил на стол содержимое.

— Бедновато жила девушка.

— Ничего путного завести еще не успела, — сочувственно произнесла Агаша, — но в позапрошлый день я побелку делала... Ну ясно дело, все постельное на улицу вытаскивала, так что ты думаешь? В матрасишке у нашей девочки что-то зашито.

Григорий принял из рук Агаши сверток и развернул.

— Из золота... Бог ты мой! — шепотом проговорила Агаша и сцепила пальцы.

— Да, Агаша, вазочка богатая! Из чистейшего золота... Ну что ж, Агаша, будем составлять бумагу. Подпишешь, да еще кого-нибудь из соседей пригласим.

2

Телефонный звонок заставил следователя взять трубку.

— Тарханов... Здравствуй, Леонид Викторович. Да, я просил передать, чтобы ты зашел... Ничего страшного. Снова приходится заниматься бугровщиками. Понадобилась твоя помощь, консультация.

Звонил Леонид Викторович Метляков, учитель географии и директор школьного музея.

Переговорив с ним, Григорий закурил, подошел к окну. В дверь робко постучали.

— Золотко мое, Гришенька, — пропела Агаша, входя в кабинет следователя, — я еще за зеркалом, в углу, вот банку нашла. Высыпала на стол — вроде бы наконечники от стрел. Костяные, но одна пустышка каменная...

— Хорошо, Агаша, все это приложим к золотой вазочке, — сказал Григорий, осмотрев несколько наконечников.

— Так а вазочка-то из самого настоящего золота? — спросила Агаша.

— Да, чистейшее скифское золото. Специалист уже дал заключение.

— Ты меня, Гриша, в тот раз просил хорошо повспоминать. Припомнила я, что встречалась она с одним чернявым, чуть хромым...

— На правую ногу? — торопливо спросил Григорий.

— Верно. Вроде бы на пятку оседал.

— Спасибо, Агаша. Это очень важно. Если еще вспомнишь — заходи.

— Ой, Гриша, боюсь я. А ежели тот хромоногий вернется и потребует от меня эту золотую вазу?

— Нет, Агаша, этот волк по старому следу не пойдет. Живи спокойно.

— А может, дадите мне ружьишко или наганишко на всякий случай? Кто знает: не хромоногий, так его дружки могут нагрянуть.

— Никто тебя, Агаша, не потревожит, — уверенно проговорил следователь.

Леонид Викторович Метляков появился в кабинете следователя во второй половине дня.

— Слава богу, наконец освободился. Что ж, выкладывай, Гриша, свое дело.

— Нашлась, Леонид Викторович, небольшая золотая ваза. А вот откуда она, из какого кургана или захоронения — судить тебе.

Тарханов достал вазу величиной с чайное блюдце.

— Богатая вещичка! Пожалуй, могу кое-что определенное сказать. По окружности изображены птицы — голова к голове, попарно. Крылья обозначены рельефно, выпукло. Вместо глаз точки. Имеется у нас единственная аналогия, но выполнена из бронзы. Точно не помню, но, кажется, нашли ее на Басандайском или Степановском раскопе.

— Выходит, вазочка изготовлялась где-то на нашей юганской земле? — поинтересовался следователь. Он достал из ящика стола Агашины костяные наконечники.

— Ну и ну! — удивлялся учитель, бегло осмотрев несколько наконечников. — Вот этот каменный наконечник поющей стрелы большая редкость. В него вкладывались костяные шарики с прорезями. Звук получался при полете свистяще-шипящим.

— Так, — произнес Григорий и немного помолчал. — Я думаю, с вазой в захоронении лежало много таких же чудных вещиц.

— Думаю, Гриша, вазочка эта найдена в богатом захоронении, — уверенно ответил Леонид Викторович. — Но откуда все это к тебе попало?

— История такая: дней пять назад исчезла молодая женщина, повариха буровой бригады. Ушла она за клюквой, и с концом... А ваза эта была припрятана у нее в постели, в ватном тюфяке.

— Такая уж несчастная судьба у нашей матушки-

археологии, — вздохнул Леонид Викторович. — Рядом с добром всегда бродит зло. Кто знает, возможно, и сейчас на васюганской земле пиратничают матерые бугровщики.

Следователь расстелил на столе карту Томской области.

— Покажи мне, где в последние годы работали наши томские археологи? Меня интересует район верховьев Вас-Югана.

— Пока ведутся раскопки только в единственном месте — около озера Эмтор. Это недалеко от поселка Новый Вас-Юган. Но там золотом и близко не пахнет. В основном все бронза.

— Значит, верховье Вас-Югана наши археологи еще не начали изучать? Мне, видимо, придется разрабатывать версию о том, что золотая ваза найдена кем-то из рабочих нефтеразведки.

— Возможно, — согласился Леонид Викторович. — Старый парусный цыган Федор Романович Решетников как-то подарил нашему музею флюгарку чудной ковки. Такие флюгарки устанавливались на мачтах старинных русских кочей. Еще он подарил три бронзовые конские подковы. Вещицы очень древние. Я с ним разговорился. Он кое-что знает о юганских бугровщиках.

— Это идея! Спасибо тебе, Леонид Викторович.

Следователь тут же попросил дежурного шофера съездить за старым цыганом.

Кряжистый старик цыган с седыми длинными волосами был одет в напускные шаровары из коричневого вельвета и ярко-голубую косоворотку, перехваченную узорчатой опояской из витого шелка. Он вразвалку подошел к столу.

— Федор Романович, — сказал Тарханов, — нас интересуют старые томские бугровщики. Кто из них сейчас в живых?

— Ого-го, соколик Гриша! Посчитай, мне уже пришло время носом тропинку бороздить, а бугровщики уже все в своих норках спят. О них и духу-помину не осталось.

— Федор Романович, а помните, прошлой осенью вы мне рассказывали о Беркуле?

— Какую тут хворобу сказывать, соколики вы мои? Мы, парусные цыгане, золото любим. У наших красавиц оно всегда в почете. Сейчас-то уж нет того золота, что бывало. Так, одна медная да бронзовая мишура. А золотые могилы по Иртышу и Таре давно поделены меж

собой бугровщиками. Не дай бог, ежели например томские бугровщики зайдут на иртышскую сторону! Убьют. Целые войны бывали из-за могил кволи-газаров. Помню, в году пятнадцатом чижапский бугровщик Миша Беркуль набрал пять молодцев, пошли они на перехват иртышской дружины бугровщиков. Подкараулили и честь честью убаюкали в болото на вечное поселение, в вечный рай.

Старик вытащил старенькую, прокуренную трубку, подержал в зубах и снова упрятал в бездонный карман шаровар.

— Выходит, Беркуль знал о том, что иртышские бугровщики зацепили добычу? — спросил Григорий. — А обратно они добрались?

— Никто не добрался. Где лежит то золото — одному богу известно. Хотя было оно, соколики, можно сказать, в моих руках. Галера моя тогда заползала в верховье Чижапки. И вот ночью пришел старик и на ухо мне: «Мало-мало русска человека, сильно ой-ой». Что делать? Отправился. Пришел в чум к шаманчику, вижу — у костра Миша Беркуль. А он доводился нашим парусным цыганам вроде бы сродни — жену брал у нас на плавучем караване и мог неплохо говорить по-цыгански. Поведал он мне тогда в юрте о своем походе на прииртышских бугровщиков. «Ты, — говорит, — Федя, передай вот этот крестик моему старшему сыну Адэру». Взял я тот крестик — самодельный он, из лосиного рога — и передал Адэру.

— Федор Романович, вспомни разговор в юрте. Почему ты уверенно говоришь, что золото было? — спросил следователь.

— Вот она, капля из того золота! — Старый цыган тронул пальцем большую серьгу-полумесяц в мочке правого уха. — Оттуда она, из иртышского бугра.

— Федор Романович, а что за крестик костяной? Может быть, на нем были какие-то знаки, рисунки?

— Как же, соколик, не быть. На верхнем конце кружок с усами во все стороны — солнышко. А посередке щучья голова, вокруг нее какие-то узоры вроде змей и лука со стрелами. Потом уж, когда отдал я этот крестик Адэру, то понял, что это был план и место, где спрятано золото, отобранное у бугровщиков.

— А что, Беркуль один ходил на промысел? — тихо спросил Леонид Викторович. Он уже догадывался, какая

могла разыграться трагедия при дележе богатой добычи.

— Ха, ты, соколик, не знавал Мишу Беркуля! Лихая, отчаянная был головушка! При дележе, как рассказал он мне тогда в юрте, скандал у них получился. Ранил Беркуля ножом в руку Логутай и сгоряча ухлопал всех своих дружков. А золото где-то в землицу схоронил. Подобрали Мишу остяки. Умер он при мне. Похоронили мы его у берега, под корявой сосной.

Следователь вынул из ящика письменного стола золотую вазочку и поставил поближе к глазам старого цыгана. Тот долго и молча искал в кармане шаровар футляр с очками.

— Это, соколики вы мои, божья дымокурница.

Старый цыган умолк и задумался, глаза его утонули под мохнатыми седыми бровями.

— Дедушка, тебе приходилось раньше держать в руках что-нибудь вроде этой вазы? — нетерпеливо спросил Леонид Викторович и вместе со стулом придвинулся к столу.

— Не только держать, но и скоблить напильником.

— Федор Романович, расскажи подробней! — сдерживая волнение, попросил следователь. На одном из лепестков золотой вазы он заметил незначительную выемку, сделанную наждаком или напильником.

— А это принято у остяков и тунгусов — если сломаная рука или нога не срастается, то скоблят опилки с медного пятака сибирского чекана. В нем большая примесь золота. И золотая медь помогала — кость срасталась. Вот и Миша Беркуль тогда попросил, чтоб ему наскоблили золота и дали выпить с медвежьим салом.

— А чья была золотая ваза?

— Остяцкого шамана. В ней сжигалась богородская трава, когда приносилась жертва Золотой Бабе.

Следователь спросил Леонида Викторовича:

— Могла эта золотая ваза оказаться в месте жертвоприношения на культовом Перновом Бугре?

— Вполне! — подтвердил учитель и спросил у старика: — А где это место, на котором ханты приносили жертвы?

— Пернов Бугор был где-то в верховьях Чижапки или Нюрольки. А где? Кто их знает? Держалось это в секрете. — Старик поднялся и сказал Григорию: — Югана должна знать Пернов Бугор.

3

В гостинице Григория встретила дежурная:

— Я раскладушку в ваш номер поставила. Подселили к вам хорошего человека. Геолог. Теснота у нас страшенная.

— Понимаю. В тесноте не в обиде.

— Чайку вам в номер принести?

Соседом следователя оказался Матвей Борисович Жарков из Стрежевской нефтепоисковой экспедиции.

— Я вижу, вы собрались поужинать?

— Да, собрался, но решил дождаться вас. У меня в портфеле притаилась бутылка доброго коньяку.

— Спасибо, Матвей Борисович, но я уже поужинал.

— Все же плесну вам самую малость? — предложил геолог.

— Что ж, грех отказываться, — согласился Григорий.

Геолог доставал из консервной банки складным ножом зажаренных ельчиков, клал их на ломоть хлеба и отправлял в рот.

— Если не секрет, каким делом приходится заниматься сейчас? — спросил он. — Грабеж, убийство?

Тарханов ответил, что ищет бугровщиков-грабителей, неуловимых кладоискателей.

— А вам не приходилось встречаться с человеком по имени Иткар? — спросил геолог, укладываясь на раскладушку.

— Иткар? Что-то я слышал от Юганы.

— Иткар — значит Черная Собака. А Громовая Собака — это что-то вроде нашего Перуна Громовержца. Так вот: Иткара я ищу уже лет шесть. Собственно говоря, ищу не то слово, так, все больше думаю о нем, расспрашиваю, не приходилось ли кому встречаться с ним.

— Что же выдающегося он свершил?

— Понимаете, лет шесть назад работал я в Александровской экспедиции. Предстояло нам бурить скважину на новой площади в самом верховье Лурь-Егана. Однажды утром свалился на буровую к нам незнакомый человек. Сидит на пне, курит трубку. Подошел я, поздоровался. Наша Дуся, повариха, быстро сообразила завтрак. Говорил он по-русски чисто. С первых же слов начал он, как говорится, брать медведя на рогатину. «Нефть, — говорит, — маленько есть тут. Но ты ни одной капли не

возьмешь. В верхнем интервале проходки случится на буровой авария...»

— И что же предсказание? Сбылось?

— Об этом-то и хочется мне сказать вам, Григорий Владимирович! Я, конечно, тогда удивился. «В пророках и шаманах, — говорю, — не нуждаюсь и никаким гаданиям не верю». Он посмотрел на меня как на первоклассника. «Ты же геолог. Подскажи своему начальству: скважину в мерзлоте необходимо обуздать обсадными трубами, иначе ствол обрыхлеет. Не спешите с проходкой. Спешка погубит скважину».

— Но откуда в наших краях мерзлота? — удивился Тарханов.

— Вот-вот! И я тогда ляпнул Иткару: откуда, мол, какая мерзлота? А он мне пояснил, что еще в тридцать девятом году мерзлота давала на сейсмолентах большие помехи.

— Он, случайно, не изложил вам на бумаге схему пластов? — спросил следователь. Ему хотелось знать, остались ли у геолога бумаги с почерком Иткара. Если Иткар — это и есть Илья Кучумов, то почерк его Григорий хорошо знал.

— Да, Иткар обстоятельно все изложил на бумаге. Но я вернул эту бумагу. «В геологии я не новичок. Как-нибудь обойдусь без предсказателей».

— Сбылось предсказание Иткара?

— Еще как! Через тысячу метров смяло у нас колонну. Вот тут мы и запели матушку-репку!

Геолог поднялся с раскладушки, открыл форточку и закурил.

— Матвей Борисович, так кто же все-таки такой Иткар?

— Долго рассказывать...

На тумбочке хрипло затарахтел телефон. Не вставая с кровати, Тарханов снял трубку.

— Да, я... Что? Молодец, Леонид Викторович! Я же предчувствовал, что это не простой наконечник поющей стрелы. Видимо, такие стрелы использовались при каких-то обрядах... Вот что еще. Тут со мной в номере геолог, Матвей Борисович... Он рассказал мне любопытную историю об Иткаре.

Разговор длился несколько минут. Матвей Борисович, скрестив руки на груди, ждал.

— Ну и как? Что сказал ваш товарищ?

— Иткар Князев — это, так сказать, второе имя Ильи Кучумова, главного геолога Улангаевской нефтеразведки. Сейчас он работает в Сургутском районе, кажется, в Нефтеюганской экспедиции.

Геолог обрадованно проговорил:

— А я-то считал, что это какой-то ученый-геолог.

— В какой-то мере вы правы, Матвей Борисович. Товарищи Иткара Князева уже возглавляют институты, тресты. А Иткар затерялся...

— Что же его сломило?

— Сразу несколько бед. На буровой произошла крупная авария вроде бы по его вине. Разбирательство, нервотрепка, понижение в должности. А когда он прилетел с буровой, жена и две дочери были мертвы.

— Как же это могло случиться?!

— Печь, угар. Топили углем.

— Да-а, такое пережить... — протянул геолог.

— После этого Иткар запил горькую. Но его спасла Югана. Она его и окрестила в Иткара Князева.

— А что за причина аварии на буровой?

— За достоверность не ручаюсь. Но ходили слухи, что Кучумов дал указание продолжать бурение. На трех тысячах произошел выброс газа. Погибло два человека.

Рано утром геолог и следователь расстались, Матвей Борисович улетел на буровую, а Григорий отправился на встречу с учителем географии Метляковым.

Глава третья

1

Старая охотничья избушка была выстроена на красивом берегу таежного озера. Иткар Князев сидел у раскрытых дверей. Сыпался густой мелкий дождь. Тайга дышала свежестью, хвоя сосен и кедров искрилась.

Иткар Князев прилетел на буровую для анализа озерной воды. Анализ показал, что в воде содержится йод. Это обрадовало Иткара Князева. Высокая концентрация йода — свидетельство присутствия нефти.

Иткар поспешно встал. От буровой шел вертолет.

Из открытых дверей вертолета выскочил мужчина в штормовке и болотных сапогах, на спине небольшой рюкзак.

— Ан-дрю-шка-а! — радостно закричал Иткар Кня-

зев. — Паче рума, Андрей! Здравствуй, большой друг! Как ты отыскал меня тут?

— Очень просто. Прилетел в Нефтеюганск, пришел в ваше управление и спросил.

— Вовремя ты прилетел, Андрей. Завтра начнем испытание скважины. Должна быть нефть! Палеозойская нефть!

— Палеозой — это хорошо. А вот жареная лосиная грудинка еще лучше, — похлопав ладошкой по рюкзаку, сказал Андрей, — и еще бутылка вина.

Над углями костра жарились на деревянных шампурах ломтики лосиного мяса, сбегал розоватый сок на угли, к запаху мяса подмешивался аромат багульника.

После обеда друзья пошли к озеру.

— Почти двадцать лет топчутся томские геологи на васюганском болоте, — сказал Андрей.

— Еще Обручев говорил, что западное верховье Вас-Югана — уникальная кладовая нефти. Он прилетал заложить одну или две опорные скважины до пяти тысяч метров, изучить палеозойские глубины. Но в то время выходить на глубину пять тысяч метров! И все же не дает мне покоя Нюрольская впадина. Понимаешь, по моим расчетам, в районе Ай-Кары находится богатейшее месторождение палеозойской нефти. Во много раз больше нижневартовского Самотлора!

Они сели на ствол сосны, вывороченной ветровалом.

— Мне кажется, Иткар, это все пустые разговоры. Нужны доказательства.

Андрей достал из кармана блокнот и протянул Иткару.

— Нарисуй-ка для наглядности приток Нюрольки Ай-Кару.

— Представь себе, Андрей, в самом верховье Чижапки, у деревни Лавровки, обнаружили могильник древнего человека. Рядом с каменным топором и костяными наконечниками стрел окаменевшие кусочки нефти! Значит, древние люди как-то использовали нефть.

— Ну, скважин глубоких человек неолита не бурил! Возможно, он находил нефть, вытекающую на поверхность.

— О! И, по моим расчетам, миграция нефти больших глубин происходила в районе Черной Стрелы. По образовавшимся трещинам нефть палеозоя поднялась к дневной поверхности.

— Малость уложилось в голове, — сказал Андрей и рассмеялся.

— Я считаю, что все залежи в районе Вас-Югана — это всего-навсего нефтяные капельки. Большая нефть лежит в Нюрольской впадине!

Со стороны буровой взвилась ракета и рассыпалась в небе бледно-красными искрами.

— Что случилось? — спросил Андрей.

— Тракторист должен выехать за нами. Так было условлено, — пояснил Иткар.

У берега резвились окуни, всплескивались щуки. Недалеко кричала роньжа.

— У нас один выход: бросать Улангай и уходить на юг Вас-Югана, в Кайтес, — тихо сказал Андрей. Ради этого он и прилетел к Иткару.

— Андрей, продержитесь в Улангае до осени. Попроси Югану, Таню — они поймут. Если я ошибусь, то вместе с вами уйду в Кайтес. Брошу к чертям всю геологию и этот вечный поиск нефти!

2

На стремнине Вас-Югана показалась лодка с белым крылом. Дальнозоркая Югана улыбнулась и закурила трубку. Старый цыган причалил лодку с парусом и бодро поднялся на берег.

— Здравствуй, мудрая мать племени Кедра! — сказал он и поклонился.

— Здравствуй, вождь парусных цыган. Югана желает здоровья Федору Романовичу, человеку большой речной тропы.

Глядя на широкую грудь и окладистую бороду цыгана, эвенкийка думала: «Что же погнало его на кочевую тропу?»

Они сели на ступеньку крыльца. Югана неторопливо попыхивала дымом.

— Надо мне, Югана, с Тунгиром повстречаться. Не могу никак найти клад Миши Беркуля.

— Федя давно говорил, что искал и не нашел клад Беркуля.

— Решил еще разок попытаться. Авось повезет!

Югана понимала, что поманил парусного цыгана на тропу, оставленную в молодости, не только клад.

— Подскажи мне, Югана, где Пернов Бугор?

Старуха долго чистила трубку костяной лопаточкой.

— Люди парусных цыган не давали жертву богам на Перновом Бугре. Что манит Федю на святилище?

— Золото. Гриша Тарханов просил меня подумать и вспомнить. Какой-то Пяткоступ варначит в урмане.

Парусный цыган почему-то не смотрел в глаза эвенкийке. Югана подумала, что Федора Романовича привело к ней не одно желание помочь следователю.

— Зачем вождю парусных цыган искать золото, которого он не терял?

Замолчал Федор Романович. Опустив голову, он держал в зубах трубку и думал о чем-то своем.

— А скор мужик на ногу! — сказал Федор Романович, услышав скрип калитки. — Вон уже в ограду вошел. А что, греха не будет, если с утра прослезиться грамм на сто! — сказал весело старый цыган и подмигнул Иткару. Он выпил и принялся закусывать рыбным частиком из консервной банки. Агаша закусывала конфетами.

Коньяк расхрабрил цыганскую кровь. Глаза у Федора Романовича заблестели.

Агаша сняла с шеи крестик на витой медной цепочке и подкинула его на ладошке.

— Пора, Федюша, погадать.

Старик близко заглянул в глаза Иткару.

— Дело у меня большущей важности, Иткарушка. Растолкуй: какие это знаки на крестике, что они из себя значат?

— Думаю, ничего тут сложного нет. Обыкновенное тамговое письмо. Обозначено, где оставлены хлеб и мясо для зимней охоты, — сказал Иткар, посмотрев знаки на крестике.

— Запас для охоты! — удивленно проговорил парусный цыган. — А как этот хлебушек найти? Ведь поболее полувека лежит он в тайге.

— Найти это место можно в верховье Вас-Югана, в родовом урмане Тунгиров.

Неожиданно вмешалась в разговор Агаша.

— Иткарушка, а пошто об этом записано на костяном крестике? Может, кроме харчей, там лежит еще что-то? Смотри: мы с Федюшей помрем — богатство тебе достанется.

— Какое богатство? О чем ты говоришь? — удивился Иткар.

Прикусила Агаша язык, но поздно. Федор Романович сердито посмотрел на болтливую женщину.

— Ах ты, шара-пыра в юбке! Иткарушка, Миша Беркуль вроде бы прятал клад. Его это крестик.

— Федор Романович, но это же другая песня! Смотри: вот этот кружочек с четырьмя стрелками говорит о том, что нужно стать лицом в сторону полуденного солнца. Тень от человека при полуденном солнце не должна быть длиннее вытянутой руки...

— Якорь тебя за ногу, верно ты сказал! Самая короткая тень летом в конце июня. А я-то гадал!

— А потом, дедушка, уже на месте нужно искать тропу к лабазу. Но тут значится тамга — трехрогая острога. Острием она указывает вниз. Значит, лабаз находится под землей. Что-то там захоронено...

Глава четвертая

1

Восточную рубцеватую гриву таежного горизонта чуть-чуть поджарило голубовато-алым горбом восходящего солнца. Улицы Кайтеса безлюдны. Утонув в легком прибрежном тумане, спит древний острог мудрым предутренним сном.

На берегу Вас-Югана, по соседству с домом Перуна Заболотникова, стоит новый пятистенник, рубленный из толстых кедровых бревен; в этом доме живет Александр Гулов.

Валентина, жена Гулова, поднимается утрами рано, чтобы приготовить затрак для мужа, чтобы собрать его и проводить в дорогу, когда он уезжает на пасеки. Беспокойная должность у главы пчеловодческой общины: он должен пораньше, за час или два, прийти в контору и составить план работы на следующий день, обдумать, куда и на какую пасеку необходимо съездить, с кем повстречаться и какой вопрос решить.

Почему кайтесовцы свою маленькую пчеловодческую артель именуют общиной? Дело в том, что с далекой старины не прижилось в этом краю слово «артель», — «ар» — много, «тель» — скот. Вот и получается, как

считают кайтесовцы, на русском языке слово «артель» означает — «многоскотие». Но совсем другое дело — община, это слово звучит исстари как дружба, взаимопомощь.

Старейшину Кайтеса Илью Владимировича Заболотникова и величают одноземельцы юганские Перуном Владимировичем. В Кайтесе со стародавних времен к языческим богам больше питают доверия и любви, чем к христианским, а поэтому имена мужские и женские всегда переиначиваются на староязыческий лад.

От затопленной печи в гуловском доме густой дымный хвост из трубы плыл кособоко, стелясь по-над крышами соседских изб, как бы сигналя побудку. Валентина вышла за ворота, легко перекинула на плечо коромысло с ведрами и направилась по росистому придорожному мелкотравью к колодцу за водой.

Агроном Алена Стражникова, услышав поскрип говорливого вала колодца, поднялась с койки. Раскинув руки, сладко потянулась, откинула за спину длиннущие, черные как смоль волосы, а потом с улыбкой поправила подушку в изголовье мужа. «Надо сегодня пораньше прийти в контору», — подумала она.

— Алена, слышь-ка ты, — подойдя к калитке, крикнул дед Ефрем, кайтесовский почтальон. — Воскресничай сегодня, отдыхай... Саша просил сказать — один он съездит на пасеки.

И пошла молодая сибирячка встречать весеннее утро дойкой коровы. Можно было бы и не спешить — понежиться в постели, но крепок сон мужчины, когда где-то за дальними огородами ухает кукушка.

Рано, без суеты просыпается Кайтес. А еще до дымной трубы над крышей гуловского дома ушел прогуляться Перун Заболотников за деревню. Он, пожалуй, единственный человек в Кайтесе, который как бы боится проспать восход солнца, пропустить минуты рождения нового дня. И сегодня, как и обычно, шагает он на окраину селения к излюбленному месту — Чум-Кэри.

Юганско-обские юги, ханты, эвенки, жившие в далекие времена по таежным рекам в этих краях, так же называли этот небольшой холмик у берега реки — Чум-Кэри. У васюганских арьяхов и в наше время печь, очаг называют «кэр». По-русски «Чум-Кэри» — «дом, где живет земной огонь».

Кайтес невелик и малолюден, но глубок он своими традициями, которые уходят в давность более тысячелетия. Жители нынешнего Кайтеса — это потомки древних русских новогородцев-язычников. На севере Руси христианство распространялось очень вяло. Страстно отстаивали свою древнюю веру новгородские жрецы, под их руководством вспыхивали бунты. Мятежный жрец, знатный коваль и ваятель новогородец Умбарс, руками которого был сотворен не один идол Перуна, после поражения восстания волхвов, которое он возглавлял, увел из новгородской земли повстанцев к вятичам. А из «вятчины» под предводительством Умбарса отправилось более шести тысяч перунцев в великое кочевье в полузабытую землю своих предков антов, в бывшее великое княжество русских славян по Иртышу, туда, где и поныне в районе Тары, Большеречья и Тевриза спят в курганах анты— воины, русские родоначальники, вожди.

Шли новгородские дружины перунцев северным путем, через Обскую губу. У устья Иртыша, чтоб избежать стычки с воинственным племенем угров, решил Умбарс вести караван из речных кочей дальним путем, но верным и бескровопролитным — через Полуденную Обь, а потом по Вас-Югану, в самое верховье этой таежно-болотистой реки, до места, где сейчас стоит Кайтес.

В стародавних, досельных преданиях угров-хантов, селькупов сохранились сказания о загадочном народе — кволи-газарах. Ученые не могут выяснить, что это были за люди на обских землях и куда они исчезли. В летописи Кайтеса дается описание и местожительства народа кволи-газары. Древние люди кволи были русоволосы, белолицы. И называли их досельные ханты, селькупы «березовыми людьми». У хантов, эвенков, селькупов цвет передавался сравнением: если, например, упоминается племя «карга», то это значит «орда черноволосых, смуглых людей». Почему упор делается на волосы? Да очень просто: из далеких, первобытных времен идет поверье, что одна из главных душ человека живет в голове, в волосах.

Жили кволи-газары в огромных, густонаселенных поселках по берегам Иртыша, Тары, Вас-Югана, Тыма, Югана. Зимние жилища устраивались ими в земле — в яму опускался сруб из толстых бревен. Летние жилища были свайными, ставились в основном по берегам промысловых рек, богатых рыбой. Охотились кволи-газары на бобров,

оленей и были также неплохими скотоводами — разводили лошадей, короз, овец. Поклонялись кволи-газары священным деревьям: кедру, березе. Птица казара, кедровка, считалась священной хранительницей духа кедра и главной помощницей жреца-шамана при камлании. Белая речная чайка также называлась казарой и почиталась как дух речного божества, покровительница рыбаков.

Много загадок оставили на васюганской земле древние люди кволи-газары. Археологи в недоумении и тупике: почему кволи отрубали у покойников головы и хоронили отдельно от туловища; почему они поклонялись рыбам, щуке особенно, а также лягушке, некоторым птицам? И на все это можно найти ответ в летописи Кайтеса: воины, погибшие вдали от родного сельбища, хоронились в могилах или сжигались на чужбине с отсеченной головой. Делалось это потому, что главная душа находилась, по поверью, в голове, скальпе. И чтобы неприятельские жрецы или шаманы не могли пленить душу воина и чтобы душа не обиделась на соплеменников, отнятые головы погибших воинов увозили и хоронили в родных краях со всеми почестями. Если это было в летнее время, то голову заливали воском, медом или топленым салом и в сохранности доставляли в родовое сельбище.

Одним из главных речных духов у кволи-газаров была щука. Зубастая щучья голова хранилась засушенной. Истолченные кости щучьей головы, считалось, излечивают живот от болезней, а если подвесить щучью голову над косяком дверей, окон и даже над колыбелью ребенка, то дом и дети будут охраняться от злых духов, болезней. Женским духом-покровителем являлась змея, лягушка. Высушенная кожа лягушки или змеи носилась беременными женщинами на груди в замшевом мешочке или на тесемке, сплетенной из медвежьей шерсти.

Перун Владимирович Заболотников знает много разных поверий далекой старины и охотно рассказывает молодому поколению и гостям Кайтеса об истории этой земли, о пришедших сюда непокорных новгородских язычниках, породнившихся с племенем Кволи-Газар.

Но однажды племя Кволи-Газар постигло великое горе: разразилась свирепая эпидемия, которая выкосила многолюдные селения, а оставшиеся в живых в страхе бежали от мертвых стойбищ в глухие, отдаленные места. Когда русские перунцы появились на Оби и Вас-Югане, от многолюдного племени Кволи-Газар осталось несколько сот

человек, рассеянных небольшими семьями по верховьям рек Вас-Юган, Тым, Парабель.

Кайтесовский летописец из первопоселенцев оставил свой голос на берестяных листах-свитках и коже, отбеленной осиновой золой. Тот летописец пояснил потомкам, что люди кволи-газары есть анты и обличьем они как русские, но язык их тяжел для уха новгородца. А зовут они себя югами.

Согласно летописи Кайтеса вождь югов и его две молодые жены, взятые из родственного племени саранкумов, покинув вымерший город, укрылись в глухом, отдаленном от Оби урмане на берегу Вас-Югана. Вождь югов носил имя Иткар. От первой жены у него родился сын Тенигус и дочь Кэри. Вторая жена была бездетной.

Однажды весной Кэри сушила на вешалах у костра «ремни» лосиного мяса, а ее брат Тенигус с отцом промышляли бобров на отдаленном таежном озере. Вдруг издали, с реки, в полуденный час, когда птицы летели из далеких земель к своим юганским гнездовьям, начали доноситься непонятные звуки. Но то были не звуки ветра, не плеск волн и не голос перелетных гусей. По Вас-Югану плыли боевые кочи. Кэри ясно слышала стук гребей, весел, — их поскрип об уключины. И видела она, как на передовом коче у высокй жердины-мачты стояла женщина. Вскинув руки, держала та женщина в одной лук с отпущенной тетивой, в другой — расправленное крыло лебедя — знак мира, понятный на любом языке, в любом земном краю. Женщина стояла на поперечной плахе, перекинутой на борта коча, на ней была ярко-алая накидка. Над таежной рекой лилась песня — женщина пела песню мира. Эхо вторило ее чудесному голосу. Если бы эти люди, заметив стойбище чужого племени, решили говорить языком стрел и мечей, то на передовом коче стоял бы мужчина и держал бы он в одной руке поднятое копье, в другой — обнаженный меч и пел бы устрашающий гимн войны.

Кэри и ее обе матери не убежали от страха в прибрежный урман, когда к берегу причалили большие ладьи. Слышался стук весел, багров и малопонятный говор пришельцев. На солнце поблескивали медные щиты, бронзовые нагрудники. Золотом горели рукояти мечей, кинжалов. Передовая дружина новгородских перунцев остановилась на берегу рядом с небольшим девичьим чумом Кэри. Женщина, певшая гимн мира на передовом коче,

теперь стояла рядом с Кэри и что-то спрашивала, говорила сама. Потом подошел к девушке мужчина в плетеной стальной кольчуге и тоже начал спрашивать Кэри. Но разве может лебедь понять голос орла... Это был для Кэри язык другой земли, другого племени, но временами девушке казалось, что многие слова она хорошо понимает. И тогда вождь голубоглазых воинов, рожденный белолицей женщиной, взял Кэри за руку, прижал ее к своей груди и сказал: «Умбарс».

Кэри повторила знак мира и любви: она прижала руку Умбарса к своей груди и, смотря в глаза вождю русской дружины, сказала:

— Кэри!..

Потом Умбарс повел Кэри к берегу и, указав пальцем на реку, а потом на губы девушки, спросил, как называется эта река.

Кэри поняла знаки вождя сильных людей. Девушка раскинула руки, как крылья на взлете, что означало: «Вся-вся эта земля и река», — а потом добавила, сказала на языке югов:

— Би-югор-ма, Юр-морт Иткар, — повернувшись лицом к своему чуму, девушка пояснила: — Чумкас му Юган...

На земле Огненной Белки главный человек племени югов Иткар. Так сказала Кэри Умбарсу. А река эта называется Юган, дополнила она.

Историю родной юганской земли в Кайтесе преподают детям с первых шагов, и эта древнерусская сибирская история врезается в детскую душу, в память сказкой, чудной легендой и былью.

Перун Владимирович в это утро о многом передумал, сидя у Чума-Кэри. Ведь его сибирский род начался от Умбарса, вождя и жреца русских перунцев, покинувших новгородскую землю в девятьсот девяносто восьмом году, можно уже округленно считать — тысячу лет назад. Это он, Умбарс, предок Перуна Заболотникова, принял решение не продвигаться дальше на юг к полуденному Иртышу, а заложить на этом месте береговой острог Кай-Тес. От Кэри, девушки племени югов, и русского князя Сварожича, великого знатока кузнечного дела, начался род Князевых Иткаров. И вот уже тысячелетие семя от семени, кровь от крови идет одно поколение за другим. Грустно, но сейчас осталось лишь два человека, в чьих жилах течет кровь древнего князя Сварожича и Кэри — это

Иткар-Илья Князев-Кучумов и его дядя, живущий поныне в Кайтесе.

Сейчас Перун Владимирович мысленно разговаривал с геологом Иткаром Князевым, звал его навестить Кайтес, погостить на родной земле своих предков в это чудное весеннее время.

А предки Иткаров Князевых были одними из главных героев юганской земли: они были воинами, землепроходцами, охотниками, рыбаками и летописцами. В роду Иткаров были сказители-былинники, кузнецы, рудознатцы; они могли варить доброе железо и сталь из юганской болотной руды и отливали из привозной меди бронзовых языческих богов и божков. Где же ты, продолжатель рода Кэри и Сварожича? Перун и земля урманная древнего Кайтеса ждут тебя, геолог Иткар Князев...

День Гласа Перуна не имеет определенной ежегодной даты, а отмечается после того, как великий повелитель неба Перун, бог грома и молнии, он же владыка водной стихии и даритель плодородия, возвестит свой приход в край древней таежной земли могучим небесным рокотом. День Гласа Перуна считается особенно праздничным у кайтесовской молодежи — в это время происходит помолвка влюбленных. На берегу Вас-Югана у Чума-Кэри сходится народ, собирается на согласие — совет, собрание. Но слово «собрание» не употребляется кайтесовцами, а всегда говорят: «Сегодня в клубе у нас будет согласие»; или: «Наш Гулов уехал в Медвежий Мыс на согласие председателей артелей, колхозов».

У Чума-Кэри на согласии та или другая девушка объявляет, что я, такая-то, с этого часа считаю своим женихом такого-то мужчину или юношу. В свою очередь, избранник девушки перед лицом сельчан и родных дает клятву на верность любимой женщине, девушке. После согласия помолвленные жених и невеста навещают священную кедровую рощу, что лежит вокруг Озера Пепла чудным вечнозеленым хвоистым кольцом.

2

В Кайтесе нынче радость: помолвка Андрея Шаманова с внучкой Перуна Заболотникова Богданой.

Жениха встретил сам Перун Владимирович, пригласил в дом. Андрей Шаманов для кайтесовцев гость дорогой и долгожданный. Его встречают как родного. В каждом

доме Кайтеса в красном углу портреты хозяина, хозяйки или пейзаж таежный — все это работы Андрея Шаманова.

Пока Власта Олеговна хлопотала на кухне, Андрей с Сашей Гуловым сходили в баню.

Счастливый жених зевал, нынче и завтра он Богдану не увидит — таков обычай. До помолвки на берегу Вас-Югана невеста должна быть вдали от жениха, под охраной верных подруг.

На обеденном столе стоит самовар красной меди. Пришло время чай пить. Андрей Шаманов почувствовал, как по его жилам потекло тепло. Сам Перун Владимирович сидел в своем удобном кресле, вытянув ноги. Трудно поверить, что этому человеку сто пятнадцать лет.

— Выходит, Иткар заезжал в Улангай на однодневку? — переспросил Перун Владимирович, хотя из рассказа Юганы знал, что Иткар прилетал и предлагал Андрею, Югане, Тане Волнорезовой и старикам Чарымовым переехать в Ханты-Мансийский национальный округ. В Нефтеюганске их примут, дадут благоустроенные квартиры.

— Хо, Иткару шибко жалко будет, если Улангай совсем помрет. Вождь племени Кедра будет жить в Улангае всегда. Иткар поедет в Томск. Петьку Катыльгина звать на Вас-Юган.

— А может быть, прав Иткар, надо всем вам уехать из Улангая? Хотя бы к нам, в Кайтес, — сказала Власта Олеговна.

— Хо, как можно ехать совсем? У родины нет крыльев и ног — она не ходит и не летает за тем, кто ушел с ее земли. У Шамана, вождя племени Кедра, есть своя земля, есть молодой вождь Орлан, которому надо передать великие урманы Вас-Югана.

У Андрея заныло под сердцем. Он думал о том, что ему уже сорок семь лет, а Богдане всего двадцать шесть.

Перун Владимирович повернулся в сторону Андрея и предложил:

— Пойдем-ка прогуляемся по берегу, посидим у воды.

Остановились они возле кузницы. Перун Владимирович отдал низкий поклон кузнецу Князеву.

— Громол Михайлович! Прошу тебя отковать меч моей внучке Богдане и ее жениху, вождю племени Кедра Андрею Шаманову. Откуй мечи зачинателям молодой семьи как знак мира и счастья.

Громол Михайлович, как того требовал обычай, поклонился на все четыре стороны. Первый поклон был стороне восхода солнца.

— Мои руки еще не разучились выплавлять железо из нашей юганской озерной руды. Рукам моим по силам еще ковать. Я сделаю меч вождю племени Кедра. А сейчас прошу привезти мне чистый огонь, заговоренный, да еще оставьте мне на подмогу двух молодцов.

Откуда пошел в Кайтесе обычай ковать меч ко дню помолвки или обручения? Выпала тяжкая доля со времен камня и бронзы. Свою гордую независимость защищал славянин с древнейших времен силой оружия. Многие пытались поставить его на колени, но никому не били поклоны русичи, не страшили их иноземные мечи и стрелы, на мече крестился русский человек и с мечом ложился он под могильный холм.

3

Час назад Троян-Колокол пригласил весь Кайтес на закалку мечей для помолвленных.

Рядом с Александром Гуловым стоит Югана. Она в лучшем своем национальном костюме.

«Тах-тах, бум-тум, дзинь-тинь», — доносится из кузницы звон инструмента.

Вышел юный молотобоец, вытер пот со лба.

— Югана, приглашай молодых на закалку мечей!

Подошла Югана к Троян-Колоколу. Подал ей Саша Гулов конец ремня от языков трех колоколов.

«Бом-ом-о-ом...» — вразнобой запели колокола.

Процокали коваными копытами два гнедых коня, к дверям кузницы подъехал вождь племени Кедра Андрей Шаманов. Помог он своей невесте высвободить сапожок из стремени и принял Богдану на руки.

Одет Андрей в костюм вождя: из замши куртка и брюки, на голове убор из орлиных перьев, на боку колчан со стрелами, на широком ремне промысловый нож в берестяных ножнах.

Снял Андрей чехол с луком и подал Югане.

— Ленивая у меня невеста. Дряхлая старуха. Как я только с такой женой буду жить? — По обычаю перед закалкой мечей положено жениху хаять свою невесту. Кто-то из женщин обязан перечить жениху.

— Хо, великий вождь криво видит невесту Богдану. —

Югана говорила по-русски, стараясь подбирать слова. — Коса на голове Богданы ниже пояса, голубые глаза Богданы ярче всех озер глубоких. Хо, посмотри, вождь племени Кедра, на ресницы, брови, они искрятся ярче собольного хвоста!

«Тра-та-та...» — заговорил молоток по наковальне, приглашая жениха и невесту в кузницу.

Перун Владимирович высыпал на берестяное блюдо горох, вымоченный в водке. Этим хмельным горохом предстояло накормить яркого петуха.

Петух, голодавший целый день, принялся с жадностью клевать. Минут через двадцать жертвенная птица запьянеет и после закалки мечей ей будет отрублена голова рукой Андрея Шаманова. Таков обычай.

Два раскаленных меча опустились в корытце с водой. Зашипела и умолкла огненная сталь. Еще один закал в другом корытце, в третьем и, наконец, отпуск. Теперь дело за рукоятками.

Новорожденные мечи вложены в ножны. Но они еще в руках Громола Михайловича.

— Прими, Югана, мудрая женщина племени Кедра, меч невесты, — сказал кузнец и положил оружие на вытянутые ладони эвенкийки.

В таких случаях положено говорить что-нибудь задушевное, доброе, благодарное.

— Хо, шибко давно еще ковали для эвенков из болотного железа пальмы, ножи, топоры и наконечники стрел. Ковали твои предки, и ты сам, большой кузнец, князь Михайлович! Не шибко часто, но было так, что мужчины племени Кедра брали в жены русских девушек из племени Перуна. Пусть Богдана берет женский меч не на войну, а на мир и дружбу. Пусть ее дети будут всегда такими же крепкими, как юганская сталь в этом большом ноже.

Сказав это, Югана прикрепила меч к поясу Богданы. Так же был вручен меч Андрею из рук Перуна Владимировича. Помолвка состоялась.

Глава пятая

1

В кабинете следователя Григория Тарханова сидел Иткар Князев. В руках он держал золотую вазу.

— Гриша, вот этому каменному наконечнику поющей стрелы нет цены! Он для меня дороже всех золотых чаш.

— Шутишь, Иткар?

— Наконечник поющей стрелы крепился к древку затвердевшей нефтью. Около пяти тысяч лет назад люди васюганской земли использовали нефть в своих хозяйственных нуждах. Где они брали эту нефть?

— Откуда у тебя, Иткар, такая осведомленность в археологических древностях? — спросил Григорий и протянул ему наконечник копья, изготовленный из бивня мамонта. — Это мне привез с буровой дизелист. Нашел в балке, где жила последние дни повариха.

Про эту историю я слышал от Агаши. Ну а насчет осведомленности в древностях... Около десяти лет я уже ломаю голову — откуда брали нефть люди неолита, где она выплескивалась на дневную поверхность?

— Вот лупа, Иткар. Посмотри на рисунок на этом наконечнике.

— О-о! — удивленно произнес Иткар. — Это уже из другой оперы. Вырезан черный ворон с гордо вскинутой головой. Но что он держит в лапах?

— В лапах у него, как я понял, восьмилепестковый цветок с крестиком по центру, — сказал Григорий.

— Правильно. Но только не простое это изображение восьми лепестков с крестиком. Ворон у наших предков считался богом Земного Огня.

— Какое отношение может иметь этот наконечник к огню?

— Вот об этом-то я и хотел сказать. Давно еще говорила мне Югана, что копьем с такой тамгой убивали жертвенного оленя или лося, когда справляли тризну по умершему человеку.

— А к твоей нефти Черный Ворон не имеет отношения? — спросил Григорий.

— Именно ради этого я сегодня лечу в Томск. Надо посмотреть кое-что в университетском музее.

— Иткар, как думаешь, может ли Федор Романович заниматься ювелирной работой? Понимаешь, может быть, у него есть какой-то запас золота и он его помаленьку переливает в кольца, серьги и тайно сбывает, скажем, с помощью Агаши, а?

— Слушай, Гриша, все наши патриархи — Югана, Перун Владимирович, Чарымов и Федор Романович — это

люди, которые жили и живут по закону добра. «От добра рождается добро, от зла — зло».

— Понимаю.

— Ручаюсь головой, Гриша, за Федора Романовича, — сказал Иткар. — Может быть, он что-то и делает для себя или для Агаши, но на какие-то крупные «золотые сделки» не пойдет.

2

На окраине Томска, в стороне от Иркутского тракта, среди соснового бора раскинулись корпуса спичечной фабрики. Громадные современные дома нового жилого района.

После обеда Иткар с Петром Катыльгиным сидели на диване, на журнальном столике была разложена карта Томской области.

— Вызвали меня в обком. «Есть решение перевести вас на работу в Ханты-Мансийский окружком партии. Возглавьте отдел». Был и о тебе разговор. — Иткар достал из кармана конверт, протянул Петру.

Вскрыв конверт, Петр прочитал и задумался.

— Я согласен, Иткар. Еду.

— Ну вот и порядок. А теперь слушай просьбу Юганы. Нефть надо найти. Без нефти совсем помрет Улангай.

— Как она там? — тихо спросил Петр.

— Все такая же. А какие четыре Костиных сына крылья расправили! Орлы ребята!

— Давай, Иткар, выкладывай главное.

— Давненько я вынашиваю одну идею, геологическую версию, так сказать. Несколько дней назад я ознакомился с делом, которым занимается Григорий Тарханов. Представляешь, обыкновенный наконечник стрелы крепится... знаешь чем? Окислившейся нефтью!

— Иткар, ты заинтриговал меня!

— По реке Чагва, — продолжал рассказывать Иткар, — я наткнулся случайно на обломки горшков. А ты же знаешь, что был обычай заливать нефть в глиняные сосуды и ставить их в могилы как жертвенный земной огонь...

Глядя на карту, Иткар задумался. Мысленно был он уже там, на далеком берегу таежной реки Чагва.

Глава шестая

1

С высокого крыльца Югана посматривала на кучку металлолома из бронзы и меди. Прошлой весной эвенкийка просила Андрея Шаманова, чтоб он отлил большой колокол — такой, какой висит в Кайтесе. Андрей отговаривался тем, что нужно сначала насобирать хорошей бронзы. Недавно металлолом был собран, осталось найти серебро. Из одной бронзы, без серебра, нет смысла лить колокол. Вместо звона будет бряцанье.

С берега послышалось тарахтенье лодочного мотора.

— Хо, Тархан прибежал на Улангай! — обрадовалась Югана. — Пошел снова искать Пяткоступа?

— На этот раз, Югана, приехал специально к тебе. Большое дело.

Григорий отказался от обеда и с удовольствием попил. После этого стал расспрашивать эвенкийку о внешности, приметах Сед-Сина — Черного Глаза. Югана ответила на все его вопросы. Неожиданно он поинтересовался:

— Это что у ребят... декада по сбору цветного металлома?

— Руки Юганы и молодых вождей собирали эту медь. Сейчас у Юганы душа болит: где серебро искать?

Рассказала она, для чего ей нужно серебро.

— Югана, а что за служба будет у колокола? Бить пожарную тревогу?

— Много чужих слов сказал Тархан. Колокол своим голосом будет прогонять от людей Улангая болезни, злых духов. Жадные, пакостливые люди придут — колокол звонить будет, прогонять.

— Тогда понятно, Югана. Для такой службы, пожалуй, действительно колокол должен иметь серебряный звон.

— Золото есть у Юганы. Серебра нет. Надо ехать в Медвежий Мыс, просить у большого парусного цыгана.

— Югана, ты собираешься взять серебро у Федора Романовича? А много у него серебра?

— Пошто нет? А золото у Юганы вот. — Эвенкийка указала на доску у крыльца, где стояла блестящая вазочка. Из этой вазочки лакал молоко маленький щенок.

Григорий Тарханов наклонился, перелил остаток молока в корытце.

— Югана, эта вазочка действительно золотая?

— Давно уже Югана знает эту вазу. Она всегда блестит. Наверно, золотая.

— Слушай, Югана, а сколько нужно тебе серебра за эту вазу?

— Югана не знает еще. Шаман знает.

— Ну что ж, Югана, серебро я тебе дам. У меня дома лежат шесть царских полтинников, да еще девять полтинников двадцатых годов, советские.

— Хо, Югана говорит большому Тархану спасибо! Бери золото, Югана меняет его на серебро!

Григорий объяснил Югане, что эту вазу он отдаст в государственный музей. Стоимость вещи будет выплачена Югане.

— Пошто Тархан говорит голосом чужого человека? Югане шибко надо серебро!

На другой день утром Григорий Тарханов приехал в Медвежий Мыс и позвонил Леониду Викторовичу Метлякову. Учитель долго и задумчиво рассматривал привезенную следователем вазочку.

— Ну и как, заговорила в тебе душа археолога?

— Думай не думай, а получается одно: золотая ваза, взятая в доме Агаши, и эта, от Юганы, две родных сестры. Отлиты они по восковой модели, так мне кажется. Выполнено все с великим мастерством! Есть у нас еще великий эксперт по таким вазам.

— Федор Романович, парусный цыган? Исчез он кудато. Утром заходил я к Агаше. Она тоже руками разводит — уехал куда-то Федюша.

2

В это раннее весеннее утро большая самоходная баржа остановилась у берега, напротив школы. Десять мужчин с топорами и ломами сошли на берег, остановились у школы.

— Раскатаем мы ее за день или за два. А вот с погрузкой... — говорил тощий сухолицый мужчина.

— Эй, бригадир! — крикнул рыжеволосый паренек. — Котелок краски хватит на разметку бревен?

— Должно хватить.

Бригадир снял старую брезентовую куртку и собирался поточить бруском топор.

Дом ломают с крыши. Двое рабочих принялись сры-

вать шиферные листы. Словно из-под земли появилась седая эвенкийка.

— Люди с большой железной лодки, уходи с крыши! Здесь хозяин Орлан, молодой вождь племени Кедра. Он со своими охотниками сейчас будет тут.

К школе подошли Орлан, Карыш, Ургек и Таян. На каждом был накинут легкий меховой плащ, перепоясаны они широкими ремнями, у каждого в ножнах промысловый нож.

— Что нужно? — подойдя к ребятам, спросил бригадир.

— Прикажите всем погрузиться обратно на баржу и плыть туда, откуда приехали, — потребовал Орлан.

— Эй, бригадир, — крикнул с крыши рыжий парень, — покличь Афоню Пузанова, пусть он им каральки загнет!

— Югана говорит: люди с кривым языком пусть помолчат!

Эвенкийка вынула нож, посмотрела на Орлана.

— Разбойничать в Улангае мы вам не позволим, — заявил Орлан бригадиру.

— Ой-ой, какой строгий! — крикнул с крыши рыжий парень.

— Пусть не каркают трусливые вороны! Вождь Орлан не умеет много говорить. Если вы не уйдете, с вами будет говорить маленькое ружье из кожаного сапога.

Рыжий парень на крыше закатился от смеха.

— Может не из сапога, а из-под юбки?

— Я спрашиваю, — спокойно приступил Орлан, — на каком основании вы приехали ломать здание школы?

— А на том, — ответил бригадир, — что наш директор совхоза желает из этой школы сделать столовку и закусочную с водочкой да селедочкой.

— Покажите разрешение, — попросил Орлан.

Югана одобрительно кивнула. «Хо, Орлан хорошо ведет переговоры с томтурами». Старая эвенкийка достала трубку, но ее руки замерли, щепотка табака просыпалась на землю.

— У вас нет письменного разрешения сельсовета. Вы творите беззаконие. Прекратите ломать школу и немедленно уезжайте подальше от этих берегов.

— Щенок вонючий, а ну катись отсюда! — Бригадир взял Орлана за плечо и хотел толкнуть. Орлан перехватил руку бригадира и отвел ее в сторону, как хилый сук.

И тут вдруг Югана скинула с плеч куртку. На ремне у нее висела в расстегнутой самодельной кобуре ракетница.

— Люди с большой железной лодки должны уехать из Улангая. Школу грех ломать.

— Всем положить на землю топоры! — громко и четко произнес Орлан.

— А ну, мужики, перевяжем всех веревками и в милицию! — крикнул бригадир.

Югана вскинула руку, прогремел выстрел. Над рабочими проплыло облако порохового дыма.

3

Югана стояла на берегу и смотрела на круг, начертанный на песке, от него в разные стороны отходили лучи. На песке был нарисован символ солнца.

Старая эвенкийка ждала, когда над ней пролетит речная чайка и возвестит, что солнце готово услышать и понять ее голос.

Чайки кружились поодаль, охотились за мелкой рыбешкой. Вдруг, распластав крылья, появился орлан-белохвост. Югана посмотрела удивленными глазами.

— Хо, великий Орлан, ты послан духом неба! Ты, Орлан, ближе к солнцу, скажи ему: пусть своими лучами оживит своего младшего брата, лежащего тенью на земле...

Югана разговаривала с солнцем и орланом, а в это время дед Чарымов сидел на берегу у костра с командой баржи-самоходки. В большом двухведерном казане варилась уха.

— Вы, якорь вас за ногу, зазря тут стоите со своей посудиной. Все равно Югана со своей гвардией не даст ломать школу.

— А ведь эта старуха могла из своей ракетницы продырявить кого-нибудь из нас, — сказал грузчик по имени Митрий. — Но за эту ракетницу ей статья карячится по закону!

— Эх ты, — сказал старик Чарымов, — Югана просто пуганула вас. Но ежели еще разок сунетесь, холостых выстрелов уже не ждите. Тут, может быть, милиция придет. Ввязываться не советую. Так что поостерегайтесь, мужики. Отсидитесь лучше на своем корабле.

На реке послышался стук двигателя. Остановился ско-

роходный катер. Восемь милиционеров сошли на берег. Старший направился к самоходной барже, остальные семеро — к дому деда Чарымова.

— Добрый день, дедушка! — поздоровался молодой лейтенант с Чарымовым.

— Чего-то не припомню, чтоб целым взводом в гости к нам наезжали милиционеры, — сказал Михаил Гаврилович. — Нешто убили кого или обворовали?

— Да нет, дедушка, указание из области: провести по всему нашему району противопожарную инспекцию.

— Вы-то зачем у нас в Улангае объявились?

— Навести порядок в Улангае. Тут у вас какая-то бабушка бабахает из револьвера. Где она сейчас?

— Кто из вас старшим-то будет? — поинтересовался Чарымов.

— Капитан Соловьев.

Вернувшись с баржи, капитан Соловьев открыл калитку и поздоровался с Михаилом Гавриловичем, вынул из планшета протокол.

— Подпиши-ка, дедушка, бумагу.

— Бумажка не промокашка, забодай тебя комар... Видать, она в дело будет подшиваться, как лисий хвост к бабьему пальто. Ты читай сам, капитан. А то глаза у меня...

Капитан начал читать:

— «Югана Кулманакова с четырьми подростками, братьями Волнорезовыми, из хулиганских побуждений совершили вооруженное нападение на рабочих совхоза, которое выражалось в следующем: Югана произвела выстрел по рабочим из короткоствольного оружия — ракетницы, которая была заряжена крупной солью. Подростки, четыре брата Волнорезовы, угрожали рабочим холодным оружием — промысловыми ножами самодельной работы».

— Так-так, — удивленно сказал Михаил Гаврилович. — Значит, хулиганка Югана с четырьми парнями совершили нападение на рабочих? Нет, молодые люди, я на эту протокольную чепуху своей подписи не дам. Вранье все в вашей бумаге. Югана стреляла из ракетницы не в рабочих, а в небо. Предупредительный выстрел!

— Хорошо. Тогда запишем, что свидетель от подписи отказался.

— Постой, капитан, послушай меня, старика. В этой школе работала учительницей мать Кости Волнорезова, и

он сам учился в этой школе, и сыновья его учились в этой школе. А строил школу еще до войны учитель Гриднев. В войну ушел он на фронт, с войны вернулся без обеих рук. Мел брал в зубы и писал на доске!.. В этой школе учился Толя Чахлов, летчик-испытатель. Семь лет назад погиб. В этой школе учился Витя Плуталов, генерал. Спит сейчас около Берлина. Так вот, капитан Соловьев, когда от всех их у тебя будет разрешение, тогда и пусть ломают школу!

— Но ведь ваш поселок считается неперспективным и давно уже заброшен. А школу перевезут в другое селение, разместят столовую, буфет. В Бондарском совхозе люди живут без столовой.

— Нет, капитан, не позволю. Ну а что касается перспективности нашего Улангая, то тут хреновину вы загнули со своей милицейской колокольни. Море нефти лежит около Улангая. Только упрятана она на четыре и на пять тысяч метров, а не на две тысячи, где ее искали раньше.

— Все оружие, Михаил Гаврилович, у вас лично и у остальных мы конфискуем. А ваши подростки со старухой пойдут под суд.

— Вы с ума там посходили, в своей милиции! — сказал Михаил Гаврилович и выругался. — Есть ли у вас мозги? Да у ребят на каждого по две двустволки. Они вам такую кашу заварят, если вы кого-то тронете хотя бы пальцем!

— Товарищ капитан, — обратился молодой лейтенант, — может быть, все мирно уладим? Есть же кто-то у них здесь за старшего. Поговорить бы надо.

— Андрей Шаманов тут у нас за главного. Но он уехал с Таней Волнорезовой в Тюмень. Теперь за старшего остался Орлан. Но ежели намерены добром все рассудить, то лучше вам перетолковать с Юганой. По обычаю племени Кедра переговоры с неприятелем о мире или войне ведет женщина. Сейчас она придет.

Минут через пятнадцать пришла степенная Югана.

— Слушай, Югана, — начал говорить Михаил Гаврилович, — капитан Соловьев у них за старшего. Он желает с тобой говорить.

— Хо, чего нужно людям с большой железной лодки? — спросила эвенкийка.

— Во-первых: сейчас вы лично сдайте свою ракетницу.

Югана перебила капитана:

— Хо, у начальника совсем плохие глаза. У Юганы нет маленького ружья в кожаном сапоге. У Юганы нет ножа в ножнах. Пошто у начальника кривой язык и пальцы на руках зажаты в кулак? Женщина племени Кедра пришла говорить языком мира. У Юганы нет маленького ружья и ножа, они там. Эвенкийка махнула рукой в сторону, где был дом Волнорезовых.

— Бабушка, если вы откажетесь, мы вынуждены будем сделать обыск, — требовательно пояснил капитан Соловьев.

— Говорю вам: бесполезное занятие, — вступил в разговор Михаил Гаврилович. — Не затевай греха, капитан!

— В дом вождя Орлана нельзя ходить. Там стоит знак войны.

— Хорошо, тогда пусть ребята придут сюда, — попросил капитан Соловьев.

— Хо, мышь с лисой не дружит, слабый к сильному на поклон не ходит, — спокойно проговорила Югана.

Нерешительно переминаясь с ноги на ногу, капитан Соловьев достал из кармана пачку сигарет — ему выпала сложная задача.

Михаил Гаврилович дал понять, что на переговорах с Орланом надо вести себя поосторожнее, повежливее.

— Это что там еще за фокус? — спросил Соловьев, указав в сторону переулка, где Югана воткнула кол с белой заячьей шкурой.

Представители сторон встретились у вехи перемирия, поставленной Юганой. Орлан был одет в легкую замшевую куртку, перепоясан широким ремнем, на котором висели пустые ножны. На голове молодого вождя корона из орлиных перьев.

— С капитаном милиции говорит вождь племени Кедра Орлан, — громко представился молодой вождь, как того требовал обычай племени.

— Все огнестрельное оружие и весь запас пороха вы должны сдать, ясно? Принесете на катер и отдадите под расписку дежурному сотруднику, — приказал капитан Соловьев.

Орлан плотно сжал губы, на скулах обозначились желваки.

— Оружие и порох мы вам сдадим. Но ломать школу не позволим!

— Орлан, я выполняю приказ начальства. По вашей

вине вторые сутки простаивает баржа; по вашей вине у рабочих совхоза вынужденный простой. Вы должны понять.

— Хорошо, товарищ капитан, я вам уж сказал: оружие мы сдаем. Но рушить школу не дадим! Я сказал все. А теперь уезжайте.

Капитан Соловьев направился к своему катеру. На берегу стало тихо, как перед грозой. Милиционеры расположились на молодой травке. Они курили и настороженно посматривали в сторону дома Волнорезовых.

Пение птиц, всхлип речных чаек и хрюканье визгливого боровка в ограде стариков Чарымовых внезапно заглушил рокот сильного двигателя вездехода. Послышалось лязганье гусениц. Вездеход выполз из ворот. Орлан вывел машину из ограды и дал полный газ. Брызгами полетели посеченные куски придорожной дерновины. На полном ходу вездеход развернулся и взял направление в глубь материковой тайги. «Что еще замышляют эти чудаки?» — подумал капитан Соловьев.

Глава седьмая

1

О Тобольске, патриархе городов сибирских, Татьяна Волнорезова много читала и слышала от старожилов, но бывать в тех местах не приходилось.

Была приглашена в Тобольск Таня Волнорезова секретарем горкома для того, чтобы прочитать лекции по соболеводству в школе звероводов. Это учебное заведение готовит кадры для звероводческих совхозов, колхозов всего обского Севера.

Улицы Тобольска, дома старинные дышали древностью и юностью. Сюда когда-то приходили торговые гости — купцы из Индии, Афганистана, Бухары. С верховьев Иртыша заплывали на легких речных каюках китайские говорливые торговцы, джунгары. Ну а по весне, в половодье, перелетными коршунами слетались в Тобольск со всех концов России купцы, и расходились отсюда их дороги во все стороны по малым и большим сибирским городам. Не оставались в стороне и северяне-аборигены, они на своих шустрых, подвижных оленях или на упряжках нартовых собак выходили в богатый город на «покруту». И отсюда, из Тобольска, как от добро-

го огня распространялись искры русской культуры на бескрайний северный простор: в таежные деревни, поселки, заимки, в тундровые чумы и степные юрты кочевников.

Первый день у Тани Волнорезовой прошел в экскурсиях по городу. А уж на второй день прямо с утра она поехала в звероводческую школу. Представляла Таня, что придет она в класс, чем-то похожий на школьный, и там будут сидеть за партами около тридцати юношей, девушек, которым расскажет она о том, как и с чего начиналось когда-то соболеводство в Улангае, а также поделится своим опытом, знанием по выращиванию соболей вольным и полувольным методом. Но все приняло оборот более масштабный, чем она ожидала.

Большой актовый зал был переполнен. Сидели в первом ряду преподаватели звероводческой школы, а там, за ними, расположились ряд за рядом молодые, восторженные дети северян: ханты, манси, ненцы. Таня на миг растерялась, но вдруг она заметила, как, осторожно приоткрыв дверь, вошел Андрей Шаманов и присел в последнем ряду, успокоилась она и подумала: «Откуда он? Неужели сегодня прилетел из Тюмени? Вот молодец!» На душе у Тани стало как-то спокойно, радостно, словно тут, рядом с ней, сидит родной человек и как бы мысленно говорит: «А ну, Танюша, расхрабрись да не подкачай! Пусть знают наших улангаевских русалочек!»

Начала Таня свою лекцию с мужа, Кости Волнорезова, который научно разработал и доказал пользу вольного и полувольного соболеводства и убыточность клеточного соболеводства по сравнению с новым методом. А уж после этого Таня рассказала о своих наблюдениях и работе по выращиванию соболиного молодняка.

— ...Да, я знала, — продолжала рассказывать Таня, — в Ханты-Мансийском национальном округе, в бассейне Конды, на всем левобережье расположен в привольных, диких лесах Кондо-Сосьвинский соболино-бобровый заповедник. В этом нетронутом, живописном таежном уголке живут «золотые» зверьки: куница, соболь, кидус — помесь соболя с куницей, горностаи, белки и, конечно, мудрецы бобры. Все это звериное царство живет привольно в своих урманах, раскинутых на побережьях рек, озер. Так же прекрасно чувствуют себя на севере заповедника стада диких оленей, лосей. Сказала я все это к тому, что для научной работы по вольному и полувольному соболе-

водству ваш заповедник — это чудесная лаборатория под открытым небом. Очень большие возможности у вас по звероводству... Ну а главное, у вас есть такое замечательное учебное заведение, как звероводческая школа, которая, я уверена, преобразуется в институт. — Таня умолкла, посмотрела на Андрея Шаманова. Она понимающе кивнула ему головой, когда тот поднял портфель и пощелкал по нему пальцем, как бы говоря: «Тут у меня лежит то, что ты просила положить в чемодан еще там, в Улангае».

Андрей Шаманов подошел к Тане и, вынув из портфеля три черно-смолевых шкурки, положил на стол. Таня улыбнулась, ласково разгладила каждую шкурку, а потом протянула их, подала в руки сидевшей на первом ряду молодой женщине.

— Прошу вас, товарищи, посмотрите на эти меха и скажите мне: какая шкурка соболя, куницы, кидуса? А может быть, все три шкурки кидуса, а? Зачем эта загадка — я скажу позднее. Ну а пока я расскажу вам о ценах на соболиные меха на одном из последних международных пушных аукционов. Так, например, год назад шкурка баргузинского соболя оценивалась в пределах от пятисот до девятисот долларов за штуку. А теперь давайте сравним: тонна пшеницы на мировом рынке стоила шестьдесят пять долларов...

— Ого-го! — прокатилось по залу.

— Еще я приведу одно сравнение: стоимость первосортной шкурки соболя приравнивается к стоимости двадцати шкурок чернобурых лисиц или стоимости четырехсот беличьих шкурок. Так что сами, товарищи, видите очень большую выгоду соболеводства для наших звероводческих совхозов.

В перерыве к Тане подошел мужчина. Он сказал:

— Приехал я, Татьяна Ивановна, из Иркутска. Привела меня сюда, в частности, в эти заповедные края работа над докторской диссертацией. Занимаюсь я проблемой соболеводства. И вот, смотрю на эти три шкурки и поражаюсь, что они в два раза больше, чем обычные шкурки баргузинского соболя. И конечно, удивила меня шелковистость меха, черно-смолевый окрас... Мне кажется, если судить по горловым пятнам, то вот это — куница, а это, с желтовато-молочным пятном на груди, — кидус. А третья шкурка соболя, местного кряжа, но баргузинского, так сказать, рода и племени...

— Нет, вы ошиблись, — улыбнувшись, сказала Таня. — Все эти три шкурки кидуса.

— Ого! — удивленно взглянув в глаза Тане, сказал ученый. — Но ведь у кидуса бывает грубый мех, малоценный. Понимаете вы, о чем я говорю? У вас же тут вот какое-то чудо — сказка! У нас в заповеднике я делал попытку вывести новую, укрупненную породу баргузинского соболя. Производилось скрещивание баргузинского соболя с лесной куницей. Но увы и ах! Результат всегда был один — мех грубый и малоценный...

— Я расскажу вам, в чем тут секрет, — спокойно ответила Таня. — Рассказ мой будет маленько длинноват. Наш, улангаевский, кидус прадедушка вот этих, — указав пальцем на три шкурки, лежащие на столе, сказала Таня, — похож был на уральского соболя. Но отличался он от него более длинным и пушистым хвостом, мех был более шелковистым. Случайно, перечитывая диссертацию покойного мужа, я наткнулась на очень коротенькое сообщение: «Образ жизни кидуса не изучен. Но, по рассказу ханта Тунгира, ему приходилось убивать кидуса с «шибко дорогой шубой». Вот все это и заинтересовало меня. Мои сыновья с Юганой нашли как-то гайно — гнездо куницы в дупле старого кедра. Малюсеньких щенят, взятых из гнезда, мы выкормили под кошкой. Да, что любопытно, так это то, что мы под эту кошку-кормилицу подложили еще четырех щенков-соболят. И вот у нас получилось, как в детдоме: выросли под одной мачехой четыре самочки от куницы и четыре соболя-самца. Молочные братья и сестры затем дали хорошее потомство кидусов. А потом и от кидусов удалось получить приплод...

— Но ведь, Татьяна Ивановна, кидусы потомства не дают! — возразил ученый.

— Вы меня уж извините, но поверьте на слово, наши улангаевские кидусы дали потомство — назло вроде бы всем земным законам биологии. В чем тут секрет? Чтобы ответить на это, нужно провести много опытов, наблюдений. Но кое-что я могу уже сказать сейчас. Это касается мехового качества кидуса. Случайно в каком-то журнале давно еще я прочитала о том, что врачи считают, а так же и многоопытные пасечники, что мед укрепляет волосы и отгоняет заболевание, поседение волос. Одним словом, мед — от облысения и поседения. С этого все и началось. Во время брачного периода, а затем беременным самоч-

кам мы давали пчелиное маточное молочко, а потом и щенят продолжали кормить смесью маточного молочка с цветочной пыльцой и медом. Да еще было у нас разработано, на практике проверено особое питание для молодняка. Но об этом долго рассказывать. Результат наших трудов вы видите. Все три шкурки кидусов представляют такую же ценность, как меха баргузинских соболей, но размером превосходят более чем в два раза...

— Так это же у вас, Татьяна Ивановна, можно считать уже готова диссертация, — сказал директор звероводческой школы, который был удивлен так же, как и ученый, когда узнал, что шкурки кидуса не уступают по меховым качествам баргузинскому соболю. — Нет, я вас не отпущу из Тобольска. Даем вам четырехкомнатную квартиру, создадим на работе все условия и будете у нас при школе заниматься научной работой.

— Я с радостью бы согласилась, но... Мне нужно посоветоваться с сыновьями, — тихо, с какой-то затаенной грустью сказала Таня.

2

У Андрея Шаманова произошло в Тобольске словно какое-то омоложение души или что-то похожее на обновление его творческой фантазии. Давно уже мечтал Андрей Шаманов возродить русский языческий храм на кайтесовской Перыне. Храм сгорел около четырех веков назад, но сохранилось в кайтесовской летописи словесное описание этого небольшого святилища. Сохранилось также сказание о том, где и какие стояли боги. Подогревало, обнадеживало Андрея Шаманова то, что на Руси нет ни единого языческого памятника седой старины, а это значит, что к его труду отнесутся кайтесовские старожилы с вниманием, окажут любую помощь.

Поездка в Тобольск радовала Андрея Шаманова еще и потому, что ему хотелось посоветоваться с мастерами-косторезами, от них он надеялся услышать, как и каким клеем была скреплена мамонтовая кость, резьба из бивня в языческих богах и божках. Ведь, по преданию, русская богиня Рожаница, или Родана, как ее называют в Кайтесе, полностью была рождена древним художником-ваятелем из мамонтовой кости, бивня.

Около получаса просидел Андрей Шаманов на лавке

у автобусной остановки. И не заметил он, как тихо подошла к нему Таня Волнорезова.

— Я немного опоздала. В магазин бегала... А почему ты сегодня какой-то грустный, хмурый? Что-то случилось, а?

— Да нет, все идет как надо... Если есть у тебя желание, то пойдем еще разок со мной в музей-мастерскую артели косторезов, а завтра полетим с тобой в Леуши и на Юконду... Там, в Леушах, у них есть первоклассная звероферма. Скучать не придется, найдется много интересного для тебя.

— Догадываюсь, зачем потянуло тебя на Юконду. Хант-старичок тебя пленил, тот самый, что в прошлом году приезжал гостить к Югане в Улангай. Наверное, решил еще разок попробовать написать с него портрет?

— Нет, Таня, больше чем портрет. Из него я сделаю языческого бога.

— Ты смеешься... Ханта Шугура делать прототипом бога, резать из кедра Белого Орла? — удивилась Таня и тут же напомнила Андрею: — На твоей картине «В глубь земли» показан момент после взрыва на буровой. И хант-старичок, писанный с Шугура, тут же на снегу склонился над молодым русским парнем, погибшим при взрыве... Совсем он непохож на языческого бога Белого Орла.

— Зря ты моего старичка распушила, Таня. Дело все в том, что в верховье Вас-Югана чуть позднее новгородцев-перунцев пришли жрецы из привычегодского края, из Перми Великой. И принесли зыряне-язычники не только своего главного бога Войпеля, но и Зарни-Ань, Золотую Женщину. Так вот, Таня, Шугу — прямой потомок Памы, главного жреца зырян.

— Ну-ну, поехали, Андрей, хоть сейчас! Понимаешь, Тобольск дал мне крылья и хочется лететь куда-то, — радостно сказала Таня и тут же, взглянув на громадный пятак круглых часов, висевших над входом в старинное здание, спросила: — Ты завтракал? Нет. Так я и знала. Тогда пойдем в ресторанчик... Хотя нет. Лучше всего отправимся в «Пельменную».

Таня стояла в очереди у раздаточной, в руках у нее был поднос. Она посматривала на Андрея, который сидел за столиком и глядел куда-то в окно, о чем-то думал.

В эти минуты был мысленно Андрей Шаманов в Томске. Прошлой весной пригласил его художник Геннадий Ламапов на открытие драматического театра, выстроен-

ного на берегу Томи. И вот тогда, в театре, Андрей понял, что именно с этого здания областного театра начнется какое-то новое родство кружевной резьбы по дереву с камнем, мрамором, бетоном. А родоначальником этого волшебства можно считать Геннадия Ламанова, художника могучего сибирского таланта. Золотистая чудная кружевная резьба по кедровому дереву украсила весь томский театр, и эта резьба как-то породнила и связала лицо театра со старинным городом и его древней архитектурой, созданной старыми умельцами, художниками-самоучками.

Вспомнился Андрею Шаманову разговор с Геннадием Ламановым, когда были они с ним в магазине «Белочка». «И это моя работа. Видишь, декоративное блюдо, укрепленное на стене? Оно как бы соткано из тончайших резов, завитушек и напоминает чем-то цветок из ажурной резьбы». И думалось тогда Андрею о том, что Ламанов обладает редким даром обобщать народное творчество, брать из него все лучшее, традиционное и возвращать людям как бы омоложенным, как бы звучащим новым музыкальным напевом. Мечта у художника Ламанова добрая и великая: возродить традицию деревянной резьбы в сибирских городах и научиться сочетать ее с современной архитектурой.

С той встречи на открытии драматического театра в Томске еще более укрепился Андрей Шаманов в своем решении — воскресить древний языческий храм на кайтесовской Перыне. Эскизы храма были у Андрея готовы еще два года назад. Но ему все еще хотелось что-то уточнить и попытаться передать голосом орнамента, как это было сделано на стенах древнего храма Перуна, заставить кедровое дерево быть говорящим.

— Задремал? — спросила Таня, когда поставила на стол поднос с пельменями, которые дышали паром из глубоких тарелок.

— Так, немного задумался... — неопределенно ответил Андрей.

После завтрака, выйдя из «Пельменной», Андрей с Таней сели в автобус. Легко и мягко мчалась машина по асфальтированной улице.

Остановка. Вот оно и здание «Коопэкспорт» — так именуется тобольская артель косторезов.

— Ну и название же придумали, — рассмеявшись, сказала Таня.

Отсюда, из этой мастерской, во все концы света уходят чудесные, изумительные творения мастеров-тоболяков, уходят они на международные выставки в Индию, Китай, Аргентину, Англию, Францию — на весь мир славятся тобольские художники-умельцы, творения их рук удивляют, восхищают зрителей своей неповторимой правдой жизни.

— Ого-го! Смотри, Андрюша, все это из мамонтовой, моржовой кости. Вот тебе бы всю эту кость, бивни на бюст русской языческой Роданы. Не так ли? — спросила Таня и, не поворачивая головы в сторону Андрея, продолжала рассматривать ларцы, чернильные приборы с изумительными узорами. — А вот броши! А вон там даже целые скульптурные группы созданы резцом благородного художника...

— Тобольск, Таня, не зря считается сибирской родиной художественной резьбы по кости.

Там, где человек погружается в мир искусства, неумолимое время как бы останавливается, замедляет свой бег; уходит это неумолимое время куда-то в сторону и там шагает по своим законам, не признавая никаких дорожных знаков. Таня с Андреем Шамановым иногда готовы были часами стоять около витрин выставки. И понял Андрей, когда ходили они по залам мастерской и всматривались в скульптурные изображения, выточенные из кости, что языческую Родану придется ему резать не из кости мамонта, а из обыкновенного лосиного рога. Где сейчас раздобыть ему эти бивни мамонта, где тот секрет обработки этой кости?.. Дорого все это. И продолжал Андрей Шаманов мысленно рассуждать о том, что кость старого лосиного рога, распаренную в кипятке, можно формировать как воск, а это то, что и нужно ему. Отдельные детали, сформированные из кости, можно будет потом собрать на клей, приготовленный из того же наипрочнейшего лосиного рога. И она, кость лосиного рога, передаст лучше белизну, нежность женского тела языческой Роданы, чем какой-то другой материал. И уже видел мысленно Андрей Шаманов творение своих рук «живым» — стоит богиня материнства русского племени на кедровом торце, одноцельно спиленном. Ее молчаливая и гордая нежность лица, волевых губ, глаз передает величавую задумчивость. И тут же, в храме, рядом с богиней материнства, представлял Андрей, встанет гордый и воинственный Перун — бог войны и мира.

3

На крыше улангаевской школы зиял провал. Небрежно сброшенные шиферные листы разбились на осколки. Бригадир продолжал нумеровать стенные бревна. Крик с крыши заставил его насторожиться.

— Ребята, старуха идет!

К милиционерам подошел дед Чарымов. Он держал в руках здоровенного петуха.

— Капитан, может, купите у меня петуха на варево?

— Подожди, дедушка, со своим петухом. Кажется, нам сейчас будет не до варева.

Капитан Соловьев не спускал глаз с Юганы.

Михаил Гаврилович примолк. К милиционерам подошли рабочие. Команда баржи во главе со старым капитаном наблюдала из рубки судна.

Югана остановилась около капитана Соловьева.

— Вождь племени Кедра Орлан вышел на тропу войны. Орлан просил Югану узнать у начальника: куда можно стрелять его людей?

— Что она, дедушка, толмачит? — спросил капитан Чарымова.

— Югана спрашивает, в какое место можно стрелять противников школы. Можете попросить — в руку, можете — в глаз. Такой обычай у эвенков племени Кедра: сильный спрашивает слабого — убивать его насмерть или только слегка ранить.

Югана протянула капитану Соловьеву оперенную стрелу. Тот взял стрелу из рук эвенкийки и передал лейтенанту.

— Югана подала начальнику знак войны. Начальник принял. Пусть теперь смотрят все люди с большой железной лодки. Югана покупает у Чарыма петуха и отдает его в жертву богу войны.

Петух забился в руках старика. Югана вытащила из колчана стрелу, окрашенную в кровавый цвет, острым наконечником стрелы она сделала царапину на ноге петуха. Петух вздрогнул, забил крыльями. Михаил Гаврилович выпустил его из рук.

— Ну, мужики, — сказал он, — сейчас начнется! Вот затеяли вы заваруху.

— Бригадир, я пошел на самоходку! — громко сказал Ленька. — У меня нет желания быть петухом и дрыгать перед смертью ножками.

— Пошли, мужики! Пусть директор совхоза сам ломает эту школу, провалилась бы она с потрохами, — поддержал его толстый мужик и заткнул топор за пояс.

Югана шла от вездехода и, обхватив руками, несла большой кузов из бересты.

— Тут Гунда, богиня мира и войны, — сказала она капитану Соловьеву. — Гунда будет воевать с вами и прогонять вас из Улангая.

Назад, к вездеходу, Югана отправилась быстрым шагом.

Чарымов посоветовал капитану Соловьеву:

— Надо вам уходить, пока не поздно. Говорю вам, что не даст Югана ломать школу.

Михаил Гаврилович торопливо вытащил из-за пазухи два накомарника из конского волоса: один кинул на свою голову, второй — на голову капитана Соловьева.

Крышка кузова отлетела в сторону, рой пчел вырвался клубковатым облаком на волю.

— Стой на месте, — скомандовал Чарымов капитану Соловьеву. — Руки засунь в карманы.

Послышался визг, жалобные вскрики. Люди кричали от боли.

— Мужики, бегите к берегу! Падайте в воду! — кричал Михаил Гаврилович.

С опухшими лицами, с заплывшими глазами сидели рабочие на палубе самоходной баржи. Они кляли Югану вместе с ее богиней Гундой.

От своего дома по берегу торопливо шла Галина Трофимовна и что-то несла в берестяных ведрах на коромысле.

Старик Чарымов взял у жены берестяные ведра и поднялся на борт судна.

— Ребята, черпайте. Но уговор: не больше двух кружек. Это самое наилучшее лекарство от пчелиного яда. Моментом вся боль и обида исчезнет.

Первым подбежал к берестяным ведрам Ленька. Ковшиком он зачерпнул из ведра густоватую янтарную жидкость, отпил глоток, второй и крикнул:

— Братья славяне, так это же медовуха высшего класса!

Михаил Гаврилович с Соловьевым поднялись на берег.

— Дедушка, позови Югану. У меня к ней маленький разговор, — попросил Соловьев.

В это время капитан самоходной баржи зычным голосом подал команду:

— Всем посторонним покинуть борт судна!

Милиционеры сошли на берег по шаткому трапу. Убрали сходни, заработал двигатель. За кормой начала вспениваться вода. Самоходная баржа отчаливала.

— Бабушка, — спросил капитан Соловьев, — а ты из лука можешь стрелять?

Михаил Гаврилович кивнул головой на петуха у забора. Петух начал оживать.

— Видимо, плохой у вас яд, — сказал капитан Соловьев.

— У нас вовсе нет яда, — ответила Югана. — Петух шибко пьяный был. Сейчас надо его в речке купать. У него шибко болит голова.

Первым расхохотался лейтенант, потом неудержимый хохот захватил всех остальных.

— Ох, всех ты нас перехитрила! — отерев с глаз слезы, сказал капитан Соловьев.

— Югана не умеет хитрить. Орлан со своими молодыми вождями защищали школу. Скоро в Улангай придет много людей. Что скажут все люди вождю Орлану, если школы не будет?

Глава восьмая

1

В соседях у парусного цыгана Федора Романовича Решетникова живет в двухквартирном доме, рубленном из брусчатых, обрезных бревен, Алевтина Кирилловна Пряслова, женщина лет тридцати, собой миловидная.

Случилось горе у Алевтины Кирилловны. Как быть, с кем же посоветоваться молодой одинокой женщине? Конечно, лучше всего ей сходить к Федору Романовичу, соседу. Не раз он выручал ее из беды житейской, выручал деньгами, мудрым советом.

Без стука и без разрешения вошла в прихожую Алевтина Кирилловна, осмотрелась.

— Федор Романович, где ты? Целую неделю у тебя был дом на замке, где пропадал-то?..

— А-а, белая лебедушка моя в чум прилетела! Проходи, Алюшенька, краса-любовь ты моя, порхай к столу, присаживайся, — говорил старик откуда-то из другой комнаты.

— Ладно ли с тобой, дедушка?..

— Все у меня ладочком-порядочком... Без штанов сижу — пуговицы перешиваю. Толстел-толстел, а теперь за одну неделю потоньшал — штаны спадают.

— Не стесняйтесь меня, дедушка, я пройду.

— Чо тут стесняться — ты доктор.

— Да не доктор я, дедушка, — фельдшерица.

Алевтина Кирилловна невольно рассмеялась, когда прошла в комнату: старик действительно сидел без штанов на скамейке у окна и пришивал пуговицы. В длиннополой вельветовой толстовке он был похож чем-то на воинственного тонконогого петуха.

— Давай-ка, дедушка, я с твоими штанами управлюсь...

— Не подходи... Раздразнишь женским духом — начну я бить копытом, — пошутил старый цыган.

Помогла Алевтина Кирилловна старику не только перешить пуговицы, но и наложить заплаты-наколенники.

Молодая женщина курила. В цыганской избе пахло ароматным дымом «Золотого руна».

— Так говори, моя любовь-лебедушка, какое горе-несчастье у тебя приключилось нынче.

— Я, понимаешь ли, дедушка, ходила сегодня в райком. Оказывается, наш новый секретарь райкома Виктор Петрович Лучов по району разъезжает. К кому же больше идти жаловаться на следователя Тарханова, как не к нему? Вот и решила, дедушка, с тобой посоветоваться. Понимаешь, Федор Романович, самолетом «Скорой помощи» была доставлена к нам в больницу молодая женщина Хинга Тунгирова. Роды были у нее преждевременные. Ну, значит, пока она в больнице у нас приходила в себя, за ней в основном ухаживала я. Признакомились, подружились довольно быстро. А тут нужно было ей выписываться. Она и приуныла: денег нет, просить у кого-то в долг стеснялась. Предложила мне Хинга свои золотые серьги. Купила я у нее их. А кольцо она продала нашей врачихе за пятьдесят рублей. Та, образованная дура, возьми да и начни под лупу рассматривать — пробу искать. Вместо пробы обнаружила там какие-то знаки-тамги, «иероглифы» разные. Потащила она на показ коль-

цо своему дружку учителю Метлякову. Тот в археологах был когда-то, определил — кольцо очень древнее. Этот учитель передал кольцо следователю Тарханову. А он-то и нагрянул ко мне прямо домой и эти проклятые серьги чуть не оторвал у меня с ушами. Вот ведь хам какой...

— Ох уж этот Гришка-грубодер! Все он тебе, моя кровинушка, вернет вскорости. Позолоти-ка ручку...

— Дедушка, да у меня нет ничего с собой...

— Все у тебя, душечка-беляночка, с собой... Дай мне хоть в щечку поцеловать, а?

— Ой, Федор Романович, ты все шутишь, а я ведь в долгу не останусь.

— Договорились — ручку позолотила, так будем считать. А теперь скажи, какой формы, фасона колечки височные были. Так, значит, двухголовая змея колечком свернулась. Меж змеиных головок замочек-проволочка для мочки уха.

— Да-да, дедушка, именно такие они! Но откуда ты так знаешь все это?

— Знаю, все я знаю, беляночка моя белогрудая! Прощения у тебя будет просить Гришка Тарханов — колечки назад вернет.

— Ой, не верю я уже в это... Врачиха говорила, что эти серьги и кольцо, которое у Хинги она купила, взяты каким-то грабителем-бугровщиком из кургана или культового места.

— Девочка ты моя родненькая, насуши-ка ты мне сухарей хлебных. Да еще бы лучше ежели сухарики были пшеничные.

— Снова в дорогу? — удивленно спросила Алевтина Кирилловна.

— А что жить да тужить старому парусному цыгану!.. Штаны починил, сапоги дегтем смазал — и в путь. На берегу у моей ладьи Агаша уже парус белый починила тоже.

2

Алевтина Кирилловна засыпала кофе в кофейник, поставила на электроплитку. Когда кофе был готов, нарезан и уложен сыр на блюдце, мелодичный звонок заставил вздрогнуть от неожиданности молодую женщину. Она поправила прическу перед настенным зеркалом и, подойдя к двери, взглянула в «глазок», а уж потом только открыла дверной замок.

— Вы, Алевтина Кирилловна, простите меня за неожиданное вторжение. Заходил я навестить Федора Романовича. Где-то затерялся наш парусный цыган — жив ли? — сказал Григорий Тарханов, как бы оправдывая свой приход к одинокой женщине.

— С каких это пор ты, Григорий, начал меня «выкать»? Давай уж по-старому, на «ты». Проходи присаживайся.

— Слушай, Алевтина, я ведь не ругаться пришел... Будь человеком, скажи: куда уехал Федор Романович? Алевтина, друг мой...

— Была я тебе другом, когда ты в больнице колодой лежал, а я, дура, ночами около тебя дежурила... А ты... Ты прибежал ко мне домой и эти проклятые серьги вырвал с мясом из ушей!

— Алевтина... Не вырывал я эти серьги. Ты заупрямилась. А ведь они цены не имеют. Правильно называются — височные кольца. То, что они из красного золота, — это пустяк. Великая их ценность та, что изготовлены они в первом веке. Древние письмена-резы на этих кольцах, русские письмена — имя владельца...

— Ха-ха, ой умру от хохота! Какие все вы знатоки старины... Да если хочешь знать, то этим кольцам от силы лет семьдесят. А то заливает мне — первый век...

— Откуда тебе это известно? — быстро спросил следователь и тут же про себя пожалел, что проявил необдуманное любопытство.

— Сорока на хвосте весть принесла мне, — безразлично сказала Алевтина Кирилловна. — Вопросов у товарища следователя больше нет? Тогда прошу покинуть мою хижину.

— У тебя чем-то вкусным пахнет... Покорми. Сама знаешь, какие бывают харчи у овдовевшего мужика...

— Березовой оглоблей кормить тебя надо по хребту! Черт с тобой, проходи и садись к столу. — Сквозь наигранную грубость, как теплый ветерок, пробивалась доброжелательность молодой женщины.

— Спасибо, Алевтина, — сказал обрадованно Григорий Тарханов, когда прошел в комнату и сел за стол, накрытый ярко-цветастой скатертью китайского шелка.

После того как Алевтина Кирилловна принесла кофейник и разлила по чашкам кофе, села она напротив Григория Тарханова и заметила, что тот слишком уж

пристально разглядывает на спинках кресел накидки из барсучьих шкур.

— У меня слабость к меховым вещам, — кивнув головой на расстеленные во весь пол две большие медвежьи шкуры, сказала она.

— Чудный ковер у тебя на диване! Наверное, из оленьих шкур?

— Да! Сшит он из пыжиков, а окаймовка из длинношерстного подшейка старого оленя-быка. Кумулан — так этот коврик называется по-тунгусски, — пояснила Алевтина Кирилловна, а на лице ее сияла довольная улыбка: мол, не у каждой женщины вы можете встретить в квартире такие дорогие меховые изделия.

— Знаешь, Алевтина, сегодня я проснулся утром рано, еще до восхода солнца. И больше уже не мог вернуть свой сон. Понимаешь, серьги, купленные тобой у Хинги, это своеобразное письмо, пришедшее к нам из тысячелетий, от наших предков письмо! Расскажи, кто такая Хинга Тунгирова? Одним словом — все о ней и ее знакомых, друзьях, — попросил следователь.

3

Прошло уже больше месяца со дня избрания Виктора Лучова первым секретарем райкома партии. Но за это время он провел не более трех дней в райкоме. Мотается по району из конца в конец — знакомится с положением дел в хозяйствах и с людьми на местах. Только что вернулся из Бондарского совхоза, где проводил партийное собрание.

— Повремени часок, Григорий, — попросил секретарь райкома, когда в кабинет вошел следователь. — Обком у меня на проводе... Шею мылить будут...

— Ладно, я буду в коридоре — позовешь...

Григорий Тарханов знал Виктора Петровича еще с той поры, когда тот начал работать в нефтепоисковой разведке инженером, а было это около семнадцати лет назад. И вот стал секретарем райкома.

Следователь вышел из приемной в коридор, закурил сигарету. Дверь приемной была открыта, стучала пишущая машинка, Григорий поздоровался с райкомовской буфетчицей, которая зашла в приемную. Смолкла пишущая машинка, и до следователя стал доноситься говор двух жен-

щин. Вначале они говорили затаенно, тихо, затем, войдя в разговорный азарт, все громче и громче. Говоруньи обсуждали райкомовские новости минувшего дня. Следователь старался не обращать внимания на разговор, пропускать все мимо ушей, но кое-что буквально сверлило слух.

— ...Вызвал Виктор Петрович к себе Тарабаева. Ой, что творилось в кабинете! Я думала, Тарабаев выбросится из окна. Можешь себе представить, как Виктор Петрович отчитывал там его, «резал», коль сквозь двойные двери слышимость, что тебе в кино: «Кладбище — святое место. Ограда кладбищенская сгнила и обвалилась. Могилы попритоптаны беспастушным скотом, кресты лежат в грязи. Сколько раз к тебе обращались с просьбой, чтоб навел порядок, выделил средства. А ты все обещаниями кормил. Через пять дней поеду с тобой на кладбище, и если что не так, то смотри...» Выскочил из кабинета Тарабаев, как из берлоги, трет лоб платком, а по щекам ручьи пота...

— Кого еще там Виктор Петрович распекал?

— Досталось нашему редактору районки. Я как раз подшивала газеты, и разговор был при мне. Виктор Петрович спрашивает редактора: «Вы, Гораедов, какой бритвой бреетесь?» Тот сразу пальцами подбородок ощупал и не поймет: к чему такой разговор? Но ответил: «Безопасной привык скоблиться». Виктор Петрович посмотрел на него и сказал: «Понятно, чтоб не обрезаться. Нашей районной газете нужен редактор с опасной бритвой!..» И попросил он Гораедова, чтобы тот подумал над этим.

— Народ наш юганский меткие науличные прозвища дает. Не зря окрестили Гораедова Короедовым. До жути боится печатать критическое...

— Заменят, пожалуй, Гораедова... На днях тут, у Лучова, были геолог Иткар Князев и журналист из Томска Петр Катыльгин. Говорят, что Катыльгин в областной газете больше не работает...

В этот момент распахнулась дверь в коридор пошире.

— Григорий!.. Фу ты, а я уже думал, ты сбежал, — облегченно вздохнув, сказал Виктор Петрович.

— Как обком? — поинтересовался следователь.

— Обошлось...

Григорий развернул папку, достал карту Томской области, расстелил на столе, потом начал говорить:

— Приведу я тебе, Виктор, несколько эпизодов из истории исследования Васюганья. Кое-какие письменные сведения о Васюганье появились в девятнадцатом веке, хотя русские сюда проникли еще тысячу лет назад. Если верить некоторым томским ученым, то одним из первых посетил Васюганье Борис Павлович Шостакович. Он в тысяча восемьсот семьдесят шестом году предпринял поездку по рекам Вас-Юган и Чижапка с целью проверки поступивших сведений о наличии здесь золота и каменного угля. Но, как и следовало ожидать, золота не нашел Шостакович, «кусочки каменного угля находил лишь на берегу реки и в виде амулетов у инородцев» — так говорится в его отчете.

— Хорошо, Гриша! И какое же имеет отношение все это к твоему делу о бугровщиках-грабителях? — спросил секретарь райкома и, пододвинув поближе карту, начал рассматривать район Чижапки.

— Вот об этом-то я и хочу сказать. Васюганская земля сплошь усеяна малыми и большими речками и речушками. Почему именно поехал Шостакович на Чижапку? Почему именно молва гласила о золоте в районе Чижапки?

— Да, ты прав... Из ничего легенды о «чижапском золоте» не могло родиться.

— И я так думаю, Виктор, — уверенно сказал следователь. — Нужно теперь поговорить обо всем этом с Юганой или с Федором Романовичем, парусным цыганом.

— Так-так, — сказал секретарь райкома, выслушав следователя. — Помимо всего этого, получается у нас любопытная картина: ты, Григорий, разыскиваешь бугровщика Пяткоступа, а он, в свою очередь, знай себе ковыряет древние захоронения — хапает «могильное» золото... Но кроме тебя, Григорий, идет еще по следу Пяткоступа геолог Иткар Князев. Там, где насвинячил своей копаниной Пяткоступ, Иткар находил наконечники стрел, обломки горшков, изделия из кости и бронзы — «отбросы» Пяткоступа, древние вещи. И находил он среди этих «отбросов» кусочки отвердевшей нефти. Вот эти кусочки битума, окаменевшей нефти — есть надежда — приведут Иткара к великому сокровищу! Имя этому сокровищу — нефть! Палеозойская нефть второго этажа. Так что ты, Григорий, держи крепкую связь с Иткаром.

Глава девятая

1

Еще ранней весной, когда дятлы облюбовывали для гнезд дупла, Югана попросила ребят, чтобы они свалили два кедра. Из стволов этих кедров были выдолблены четыре громадные дуплянки для ульев. Теперь предстояло эти дуплянки отвезти в тайгу на заветное место и подарить Гунде.

Весело и ровно рокочет двигатель вездехода. Рядом с Орланом в кабине сидит Югана, курит трубку и посматривает на дорогу среди молодого осинника. Таян, Ургек и Карыш разместились в кузове.

За сырым логом началась старая дорога в материковую тайгу. Орлан сбавил газ — по такой разбитой лесовозами дороге быстро не поедешь.

Вездеход выбрался на холм, поросший буйным, молодым березняком. Югана попросила:

— Надо тут остановить. Болото лежит за островом.

— Приехали, — сказал Орлан и остановил вездеход у болотной кромки, поросшей зарослями багульника. За болотцем виднелся большой остров с выгоревшим лесом. Обугленные кедры стояли на корню, как скорбные свечи.

Ребята выгрузили из кузова вездехода четыре дуплянки.

Собирание меда диких пчел известно людям юганской тайги с древнейших времен. Найденное дуплистое дерево с живущими в нем пчелами промысловик метил своей родовой тамгой, и дерево считалось собственностью племени. Мед брался осенью. Иногда в одной дуплянке бывало более трех пудов меда.

— Орлан, Югана просит, чтоб молодые вожди сделали солонцы. Югана пойдет вон туда, к болоту, и будет курить трубку большого отдыха.

Легкий табачный дым уходил синеватым облачком, плыл над головой Юганы и терялся.

Эвенкийка сидела, прислонившись спиной к стволу кедра. Думы ее были как дым из трубки: уходили в неизвестность, заглядывали в далекую юность. Когда-то Югане было семнадцать лет. Она родила второго ребенка. Но злая сила приказала во время родов захлестнуть шею ребенка пуповиной и удушить. Мертвого ребенка, завернутого в меховой мешок из заячьей шкурки, Югана захо-

ропила в дупле кедра. Вон он, тот далекий, старый кедр — лежит теперь полугнилой колодой, поросшей зеленым мхом. А ее девочка давно уже превратилась в пчелу — таково поверье эвенков и югов. Сегодня четверо юных мужчин будут приглашать молодых пчел-гунд на свидание. Может быть, уже сейчас где-то летит пчела или ее внучка, в которой живет душа дочери Юганы, возможно, сегодня состоится родство душ, будет заключен союз молодых вождей с богиней Гундой.

2

Несколько дней назад Петр Катыльгин с Иткаром Князевым прилетели в Кайтес из Ханты-Мансийска. А еще до этого навестил Петр свою родовую деревню Катыльгу. И решил он сегодня с раннего утра поработать над очерком о нефтедобытчиках, строителях трассы Катыльга — Раскино.

Название маленькой таежной деревушки — Катыльга — стало знаменитым на томской земле совсем недавно, с тех дней, когда было открыто поблизости месторождение нефти, а затем начато строительство пока единственного современного вахтового поселка нефтяников. А сейчас идет прокладка ветки нефтепровода Катыльга — Раскино.

Река Катыльга — левобережный приток Вас-Югана — лежит среди низинных болотных берегов. Предки Петра Катыльгина, юганские угры, жили в этом месте с незапамятных времен.

В утренней тишине со стороны Перыни, от кузницы, доносился какой-то перезвон, стук. «Что-то мастерит нынче Громол Михайлович спозаранку», — подумал Петр. Он встал из-за стола, подошел к открытому окну. И, заметив идущего Перуна Владимировича, пожелал доброго утра, а потом спросил:

— Не татарское ли войско идет — наша кузница день и ночь оружие кует?

— О, нет-нет, Петруша! На нашей земле мир и покой. А вот парусный цыган Федор Романович не дает нашему Громолу Михайловичу поутру в постели нежиться...

— Я слышал вчера, что он купил самую дальнюю пасеку на Кипрюшке. Да еще Саша Гулов говорил, что Федор Романович там, на пасеке, чуть ли не зимовать собирается. Продуктов подзавез — на год хватит.

— Вот и мне что-то дивно кажется, — сказал Перун Владимирович, — расспрашивал меня Федор Романович про места, где было родовое стойбище Тунгиров. И вот, оказывается, в тех местах пасеку купил — пчеловодством ли решил он заняться?

— Парусному цыгану нужны пчелы, как медведю жареная луна.

Решил Петр навестить кузницу, поговорить с Федором Романовичем. Кроме любопытства, что там куется, хотелось ему расспросить старого кочевника-речника о таежной катыльгинской стороне, доводилось ли ему встречаться с местными шаманами.

Лежал на наковальне родовой герб обских парусных цыган, выкованный из железа. Крыло чайки — символ паруса, а на нижней части, обвенчанный солнечным кругом, — орлан белохвостый с гордо вскинутой головой. Вот это и есть герб.

— Красивая работа! — похвалил Петр.

На расспросы Петра отвечал парусный цыган шутками, прибаутками.

— Зачем герб кую? На юганской земле буду организовывать цыганскую республику! Без знамен и гербов как тут, а?

— Желаю удачи, Федор Романович, — сказал Петр и тут же принялся расспрашивать о том, что у старика осталось в памяти из жизни катыльгинских угров.

— Много можно пообсказывать тебе, Петруша, про те края... Помню, сам возил на своем коче батюшку-попа по малым рекам. Решил батюшка «особолиться», собрать божью дань пушниной с югров Вас-Югана да заодно крестить полукочевников-нехристей и дать им фамилии, имена. Угнездился он на моей галере, и поплыли мы по малым притокам Вас-Югана. Безымянный толмач, полукровок из ясашных, пояснил попу, когда привел я свой коч на Катыльгу: «Тут, батька-священник, живут югры. Тамга ихня, родовой знак, Бер-Агач, Дерево Ель. Зовут они себя: Кат-Ылка. По русски, бог-батька, это получается — Солнечная Ель». И были бесфамильные остяки по этой реке окрещены священником из Медвежьего Мыса. Одних он крестил Катыльгиными; других — Ельниковыми.

Парусный цыган приумолк, посмотрел на Петра, а потом, вытащив из кармана штанов трубку, пососал чубук «холостой» носогрейки — вроде покурил.

— А дальше, дедушка? Рассказывай не спеша...

— Можно сказывать, — улыбнувшись, согласился старик. — Чудным был священник Велимир из Медвежьего Мыса: подчалится коч речной к берегу, а на горе — юрты, поселение. Бегут остяки встречать ладью и наперебой говорят, коверкают русские слова: «Батька-бог, муки тай!» — просят одни. «Хо-хо, батька-Велимир, вотку тай!» — просят другие. Своим чутким ухом, конечно, священник ловил каждое слово таежных людей, и тут же он в обмен на меха дарил фамилии: Мукутаев, Водкутаев.

Возвращался Петр из кузницы домой, и думал он о том, что он гордится своим родом югорским, который считается старожилом этого края. И вдвойне горд Петр, что на земле его предков воздвигается поселок нефтеразведчиков, найдено богатое месторождение нефти и наконец будет проложена «нитка» нефтепровода — река огненной воды.

В полдень Петр накормил вареными рыбьими потрохами Куима, чернопестрого кобеля, которого привез еще три года назад щенком из Эвенкийского национального округа, со стойбища на Катэнги. После этого он прилег на диван. Потом взял в руки газету.

Куим — по-русски значит: мужик. Лежит у порога Куим и лениво, сыто зевает. Удивляется, наверное, гордый пес: что это с его хозяином случилось? Еще два дня назад он был веселым и радостным, когда на таежном озере было добыто много карасей. Но почему-то сегодня хозяин ленивый и тоскует. Как можно лежать и смотреть в какую-то бумажку глазами подолгу?.. Возможно, так думал Куим и удивлялся, поглядывая на своего господина — человека. И вдруг зазвонил телефон.

— Куим, — попросил Петр, — возьми трубку и послушай, кто там бренчит?

Кобель рывком метнулся к столу, взял зубами телефонную трубку и положил на стол.

— Р-р, ав-ав... — сердито прорычал и тявкнул Куим над телефонной трубкой.

Выходит, надо понимать «ответ» Куима так: «Какого черта вам надо? Мой хозяин отдыхает».

— Ох, Куим, еще в Томске сколько мучился, учил тебя — толку нет. Раз поговорил по телефону, то надо трубку класть обратно на рычаги. — Встав с дивана, Петр подошел к письменному столу, поднял телефонную

трубку, поднес к уху: — Иткар, ты? Ну да — Куим... Приходи ко мне. Бездельничаю. Тоскливо что-то на душе.

В Кайтесе телефонная связь — новинка. Нынче зимой Саша Гулов «организовал», привез старенькую «подстанцию» из Тюмени. И как-то сразу оживилось селение — зимой теплые разговоры подолгу ведутся.

Куим смотрел в глаза Петру, как бы спрашивал: «Есть приятные новости для нас?»

— Иткар в гости к нам придет, Куим. Будем заряжать патроны. Завтра или малость позднее отправимся надолго в тайгу... — Куим кинулся к Петру, вздыбился, на плечи хозяина положил лапы, лизнул несколько раз в лицо. Слова «патроны», «тайга» хорошо понимает Куим — знает, что это сулит ему.

Петр вышел из дома, сел на завалинку. Он смотрел на располневший Вас-Юган. Где-то на задах поселка, в березняке, грохотал тягач, глухо лязгали гусеницы по липкой, торфянистой земле. У кайтесовской пристани суетился буксирный артельный катер, который оттаскивал паузок, нагруженный новыми ульями. Кочевая пасека — новинка для Кайтеса. Откуда-то из низинного речного тумана послышался голос сирены «пэтэшки», маленького пассажирского теплохода. Эхо, передразнив сирену, ответило голосом осиротевшего бычка, отбившегося от стада.

У калитки показался Григорий Тарханов. В руке он держал туго набитый портфель.

— Издалека? — спросил Петр, когда Григорий присел рядом с ним на завалинку. — По личным или служебным делам в Кайтес нагрянул?..

— Да вот, только что из Яхтура. Встречался с Хингой Тунгировой. Черт побери, куда ни сунусь — везде тупик. Достались Хинге серьги и напалечное кольцо от матери. А мать в прошлом году умерла. Откуда эти древние вещички у них, где и кем они подняты, куплены?

— А с Тунгиром разговаривал?

— В том-то и беда... Уехал он куда-то на свою заимку, в тайгу. А Иткар, оказывается, у него спрашивал про это. Ответил ему Тунгир: «Пошто не знать? Были у моей бабы золотые сережки, кольцо на пальце носила. Тунгир за Тэму давал калым — десять оленей. Брал ее к себе в чум не голую». Завернул к тебе, решил просить: будете с Иткаром скитаться по тайге — присматривай-

тесь. Чуть что — сообщите мне в Медвежий Мыс. Хорошо?

— Ясное дело, сообщим.

Через поленницу дров перескочил Куим, в зубах он держал оторванную телефонную трубку. Услужливый кобель приветливо повилял хвостом и положил телефонную трубку на колени Петру. На, мол, послушай — кто-то звонил...

— Ну, Куим, ты у меня просто гений из всей породы лаек, умница... Ведь провод-то у нашего телефона не резиновый, как я могу разговаривать, если аппарат дома.

— Югана считает, что Пяткоступ не один бугры курочит... И ведь черт, как сквозь землю проваливается. Вроде уже вот нападу на след, но что-то помешает...

— Знаешь, Гриша, умный бугровщик-грабитель сейчас скорее всего должен отдыхать. И праздновать он будет до августа. Пропадет гнус, пообсохнут болота, реки помелеют — вот после этого он и появится на своем облюбованном месте...

— Почему, Петр, бугровщик должен выйти на промысел в августе? — спросил озадаченный следователь.

— Очень просто: вертолеты, самолеты пожарной авиации сейчас над Вас-Юганом курсируют. А вот рыбалка, охота запрещены. Любой человек, живущий в тайге где-то на отшибе, может показаться подозрительным. Ну а потом, если человек ищет в захоронениях, культовых местах ценные золотые вещи, то он должен быть очень осторожным...

— Так-так, считаешь, что бугровщик выходит на промысел под осенний шумок, когда в тайге появляются бригады шишкарей, ягодников, заготовителей лекарственных трав, рыбаки, охотники...

— И считать тут нечего: у того, кого ищешь ты, есть уже облюбованное место, а раз так, то он, видимо, выжидает удобный момент. Прикопайся к человеку: где и что он копал, если осенью в тайге у нас все в дыму, как в Крыму в войну — людей тьма-тьмущая. Кто и зачем в урман забрел — ничего не разберешь.

— А что, Петр, ты прав, — согласился Григорий, когда он вслед за ним вошел в избу.

На полу валялся разбитый телефонный аппарат.

— Я понимаю, Куим: человек, который разговаривал с тобой, малограмотный — не знает собачьего языка. Но

больше ломать телефонный аппарат не надо. Хорошо? — спросил Петр.

На пороге появился Иткар Князев.

— Эй, Куим! — сказал он громко, обращаясь к собаке. — Почему не передал хозяину, что я хочу выпить стакан вина и пообедать?

— То-то он от радости и оттяпал зубами телефонную трубку и притащил ко мне на улицу. Ну что ж, война войной, как говорится, а обед обедом. Желудок — господин, всегда свое потребует. Есть у меня олепятина отварная, холодец рыбный.

Петр вошел в небольшую прирубную кухоньку. Достал из холодильника кастрюльку с мясом, вывалил на стол, начал резать на ломтики. И вдруг он мысленно увидел себя юным: вот в этом доме, в этой кухоньке, они жили с Райгой в первый год после женитьбы. Тогда он только что окончил университет и был направлен в Кайтесовскую школу учителем русского языка и литературы. И начали расстилаться перед мысленным взором Петра те далекие хлебные поля, березовые гривы, и слышалась ему далекая песня, которую пели девушки у полевого стана, на берегу таежного озера.

Куим занимал «разговором» гостей, пока его хозяин готовил на кухне обед.

— Ну, Куим, здравствуй! — говорил Иткар, беря протянутую уже не в первый раз лапу.

— Садись с нами на диван — поговорим про тайгу, охоту. Прыгай, Куим, ко мне поближе! — пригласил собаку Григорий.

Иткар прислушался. Из кухни доносился напевный голос. Это пел Петр сказание об «огненном шамане», языческом жреце югров.

Глава десятая

Все старожилы Кайтеса почему-то уверены, что у Перуна Владимировича Заболотникова много тайн. Кому этот потомок русских жрецов передаст накопленную с древнейших времен мудрость народной медицины? Шесть сыновей было у Перуна Владимировича от первой жены, и все они погибли на поле брани в Отечественную войну. Его внуки и правнуки живут в разных городах страны, и все выбрали профессии, далекие от медици-

ны. И лишь только дочь Русина после окончания Московского мединститута вернулась в родной поселок, в отеческий дом. Считают кайтесовцы: быть Русине Геруновне наследницей всей медицинской мудрости отца; считают они: быть Русине земной языческой богиней Роданой, покровительницей женщин русских перунцев Кайтеса.

Еще не могут понять сельчане Кайтеса: зачем почти в одно и то же время приехали в Кайтес Иткар и Агаша со слепой девушкой-красавицей Марианой к Перуну Владимировичу. Девушка не теряет надежду, мечтает видеть утренние зори, любоваться белоснежными сугробами облаков, улыбаться солнцу.

Ступив на землю Кайтеса, Агаша по стародавнему обычаю поклонилась людям, которые встречали речной пассажирский катер. В тот же день Саша Гулов выделил для Агаши с Марианой двухкомнатную квартиру с полной обстановкой, набором кухонной посуды и даже с холодильником и стиральной машиной. Дом большой, пятистенный, поделен на две квартиры. Во второй половине дома живет Мунуила Вербовна Баярова. В Кайтесе все зовут ее Муной. Иткару Муна доводится дальней родственницей по материнской линии. Муну считают «ученой», знахаркой по лечению женских болезней.

На второй день после приезда повела Муна Агашу знакомиться с поселком, как это давно принято и заведено для приезжих. Агашу интересовал главный вопрос: поиск клада Миши Беркуля. А из этого уже вытекал второй вопрос: будет много золота, денег — живи в свое удовольствие. Но какое может быть наслаждение жизнью, богатством — старость нависла волчицей на плечи. Омоложение — вот главный вопрос после поиска золотого клада.

Когда шла Агаша по улице в сторону больницы, то не могла насмотреться на Муну. Спросить боялась у нее, сколько же ей лет, вдруг обидится Муна от такого вопроса, да еще, чего доброго, наплюет в глаза. Кто тут разберет их обычаи перунские. А одета была Муна на зависть модницам райцентра. На ногах у Муны легкие эвенкийские топари на низком каблуке: вместо голенищ коричневой ровдуги ремни что змейки оплетают причудливым узором икры ног и поднимаются выше, до колен, где прячутся в желтый ремень, расшитый алым бисером. Черная шерстяная юбка у Муны из пряжи са-

модельной, кофта белого сукна затянута в поясе широким ремнем с позолоченной пряжкой. Черная толстая коса с густой проседью свисала у Муны до пояса. Кайтесовские женщины, молодые и пожилые, носят большие косы. Хотелось Агаше о многом расспросить Муну, но пока она стеснялась.

— Агаше, женщине Медвежьего Мыса, можно будет хорошо отдыхать на берегу у воды... — указав рукой в сторону реки, сказала Муна.

Агаша посмотрела туда, где на пологом берегу лежали обласы, перевернутые вверх днищами; заметила она там и лодки, которые уткнулись высокими носами в приплесок. Поодаль виднелась самоходная баржа, плоскодонка малогрузная. Стояла баржа на якоре у мелководного, пологого берега, покачивалась на легкой волне, как важная залетная гусыня. С невысокой дощатой вышки ныряли ребятишки в воду. По берегу разносились визг, смех и плеск воды.

Поразили Агашу темно-пепельные глаза Муны — большие, выразительные и не такие, как обычно у хантыйских женщин, с узким разрезом. Муна больше походила на русскую женщину, и в то же время в ее лице были черты женщины югов: чуть скуластое лицо, тонкий разрез губ, прямой нос. В разговоре вместо «пойдет» она произносит «пойтет» — вместо «д» у нее всегда звучит «т».

В первые годы Советской власти отец Муны прикочевал в Кайтес и остановился здесь на постоянное место жительства. Отсюда Муна проводила на фронт четырех сыновей и мужа, никто из них не вернулся, погибли.

— Сколько тебе лет, Муна? — робко спросила Агаша, когда открыла калитку, вошла в больничную ограду.

— Семьдесят два нынче было, — спокойно ответила Муна.

И Агаша мысленно ахнула — удивилась: «А ведь на вид-то ей чуть больше пятидесяти. Конечно, какого черта им тут в глуши делать, знай себе омолаживайся в любое время — Перун ихний всегда под рукой и больница рядом. А нашей сестре, райцентровской, хоть мыкайся-перемыкайся; ведь навизжишься досыта, поохаешь и переохаешь, пока пронюхаешь про этот потайной Кайтес».

В уютной больничной приемной комнате была тишина. Агаша растерянно стояла у порога, осматривалась: у круглого столика — четыре кресла с резными ножками

наподобие медвежьих лап. На столе лежали газеты, журналы. Стены в приемной комнате обшиты отшлифованными кедровыми тесинами и покрыты прозрачным лаком так, что каждый сучок, слои-извилинки рисунками кажутся.

Муна взяла с тумбочки колокольчик и помахала им, будто носовым платком или веером. Звон бронзы с серебром был голосом веселой, зовущей птицы. В приемную вошла моложавая женщина средних лет, в белом халате — собой миловидная, красивая. Это была врач Русина Перуновна...

Сколько Агаша пробыла в мире больничного внимания к себе — она сказать не может. И когда она возвращалась к себе домой, шла береговой тропинкой среди цветущей черемухи, то ее охватило чувство радости, благоговения перед природой: она почувствовала в себе омоложенную душу.

Весной ночи на юганской земле и обском Севере, как говорят, не длиннее птичьего клюва. Начнет закатываться солнышко, а зорюшка вечерняя девицей красной выткет у горизонта синеву облаков в алые росписи да бросит на прощание в стекла деревенских изб своей закатной кровью, а там, глядишь, и птицы приумолкнут, замрут соловьи на ветвях черемушника, затаятся божьи коровки, жучки разные, прильнув к листочкам, веточкам. Сомкнутся на ночь лепестки цветов, опасаясь заморозка, и укроют ленивых сладкоежек от холодной утренней росы.

Вздремнет живой мир тайги на каких-то два или три часа под сизым одеялом ночи, и вот она уже пришла, новая заря, примчалась румяной молодушкой и сияет радостью на востоке. И что в такой час творится по берегам рек, озер таежных да на беломшаных болотах! И где тут только взять слова, чтоб обо всем поведать? Приходилось ли кому слушать под музыку зари лебединую песню? Да видел ли кто, как эти птицы целуются? Конечно, все это видено и слышано не одним человеком. А уж селезень, вечный любовник, как просвистит на бреющем полете резвыми крыльями, как рванется живой молнией над полузатопленными речными островками и, выкупавшись в алых лучах зари, идет к земле, к зовущему голосу любимой. Рождается новый весенний день в любви, и все живое в любовном порыве отливает новое семя, новое продолжение жизни.

От чувства этой радости жизни, от людской теплоты душа Агаши как бы вдруг стала зрячей. Много в жизни Агаши было бессонных ночей, страдальных и горьких, — смерть мужа, смерть детей; голод в военные годы, холод; разгрузка барж, заготовка дров в тайге для топок пароходов. Но не было в жизни Агаши такой ночи, бессонной от радости, счастья. Она и понятия не имела, не знала, что от радости, чувства счастья может женщина лишиться сна.

Кому же Агаша выложит все свои восторги? Конечно, Мариане в первую очередь.

— Бог мой! — восклицала Агаша, всплескивая руками, будто крыльями на взлете.

Слушала Мариана свою мамусю. Сидела она на диване, по-домашнему одетая в простенькое ситцевое платьице в крупную горошину.

— Мамусенька, по порядочку все рассказывайте, — попросила девушка и, упершись в подбородок рукой, замерла как зайчик на вспуге.

— Русина, дочка Перуна Владимировича, повела меня к себе в кабинет. Усадила в кресло у столика и начала расспрашивать: где родилась, чем болела и когда, сколько лет прожила бабушка, дедушка, а также мать с отцом. Все, как есть, повыспросила. И ведь не записывала на бумаге. А включила кнопку, и за ее спиной в ящике машинка знай себе крутит мой голос на ленточку...

— Магнитофон это, мамуся, — тихо подсказала Мариана.

— Верно, он самый, не спорю. Вскоре пришли еще два ихних доктора. Потом-то я узнала, что все они большие профессора, как и сам Перун Владимирович. Приказала мне Русина раздеться. Пришлось разболокаться. Все до нитки стащила с себя. После этого на кушетку прилегла и только с боку на бок успевала перевертываться. Кругом, как есть, обсмотрели меня профессора и на рентгене просветили — дыши, не дыши. Потом появилась беленькая девушка, объявила: «Звать меня Екатериной Ивановной. Приглашаю вас на процедуры».

И берет она меня под ручку, как невесту, ведет куда-то и объясняет: «Работаю я массажисткой. Буду у вас старческие морщины прогонять со всего тела. Курс массирования продлится все лето».

Привела она меня в баню. Да это скорее и не баня, а королевская купальня. Куда ни повернешься, куда ни

крутанешься — везде все в белом кафеле, а по нему картины писаны. Оказывается, наш улангаевский художник Андрей Шаманов вытворил все это чудо дивное.

После ванны привела меня Катерина Ивановна в светелку, усадила перед зеркалом и обтерла досуха полотенцем махровым. А потом уложила на кушетку, размяла, расправила все косточки, все морщинки, всю кожу на теле моем перебрала пальчиками. После этого накинула простынку бархатистую, усадила на высокий стульчик перед трубчатой кишкой, из которой сквозил горячий ветерок, и давай гребнем расчесывать мои волосы. Просушила она волосы, косу заплела и зачала на лице моем массаж делать — мазать, натирать пахучими маслами...

— Мамусенька, а мне можно на это омоложение ходить?

Агаша смотрела на Мариану и улыбалась. «Куда тебе, душенька, еще моложе-то быть».

Глава одиннадцатая

1

Следователь Григорий Тарханов живет в Кайтесе пятый день. Привело его сюда желание проникнуть в тайну легенды о Золотой Чижапке. Григорий знал, что у Перуна Заболотникова хранятся родовые летописи и старинные книги. Он считал, что летопись Кайтеса ответит на мучительный вопрос.

Следователь сидел за письменным столом, а старый доктор на журнальном столике перелистывал «Томские ведомости» столетней давности. Григорий Тарханов начал разговор о медицине. Как опытный следователь, он понимал, что нужные сведения можно получить исподволь.

— Перун Владимирович, а не приходилось ли тебе спасать жизнь человеку, который бы расплатился или предлагал за исцеление золото?

Старый доктор долго молчал, смотрел в окно.

— Вопрос твой понимаю, Гриша. Но чтоб дать ответ, мне нужно покопаться в своем домашнем архиве. Что-то подобное я припоминаю... Отложим разговор до другого раза. А сейчас пойдем за стол, обедать пора.

На следующий день Перун Владимирович пригласил следователя в кабинет.

— Так вот, Гриша, кое-что я нашел. Послушай: «...кус-

ки каменного уголя находил лишь на берегу реки и в виде амулетов у инородцев». Но что-то я сомневаюсь в каменноугольных амулетах.

— Значит, амулеты изготовлялись из другого материала?

— Только не из угля. Амулеты были из кусков отвердевшей нефти. История нефти на юганской земле изучена хорошо Иткаром. От него ты можешь узнать подробности. Но мне хочется сказать, что битум находил применение у югов в фармакопее — в составе для бальзамирования тел, а также в мазях против накожных и простудных болезней.

— А золото?

— Про золото придется подумать сообща, — сказал Перун Владимирович. — Попробуем разобраться. В восемьдесят втором году Западно-Сибирский отдел русского Географического общества поручил Григоровскому исследовать колонизацию Васюганья за последние двадцать пять лет. Результаты своей поездки он опубликовал в двух статьях, вот этих.

— Перун Владимирович, но Григоровский не упоминает о золоте!

— Верно. Но у нас другая зацепка. На следующей странице своей статьи он рассказывает: «Верстах в десяти вверх от устья Нюрольки с левой стороны впадает в Вас-Юган речка Юга-Юган, а за нею недалеко, повыше, на правом берегу Вас-Югана идут верст на пять скалы из ила, смешанного с красною глиною. Эти скалы называются Красным Яром».

— Это уже интересно!

— У аборигенов-югов устье реки Юга-Юган именовалось Кровавые Скалы и было местом поклонения богу весны Белому Орлу. У хантов Красный Яр назывался Золотым Берегом. Возможно, отсюда и пошла легенда о золоте. Мой отец и дед, помню, рассказывали о том, что чудной красоты древние золотые вещи покупались у старообрядцев из Юрта Экыльчак и у кержаков, что жили около озера Мирного.

— Опять загадка, Перун Владимирович, — откуда поступало золото?

— Тут, Гриша, надо нам с тобой посображать. Как это называется у вас, следователей, когда повторяется один и тот же прием?

— Аналогичного случая, Перун Владимирович, пока не наблюдалось.

— А в Олонецкой губернии? Судебный процесс освещался в печати. В летописной книге моего деда рассказывается частично об этой истории. Я сейчас прочитаю тебе небольшой отрывок. «...Целые массы рассказов и преданий сохранились в крае о нахождении и о разработке в прошедших веках серебряных руд в Олонецкой губернии. К северо-востоку от города Повенца в старинном, ныне разоренном и упраздненном монастыре поморского толка, известном по всей России под названием Даниловского, говорят, в царствование императрицы Екатерины Второй где-то в тундровых местах, много к северу от озера Онего, добывали серебряную руду и делали из нея серебряные рубли по образцу государственных рублей екатерининских времен. Эти даниловские рубли были известны по всему Северу и ходили там даже несколько подороже казенных, так как выделывались из чистейшего серебра; даже норвежцы признавали за даниловскими рублями их превосходство и охотно принимали их в уплату за товары, а то так и просто покупали из-за барышей промена. Кроме этих рублей, в той же местности в огромном количестве выделывались из серебра и разные другие изделия: кресты, створы (литые небольшие иконы с дверцами), складни, пуговицы к сарафанам и кафтанам скитниц и скитников и многое другое. Этим ремеслом занимались не одни лишь обитатели Даниловского скита, но и жители двух-трех окрестных деревень, например Тихвина Бора, Пяльмы. Впоследствии, когда эта тайная выделка серебряных рублей и вещей, называемых в народе и до сих пор вследствие таинственности их производства темными, сделалась известна правительству, приказано было всех жителей, как монастырей Даниловского и Лексинского, так и соседних деревень, попавшихся в серебряном деле, с чадами и домочадцами выселить в отдаленныя местности Сибири для «удобнейшаго будто бы пути к разработке столь ценного металла и в местах, где оный в изобилии находится». Конечно, такой указ был немедленно исполнен, но с этим выселением, однако, пропали бесследно и сведения о той местности, где добывалось серебро; об этом-то обстоятельстве и не подумали люди, составлявшие указ впопыхах к искоренению зла и в рвении к соблюдению казенного интереса».

— Вот это да-а! — удивленно произнес Григорий Тарханов, когда Перун Владимирович оборвал чтение страницы летописи.

— Все факты налицо!

— Перун Владимирович, а было ли мнение о «даниловском серебре» ученых-металлургов того времени? — поинтересовался следователь.

— Да, Гриша, было. Инженер Иностранцев писал: «Старинные изделия из даниловского серебра отличаются своею высокопробностью и сделаны обыкновенно крайне отчетливо и искусно».

— Вот и придется теперь мне думать и гадать, — сказал Григорий. — Теперь уж сомневаться не приходится, что опальные знатоки серебряных руд, скитники и селяне, ушли в неведомые и тайные места на Вас-Юган. В районе Чижапки они устроили себе новый скит. Можно предположить, что серебро и золото доставлялось им с Южного Урала или с Алтая.

— Тут я бессилен, Гриша. Но есть один человек, который знает очень и очень многое о старообрядцах-раскольниках.

— Парусный цыган Федор Романович?

— Да, Гриша, он.

Следователь подошел к окну, закурил сигарету. Он думал о том, где и когда ему удобнее встретиться с парусным цыганом.

2

Было тихое утро. Андрей Шаманов выбил пепел из трубки, положил в карман спички вместе с кисетом и трубкой.

— Как думаешь, Югана, дней за пять доберемся до верховья Вас-Югана?

— Югана думала: Шаман с Таней пойдут на Соляную Тропу старых людей. Там, на Кэрэс, был большой город. Шибко давно было это...

Андрей Шаманов посмотрел в сторону берега, где стояла загруженная лодка. Из дома Волнорезовых доносился голос Тани.

— Хо, Таня дает сердитый наказ молодым вождям. Пошто она всегда чего-то боится? Молодые вожди совсем уже большие! — сказала Югана, перехватив взгляд Андрея.

Она догадывалась, что Андрею не терпится поскорее запустить два мощных подвесных мотора.

— Югана, почему кволи-газары называли Вач-Вас Тахтамыгда?

— Хо, Югана шибко давно говорила это Шаману. Память у Шамана плохо держит слова Юганы? Тахтамыгда по-русски надо понимать: «Стой — смерть!»

— Это мне понятно: запретное место. Но что могло произойти в этом древнем городе более тысячи лет назад?

— Думать надо. Может быть, мор, а может быть, сам Вас — Речной Дух — прокудил, портил в реках воду, и рыба помирала, еда людей пропала...

— Во-во, Югана! Об этом-то и говорил мне Иткар. Могло быть где-то неожиданное нефтепроявление на дневную поверхность.

К Югане и Андрею подошла Таня Волнорезова.

— Ну и как, Андрюша, заждался? Поехали!

Два разных обстоятельства поманили художника и охотоведа. Прошлой осенью старичок хант Тунгир ходил промышлять белку в район Вач-Васа. Охотник рассказал печальную историю: «Люди с омской стороны приходили. Четыре мужика прокудили. Взорвали землю — сделали протоку из озера Вас-Эмтор в Игол. Сушили озеро и что-то там долго искали. Копались в иле, как утки ищут жирных червей. Рыбы много обсохло. Тучи воронья кормились там. Но людям не нужна была рыба».

Югана рассудила так: «Люди пришли искать Зарни-Ань — Золотую Бабу».

Кроме того, Иткар Князев просил Андрея Шаманова поехать и собрать все, что вымыто водой из древних «обжитых» пластов. Он просил обратить особое внимание на кусочки отвердевшей нефти.

3

Михаил Гаврилович Чарымов выпустил корову с теленком попастись. Обычно в полдень корова приходила к дому. Нынче, однако, не пришла. Михаил Гаврилович отправился искать. Нашел он бугорок, закиданный свежим мхом. Уложил корову с теленочком медведь. Трогать мясную кладовую зверя старик не стал и вернулся домой.

Пошел Михаил Гаврилович к Югане. Ребята в эту пору на рыбалке были. Югана посоветовала:

— Плыви, Чарым, на обласе к Ершовой Гриве, зови Орлана и Ургека.

Ребята рыбачили в трех верстах от Улангая на озере. У братьев на стане дымил притухший костер.

Когда Михаил Гаврилович с Орланом и Ургеком приплыли в обласах, Югана сказала:

— Вождь Орлан с Ургеком пусть идут домой, садятся в машину и едут к дому Чарыма.

— Зачем понадобился вездеход?

— У Чарыма глаза мудрого человека. Позади у Чарыма большая тропа жизни. Пошто он не знает о том, что Орлан с Ургеком поедут за мертвой коровой и теленком? Надо мясо везти домой, его можно сушить, вялить и зимой собак кормить.

— Югана, пусть пока все лежит там нетронутым, — попросил Михаил Гаврилович. — Ночью там и подкараулим зверя.

— Хо, Чарым, ты говоришь языком трусливой женщины! Сегодня мясо коровы и теленка будет лежать в амбаре, а шкуры висеть на шестах в сенях. Медведь ночью придет, а еды у него нет. И он шибко начнет злиться, станет драть когтями кору сосны и кедра и будет рвать зубами корни пней.

— С тобой вечно не дотолкуешься, — сказал недовольный Михаил Гаврилович. — Упустим зверя. Собак у нас нет.

— На лабазах караулят медведя мужчины, у которых вместо сердца жирный кисель!

— А как же парни будут промышлять? — удивленно спросил Михаил Гаврилович. — Рогатиной? Он из них души вынет.

— Хо, великий охотник Ургек один пойдет промышлять зверя. Он сам знает, чем и когда убивать медведя, — коротко ответила Югана.

А в это время Орлан запустил двигатель вездехода и повел машину к дому деда Чарымова.

Еще до заката солнца Михаил Гаврилович с Орланом и Ургеком перевезли домой убоину, разрубили туши на куски. Мясо лежало в амбаре на чистых берестяных листах, шкуры висели на шестах в сенях.

Эвенки из племени Кедра медвежий убой не едят, будь то корова или дикий олень, лось. Обычно таким мясом кормят собак. Охотники верят, что от такого мяса собака

становится смелой, ловкой и выносливой. Но сегодня Галина Трофимовна сказала:

— Югана, так мясо-то бескровное почти, можно сказать, чистое. Зверюга, кроме вымени, и горло у коровушки разорвал. Можно все мясо перекрутить да законсервировать в стеклянных банках, аль понасушить, понавялить, и самим при нужде на еду пойдет. На всю зиму всем нам хватит мяса нынче. Коровушка-то у нас была второтелком — мясо неперестарное.

— Какого лешего тут брезговать? Ведь убоина и дня не лежала — свежая. Будем варить зимой и ись, — поддакнул Михаил Гаврилович жене и посмотрел выжидательно на Югану.

— Совсем греха нет, — согласилась Югана. — Хозяин коровы — хозяин мяса. Можно самим варить. Можно продавать чужим людям.

Протопилась баня, что стоит на задах огорода стариков Чарымовых, у берега реки. С рыбалки вернулись Карыш с Таяном, привезли около центнера крупных, лопатистых карасей да поболее сотни мерных щук, а мера эта — длина мужской руки. Работящим был нынче день, крепко потрудилось все население Улангая, а население это нынче состоит всего лишь из семи душ.

Время и в бане помыться, попариться. Завтра новый день нужно начинать с чистой душой и омытым телом.

Из предбанника в открытые двери вырывался ребячий хохот. Братья мылись после стариков Чарымовых, которые любили попариться. Жар сейчас не нужно было удерживать в бане — дверь открыта.

Смеялись парни, вспоминая о том, как большая щука, попавшая в фитиль, начала хлестаться, что тебе акула. Таян даже растерялся, когда приподнял фитиль. В это время Тургай, рослый трехмесячный щенок, решил помочь хозяину — он прыгнул прямо на фитиль, метил схватить щуку, но вместо щуки схватил зубами ячеистую дель и бултыхнулся в воду. А за ним вывернулся из обласа и Таян, не удержав равновесия в верткой долбленке.

Много разных смешных случаев, приключений бывает у ребят на рыбалке или на охоте. Но сегодня можно вспоминать, разговаривать именно о рыбалке и нельзя хоть словом оговориться, обмолвиться о тайге, зверях. Это все потому, что завтра Ургек идет промышлять медведя, и надо сохранить все в тайне, чтоб прислужники

Духа Болот не могли подслушать и сообщить своему владыке о предстоящей охоте на зверя. Да еще хохотали ребята в бане потому, что Ургеку нужно соблюсти обычай и после бани разрисовать все лицо сажей, для того это, чтоб душа Черного Ворона стала союзником охотника, все окружающие люди и духи видели бы, что человек надел личину ворона и не собирается проливать кровь зверей. Ведь Ургеку завтра нужно идти на тропу охотника, и поэтому злые духи не должны что-то заподозрить.

Куда ни шагни, что ни сделай — на все есть свой обычай, и надо соблюдать его. Если бы Югана не подсказала, то в Улангае могла случиться еще одна беда. Михаил Гаврилович хотел снять шкуры с теленка и коровы прямо на месте, в лесу, где задрал медведь, и там же разделать туши. А все это значит, что останутся на месте вываленные кишки и другой сбой. Налетят вороны, сороки и своим криком, гвалтом драчливым оповестят, разнесут слух по округе таежной о том, что люди в лесу корову с теленком зарезали и там сытный пир был. Медведь хорошо понимает язык ворон, сорок — они с древнейших времен находятся в «родстве» по пище. И пойдет тогда тот или другой медведь на то место, где корову с теленком разделали на мясо. Вкусный запах кишок, крови-сбоя очень раздразнит аппетит, и будет зверь после этого бродить около Улангая, подкарауливать лошадь или корову, теленка. Вот поэтому ребята срубили около десятка толстых жердей, кинули их наклонно на борт вездехода и покатом по этим жердям с помощью веревок затащили корову с теленком в кузов. Все следы кровавые были закиданы мхом, землей. Придет нынче медведь и подивится: какой же большой зверь приходил, что смог совсем без следов унести громадную корову? Запах бензина и масла скажет медведю — не человек украл у него добычу, а гремучий железный шайтан.

Этой ночью спал Ургек на чердаке, укрывшись старой оленьей дохой. Перед выходом на охоту мужчине положено спать подальше от родственников, в уединенном месте, чтоб сон его был крепким, бодрым. Перед сном нельзя наедаться жирным мясом, лучше всего поесть оленьего языка или вяленой лосятины, выпить стакан молока с черствым хлебом или сухарями.

Затем он сходил в амбар, где хранилось охотничье снаряжение, взял свой лук и пальму, рогатину. Застегнул на поясе Ургек широкий ремень, на котором висел кол-

чан со стрелами и охотничий нож с ребристой рукояткой из оленьего рога.

Югана закурила трубку. К ней подошел Ургек.

— Молодой вождь и Югана будут говорить в Тюр-Тесе, священном круге, — произнесла она.

— Хорошо, Югана. Я сделаю Тюр-Тес, — ответил Ургек, и они сошли на берег, подальше от посторонних глаз.

Стальным острием пальмы очертил Ургек вокруг себя и Юганы большой круг, они сели на землю, в центре Тюр-Теса, священного круга. В этом круге можно говорить обо всем с уверенностью, что ни один посланник Духа Болот не осмелится приблизиться и никогда не услышит, о чем говорят там люди.

Эвенкийке хотелось услышать, как Ургек думает брать медведя.

— Я все продумал, Югана. Сначала я посмотрю, приходил медведь ночью или вечером на место убоя. Если приходил, значит, он злой и голодный. Я попробую взять его свежий след. Найду след, сяду и буду мычать голосом теленка. Медведь придет ко мне сам.

— Хо, молодой вождь Ургек хорошо знает охоту на медведя! — порадовалась Югана.

Ушел Ургек. Никто его не провожал, никто с ним не прощался.

У дома тесали новые весла Орлан, Карыш и Таян. Делали они весла из черемуховых плах. Подошла Югана.

— Надо котлы мыть. Скоро молодой вождь Ургек добудет много мяса. Куда ложить мясо, сало? Посуду большую надо.

Слова Юганы тоже относились к обычаю. Если после ухода промысловика начинают готовить посуду для мяса, это подбадривает духов, Хозяев Тайги, которые ждут свою долю, добытого охотником зверя, начинают помогать охотнику. Поэтому Югана говорила с уверенностью, просто и обыденно, как будто шестнадцатилетний мальчишка пошел за деревню поймать кролика, а не промышлять медведя.

4

Когда кто из близких или родственников уходил в тайгу на промысел, оставшиеся в стойбище обязаны соблюдать правила: нельзя веселиться, плясать, большим грехом считалось громко смеяться и особенно ругаться, ссо-

риться. Очень полезным в это время считалось сидеть у костра и приносить жертву огню.

Карыш, Орлан и Таян сидели с Юганой на берегу вокруг небольшого костра. В огне горели стружки и сухой плавник. Ребята коптили лопасти новых весел жирным дымом от бересты. Как обычно, Югана внимательно наблюдала за ребятами, хваля их за смекалку и мастерство. Весла парни сделали очень красивыми: конец каждой лопасти выгнут наподобие носка широкой промысловой лыжи.

Про Ургека никто не вспоминает, даже стараются не думать о нем. Тревожные думы об ушедшем охотнике могут сильно повредить промысловику.

В прошлом году Ургек решил сплавать на обласе проверить фитили на щук. В это время рыбачил и медведь — воровал рыбу из ловушек. Медведь увидел Ургека и кинулся к нему вплавь.

Братья Орлан, Карыш и Таян заметили медведя.

— Ур-ге-ек! Не связывайся с этим дураком! Отплыви подальше.

Но отплывать Ургек не думал. Едва медведь приблизился к обласу, Ургек огрел его по голове веслом, затем прыгнул прямо на спину зверю. Оседлал его, сгреб за уши. Заорал медведь, повернул к берегу, Ургек тыкает его мордой в воду, как котенка.

Югана потом спросила:

— Ургек, пошто забыл про нож? Может быть, молодой вождь испугался?

— Нет, Югана, не испугался. Жалко мне его стало. Медведь молоденький, еще глупый.

Но недавно Югана заметила, что Ургек вздрогнул и побледнел, когда из-под городьбы неожиданно выскочил к нему под ноги щенок. В другой раз вечером Ургек прибежал домой — запыхался.

— Лось за мной гнался! — сказал он Югане.

Пошла Югана на то место, никаких следов не оказалось.

— Наверное, показалось, — сказал смущенно паренек.

Югана решила, что за Ургеком начал следить Зайсан, сын смерти. Это он нагоняет страх на молодого вождя. Надо обмануть сына смерти.

На другой день взяла Югана старенькое белье Ургека и штаны, кепку и чирки. На окраине Улангая она набила

рубаху и штаны мхом, соорудила подобие человека, натянула кепку, потом натаскала хворосту.

— Хо, сын смерти Зайсан! Зачем ты нагнал страх на сына Волнореза? Вот он лежит совсем мертвый; и с дымом священного огня пойдет в небесный урман. Нынче совсем чужой парень приехал в Улангай. Югана этого парня тоже будет звать Ургеком. Хо, смерть! Хо, ты, Зайсан! Этот парень друг Великого Духа Урманов! Бойся, смерть, Ургека, и ты бойся Ургека, Зайсан!

После этого Югана разожгла костер и сожгла чучело человека. Вот так Юргана прогнала смерть от Ургека.

А нынче эвенкийка направила Ургека на медвежью тропу, чтобы он сам победил свой страх. Из тайги, с охоты на зверя, должен он вернуться смелым.

Глава двенадцатая

Пошли уже вторые сутки, как ушел Ургек промышлять прокудливого медведя. Время от времени Югана посматривала в ту сторону, куда ушел Ургек. Наблюдала она и за небольшой стаей ворон на громадной сосне около береговой избушки.

Вдруг Югана заулыбалась, достала трубку и набила ее табаком.

— Хо, главный ворон шибко умно видит и слышит, — тихо сказала она сама себе.

Орлан спросил ее:

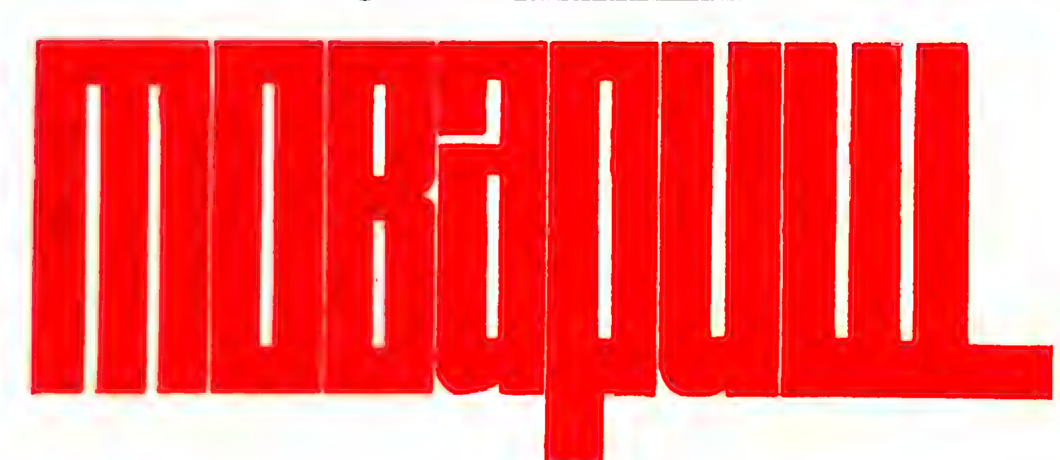
— Югана, может быть, уже надо ехать на помощь к Ургеку?

— Хо, две трубки курим, потом будем знать, куда ехать, — ответила Югана.

Неожиданно с сосны поднялась небольшая стая ворон и полетела в сторону тайги.

Окончание на стр. 193

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Виктор КУПРЕССОВ,
первый секретарь
Томского областного
комитета ВЛКСМ

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

ЕСЛИ НА КАРТЕ нашей Родины отметить флажками всесоюзные ударные комсомольские стройки, то окажется, что вся страна сегодня гигантская строительная площадка, на самых ответственных участках которой трудится молодежь. Особенно много таких участков на необъятных просторах Сибири и Дальнего Востока. Именно сюда перемещается ныне энергетическая база страны, именно здесь небывалыми темпами осваиваются природные богатства, создаются новые заводы-гиганты, электростанции, строятся по-современному оснащенные животноводческие и сельскохозяйственные комплексы.

Бесспорно, любая Всесоюзная ударная комсомольская стройка открывает перед молодежью неограниченные возможности для профессионального и творческого роста, способствует нравственному становлению личности, мобилизует духовные силы человека, направляя их в нужное русло, помогает раскрыться организаторским способностям. И мне кажется, что в молодежных коллективах, работающих в климатически суровых, сравнительно малонаселенных районах страны это происходит более стремительно и ярко. Наглядный тому пример — дела и судьбы молодежи четырех всесоюзных ударных комсомольских строек орденоносной Томской области, которая является составной частью Западно-Сибирского народнохозяйственного и нефтегазового комплекса.

В память о первостроителях одна из улиц Стрежевого названа Студенческой. Молодостью, задором веет от других названий — Весенняя, Клюквенная, Лунная, Зеленая, Таежная, Моховая, Солнечная, Кедровая, Сосновая, Парковая. И конечно, есть в Стрежевом переулок Дружный, улицы Нефтяников, Строителей, Монтажная, Дорожников, Энергетиков... В память о молодом талантливом специалисте, прекрасном человеке, прошедшем путь от бурильщика до начальника вышкомонтажного цеха Александровской нефтеразведочной экспедиции, одна из улиц нефтеграда названа именем Алексея Ермакова. Он погиб при перевозке бурильного станка на Северное месторождение, где вскоре был получен первый промышленный фонтан нефти. Жизнь Ермакова продолжилась и в этом фонтане, и в благодарной памяти земляков. На смену ему и его сверстникам пришли новые поколения молодых энтузиастов, чтобы продолжить славные дела своих предшественников.

Характерный штрих в работе строителей КСМУ-1: они выложи-

ли над подъездами многих домов нефтеграда сказочных петухов, лисиц, лебедей. Никакими планами и сметами художественное оформление фасадов не предусмотрено. Но разве дело в планах и сметах? Ребята строят город, в котором им жить и работать. Строят с любовью, с мечтой о будущем.

Тем, кто приезжает в Стрежевой сегодня, трудно поверить, что всего четырнадцать лет назад здесь была «пустая земля» — суровые таежные просторы, испятнанные ржавью болотных озер, непроходимые чащобники, в которых жили немногочисленные рыбаки и охотники. Ныне Стрежевой — базовый город нефтяников. Он обслуживает месторождения, расположенные не только в Александровском, самом северном районе Томской области, но и на Васюганской нефтеносной площади, открытой тремястами километрами южнее, а также в нефтяных провинциях по соседству. Это узел освоения Томского нефтяного Приобья, его столица, его стартовая площадка. Возвести Стрежевой значило подобрать ключи к природным кладовым, которые ныне дают стране одиннадцать с лишним миллионов тонн нефти; это значило создать в Сибири еще один сильный, дееспособный, дружный отряд молодежи — с прекрасной судьбой, с прекрасными традициями.

Без традиций, без преемственности всесоюзные ударные комсомольские стройки немыслимы. А традиции, как известно, складываются постепенно — из опыта и влюбленности в свое дело, из умения преодолевать трудности, из понимания ответственных задач, поставленных страной.

Не так давно на нефтяной север Западной Сибири прибыли всесоюзные отряды имени 25-летия освоения целины и «Молодогвардеец». Часть этих отрядов была направлена в Стрежевой. Томский обком ВЛКСМ попросил одного из своих правофланговых — лауреата премии Ленинского комсомола, члена бюро Стрежевского горкома партии Николая Хоменко — взять под свое начало пятьсот молодых строителей, помочь им обжиться на новом месте, передать накопленные традиции. Николай с жаром взялся за порученное дело. Ведь и его в свое время с открытой душой встретили, многому научили молодые — в двадцать пять лет! — ветераны Стрежевого.

Командир — знамя отряда, его совесть. Ему стараются подражать, на него равняются. Понимая это, Николай Хоменко остался работающим командиром, не ушел из бригады каменщиков, которую возглавлял. И это тоже традиция.

Владимир Куренков приехал в Стрежевой после службы в Военно-Морском Флоте и вскоре возглавил здесь штаб Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Теперь он секретарь парткома на Вахе, заместитель начальника инженерно-технической службы нефтегазодобывающего управления «Стрежевойнефть», а по душе, по призванию — вожак молодежи. Его комсомольская юность продолжилась на новом ответственном участке, в новом качестве и снова на передовой. Ведь вахтовые поселки, на которых трудятся подразделения многих министерств и ведомств, — это действительно передовая стройка. Здесь ежедневно возникают, как в любом новом деле, десятки проблем. Возвести вахтовый поселок со всеми удобствами — полдела, не менее важно объединить различные коллективы, увлечь их общими интересами, добиться сознательной дисциплины, желания не только работать, но и учиться, совершенствоваться, словом, создать здоровый нравственный микро-

климат. Именно в этом видят свой гражданский долг Владимир Куренков и его сверстники, вчерашние комсомольцы.

110 комсомольско-молодежных коллективов трудятся сегодня на освоении нефтяных месторождений Томской области. Это не только строители и нефтедобытчики, но и транспортники, энергетики, дорожники, авиаторы, речники, представители многих других специальностей, без которых трудно представить себе северную молодежную стройку.

В КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ бригаде бурового мастера Николая Бурдыко, делегата XV съезда ВЛКСМ, начинали свой путь к высотам мастерства бурильщик Зуфар Усманов, буровой мастер лауреат премии Ленинского комсомола Петр Ходаковский и другие. Сегодня их дело с честью продолжают бурильщики комсомольско-молодежных бригад Владимира Бойко, Игоря Самара и других.

Семь лет назад, после окончания нефтяного техникума в Нефтекамске, приехал в Стрежевой Ильдус Галиев, немногословный, внешне застенчивый парень. Работал оператором на нефтепромысле. Здесь товарищи избрали его групкомсоргом. Затем Галиев перешел в цех подземного и капитального ремонта скважин, стал мастером сначала по подготовке, а затем самым молодым мастером по ремонту скважин. Вокруг него сплотились такие же, как он, немногословные, преданные работе парни — Леонид Морозов, Александр Матаев, Александр Ботяновский, братья Гребенюки. Первым делом они навели порядок в своем передвижном вагончике, сделали его образцовым. Затем равномерно распределили тяжесть подготовительных и основных ремонтных работ на все вахты. Четверо, включая самого мастера, решили продолжить образование и стали студентами-заочниками различных вузов. И вот закономерный успех: бригада Ильдуса признана лучшим комсомольско-молодежным коллективом Министерства нефтяной промышленности СССР, а сам Галиев удостоен премии Ленинского комсомола...

Радостно отметить, что только за последние годы на Томском нефтяном севере в полтора раза увеличилось количество членов ВЛКСМ. Четыре пятых из них имеют важные общественные поручения, с желанием и творческим огоньком выполняют их.

Я мог бы рассказать еще об очень многих северянах, для которых комсомольская юность совпала с небывалым преобразованием Западной Сибири. По признанию секретаря комсомольской организации прокатно-ремонтного цеха эксплуатационного оборудования нефтегазодобывающего управления «Стрежевойнефть» Владимира Ляшенко, они работают от сердца к сердцу...

Думаю, не ошибусь, если скажу, что от сердца к сердцу взаимодействует с северянами вся областная комсомольская организация. Только за прошедшие три года в нефтяное Приобье по комсомольскому призыву направлено более трех тысяч парней и девушек — лучшие из лучших.

На предыдущем съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал о сибиряках: «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом крае, — это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдает дань восхищения и глубокого уважения».

В этих словах содержится оценка труда и молодых томичей. Плечом к плечу с посланцами всех республик нашей многонацио-

нальной страны они осваивают нефтяные и газовые богатства Приобья, преображают, мелиорируют пойменные земли, возводят новые промышленные предприятия, изменяя, улучшая тем самым всю структуру народного хозяйства в регионе.

Томский нефтехимический комбинат — это БАМ в химической промышленности.

Участвовать в строительстве комбината такой мощи и размаха — счастье. Оказаться на переднем крае индустриального развития Сибири — счастье вдвойне. Так считают многие комсомольско-молодежные коллективы строителей, и среди них «звездные братья» Петра Шумского — Афтах Султанов, Владимир Аржанов, Сергей Баранов, Олег Бирюков, Виктор Быков, Геннадий Былин, Дмитрий Адинцев, Сергей Скворцов, Юрий Тюленев и другие. «Звездными» их называют потому, что дважды они сумели завоевать главный приз на строительстве Нефтехима — кубок знатного земляка, летчика-космонавта СССР, трижды побывавшего за пределами Земли, Николая Николаевича Рукавишникова. А «братья» — потому что успели сродниться, стать одной из лучших молодежных бригад Всесоюзной комсомольской стройки, теснейшим образом связанной с освоением богатств нефтяного Приобья.

«Звездные братья» сваривают многокилометровые технологические трубопроводы заводских коммуникаций, обвязывают сложное оборудование, словом, выполняют различные сварочные работы, необходимые комплексу. Петру Шумскому, бригадиру, чуть более двадцати пяти, но на стройке он уже ветеран, да и в городе человек известный — член горкома ВЛКСМ, депутат горсовета.

Не уступают сварщикам их соперники по социалистическому соревнованию, слесари-монтажники из бригады Бориса Бурматова. Они тоже полны решимости стать обладателями заветного приза.

Под стать этим комсомольским коллективам, работающим от сердца к сердцу, плотники-бетонщики, которыми руководит двадцатилетний Василий Брюхович. Он принял хронически отстающую бригаду и сумел за короткий срок вывести ее в число передовых.

В недалеком прошлом бригадир плотников-бетонщиков Николай Зяблицкий, капитан-механик, водил по обским фарватерам нефтеналивные баржи с «черным золотом» из Тюмени, Мегиона, Соснина. И на Нефтехиме остался капитаном — возглавил комсомольско-молодежную бригаду, вывел ее в передовые, а затем предложил кадрами этой бригады укрепить три отстающих коллектива. Так на стройке появились новые маяки — бригады Василия Бресского, тоже в прошлом капитана-механика, Владимира Астахова и самого Зяблицкого...

У каждого времени свои задачи, свои проблемы. И герои у каждого времени тоже свои. Однако многое роднит сегодняшнюю молодежь с молодежью первых пятилеток — сознательность, энтузиазм, умение преодолевать трудности, гражданская зрелость. Потому что школа жизни у них одна — ударная комсомольская. Она закаляет характер, учит творчеству и ответственности, умению понимать взаимосвязь между личным и общественным. У всесоюзных ударных комсомольских строек, расположенных в Сибири, есть свое лицо, свой особый, если можно так выразиться, северный почерк — суровый, но вместе с тем уверенный и стремительный.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ назад на легендарной земле Бреста вспыхнул огонь Первого Всесоюзного слета победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. А недавно в городе-герое Минске

Открытие слета.

ВЕРНОСТЬ ПАМЯТИ И ДОЛГУ

собрались участники девятого слета...

Торжественный парад принимали ветераны войны и тру-

да, прославленные маршалы, руководители партии и комсомола. Гордо шли молодые патриоты — им было чем гордиться. Юность рапортовала Родине...

Якутские комсомольцы совершили лыжный переход по местам, связанным с революционными событиями. На северной земле появились новые музеи, комнаты и уголки революционной, боевой и трудовой славы... Студенты Кубани отремонтировали в Ставрополье десятки домов и квартир, где живут ветераны. Продолжается поиск новых героев, сражавшихся на кубанской земле... Сахалинские комсомольцы шефствуют над 4170 ветеранами и инвалидами Великой Отечественной войны... Комсомол Белоруссии свято выполняет почетное задание ЦК Компартии республики: записать рассказы всех участников и очевидцев боевых и трудовых сражений, — создается Летопись народной славы...

Тепло приветствуя участников слета, начальник Центрального штаба Всесоюзного похода, дважды Герой Советского Союза Маршал Со-

Воины Белорусского военного округа — участники театрализованного представления, посвященного павшим героям Великой Отечественной войны.

Герой Советского Союза летчик-истребитель Борис Иванович Ковзан, совершивший четыре тарана в боях с фашистскими стервятниками, беседует с делегатами слета.

Фото Л. МЕЦЛЕР

ветского Союза И. Х. Баграмян говорил:

— Мне радостно сегодня еще раз сказать о том, что нашей молодежи всегда было свойственно обращение к лучшим традициям старших поколений, что комсомольцы и вся наша молодежь не ограничивают свою благородную патриотическую деятельность только поисковой работой. Они настойчиво стремятся завоевать в своих коллективах первенство в труде, в общественной работе и учебе.

...В вечернем небе над курганом Славы, воздвигнутым на подступах к Минску, лучи прожекторов вычертили цифру XXXV — тридцать пять лет минуло с той поры, когда Вооруженные Силы Страны Советов добили фашистского зверя в его логове и над поверженным рейхстагом взвилось Красное знамя Победы.

Был парад знамен — свидетелей блестящих побед советского оружия. Реяли алые знамена «Авроры» и легендарной Первой Конной, боевые стяги воинских частей и соединений, покрывших себя неувядаемой славой на полях сражений... Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза В. И. Чуйков призвал участников слета и будущих молодых воинов свято хранить боевые традиции нашей доблестной армии, быть всегда готовыми дать отпор любому агрессору, горячо любить и беречь нашу прекрасную Отчизну.

А потом был поход по маршрутам партизанских бригад и отрядов. Молодые патриоты показывали свою силу и сноровку, на коротких привалах встречались с участниками былых сражений. Старые партизаны призывали юношей и девушек бережно хранить и приумножать героические традиции советского народа.

На Всесоюзном слете следопыты народного подвига поделились опытом работы, наметили перспективы развития патриотического движения. Ныне в этом замечательном движении участвуют 60 миллионов юношей и девушек. Они создали 140 тысяч музеев и уголков революционной, боевой и трудовой славы. Имена павших героев увековечены в 34 тысячах памятников и мемориальных знаков. Участники Всесоюзного похода записывают воспоминания ветеранов войны и труда, создают летописи комсомольских организаций, истории заводов и колхозов.

Девятый этап Всесоюзного похода обогатился новыми формами работы. Созданы патриотические клубы «Малая земля» в Новороссийске, «Прометей» в Днепродзержинске, «Первоцелинник» в Алма-Ате. «Память сердца», «Долг», «Забота» — так называются благородные операции, которые проводят комсомольцы в республиках, краях и областях.

«В добрый путь по маршрутам народного подвига!» — такое напутствие уносили с собой участники Всесоюзного слета.

С легендарной белорусской земли взяла старт Всесоюзная комсомольско-молодежная эстафета вдоль государственных границ нашей Родины. Она пройдет дорогами славы более шестидесяти тысяч километров и финиширует в столице нашей страны Москве в канун открытия XXVI съезда КПСС.

А. КУСУРГАШЕВ

В ТВОРЧЕСКОМ ПОИСКЕ

— ВДОХНОВЕННО трудится на ударной предсъездовской вахте молодежь Среднего Урала, — рассказывает первый секретарь Свердловского обкома ВЛКСМ А. Царегородцев. — Социалистическое соревнование за достойную встречу предстоящего форума нашей партии стало действительно массовым, в нем ярко проявилась хозяйская заинтересованность молодых рабочих, колхозников, специалистов в достижении конкретных конечных результатов своего труда. Уже в июле 1980 года 20 тысяч юношей и девушек, полторы тысячи комсомольско-молодежных коллективов промышленных и строительных предприятий, на транспорте, в сфере обслуживания рапортовали о досрочном выполнении пятилетних заданий. Молодежь активно включилась в творческий поиск по выявлению новых резервов производства. Сотни тысяч молодых тружеников города и села участвовали в областном смотре экономии и рационального использования рабочего времени, энергетических и материальных ресурсов. Участники смотра подали свыше 160 тысяч рацпредложений, экономическая эффективность от реализации которых составила около 90 миллионов рублей.

Предсъездовские вахты выявили еще один важный резерв повышения эффективности производства — коллективную форму организации труда. Ныне в области работает около 5 тысяч комсомольско-молодежных подразделений. Каждая третья комсомольско-молодежная бригада, смена, экипаж, участок носит звание «Коллектив коммунистического труда». В соревновании за достойную встречу XXVI съезда КПСС эти коллективы идут впереди, показывают образцы дисциплинированности и организованности. Широкое применение в практике комсомольской работы получает опыт райкомов комсомола города Свердловска, которые ежегодно определяют перспективы роста комсомольско-молодежных коллективов по каждой первичной организации, настойчиво добиваются их создания и закрепления на решающих участках, повышают их авангардную роль на производстве и в общественной жизни.

Одними из правофланговых предсъездовского соревнования А. Царегородцев назвал молодых машиностроителей «Уралмаша». Задор, неустанный творческий поиск комсомольско-молодежных бригад поддержаны здесь знаниями, опытом 7 тысяч коммунистов-производственников, и далеко не случайно, что именно на «Уралмаше» особенно рельефно видна эффективность коллективных форм организации труда.

Бригаду Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии А. Н. Храмцова называют, и вполне заслуженно,

бригадой-воспитателем. Сам Александр Николаевич уже немолод, но, как считают его подопечные — молодые рабочие цеха № 29, в душе он комсомолец. Не было такого доброго начинания в бригаде, которое не поддержал бы Храмцов — горячо и заинтересованно, сверяя со своим богатым опытом.

Решили, к примеру, молодые рабочие добиться того, чтобы не было среди них отстающих. Однако просто решить — это еще не значит привести в исполнение. Нужна упорная воля к победе, каждодневный кропотливый труд. Вроде бы и незаметно, но неустанно Александр Николаевич внушал и личным примером показывал молодым друзьям, как влияет на труд станочника строгое соблюдение производственной дисциплины, экономия каждой минуты в рабочем процессе. На помощь ребятам Храмцов привлек ветеранов бригады: Виталия Артемьевича Матушкина и Павла Ульяновича Мокея, прославленных мастеров своего дела. И стали они наставниками молодых. Прошло не так уж много времени, и не отстают от них теперь недавние ученики. Молодые станочники Юрий Бойко и Геральд Сизов поступили без отрыва от производства в машиностроительный техникум. А когда в бригаде была создана школа профессионального мастерства, Бойко и Сизов стали руководить в ней теоретическими семинарами. По примеру товарищей учатся теперь на заочном отделении машиностроительного техникума комсомольцы Саша Зырянов и Сергей Бутаков.

В декады ударных предсъездовских вахт, опираясь на собственный опыт и помощь товарищей, каждый станочник внес свой вклад в трудовую копилку коллектива. Тут были предложения по более рациональной организации труда на рабочих местах, по сокращению отдельных операций в технологическом процессе, другие рационализаторские предложения. Так, например, внедрили пневматическое приспособление для передвижки режущих головок, и это дало возможность вдвое сократить время обработки деталей.

В июне прошлого года бригадир А. Н. Храмцов участвовал в работе Пленума ЦК КПСС. Вернувшись в цех, Александр Николаевич поделился с товарищами по бригаде тем, что кровно затрагивает и его, и весь коллектив. В своем докладе на Пленуме Леонид Ильич Брежнев говорил о необходимости бережно относиться ко всему положительному, что есть в накопленном опыте, что приобретено за годы неустанных поисков, что дает возможность добиваться высокой производительности труда.

Бригада взвесила свои возможности и решила: повысить производительность труда при меньших затратах рабочего времени и меньшем числе станочников.

— Намеченного курса мы и придерживаемся на ударных предсъездовских вахтах, — говорил нам Храмцов. — Двадцать шестого июля бригада рапортовала о досрочном выполнении пятилетнего задания, а последующие месяцы мы работали уже в счет одиннадцатой пятилетки. Мы на практике убедились, что коллективная форма организации труда в комплексных сквозных бригадах открывает неисчерпаемые резервы повышения эффективности и качества работы. Сейчас, например, мы обслуживаем десять станков На них по общепринятым нормативам (станочник и его подручный) в трех сменах должны работать 60 человек. А наши ребята обходятся вдвое меньшим числом: многие освоили смеж-

ные профессии и работают на двух-трех станках. Высвобожденные от подсобной работы подручные, пройдя курс обучения, начали работать станочниками в других коллективах. Бригада взяла шефство над тремя группами техучилища, обязалась к XXVI съезду партии обеспечить стопроцентную успеваемость. А на участке бригады по нашему предложению установлен еще один станок. Обслуживаем его сами, без привлечения дополнительной рабочей силы. Экономический эффект за полугодие составил 25 тысяч рублей. Это еще один наш вклад в общенародный подарок предстоящему съезду партии.

Почин бригады Храмцова подхвачен почти на всех предприятиях Среднего Урала. Положения из доклада Леонида Ильича Брежнева на июньском Пленуме о необходимости строжайшей экономии рабочей силы, материальных и энергетических ресурсов молодые производственники претворяют в жизнь на предсъездовской вахте. Комплексная комсомольско-молодежная бригада вальцовщиков Я. Суздаля с Первоуральского новотрубного завода в честь предстоящего партийного съезда прокатала сверх плана 10 тысяч метров труб улучшенного качества, стала инициатором широко подхваченного молодежью соревнования под девизом «Съезду — комсомольский подарок!». Комсомольско-молодежный коллектив Валентина Лемиха с Каменец-Уральского алюминиевого завода день открытия съезда отметит работой только на сбереженном сырье. В ходе ударной вахты творцы крылатого металла уже сэкономили на сто тысяч рублей дорогостоящих дефицитных материалов.

На Верхисетском металлургическом заводе бригада молодого коммуниста Валерия Ермолаева выступила инициатором движения за максимальное использование всех резервов производства. Сталеплавильщики выплавили дополнительно к заданию без малого 6 тысяч тонн стали высших марок, сэкономили 78 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Поиск новых, более совершенных форм организации труда ведут все комсомольско-молодежные коллективы Среднего Урала. Как рассказал нам первый секретарь Свердловского горкома ВЛКСМ В. Селиверстов, в одном только Свердловске вдвое увеличилось количество комсомольско-молодежных производственных подразделений, работающих по методу бригадного подряда, на предприятиях города создано 25 творческих комсомольско-молодежных коллективов, 51 тысяча молодых производственников трудится с лицевыми счетами экономии. Но важны не только количественные показатели. Движение за достойную встречу XXVI съезда КПСС еще теснее укрепило связь между старшим и молодым поколениями уральских тружеников, дало возможность соединить положительный опыт прошлого и смелое дерзание, определить верные пути к трудовым свершениям в новой пятилетке. Творчество становится неотъемлемой частью трудовых будней. Не случайно один из застрельщиков социалистического соревнования за достойную встречу предстоящего съезда, молодой токарь Первоуральского новотрубного завода Валерий Оденецкий избрал для себя девизом слова М. И. Калинина, обращенные к комсомолу: «Насыщенная общественными интересами, целеустремленная жизнь есть самая лучшая, самая интересная жизнь на земле».

Ю. ГУРЬЕВ

Михаил **ВЕРШИНИН**

ИЗ ПЛЕМЕНИ ОРЛИНОГО

Я ПИШУ ЭТИ СТРОКИ о грузинской комсомолии в удивительном и прекрасном уголке Кавказских гор, у подножия Триалетского хребта, на склоне вершин Шавнабада. 60 лет назад здесь собирались первые комсомольцы-подпольщики Грузии накануне освобождения ее от деспотии предателей-меньшевиков и их покровителей — интервентов. Тогда это было глухое место, скрытое от жандармов и карателей, вполне подходящее для тайных сходок. А сегодня здесь вырос уникальный комсомольский городок, воздвигнутый руками молодежи. Имя ему — Борис Дзнеладзе. Вы еще не найдете его на картах Родины, он пока лишь район древнего Тбилиси. Но это и в самом деле городок, если посмотреть на него с высоты орлиного лета.

Здесь есть площадь Ленина — с монументом великому вождю и площадь Победы — с памятником комсомольскому поэту Мирзе Геловани, погибшему в боях за Родину; улицы Гагарина и Павки Корчагина, Конституции и Октябрьская, сквер Нади Курченко, аллеи дружбы и торжественных ритуалов. Перед зданием республиканской комсомольской школы высится памятник одному из основателей грузинского комсомола, легендарному народному герою Борису Дзнеладзе. А на другой стороне городка, у самой аллеи Космонавтов и спортивного комплекса «Сичауке», плещется рукотворное озеро Шавнабада...

Тридцать лет назад я проезжал к горе Мтацминда по Комсомольской аллее. «Комсомольская аллея, облака бегут назад, в синем сумраке алея, надвигается закат. Облака плывут навстречу, опрокинут свод небес, и плывет тбилисский вечер, и поет тбилисский лес...» — невольно рождались строки будущей поэмы «Встреча с Тбилиси». Да, Комсомольская аллея стала памятником грузинским комсомольцам, павшим на фронтах Великой Отечественной войны.

Не пришли с полей войны Тина Иосибидзе, Зоя Рухадзе, Мирза Геловани и их героические сверстники. А те, кто вернулся с победой в отчий край, были почти все увенчаны боевыми орденами и медалями Родины. Они отдали в послевоенные годы весь жар своих комсомольских сердец возрождению и дальнейшему развитию нашей Отчизны.

Именно в те годы прозвучали пламенные строки комсомольских поэтов Григола Абашидзе, Иосифа Нонешвили, Реваза Маргиани, Хута Берулавы, Отара Челидзе...

Алексей Мачавариани, Давид Торадзе, Отар Тактакишвили, Сулхан Цинцадзе, Отар Тевдорадзе, Реваз Габичвадзе, Реваз Лагидзе, Сулхан Носидзе, их товарищи композиторы все вдохновение своей огненной юности посвятили воспеванию героики советского народа. Многие из них уже в то время заслужили всенародное признание и были удостоены государственных премий Родины и других высоких наград.

И сегодня грузинский комсомол гордится, что его воспитанник, ученик Алексея Мачавариани, талантливый и многогранный композитор Гурам Пааташвили посвятил свои самые значительные сочинения Борису Дзнеладзе, Павлу Корчагину и Мирзе Геловани. Об этом тоже с радостью и законной гордостью поведали мне в комсомольском городке Анзор Гогелидзе и Ирина Бородулина, которые возглавляют комсомольскую школу. Весь свой рассказ о городке они вели применительно к проблемам школы. Городок строится, а учеба идет своим чередом. И сегодня Анзор и Ирина познакомили нас с большой группой молодежи, комсомольским активом Нечерноземья, приехавшими обменяться опытом работы с грузинскими комсомольцами.

Награждение грузинского комсомола орденом Ленина, говорят они, — это награда всему Ленинскому комсомолу. И это справедливо, потому что труд и подвиги грузинской комсомолии неотделимы от героических свершений всей советской молодежи.

«Юношей и девушек Грузии, как и всю советскую молодежь, мы всегда видим на передней линии борьбы за коммунизм». Эти слова высокого признания принадлежат Леониду Ильичу Брежневу.

В самом центре города открыт Музей истории комсомола Грузии. В документах и реликвиях отражен весь путь грузинского комсомола. Фотографии первых ячеек молодежной организации «Спартак», созданной в октябрьские дни; личные вещи Бориса Дзнеладзе; простреленные врагом и окрашенные кровью комсомольские билеты; боевые награды и автографы павших героев; пожелтевшие рукописи, книги, брошюры, газеты, листовки. Битва за индустрию, создание колхозного строя, построение социализма, победа над фашизмом, послевоенные годы восстановления и строительства социалистического общества... И, как всегда, комсомол — на передней линии.

Примечательно, что у этого музея есть немало собратьев в республике.

В древнем Гори Гиви Гагнидзе и Нугзар Ходжеванишвили, вожаки городского комсомола, познакомили нас с музеем боевой славы, где значительное место отдано подвигам молодых героев-горийцев. На стендах музея мы увидели множество книг, раскрытых на титульных листах. Это книги, присланные музею выдающимися героями и полководцами — Жуковым, Коневым, Василевским, Штеменко и другими.

Реваз Пирцхалава, один из комсомольских энтузиастов, руководитель научно-методического центра ЦК комсомола республики, говорил нам, что одна из замечательных традиций грузинского комсомола — это постоянная и неустанная военно-патриотическая работа. Всю Грузию облетел почин Тенгиза Харшиладзе, подручного сталевара Руставского металлургического завода. По его предложению ребята зачислили в свой цех павшего на поле брани Героя Советского Союза Шота Гамцемлидзе. Семьсот комсомольцев республики были удостоены чести сфотографироваться у Знамени Победы в Москве. Это было особо дорого еще и потому, что Знамя Победы над рейхстагом водрузили Егоров и Кантария, воспитанник грузинского комсомола. О размахе патриотической работы в Грузии говорит хотя бы тот факт, что в республике создано более 1700 музеев интернациональной дружбы, боевой и трудовой славы. Тысячи комсомольских и пионерских поисковых отря-

Юрий КАБАЧКОВ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Белой крошкой
рассвет
устилает следы...
Ловят девочки снег,
словно солнечный дым...
Где я это видал:
в детстве
или во сне?
Как в ладонь не поймал
снег,
летевший ко мне...

САЯНО-ШУШЕНСКАЯ ГЭС

Здесь поэтов —
полстройки.
Здесь история —
чтец!
Здесь горячие
строки
пишут сотни
сердец!
Здесь БелАЗы
на створе,

дов приняли участие в операции «Салют Победы». Сотни тысяч ребят и девчат подготовили и вручили личные подарки ветеранам Великой Отечественной войны.

Традиции героев особенно чтят комсомольцы Аджарии. Тридцать лет назад мне довелось впервые быть на пограничных заставах. Большинство защитников советских рубежей того времени ушли на заслуженный отдых. Их сменили дети и внуки. Тогда я впервые узнал о бессмертном подвиге пограничника-комсомольца Ивана Васюхно, павшего смертью героя от пуль бандитов, посягнувших на священные советские рубежи. Имя Ивана Васюхно, так же как имена болгарского героя-пограничника Асена Илиева, многих других славных воинов, носят лучшие заставы Закавказья.

И вот спустя тридцать лет я снова на заставе, знакомлюсь с пограничниками Олегом Третьяковым, выпускником Алма-атинского училища имени Дзержинского, с Валерием Володькиным, Сашей Долюком, Валерием Маркиным, Юрием Сениным, Валерием Кулишевским, Игорем Чуприной... Многие из них награждены знаками «Отличник боевой и политической подготовки» 1-й и 2-й сте-

здесь
работы
накал!..
И Саянскому
морю
быть
у мраморных скал!

Николай КОНЕВ

●

Как будто новый мир открыл теперь я,
Когда пришел в село — родной приют.
Здесь щепки белые лежат, как перья,
У деревянных гнезд, что люди вьют.

Топор звенит, взлетая, как синица,
Чтоб воздух в светлой комнате был сух,
В гудящей печке пламя вспетушится,
Дым над трубой закружится, как пух.

И птичьи стаи под сосновым кровом
Слетятся новоселие справлять,
А воздух проводами разлинован,
Как голубая нотная тетрадь.

Юрий Кабачков и Николай Конев — члены литобъединения «Стрежень» при строительстве Саяно-Шушенской ГЭС. Оба они строители гиганта на Енисее, оба удачно сочетают творчество трудовое с творчеством поэтическим.

пени, участвовали в задержании нарушителей государственной границы.

Мне рассказывали о том, какая огромная дружба связывает пограничников и местных жителей, о добровольных народных дружинах и оперативных отрядах, о благоустройстве застав силами строительных отрядов. Лучшие из лучших юношей направляются на службу в погранвойска. Комсомол Аджарии трижды награждался почетным Красным знаменем Политуправления Погранвойск СССР, сотни молодых патриотов награждены правительственными наградами, почетными знаками и грамотами.

Одна из них — комсомолка Лиана Маргвелиани. Она помогла пограничникам задержать трех опасных преступников, пытавшихся нарушить границу. В дни XVIII съезда ВЛКСМ в Москве Лиане была вручена медаль «За отличие в охране Государственной границы СССР».

Юноши и девушки Грузии — достойные наследники славы старших поколений. Своим ударным трудом, отличной учебой, каждым днем своей жизни они утверждают светлые коммунистические идеалы.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ТАТЬЯНА ХАРИЧКИНА

В ОКТЯБРЕ минувшего года в московском производственном трикотажном объединении «Красная заря» состоялась отчетно-выборная комсомольская конференция. Татьяна Харичкина, швея-мотористка, не раз принимала участие в работе таких комсомольских конференций, но эта была для нее последней. Татьяна прощалась с комсомолом. Впрочем, едва ли в данном случае уместно это слово «прощалась». Конечно же, молодой, с трехлетним пока стажем коммунист Харичкина долго еще будет связана с комсомольцами из своего цеха и всего объединения, и не случайно Нина Никишова, секретарь комитета ВЛКСМ объединения, передала ей на конференции комсомольский билет — на вечное памятное хранение, чтоб всегда носила его рядом с партбилетом.

Татьяна пришла в «Красную зарю» девять лет назад. Специальности не было никакой, стала ученицей, как говорит сама Татьяна, «впервые в жизни села за машину». Обычно обучение продолжается полгода, но она освоила специальность швеи-мотористки — получила разряд и вошла в рабочую группу — за четыре месяца. Столь успешное завершение ученического периода — результат не только усердия и прилежания самой ученицы, но и доброго, заботливого отношения к новичку наставника — опытной работницы, мастера своего дела Елены Николаевны Гуровой.

Что главное в работе! Естественно, выполнение плана и качество выпускаемой продукции. Два показателя — две пятерки — так можно оценить трудовую деятельность Татьяны. За отличные показатели в труде молодая работница дважды удостаивалась права сфотографироваться у священных реликвий нашего народа — в Музее Владимира Ильича Ленина и на легендарном крейсере «Аврора».

Десятую пятилетку Татьяна завершила в ноябре 1979 года, а годовое задание восьмидесятого — ко Дню Конституции СССР. Квартальный план новой, одиннадцатой пятилетки она решила выполнить к открытию XXVI съезда КПСС.

На снимке: Татьяна Харичкина (справа) и секретарь комитета ВЛКСМ объединения Нина Никишова.

„ПРИВЕТ, ВАСИЛЬ ВАСИЛЬИЧ!..“

РАССКАЗ О РАБОЧЕМ ПАРЕНЬКЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ ГЕРОЕМ ПЛАКАТА И ПЕСНИ

ОЧЕНЬ серьезный паренек в рабочей кепке и с медалью «За оборону Ленинграда» на груди управляет огромным станком. Этот рисунок художника Пахомова, превращенный в плакат, во время войны знала, пожалуй, вся страна. Плакат был подписан: «Для фронта (Василь Васильич)», и скоро всех подростков у станков стали величать Василь Васильичами.

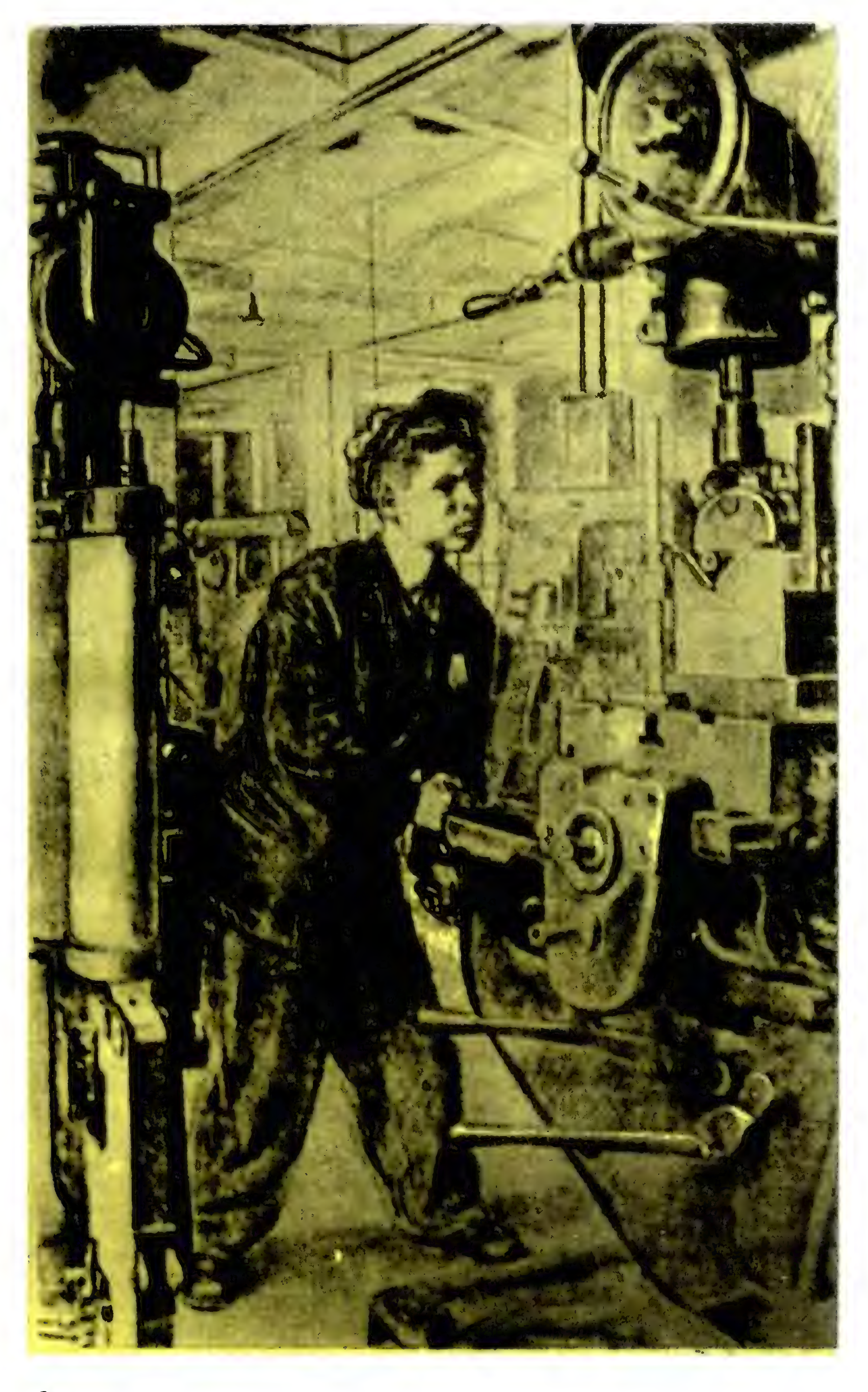
А тут еще песня появилась:

На острове Аптекарском
За вспененной Невой
Стоит, гудит, работает
Завод прифронтовой.
Туда Василь Васильевич
Приходит чуть заря
И весело командует:
«За дело, токаря!..»

Все верно в песне, только настоящий Василий Васильевич был не токарем, а фрезеровщиком. Был и остался на том же самом заводе, который после войны стал именоваться «Полиграфмашем». Встретились мы с Василием Васильевичем Ивановым, и поведал он о том уже далеком теперь, времени...

РЕБЯТ, прибывших с Вологодчины, разместили в бывшем Елагином дворце: стены лепные, потолки расписные, люстры хрустальные... Утром строились в колонну — мальчики и девочки: шинели почти до пят, фуражки заломлены лихо, пряжки на ремнях надраены до блеска, и с песней шагали на Карповку. Четыре часа — теория, четыре — практика. В деревне парень управлялся все больше с лошадьми, а тут — станок марки «Дзержинец», фреза режет металл — одно слово: завод! Василию казалось: веселое это слово, звонкое... Но скоро зазвучало оно для подростка сурово, и вообще все вокруг посуровело. Потому что началась война.

ВЫПУСТИЛИ их спешно в самостоятельную рабочую жизнь, начали распределять по цехам. В первом цехе на невысокого

Васю даже и смотреть не стали, только хмуро бросили: «У нас не детский сад». В другом старший мастер вздохнул в бороду, принес откуда-то два ящика, положил у станка один на другой: «Так дотянешься, Василь Васильич?» Хорошо у нынешних станков — все управление внизу, а у тех, старых, ручка была сверху, рост требовался соответственный... С этим мастером, «бородой», как величали его между собой, парнишка проработал всю войну. А вообще-то звали «бороду» Иваном Ивановичем Морозовым. С его легкой руки и пошло — «Василь Васильич»...

Скоро пришлось из Елагина дворца переезжать: попала туда бомба, чудом никто не пострадал. Поселились на Большой Зеленой. Раз пошли ребята в кино посмотреть «Фронтовые подруги», а девочки остались дома. Возвращаются: вместо дома — одни развалины.

Стали жить на заводе — тем более что наступила зима, давал о себе знать голод, и лишних сил, чтобы далеко ходить, не не оставалось.

ИНОГДА не отходили от станков по восемнадцать часов. Сначала ремонтировали разбитые пулеметы, потом сами стали изготовлять «ленинградский максим». Василь Васильич отвечал за выверку прицельной линии. Старался как только мог, потому что хорошо понимал: откажет в сражении пулемет — погибнут бойцы. Еще в самом начале блокады от имени Военного совета фронта с просьбой дать побольше пулеметов обратился к ним А. А. Жданов, и теперь Вася и его друзья каждый месяц собирали по 750 штук.

Однажды рано утром вышла из заводских ворот лошадь, запряженная в телегу: мальчишки везли в подшефную часть, на Пулковские высоты, собранный сверх плана пулемет. Добрались до переднего края уже к вечеру. Идут по окопу. Вдруг Василь Васильич бросился к какому-то красноармейцу:

— У вас мой пулемет!

Тот улыбнулся:

— Работает как часы.

Подошел командир:

— Хочешь пальнуть?

И, зажмурившись от восторга, дал Василь Васильич длинную очередь по фашистской траншее.

...За горы за Уральские
Молва о нем идет.
А он себе работает
И бровью не ведет.
На всем заводе токаря,
Пожалуй, лучше нет.
Привет, Василь Васильич!
Примите наш привет!..

Пришел как-то на завод художник Алексей Федорович Пахомов:

— Хочу нарисовать портрет лучшего вашего рабочего.

Совет последовал мгновенно:

— Нарисуйте Василь Васильича.

Художник ожидал встретить в цехе усатого питерского мастерового, а увидел мальчика с медалью на зеленой ленточке. В окно било апрельское солнышко, но мальчик все равно оставался очень серьезным. И художник принялся за дело.

...Зенитки бьют над городом,
Над самой головой.
Но лишь к станку наклонится
Гвардеец трудовой,
Обстрел внезапно кончится,
Отбой звучит опять.
Никто Василь Васильича
Не может обогнать...

А потом сняли проклятую блокаду. Еще через год с небольшим дошли их пулеметы до самого Берлина, и был тот благословенный майский день, когда этим суровым мальчишкам хотелось сразу и смеяться и плакать...

В минуту получается
Готовая деталь!
За оборону города
Дана ему медаль.
Девчата им любуются —
Ему и невдомек.
Такой Василь Васильич
Серьезный паренек.

БЕСХИТРОСТНАЯ песня как бы угадала наперед судьбу и характер Василь Васильича: все эти годы он приходит на свой завод «чуть заря», и по-прежнему обогнать его совсем непросто, о чем, в частности, свидетельствует орден Трудового Красного Знамени.

Конечно, совсем другой станок теперь у Василь Васильича — сплошная автоматика, а фреза вращается вчетверо быстрее прежнего. И не пулеметы теперь тут делают, а уникальные шрифтолитейные машины. Естественно, изменился и сам Василь Васильич: на висках — седина, на глазах — очки. Но, как и на известном всем плакате, такой же сосредоточенный, деловитый, даже кепка как будто та же самая...

БЫЛ у Василь Васильича еще в ремесленном закадычный дружок Сашка Дресвянин. В сорок втором в стационаре его еле выходили. А после войны на танцах познакомились приятели с сестрами-ткачихами Зиной и Машей. И поженились в один день.

Про этот день помнят они хорошо, но есть другое святое число — 27 января, день снятия блокады, когда эти люди обязательно сходятся вместе. Приводит тогда Василь Васильич за стол и дочерей своих, и зятьев, и внуков маленьких, а на столе только черный хлеб, да соль, да лук... И не понять малышам, почему совсем еще нестарый их дедушка тогда вдруг темнеет лицом и никак ему не проморгаться. Может, просто соринка в глаз попала?..

Л. СИДОРОВСКИЙ

ВЕЧНО В СТРОЮ

...АЛОЕ с переливами кольцо здания лежит на черных пилонах. На волнах изваянных знамен играют блики, ложатся на брусчатку, сбегающую по холму к основанию памятника. Чуть раскрытая ветром шинель, прижатая к бедру буденовка, худое, напряженное лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд... Его узнаешь сразу. Не только по обличью, но и по внутренней цельности, которая жила в человеке с двумя именами. Николай Островский и Павел Корчагин.

Вот здесь, на перекрестке бывших Левадовской и Шоссейной, где теперь поднялся мемориал-музей Николая Островского, драные ботинки Павки взбивали пыль. Где-то у этих домов, вероятно, в самом переулке, носящем теперь имя Жухрая, молодой Корчагин освобождал своего старшего друга. Под высокими, в полтора-два обхвата грушами до сей поры стоит дом, из которого молодой Островский уходил в большую и бурную жизнь...

И вспоминаются строки романа:

«Хороши вечера на Украине летом в таких маленьких городишках-местечках, как Шепетовка, где середина — городок, а окраины крестьянские...

Воздух дрожит от густоты и запаха цветов. Глубоко в небе чуть-чуть поблескивают светлячками звезды, и голос слышен далеко-далеко...»

Но недолго жила Шепетовка той относительно спокойной жизнью. Революция, интервенция, гражданская война... Попеременно то немцы, то белополяки, то банды петлюровцев. С оружием в руках поднимались Павкины товарищи, сплачивали ряды борцов, многие отдавали в этой борьбе свои жизни.

Настал 1941 год.

Уже не стало в живых мужественного писателя-коммуниста Николая Островского. А его пример продолжал служить новым юным бойцам. Ребята не только помогали собирать оружие, расклеивать листовки, но и принимали участие в диверсиях. В XXV годовщину Октября юные партизаны взобрались на крышу вокзала с алым полотнищем и вышитой на нем звездой... Уходили вражеские поезда с подвешенными магнитными минами, в буксы засыпался песок, перерезались кабели связи, была выведена из строя водокачка, горели склады, на улицах появлялись листовки за подписью «Корчагин». И во всех этих операциях участвовала молодежь. Шестнадцатилетний Володя Ковальчук вызвался добровольцем подорвать выездную стрелку на

На снимках: слева — общий вид мемориала-музея; справа — экспонаты музея: шашка и буденовка Николая Островского.

СЛАГАЕМЫЕ ТАЛАНТА

В ЭТОЙ ШКОЛЕ неуспевающих не бывает... Однако не подумайте, что речь идет об этакой образцово-показательной школе, в которой для учащихся созданы оранжерейные условия, или тут занижены требования, или идет пресловутая погоня за стопроцентной успеваемостью. Нет, требования здесь гораздо выше, чем в обычной общеобразовательной школе. И свидетельство тому не только «золотой дождь» дипломов и грамот международных и всесоюзных олимпиад, но и такой, например, показатель, как поступление почти всех питомцев школы в ведущие вузы страны — Московский и Киевский университеты, МФТИ и МИФИ. А разве это случайность, когда целый класс оканчивает вузы с красными дипломами отличников... Нет, в этом отношении среднюю школу № 145, работающую по программе физико-математического интерната при Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко, по праву можно назвать и образцовой и показательной.

Попасть в эту школу нелегко — конкурс огромный, а отбор учащихся проводится Киевским университетом. Причем проверяется здесь не только уровень подготовленности, но и способность к самостоятельной работе. Однако и те счастливчики, которые после многотрудных испытаний переступили порог школы, вовсе не становятся безусловными претендентами на получение авторитетного аттестата зрелости 145-й киевской школы. Достаточно сказать, что за три года обучения отсеивается здесь приблизительно треть поступивших. А ведь выдерживают конкурс способнейшие из способных... Конечно, большую роль в том,

---

станции, забитой вражескими составами с техникой и боеприпасами. Володя выполнил задание, но уйти не успел. Его схватили, стали избивать, тут же допрашивать, а потом пустили паровоз и сунули ноги Володи под колеса. Оттащили, облили ледяной водой, чтобы привести в сознание. «Я вам, собакам, все равно ничего не скажу». Володю облили бензином и подожгли...

Дух Корчагина, дух Островского, дух борьбы... Непреклонность и воля, несгибаемость и выдержка. И еще — большая любовь к жизни.

В музее хранятся письма. Письма от людей корчагинской судьбы. Иные совсем старые. Полуистлела, пожелтела бумага, поблекли чернила. Читаешь даты: 1947-й, 49-й, 52-й годы... Видишь, как люди искали и находили себя, обретали веру в жизнь.

Не потерял веры в жизнь и пермский писатель Анатолий Осипов, долгие годы прикованный к постели из-за болезни позвоночника. Он задумал и осуществил грандиозный замысел: рассказать о судьбах людей, которых вдохновил пример Островского. Осипов вел большую переписку, на его просьбы откликались люди из Франции и Вьетнама, из

что не все стартовавшие в 8-м классе выходят на финишную линию, играет более насыщенная программа, более серьезная нагрузка, чем в обычной школе. Но зато выдержавшие этот нелегкий трехгодичный «кросс» приходят в большую жизнь с солидным багажом знаний, с внушительной подготовкой и, главное, с хорошо развитыми навыками к самостоятельной работе.

Навыки эти вырабатываются в царящей здесь атмосфере увлеченности, заинтересованности любимым делом, общности интересов. Именно такая атмосфера совершенно естественно порождает дух соревнования, в котором не выдержавшие общего ритма сходят с дистанции. В значительной степени развитию навыков самостоятельной работы способствует и сама система преподавания, существенно отличающаяся от занятий в обычной школе. Она скорее приближается к вузовской, ибо сочетает в себе лекционные курсы и семинары. Основной упор в освоении нового материала делается на семинарские занятия. Для этого класс делится на две группы, в одной из которых, допустим, проводится семинар по физике, а в другой — по математике. На следующем уроке группы меняются кабинетами. Это позволяет углубить индивидуальную работу с учащимися и в то же время практически закрепить новую тему, вызвать к ней живой интерес.

...Прозвенел звонок, известивший об окончании урока, но вы не ощущаете обычного оживления перемены. В одном из кабинетов ребята склонились над физическим прибором, в другом продолжается не закончившийся на уроке спор о характере образа Раскольникова, в третьем обсуждаются проблемы генетики, в четвертом пытаются найти более оптимальное решение математической задачи... И все это как естественное продолжение урока, вернее, не урока, а темы... Занятия давно закончились, но не опустела школа. В кабинете физики что-то паяют,

---

Чехословакии и Америки. И уже увидели свет несколько томов книги «Корчагинцы пяти континентов».

Письма и судьбы... Десятки судеб в этих папках, хранящихся в музее. А сколько их, последователей Корчагина, остаются еще безвестными!

Величественный мемориал Островского возведен комсомольцами Шепетовки, Украины, всем комсомолом страны. Архитекторы Н. А. Гусев, В. Н. Суслов, А. Ф. Игнащенко, художники А. В. Гайдамака, Л. В. Коваленко, И. Г. Скорупский воплотили мечту тех, кто считает себя продолжателем дела Островского.

Вечером зажигаются прожектора, и в их ярком свете кажутся бархатными знамена-стены, кольцом опоясавшие мемориал. Прижатая к бедру буденовка, прямая спина, глубокий взгляд. Корчагин и сегодня в строю...

Л. ШЕРСТЕННИКОВ
Фото автора

На первой странице обложки «Товарища»: Николай Островский. Скульптура, установленная перед зданием музея в Шепетовке.

монтируют, отлаживают. Вместе с юными изобретателями творческим азартом захвачен и В. Д. Кавнатский. По своей непринужденности, по непосредственности общения с ребятами он скорее напоминает старшего товарища, чем строгого педагога. Как и его подопечные, он настолько увлечен общим делом, что подчас создается впечатление, будто он вообще не уходит из школы...

А в другом кабинете выпускник школы кандидат физико-математических наук А. К. Толпыго ведет кружок «гениев». Здесь занимаются те, для кого даже стены 145-й школы кажутся тесными. Это будущие ученые, а ныне победители конкурсов и олимпиад, такие, как Ю. Мухарский — победитель конкурса журнала «Квант», как призеры международных и всесоюзных физических и математических олимпиад И. Люксютов, А. Резников, К. Третьеченко, О. Ющук, как многие, многие выпускники школы, громко заявившие о себе в нашей науке...

Откуда же берутся такие таланты? Какими путями приходит к столь высоким результатам коллектив целой школы? Об этом спрашиваю одного из опытнейших и старейших педагогов школы, преподавателя математики Н. П. Левтерову. Семь лет подряд ее класс удерживает переходящее Красное знамя школы. И еще одна характерная деталь: среди выпускников классов, которыми она руководила, как правило, максимальное число медалистов. Нина Павловна говорит:

— Природные задатки, безусловно, играют огромную роль в формировании личности. Совершенно очевидно и другое — в школу приходят одаренные ребята. А дальше уже начинается индивидуальная работа. Вот, например, приходит в мой класс некто Н. Сразу видно, парень толковый, схватывает все на лету. В прежней школе учился прекрасно, не прилагая, в общем-то, больших усилий. То же самое начинается и у нас. Нет, думаю, так дело не пойдет... Отвечает он, скажем, на полную тройку — ставлю ему двойку. Он удивляется, а я говорю ему: это, мол, не твой уровень. К следующему уроку он чуть подтягивается — опять ставлю двойку. Так продолжалось до тех пор, пока самолюбие не взяло верх... Как это так, был круглый отличник, а тут сплошной двоечник? Включился на полную мощность, стал работать систематически, четче. Сейчас — ученый с мировым именем, трижды лауреат... Очень важно определить у школьника его истинный КПД и направить его по руслу максимальной отдачи... Разные попадаются ребята — с тяжелыми характерами, с трудными судьбами. Был у меня в классе один такой ученик — способный, но с норовом. А семья, так сказать, неблагополучная. И вот закуролесил парень. «Уйду, — говорит, — из школы. Поступлю в техникум, буду работать...» Отговаривала его, а он ни в какую... Занятия стал пропускать, учеба побоку. А я взяла да и предложила его кандидатуру в секретари комсомольской организации. Сначала все удивились, отговаривали меня. Но все-таки избрали. И на глазах изменился парень — ответственность почувствовал. Стал подлинным вожаком коллектива. Успешно окончил школу, институт. Сейчас работает ведущим инженером... А вот Лида Бычкова на мехмате учится. И об ином не мечтает, как после университета прийти преподавать в нашу школу. Она и сейчас у меня как бы ассистентом... Нет, что ни говорите, а замечательные у нас ребята, талантливые...

Знакомясь с жизнью школы, я все время ловил себя на мысли: а не создается ли при такой повальной увлеченности, при такой «спрофилированности» односторонность интересов у школьников? Задаю этот вопрос директору школы Г. М. Поповской, председателю методического совета В. М. Розенберг, преподавателю биологии Л. С. Лобачевой... Получаю единодушный отрицательный ответ: нет, не создается. Во-первых, здесь отдают себе отчет в том, что не все школьники смогут выдержать нагрузку и кое-кто вынужден вернуться на круги своя. В этом случае школьники не должны ощущать расхождения программ по другим дисциплинам, им необходимо без особых перепадов продолжать свое образование. А во-вторых, о разносторонности интересов среди учащихся свидетельствуют все те же дипломы и грамоты — здесь спортивные и шахматные успехи, общественная работа и художественная самодеятельность. Вот грамоты на русском, украинском, грузинском, эстонском, молдавском и других языках нашей Родины. Они завоеваны на всесоюзных симпозиумах юных любителей науки. А на них проверяются знания не только по физико-математическим дисциплинам. Так, на симпозиуме в Кишиневе воспитанники киевской 145-й школы получили 11 (одиннадцать!) дипломов. Для сравнения достаточно сказать, что Москве досталось пять дипломов, Ленинграду — четыре... Таких результатов можно достичь только при условии глубокой и разносторонней подготовки школьников. С этой целью здесь ежегодно проводятся свои внутренние смотры: неделя литературы, а затем истории, биологии, математики, комсомольской работы, иностранных языков и другие. В рамках этих смотров обсуждаются вопросы, выходящие далеко за пределы школьной программы.

Большой популярностью пользуются в школе театральный и вокально-инструментальный кружки. Из спектаклей, поставленных в последние годы школьниками под руководством преподавателя русского языка и литературы Н. А. Мишиной, ростановский «Сирано де Бержерак» и «Прощание в июне» А. Вампилова. Так что, как видите, мы имеем дело не только с «физиками», но и с «лириками».

Беседую с выпускницей школы, ныне студенткой факультета кибернетики Киевского университета Надеждой Стрельцовой. Говорим о школе, о математических премудростях, в которых мне, честно говоря, разобраться довольно трудно. Постепенно перехожу на близкие мне литературные темы... Меня поражают глубокие суждения Нади о Пушкине и Брюсове, о современной литературе, о музыке, театре. «Э-э, — думаю я, — такой начитанности и тонкости наблюдения может позавидовать наш брат филолог». Беседую с другими ребятами и убеждаюсь, что имею дело не с какими-то отрешенными от жизни юными старцами, замкнувшимися в узком кругу схем и формул, а с живыми, жаждущими активного освоения нашей многогранной и необъятной действительности мальчишками и девчонками. Они играют в спектаклях и побеждают в спорте, проводят вечера сатиры и юмора и лидируют на олимпиадах, с увлечением и азартом учатся и проходят производственную практику...

Именно здесь, в школе, они готовят себя к трудному маршруту по дорогам жизни.

А. АПАСОВ

УЧАСЬ — РАБОТАТЬ

ШЕСТЬ ЛЕТ назад Юля Гулина, закончив среднюю школу, решила поступить в Московский институт советской торговли. Сдавала экзамены, дела шли вроде бы хорошо, но... все решили полбалла! Недобрала, как говорят абитуриенты, и не прошла по конкурсу. Конечно, расстроилась, конечно, были горькие слезы...

А вот теперь она вспоминает об этом с улыбкой. Теперь она говорит: нет худа без добра, хорошо, что не поступила на дневное отделение. Юля все-таки учится — на пятом курсе вечернего отделения того же института. Учится и работает — продавцом в магазине хозяйственных товаров.

Она убеждена, что если бы только училась и не работала, не общалась с коллективом продавцов, с покупателями, с поставщиками товаров, то не обрела бы самого ценного — опыта, практических навыков, без чего невозможна успешная работа по ее будущей специальности товароведа.

Комсомолка Юлия Гулина ударник коммунистического труда. Это звание — оценка ее трудовых дел. Что касается учебы, то она идет успешно, скоро предстоит защита диплома. А по окончании института широкое поле деятельности. Только начнет она эту деятельность не новичком в торговом деле, а специалистом, имеющим хорошие практические навыки.

Фото В. ЧУДАКОВА

ЭТИ НЕПОНЯТНЫЕ ПОДВОДНЫЕ БУРИ... Подводные волны большой разрушительной силы открыты океанографами в море Сулавеси (Индонезия). Они возникают на глубине 200 и более метров и вызывают сильное волнение на поверхности. Одна из таких волн в мае 1980 года сорвала с якоря американскую буровую платформу в этом районе. Причину возникновения подводных волн исследователи видят в разнице давления на различных глубинах в толще воды. Именно по этой причине в море Сулавеси возникает так называемый «водяной луч» устремляющийся из этого района через пролив Сибуту на север.

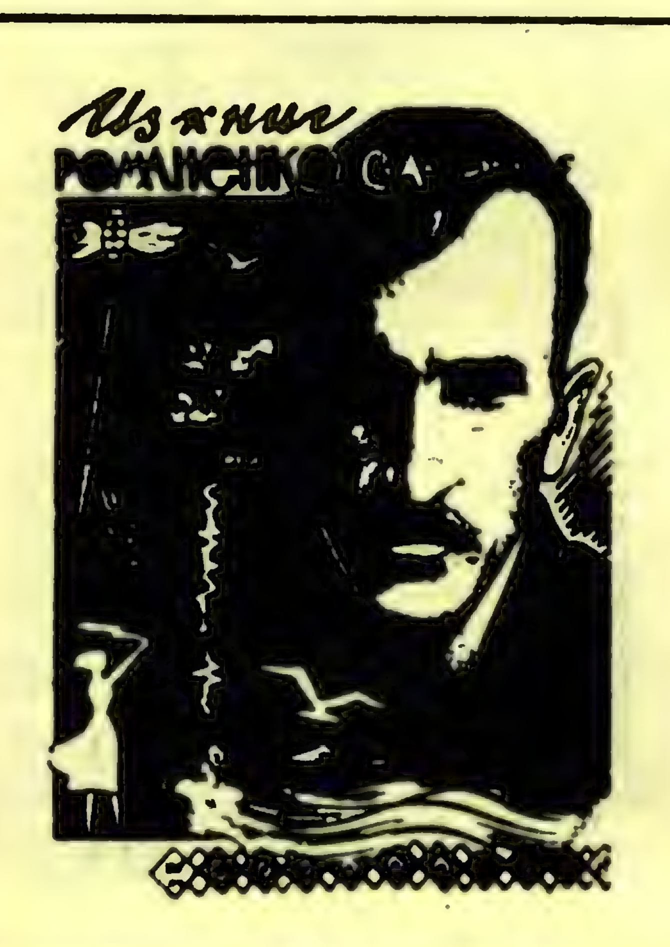
Сходные явления отмечались и в районе Бермудского треугольника, и в Южно-Китайском море, и в Бенгальском заливе. Все они представляют значительную опасность для буровых платформ, подводных лодок и даже обычных судов.

НЕОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ НА БОЛЬШИХ ГЛУБИНАХ. На больших глубинах, казавшихся еще совсем недавно безжизненными и пустынными, кипит жизнь. И какая! Это выяснилось совсем недавно во время работы смешанной франко-американской экспедиции в районе между Галапагосскими островами и побережьем Эквадора. «В этих местах на глубине 2500 метров, — говорит участник экспедиции Рут Тернер, — жизнь необычайно разнообразна. Кроме ее новых форм, мы открыли в восточной части Тихого океана особые бактерии, у которых обмен веществ протекает без участия солнечного света». На большой глубине биологи обнаружили термальные донные источники, вокруг которых группируются экзотические, неведомые пока науке представители морской фауны — черви трехметровой длины, без рта и желудка, гигантские моллюски. Пищу для них составляют в основном бактерии, которые, в свою очередь, поддерживают свое существование благодаря серным соединениям, исходящим из недр океана в виде гейзеров. Необычайно важен вывод Рут Тернер: «Когда люди используют глубины океана как мусорную корзину, они не задумываются, сколько живых существ губят эти отходы цивилизации».

СОЧИНСКИЙ КНИЖНЫЙ ЗНАК

ЭКСЛИБРИС — особый знак с именем владельца книги, который обычно наклеивается на внутренней стороне переплета или обложки. Экслибрисом может быть и простое клише с фамилией книголюба, однако широкой популярностью пользуются художественно оформленные знаки.

Изготовление экслибрисов давно стало своеобразным искусством, а творчество мастеров малой гравюры все больше привлекает к себе внимание искусствоведов и критиков.

При сочинском городском отделении Общества любителей книги существует секция экслибристов. Художники выполнили сотни знаков для книголюбов, постоянно заботясь не только о высокой культуре исполнения, но и о глубокой эмоциональной насыщенности знака, его выразительности, о разнообразии тематики.

Мастера малой гравюры провели несколько выставок своих работ. Обширной была одна из последних экспозиций, посвященная Ленинскому комсомолу. Свои работы представили художники А. Арцимович, Г. Москалец, М. Кисляко-

ва, Е. Черный, А. Вагин, М. Воротынцева и другие. Сейчас сочинская секция экслибристов в содружестве с Обществом охраны памятников истории и культуры готовит к изданию подарочную книгу-альбом «Памятники истории Причерноземья в экслибрисе», а совместно с горкомом профсоюза медицинских работников — подборку открыток «Здравницы Сочи на книжном знаке».

Репродукции, публикуемые на этих страницах, несмотря на свою немногочисленность, нам кажется, помогут читателю составить представление о творчестве сочинских мастеров книжного знака.

М. ПАНЬКОВ,
председатель
секции экслибристов

Впереди — ледовые баталии...

Фото А. БОЧИНИНА.

Александр ШЕЛУДЯКОВ

ЮГАНА

Роман

Окончание. Начало на стр. 80

— Пусть Орлан запрягает машину. Надо ехать за медвежьим мясом. Великий охотник Ургек взял в свои руки злую душу бродячего зверя. Хо, Ургек хорошо промышлял нынче!

Орлан не мог понять: откуда это известно старой эвенкийке?

— Тебе принес весть ворон?

— Вождь племени Кедра должен хорошо знать язык зверей, птиц и рыб.

— Они? — ткнув пальцем в сторону ворон, спросил Орлан.

— У вождя Орлана впереди большая жизнь. Орлан научится понимать язык птиц. Вороны еще не торопятся. Великий охотник Ургек только начинает снимать шкуру с медведя. Не надо воронам спешить, там на кедре сидит ихний тайша, главный ворон. Он занял первую очередь на медвежьи кишки.

На вездеходе поехали Орлан, Таян, Карыш и Югана с Михаилом Гавриловичем. Орлан несколько раз включал сирену, чтобы Ургек откликнулся. Но отзыва не было, урман молчал. Лениво шелестели осины, переговаривались ветви берез.

— Кажется, Ургек далеко ушел. Надо ехать к ручью, — посоветовала Югана.

Она села в кабину рядом с Орланом, а Михаил Гаврилович поднялся в кузов машины, к ребятам.

Вездеход осторожно выполз на прогалину около ручья, Орлан нажал кнопку сирены. Откуда-то, словно из-под земли, донесся далекий голос человека:

— О-о, го-го-о!..

От ручья начиналась таежная низина, заросшая мелколесьем. Вездеход пришлось оставить у ручья.

— Ургек взял амиакана около Барсучьего бугра. Там есть маленькое озеро, — уверенно сказала Югана.

Ургек стоял, улыбаясь, и смотрел на Югану и братьев. В его руке был охотничий нож, около ног лежала разделанная туша на расстеленной шкуре.

Югана обратила внимание на голову убитого зверя: глаза были вынуты, кончик медвежьего носа отрезан. «Великий охотник Ургек правильно все сделал», — подумала эвенкийка. Медвежьи глаза он отдал плавающей в озере Хазарине. Кончик отрезанного носа взял себе — в нем таится главная душа зверя.

Да, Ургек поступил по обычаю племени Кедра.

Промышлять зверя пришлось Ургеку совсем не так, как он предполагал. Медведь действительно приходил па место, где была убита корова с теленком. Таежный хозяин разозлился: во многих местах были выворочены молодые елочки, березки. Ургек шел по следу зверя до ручья. Потом он наткнулся на совсем свежий след, на раскиданную муравьиную кучу. Видимо, обиженный зверь вымещал свою ярость на всем, что попадало ему под лапы. Молодой охотник снял с себя одежду. Нательную рубаху он изорвал на узкие ленты, куртку с брюками набил мхом. Он установил чучело около муравьиной кучи, будто человек остановился посмотреть, что у него под ногами. Для себя Ургек приготовил другую одежду. Лентами из рубахи он связал пласты сухого мха и этот моховой тулуп напялил на себя. Устроился он под вывороченными корнями большой пихты.

Затаившись, Ургек принялся мычать голосом теленка. Изредка он каркал вороном, будто сзывая своих собратьев на пир.

Расчеты Ургека оправдались; он услышал мягкий хруст. Наступив на сосновый сучок, медведь замер и долго присматривался к загадочному человеку около муравьиной кучи. Наконец вороватыми шагами он начал приближаться. Прыжок, и мягкое чучело подмялось под звериной тяжестью.

Угрек натянул лук. Всхлипнула тетива, кинув крупноубойную стрелу, опушенную перьями орла. Медведь сделал громадный прыжок в сторону, упал на брюхо и лапами стал судорожно разгребать беломшаник.

— Хо, Ургек хорошо кинул палку! — оценила Югана.

Еще засветло медвежатина была привезена домой. Вечером Югана варила вкусную еду. По обычаю нынче должна быть Ночь Медведя — ночь плясок и песен во славу зверей, живущих в древних юганских урманах.

Югана прочитала заговор и самую большую ценность — желчный пузырь — подняла на вышку и повесила сушиться. Желчный пузырь медведя ценится дороже мяса и шкуры. Из желчи приготовляется желудочное лекарство. А мозг из головы медведя сушится в вольном жаре русской печи, потом толчется. Этот порошок заживляет раны и глубокие порезы, а также пьют его беременные женщины. Помогает медвежий порошок и женщинам, которые кормят грудью детей. Когда Таня Волнорезова кормила грудью четырех сыновей, Югана подмешивала в пищу Тани медвежий мозг. Из десяти медвежьих голов съела мозг Таня Волнорезова.

Клыки и когти медвежьи будут пущены молодыми вождями на ожерелья.

Теперь Югана может быть спокойной. Ургек прогнал от себя страх.

Глава тринадцатая

По реке дул легкий ветер, и ладья с косым раскрытым парусом походила на крыло чайки.

— Югана, погляди-ка... цыганский табор! — крикнул старик Чарымов.

— Куда нынче идти цыганскому табору? Парусные цыгане давно уже не плавают на своих речных кочах. Неужели чужие цыгане заплыли с Иртыша? — сказала Югана.

Старик сошел с берега по крутой тропинке.

— Цыган Федя под белым крылом плывет. И чего он зачастил в наши края? Поживу учуял?

— След Пяткоступа ходил искать парусный цыган, — сказала Югана и достала из замшевого мешочка трубку.

— Вот, раззуди тебя щекотка, и этого потянуло на «могильное» золото! — рассмеялся дед Чарымов.

— Вождь парусных цыган идет к нам в гости.

Разговор у Юганы с парусным цыганом Федором Романовичем Решетниковым состоялся вечером при свете керосиновой лампы. Стояла эвенкийка у открытого окна, курила трубку. С береговой стороны доносился малиново-серебряный звон колокола. Югана счастливо улыбалась. Сбылось ее желание: на берегу, у школы, повесили большой колокол.

Теперь он своим звоном будет прогонять от людей Улангая плохие сны и видения, а также предупредит души умерших людей — жив поселок Улангай!

Парусный цыган рассказывал:

— Ходил я, Югана, на заброшенный Экильчакский Юрт. Покопался. Пусто там. А вот на окраине, у кержацкого кладбища, нашел одну любопытную штуку.

— Вождь парусных цыган встречался с Тунгиром?

— Нет, до заимки Тунгира я не дошел. Далеко, — ответил старый цыган.

— Нашел золото? А может быть, нашел много серебра? — спросила Югана.

— Не идет нынче серебро с золотом в мои руки. Но след вроде бы нашел. Везу подарок для Гриши Тарханова. Он с Иткаром ищет такие штуки...

Старик вытащил из-под скамейки кожаный вещевой мешок, развязал сыромятную тесемку. Югана приняла из рук цыгана небольшую ступку из бронзы. Нутро ступки было залеплено чем-то черным.

— Хо, вождь парусных цыган принес шибко большой подарок Иткару-геологу! В таких ступках жрецы югов делали раньше лекарство.

— Эту ступку я поднял, Югана, в том месте, где Пятькоступ копал могильный холм. Там остался отпечаток его сапог. Одна нога глубоко пашет пяткой землю.

— Какое же лекарство присохло в ступке?

— Отковыривал я кусочки, пробовал на огне и в чашке с кипятком. Вроде бы это густая нефть.

— Большой геолог Иткар хорошо смотреть будет и думать, — спокойно сказала Югана.

Эвенкийка радостно улыбалась. «Красивую песню поет большой колокол! Жив Улангай, говорит он!»

Глава четырнадцатая

1

Кто первооткрыватель юганской нефти? Такой вопрос часто приходилось слышать Иткару Князеву. Обычно он отвечал, что первооткрыватель юганской нефти — человек без фамилии. Разве возможно сейчас установить, кто выплавил первую крупицу железа или меди? Такая же история и с обской нефтью. О том, что на Югане добывали нефть из мест самовыброса более четырех тысяч лет назад, археологам давно известно. В древних захоронениях попадаются обломки горшков и остатки берестяных посудин с затвердевшими кусочками нефти.

Ранним утром Иткар Князев вылетел на вертолете в район небольшой таежной речки Чагва. Маленькая хантыйская заимка Сенче-Кат, Солнечный Дом, состояла из трех домиков, похожих сверху на спичечные коробки.

Приземлился вертолет на небольшой поляне, вытоптанной лосиными копытами. Из года в год сюда приходят лоси лизать просоленную землю.

Вертолет взмыл над землей, дал круг на прощание. Иткар остался с двумя большими рюкзаками, на одном лежало зачехленное ружье.

— Паче рума, Иткар! — сказал седой старик хант с морщинистым лицом.

— Здравствуй, бояр Тунгир! — ответил Иткар на приветствие хозяина заимки.

В маленькой избушке с закопченными стенами стояло два топчана с лосиными шкурами. На столе из толстых кедровых досок чернел фонарь с лопнувшим стеклом и сиял транзисторный приемник.

— Работает? — Иткар кивнул на транзистор.

— Маленько плохо. Горло болит. Хрипит шибко. Лечить надо. — Старик пояснил, что нужны новые батарейки.

— Привез я тебе, Тунгир, батарейки и керосиновую лампу с запасом стекол. Где твои жена, сын и дочь?

— Старуха совсем померла. Сын в Ханты-Мансийск ушел. Дочь Хинга в Яхтуре живет.

— Я слышал, Хинга замуж вышла?

— Маленько ходила. Плохой мужик попался. Хотела идти замуж еще раз. Тут нынче у меня чужой человек маленько гостил. Хромой мало-мало мужик. Сказала мне

Хинга: «Пришло время, а Иркына у меня нет. Значит, забеременела». Уехала в Яхтур...

— Тунгир, что за хромой человек? Откуда он появился на твоей заимке?

— Говорил, ищет кости древних людей. Ходил он по ближнему урману, искал бугры, где шибко давно хоронили больших начальников.

— Какой он из себя? — торопливо спросил Иткар.

— Русский, наверно. Говорил, звать его Кулай. Волосы черные, глаза как у совы и маленько жадные, как у голодной лисы. Правая нога калечена маленько, но ходит быстро, как молодой лось. След оставляет пяткоступный.

— Что ж ты, Тунгир, не сказал про Пяткоступа, когда к тебе заходил Петр Катыльгин?

— Как можно? Пяткоступ сказал: «Я шибко секретный человек. Про меня надо везде молчать». Хинга ребенка ждала... Как можно отца ребенка терять? Петька говорил, что Гриша Тарханов ищет Пяткоступа, в тюрьму его хочет посадить.

Пояснив это, Тунгир принялся острием ножа счищать нагар в горловинке самодельной трубки.

— Где сейчас Пяткоступ?

— Сказал, уходит в большой город, — коротко ответил Тунгир.

Старик говорил правду — Пяткоступ куда-то исчез. А возможно, и затаился в ближнем урмане, в промысловой избушке.

Иткар стал расспрашивать старика о жизни на заимке. Его интересовало удивительное совпадение. Около пятидесяти лет назад в верховье Югана и Вас-Югана произошло землетрясение. Такое же явление наблюдалось и в этом году, ранней весной. Нынешнее землетрясение захватило в основном безлюдные места и осталось незамеченным. Теперь перед Иткаром Князевым сидел единственный очевидец этого загадочного явления, столь редкого на юганской земле.

— Бояр Тунгир, вспомни, как земля тряслась. Можно ли было ходить? И вспомни о том землетрясении, которое было пятьдесят лет назад.

— На Большой Юган мой отец прикочевал тогда. Стали чумами. Русский человек приходил. Кашалапкин звать. Пришел он позже того, как земля злилась и тряслась. Тогда я еще молодой был... Кашалапкин нефть котелком черпал. Со дна Большого Югана она клубком вы-

прыгивала. По воде плыла. Огонь кинешь — вода горит. Жирную воду Кашалапкин черпал котелком. Говорил, повезет в большой город показывать начальникам. Много тогда жирной воды лежало в озере Алтарма...

Своими вопросами Иткар пытался навести старика на подробные воспоминания: какой силы были подземные толчки, как это ощущали люди?

— Тихо было днем. Ветер молчал. Потом по Большому Югану волны заплясали, вода на берег полезла, украла берестяные обласы. «Земля сердится, — сказал мой отец. — Надо поскорее кочевать в другой урман». Ушли мы на Чижапскую Югру. Сюда, на Сенче-Кат, пришли. Хорошо жили мы тут. Оленей было много, белки, соболя. Сейчас я один совсем остался...

— Дедушка Тунгир, а как нынче земля тряслась?

— Лениво тряслась, как жирный олень от паутов... По реке опять плыла огненная вода, маленько несло ее...

— А когда началось землетрясение: ночью или днем?

Тунгир подошел к печке, взял чайник, из которого торчали ошпаренные стебли брусничника, и отпил несколько глотков.

— Собака ночью шибко завыла. Думал, зверь пришел лошаденку жрать. Ружье зарядил, пошел на улицу. Смотрю — нет никого. Пошел на берег. Тоже тихо. А вода в это время начала сосульками вверх прыгать. Потом земля под ногами маленько шевелилась...

Иткар знал, что недавно в этих местах, юго-западнее от заимки Сенче-Кат, вдруг ушли под землю озера. Есть ли тут связь с землетрясением и самовыбросом нефти на дневную поверхность?

— Дедушка Тунгир, а ты потом не замечал плывущей нефти?

— Нет, Иткар, в первый день глаза маленько видели, а потом нет. Рыбу дохлую находил. Собака моя не ела такую рыбу. Вороны мало-мало клевали. Керосином, наверное, пахло рыба.

Старик поставил на стол туес с икрой, открыл крышку и, зачерпнув, протянул ложку гостю. Иткар хвалил старика за способ приготовления икры, а сам продолжал думать о том, что снова, как и пятьдесят лет назад, где-то повторился самовыброс нефти. Он решил, что завтра возьмет у старика облас и поднимется в верховье Чагвы, километров на тридцать от Сенче-Ката.

2

— Дедушка Тунгир, а помнишь, когда горели таежные болота? — поинтересовался Иткар.

— Помаленьку думать надо, — посмотрев на расстеленную карту, ответил старик. — Большое болото горело. Как в чашке жир тюленя. Дыму шибко много было. Гнус пропал, зверю хорошо было ходить по тайге. Лось и олень тогда сытыми были. — Старик сидел на топчане, поджав под себя ноги. Слегка покачиваясь, он смотрел сквозь запыленное стекло в маленьком окошке, словно не вспоминал, а рассказывал о том, что видел где-то там, за окном, в далеком кочевье прошлого.

— А зимой тоже горело торфяное болото? — спросил Иткар, когда нашел на карте поньжу Небесного Камня.

— Горело, — коротко ответил Тунгир, развязывая замшевый кисет с махоркой. — Наши чумы стояли тогда на высокой гриве. Дым шел в небо так, будто сам шайтан решил курить большую трубку.

Иткар знал это выгоревшее сухое торфяное болото. Там, по рассказам, был сильный самовыброс нефти около восьмидесяти лет назад. Торф сухого болота был пропитан нефтью, как губка водой. А вторично оно загорелось, по словам Тунгира, в двадцать первом году.

— Смотри, дедушка Тунгир, вот на карте место, где мы с тобой находимся сейчас. А вот это — пропавшее озеро, черный кружок. А дальше на запад, в пять оленьих переходов, поньжа Небесного Камня.

— Глаза видят — память следы принесет. Что надо геологу Иткару? — спросил Тунгир и, спустившись с нар, сел рядом с Иткаром на скамейку.

— Сейчас на той гари какой лес растет? — поинтересовался Иткар.

— Береза живет. Много молодого кедра. Сосны нет вовсе. Осины тоже нет.

— А почему именно этот лес вдруг стал расти?

Старик наскоблил коры, смешал ее с махоркой, набил трубку и прикурил от спички. Сделав две затяжки, он вернулся на свое место. Курение махорки с крошкой от кедровой коры избавляло старика от приступов удушливого кашля.

— Когда кедр с березой рядом живут, значит, болото совсем пропало.

— А еще где повыгорели болота? — спросил Иткар, делая отметки на карте.

— В устье реки Лор-Игол есть озеро Турах...

— Так, нашел, — сказал Иткар, отметив на карте озерко, очертанием похожее на божью коровку.

— Горело там шибко большое болото. Две зимы горело.

— Можно считать — два года.

Иткар записал в блокнот: «Произвести в этом районе обследование и определить, какой мощности залегал торфяной пласт, взять на анализ перегар, золу торфа и воду».

— Зачем Иткар ищет дым, который давно съело небо? Иткару не отобрать у неба земную жертву.

— Да, дедушка, что взял огонь, того не вернуть. Но мне надо знать, какую новую жертву готовит земля в подарок духам неба.

Иткар свернул карту и уложил в полевую сумку.

— Разве Иткар — шаман? — прищурив глаза, спросил Тунгир.

— Тут, дедушка, поневоле начнешь шаманить. Вот послушай: в этих местах, под землей, на большой глубине должно быть где-то громадное озеро нефти. Сверху давит земля, и по трещинам нефть поднимается на поверхность, выхлестывается в болота и реки.

— Так-так, понимаю, — вынув из зубов потухшую трубку, кивнул Тунгир. — Ха, у Иткара умная голова, в большой жизни много учился!

Старик спустил ноги с нар и направился к печке, начал готовить лучинки для растопки. Иткар вышел на улицу. Из трубы над промысловой избушкой черно-бурым хвостом плыл дым. Тихо шумела тайга под южным ветром. Где-то вблизи прошел лось, затрещал валежник под упругими ногами. Вскрикнул испуганно филин.

Иткар дышал свежим воздухом ночи и думал о том, что поднятие «коры», возможно, происходит в районе юганских болот.

3

Тунгир смотрел на Иткара, курил трубку. После недолгого молчания он неторопливо сказал:

— Далеко тебе веслом воду резать. От Сенче-Ката до устья Чагвы шесть больших плесов и много маленьких русских километров. Искрутилась река хуже кишки. Шибко длинно по ней ехать...

Иткар решил идти до Вас-Югана своим ходом на обласе. Тунгир помогал ему готовить долбленку в далекий путь. Облас новый, выдолблен в прошлом году из громадной осины.

Отплыл Иткар утром, направляясь самосплавом по таежной реке. Он все еще надеялся обнаружить на берегах признаки выброса нефти.

Он рассчитывал приплыть к устью Чижапки на седьмой день. В Вас-Югане он дождется рейсового самолета и улетит на Новый Юган, а уж оттуда в Кайтес.

Позади осталась Чагва, причудливая река с рощами белоствольных берез на берегах. По большой воде долбленая посудина понеслась, как осенний лист по ветру. Ровно опускается весло в коричневую воду, спешит облас к новой большой реке — Вас-Югану.

Вечером Иткар решил заночевать на знакомом месте. Когда-то, четырнадцать лет назад, здесь, в семи километрах от берега, бурилась скважина.

Натянута брезентовая палатка, горит небольшой костер. На обломке доски стоит чайник, котелок с остатками лосиного мяса. Сидит Иткар у костра, курит трубку. Четырнадцать лет назад он хоть и считался молодым геологом, но был уже умудрен жизненным опытом. Улангаевская нефтеразведка считалась невезучей. Все площади, на которых она работала, оказывались малопродуктивными. Тогда Иткар предложил выходить на новые площади, на южные. Но южные площади не были подготовлены геофизиками. Риск! И все же нашлись опытные геологи, которые поддержали Иткара.

Два с половиной месяца ушло на строительство дороги к точке, где было решено закладывать скважины. Бригада буровиков и монтажников взялась рубить помещение для котельной, котлопункта. Наступили морозы, люди готовили еду на кострах, под открытым небом. Потом началось бурение, трудное, упорное бурение на новой площади. Весной как подарок за мужество и тревоги ударил фонтан нефти.

Однако нефтяная залежь в районе Чижапки оказалась незначительной. Где же была большая васюганская нефть? И вот над этим вопросом бьются ученые-геологи уже двадцать лет.

У Иткара на карте отмечены все места, где наблюдался естественный выход нефти. Это район рек Большой Юган, Малый Юган, Салым, Балык. Последняя точка на этой

карте нанесена в районе Чагвы, она названа Тунгирова Площадь.

Утром Иткар уложил в облас спальный мешок и палатку, взял ружье и направился к месту, где когда-то бульдозер пробивал траншею в береговом бугре. Дно прокопа было устлано крупным зернистым песком. Иткар заметил коричневатые осколки и янтарные кости. Древнее захоронение! — определил Иткар.

Сухим обломленным суком Иткар ткнул в податливый наилок. Осыпалась земля, соскользнул вниз обломок горшка, за ним скатился череп человека. В лобной части черепа чернела пулевая пробоина. «Да, браток, не уберегся ты».

Следующую находку Иткар внимательно осмотрел. Резано из бивня мамонта. «Надо промыть в воде...» Действительно, из мамонтового бивня была вырезана фигурка женщины. Иткар протер находку полой пиджака. Рукой древнего ваятеля была создана статуэтка богини плодородия. Художник, как видно, верил в бессмертие красоты.

Необыкновенно правдиво передано ощущение живого женского тела. На толстых бедрах статуэтки были нанесены какие-то загадочные знаки: с одной стороны символ луны, с другой, в окружении змей, — символ солнца.

Случайно Иткар заметил след мужских сапог. «Правый сапог пахал землю пяткой», — сразу же определил он. Сердце обожгло досадой: снова Пяткоступ!

Боковина холмика была разворочена. Бугровщик был в этих местах недели две назад, еще до ливневых дождей.

На расстеленном плаще Иткар разложил находки: грузила для сетей из обожженной глины, осколки горшков, куски черноватой бересты, изделия из кости. С удивлением разглядывал он маленький манок из пустотелой косточки. Тыльная сторона манка была запломбирована кусочком битума. Эта находка была Иткару дороже любого алмаза. «А ведь я, кажется, опередил Григория Тарханова и первым вышел на свежий след Пяткоступа!»

И снова несется облас по быстроводной Чижапке, летит он на Вас-Юган.

Глава пятнадцатая

Старый парусный цыган вышел на крыльцо, почесав взлохмаченную голову, сладко потянулся.

Из трубы валил густой черный дым — клубился и уплывал в небо столбами.

Старик улыбнулся, кивнул приветливо Алевтине Кирилловне, своей молодой соседке, которая, раскрыв створки оконной рамы, смотрела удивленно на Федора Романовича и думала: «Наконец-то объявилась запропавшая душа цыганская!»

— Дедушка, ты случайно не резиновыми сапогами растапливаешь печь? Дым валит из трубы чернущий и страшенный, как из смолевой бочки...

— Нет, ласточка моя, это я жгу бересту — пробку из трубы выгоняю. Печь заурусила — дымить надумала.

— Давно не топлена печь — нахолодала, хоть и лето...

Поговорив с соседом, Алевтина Кирилловна подошла к зеркалу настенному — осмотрела себя с головы до ног. Сегодня ей предстояло идти на встречу с Григорием Тархановым. Просил следователь еще неделю назад сообщить, как только появится дома парусный цыган. И почему-то хотелось сегодня Алевтине Кирилловне быть особенно красивой. «А что, ведь и в тридцать лет еще не покинула меня юность: на лицо красивая, от морщин бог миловал. Крутнусь, подмигну, и закружится голова не только у следователя Тарханова!» — сказала себе молодая женщина и, поправив брови черным карандашом, вернулась к открытому окну, сказала громко:

— Дедушка, просил Григорий Тарханов шумнуть ему, как только ты объявишься дома.

— В гости завернуть хотел ко мне аль расследовать и будоражить цыганскую шхупу? — поинтересовался Федор Романович, а сам продолжал не спеша выбирать из поленницы дрова, которые помельче колотые.

— Вот уж про это не скажу, понятия не имею. Скорее всего у него к тебе любопытство гостевое. А может быть, все та же история с бугровщиком.

— Тогда шумни ему, Алюшенька, пусть забежит. Пошушукаемся, — согласно проговорил старик и направился к крыльцу с охапкой дров.

А вот он — Григорий Тарханов! И снова ему не до Алевтины Кирилловны. Быстро прошел следователь по ограде к крыльцу цыганского дома. Заметил он молодую женщину, которая стояла у открытого окна и смотрела в его сторону как-то грустно.

— Спасибо, Алевтина Кирилловна! — помахав рукой, сказал Григорий.

Новые настенные часы с музыкальным боем пробили час дня. У Алевтины Кирилловны был готов обед. Она сидела у окна и ждала, нет, скорее караулила Григория Тарханова, чтоб пригласить к обеду. «Они что там, уснули или пропали — с утра заседают, секретничают».

Григорий Тарханов «кружил». Он не приступил еще к разговору, ради которого пришел к Федору Романовичу.

— ...А ведь эта история очень интересная и малоизвестная. Морской корабль у парусных цыган!

— Ты, соколик мой, говоришь — интересно все это. Судьба цыган, потерявших родину, печальна. Вот послушай, Гриша, расскажу я тебе, каким ветром были заброшены парусные цыгане на Обь Великую, Иртыш и Вас-Юган. С очень древних времен цыганское племя манила загадочная даль, неведомые земли и мечта о богатстве, счастье. И по нынешний день сохранилась особенность цыганской натуры, образ жизни. Может быть, поболее двух тысяч лет назад прижились цыгане в степях и около степей, как, например, в землях Галла и Сомали, в Сенегамбии и в северо-западной Индии. Когда-то, в стародавние времена, большая часть индийских цыган отправилась великим табором через Персию, Малую Азию и Балканский полуостров в Европу... Как попали цыгане в Новгород Великий? Сказывал мой дед: был мудрый купец из цыганского рода. Жаргалан звали его. По-русски это имя понимается как человек, рожденный для счастливой жизни. Полюбил Жаргалан новгородскую княгиню Русаву. Прогневались новгородцы — не давать в цыганский табор Русаву! И вот тогда Жаргалан все золото, все драгоценности отдал корабельным плотникам и попросил, чтобы изготовили морские кочи из дуба крепкого. А когда были подняты паруса на новорожденных кочах, снасти обкатаны — задумался Жаргалан. Ушли от Руси цыганские морские корабли в непогоду весеннюю. Бежала Русава с Жаргаланом из царства Новгородского. Вот с того дня и повелось племя парусных цыган. Породнились цыгане с русскими... — сказав тихо последние слова, умолк старый цыган, задумался.

— Скажи, Федор Романович, в наши края какой судьбой забросило парусных цыган?

— Я тебе и говорю: все та же судьба-матушка... Любовь! Родилась у Русавы и Жаргалана дочь. Назвали они ее Радой. Молодой русский князь Гордей, большой друг жреца Умбарса, был поизранен со своими дружинниками

и просил приюта на корабле парусных цыган. А уж потом-то, в союзе с русскими перунцами, ушли парусные цыгане в земли северные на Обь Великую.

— А какая дальнейшая судьба у Русавы и Жаргалана?..

— В моих жилах течет кровь Рады и русского князя Гордея, — сказал старик. — В эти края приплыли парусные цыгане в союзе с руссами-новгородцами. Часть цыган осталась на Оби с русскими перунцами, а часть ушла на Иртыш искать свое вечно кочующее земное счастье.

— Ну что ж, как говорится, гостями бывают дважды довольны: когда приходят и уходят. Рад я, дедушка, что ты жив, здоров. А то все беспокоился и думал: куда это наш Федор Романович исчез? Пойду я... — Сказав это, Григорий поднялся из-за стола и уже было направился к порогу, но старый цыган, хитровато посмотрев на следователя, крякнул, как бы собираясь кашлянуть, и спросил:

— Зачем воду-то мутить? Говори, зачем пришел.

— А что говорить... Одна у меня беда — сам знаешь.

— Тогда садись, Гриша, обратно на свое место. За это время довелось мне кое-где побывать. Кое-что расчухал... Старик сходил в сенной прируб, принес оттуда что-то завернутое в кусок газеты, положил на стол перед следователем.

— Это что?

— Сверточек, Гриша, пока не трожь. Дело такое: приезжаю я в пустынь Экыльчакского Юрта. Тишина и безлюдье кругом. Скит давным-давно заброшен. Пошел на кладбище. Есть там бугорки. А есть и ложбинки от осевших могилок. У берега две бугорковые могилки были раскопаны. Кости валяются, черепа...

— Пяткоступ? — коротко спросил Григорий.

— Он самый, Гриша. Но след раскопки старый. Где-то по весне, в прошлом году грабил он могилки. Навещал Пяткоступ и нынче Экыльчакский Юрт. Так, мимолетом что-то припрятано, видать, было у него. Недельки две назад, не больше, как наведывался. Следы приметил я на берегу...

— Вот за это спасибо, Федор Романович!

— Спасибо рано говорить. Ты, Гриша, послушай: есть загадка. Кладбище старообрядцев-раскольников большое — около трехсот могилок, не меньше. А вот из всего кладбища раскопано только два береговых бугорка. Мо-

жет быть, Пяткоступ сквозь землю все видит, а?.. — Сказав это, Федор Романович развернул сверток. Следователь удивленно пожал плечами. Перед ним лежало шесть круглых батареек, отслуживших свой срок.

— Да-а, прав ты, Федор Романович. Пяткоступ имеет «кладоискатель». И прибор, видимо, очень большой чувствительности.

— Вот тебе, Гриша, и «да». Пасется Пяткоступ в тех местах, где жили староверы-кержаки...

— Так, понимаю, Федор Романович, круг поиска сужается. Меня интересует еще вот что: на Чижапку пришли раскольники очень богатые, среди них было много опытных рудознатцев, златокузнецов, ювелиров...

— Верно, Гриша! Улавливаю твою думу: хоронили раскольники своих родичей скуповато, но с руки колец не снимали, из ушей золотые сережки не трогались и зубы из дорогого металла не рушили.

— Как лежали черепа на раскопе?..

— Вот-вот, про это я и хотел тебе сказать. Золотая челюсть-присоска на одном черепе была... А на другом золотые зубы повынуты...

— Не ошибаешься, Федор Романович?

— Э-э, милый ты человек, чего там ошибаться-то... Кое-что понимаю в этих проказах. Плоскогубцами или кусачками разворочены черепа.

Сидел следователь за столом, рассматривал батарейки и думал он о том, что хорошо бы иметь план или карту старинных поселений в районе верховья Чижапки.

Глава шестнадцатая

1

По всему кухонному столу Андрей Шаманов разложил находки. Григорий Тарханов взял бронзовое кольцо, примерил к голове — подходит. «Головной обруч», — подумал он. Таня разливала по кружкам крепко заваренный кирпичный чай.

— Таня, — спросил следователь, — где ты подняла это колечко?

Андрей Шаманов ткнул карандашом в отметку на плане.

— Найдено оно вот... на берегу озера. Там было святилище Югэн-Тас?

— Первый раз слышу — Югэн-Тас, — сказал Леонид Викторович.

— Югэн-Тас — холм Священного Огня. Ошибки не будет, если перевести и так: место Солнечного Креста.

— Слушай, Андрей, — воскликнул Леонид Викторович, — это для меня новость! Но что такое «Вас»? Что за довесок?

— Речной дух у кволи-газаров именовался Вас. У хантов водяной зовется Васа, у зырян Вэс. Отсюда и Вас-Юган.

Григорий Тарханов рассматривал в лупу мелкие рисунки и знаки на бронзовом кольце. Он верил, что это кольцо было украшением древней женщины.

— Ну и ребус оставили нам кволи-газары! Разберись-ка, что хотел сказать художник.

— Да нет, Гриша, сложности особой нет. Это кольцо венчало столб Солнечного Креста. Столб стоял около жертвенника.

Таня Волнорезова улыбнулась.

— Вы просили крепкого чаю. Так пейте же! Остывает.

Андрей отпил несколько глотков и отодвинул кружку. Он попросил у Григория лупу.

— На этом кольце все написано. Образное письмо!

И он начал читать:

— «Юную, чистую девушку завтра принесут тебе, Солнце, Белые Люди, кволи-газары, в жертву. Ее кровь не осквернена наслаждением мужчины, ее тело... гм, тело уже омыто белым молоком первожеребой кобылицы... Ночная птица, дочь Луны, будет охранять жертвенную девушку. Девушка очень молода и красивая, ей четырнадцать лет».

— Ох, кровожадное же кольцо! — грустно сказала Таня.

Во время ужина Григорий спросил у Андрея Шаманова:

— Так что же получается?

— Это место, где мы с вами сейчас находимся, было центром бронзоволитейного производства. Доказательство — все эти вещи, что на столе.

— Да, Гриша, кузнецы и мастера-ювелиры хорошо владели техникой плавильного дела. Орудия труда, воинское оружие изготовлялись из твердой бронзы.

— Что хорошего нашли кволи-газары в этих болотах? — сказала Таня.

— Нет, Таня, васюганские земли были когда-то рай-

ским уголком: озера, тучи дичи, олени, лоси. А что касается болот, то заболачиваться юганская земля начала всего-навсего каких-то семьсот или восемьсот лет назад.

Андрей Шаманов посмотрел в глаза Леониду Викторовичу, как бы спрашивая его — прав я?

— Все верно, Андрей, в эпоху бронзы на Вас-Югане был благодатный климат.

Андрей спросил Григория:

— Но ты мне толком не сказал, что тебе ответили из области насчет всего грабительского курганокопания?

— Зачем на дядю надеяться? Земля наша — нам ее и защищать.

— Андрей, могу одно сказать: по нашим тревожным сигналам появилась в областной газете крохотная заметка.

— И за это спасибо! — сказал Тарханов.

2

Поднялась Югана рано, до восхода солнца. На берегу она спустилась к самой воде. Было тихо. Река сияла. Югана положила на воду дощечку с куском медвежьего мяса и булочкой белого хлеба.

— Хо, Великая Выдра, дух реки, главный бог Вас-Югана! Ешь вкусное мясо, кушай хлеб. Нынче Югана просит тебя. Ургек, молодой вождь, должен посвящаться в шаманы племени Кедра. Будь, Выдра, покровителем Ургека. Молодой вождь просил Югану передать тебе, Выдра, чтоб ты загоняла в сети рыбаков много вкусной рыбы — пусть у речных людей будет тоже нынче праздник.

Появилось солнце из-за кромки горизонта, поднялось над зубчатым лесным горизонтом.

— Здравствуй, молодое Солнце! — сказала Югана и улыбнулась. — Шибко высоко у тебя, Солнце, кочевая тропа. Ты даешь огненную душу всем живым. Отец и мать дают ребенку тело, ты же, Солнце, даришь свою кровь. Дай, Солнце, Ургеку огонь и тепло.

Долго разговаривала Югана с солнцем и устала. Она опустилась на днище перевернутого обласа. Теперь можно отдохнуть, подумать. По какой тропе откочевали мысли Юганы?

Это было лет шесть назад. Однажды Югану поразило неожиданное открытие. Андрей Шаманов включил магнитофон, и она услышала: «Земля! Я — «Кедр»!» Это был голос Юрия Гагарина. Такое имя избрал для себя Гагарин.

— Он сказал: «Я —«Кедр»!» — тихо проговорила Югана. — Гагарин великий вождь племени Кедра!

Она стала вспоминать, кто из сородичей и когда смог уехать в далекие земли и унести имя священной Гагары.

Если бы не случай с Гагариным, не было бы посвящения Ургека в шаманы. Однажды Ургек уйдет в великое кочевье по «небесному урману», там он встретится с людьми «верхнего мира», они в первую очередь спросят его — кто он и с кем пришел. Ургек должен ответить: «Я белый шаман племени Кедра». Только белый шаман может уходить в верхний мир и общаться там с душами земных людей.

На окраине Улангая разгорался костер, разживленный от чистого огня, добытого трением. На земле сидела Югана с братьями-близнецами. Ургек грел у костра кожу шаманского бубна, чтобы громче был звук. Сегодня впервые Ургек нарядился в шаманский костюм. На его плечах куртка из оленьей замши, вдоль подола сыромятные ремешки-хвостики, на груди две медные пластины.

Явился Михаил Гаврилович. Он стал наливать из туеска в берестяные кружки медового квасу. Обряд посвящения был нарушен.

— Югана, — сказал Ургек, — поверь мне: я все знаю. Если там, на другой планете, мне придется встретиться с живыми существами, я не подведу тебя. Все исполню по законам племени Кедра.

Он стеснялся Михаила Гавриловича, который сидел и, ухмыляясь, посматривал на молодого вождя. Разлив квас по берестяным кружкам, дед Чарымов произнес:

— Отныне и на веки веков слава тебе, мудрый жрец и вождь эвенкийского племени Кедра! Пусть мудрость твоя будет бессмертной не только на земле, но и там, в небесах.

Солнце поднялось на свою полуденную высоту. Югана посмотрела на береговой кедр и обратилась к Ургеку:

— Великий белый шаман племени Кедра! Смотри на кедр — тень у него стала самой короткой. Мудрое Солнце сейчас глядит на землю и на людей в самую голову, оно дарит людям свой ум. Встань, молодой белый шаман, и прими нагрудный знак.

Югана принесла жертву чистому огню: кинула в костер щепотку махорки.

— Югана, — спросил Орлан, — солнце дало кровь Юрию Гагарину и опять вернуло его в свой мир. Его зем-

ная жизнь прервалась, но душа не живет рядом с прахом. Куда, на какую планету уходят души людей?

— На Кун-Ми, Солнечную Землю. Туда же полетят и молодые вожди.

В последний раз обошел молодой шаман угасающий костер, прощаясь с чистым огнем. Гремит торжественно бубен. Угасает и солнце — от берегового кедра ложится на землю длинная тень.

Неторопливой стаей осенних лебедей улетели годы Юганы в безвозвратную сторону кочевых птиц. Юноши, сыновья Тани Волнорезовой, часто напоминали эвенкийке о ее молодости. Рядом с ними Югана не чувствовала старости.

Пришло время, когда парням пора готовить «Весла Невест».

Лопасть весла напоминает березовый лист, рукоять заканчивается удлиненными прорезями, в них закреплены костяные побрякушки. Когда невеста отправится в обласе по речной воде, ее будет сопровождать трескотливый перебор побрякушек.

Своей рукой Орлан разрисовал лопасть весла руническими знаками.

— Югана, облас невесты у нас есть и весло готово. Осталось совершить набег и похитить невесту.

— Хо, — подмигнув, ответила Югана, — барсук не живет без норы — крепкий зуб без мяса не бывает!

Она рассказала парням про обряд сватовства, как в старину у эвенков племени Кедра выбирались невесты и совершалась помолвка.

— Много людей приходит на берег Вас-Югана. Садятся все на землю, маленько пьют, мясо едят, рыбу. Приводят жениха на берег, как оленя на узде. Родители невесты завязывают жениху глаза, дают в руки весло. На берегу стоят пять обласов, но только один из них целый, у остальных пробиты днища. Жених с завязанными глазами выбирает себе облас и снимает с глаз повязку. А невеста в это время уже сидит в своем обласе, она должна убегать от жениха...

— А если жениху достанется дырявый облас? — спросил Орлан. — Тогда один выход — догонять вплавь.

— Правильно думает Орлан! Если невеста хочет замуж, она гребет веслом лениво и далеко от берега не отплывает. Но если девушке надо другого парня, то тогда

плохо нелюбимому жениху. Она убегает на своем обласе, как чебак от щуки.

Так готовила Югана молодых вождей к смотру невест.

Глава семнадцатая

Михаила Гавриловича Чарымова спозаранку поднял рев подвесных лодочных моторов. Четыре дюральки были уже загружены, поклажа укрыта брезентом.

— В далекий ли путь, Югана, надумала уводить молодых вождей? — спросил Михаил Гаврилович.

— Хо, пришли дни Чагила, большого Березового Праздника. Югана с молодыми вождями поедет на Сум-Чут, Березовую Рощу. — Югана распорядилась: — Орлан, Таян, сходите, заберите в амбаре колчан с поющими стрелами!

Праздник Чагил отмечается ежегодно, когда в таежных реках вода идет на убыль, а в гнезде орлана-белохвоста вскармливаются птенцы.

— Скоро ли ждать вашего возвращения? — спросил Михаил Гаврилович и, помолчав, добавил: — Ребятишки-то, поди, без матери тоскуют...

— Совсем некогда молодым вождям с тоской дружить!

— Будьте в тайге поосторожнее. У ребятишек возраст самый ярый.

— Женить надо парней, — положив трубку в замшевый мешочек, сказала Югана.

Михаил Гаврилович удивился.

— Ты в своем уме? Им только еще по шестнадцать.

— Хо, рано! Раньше парней женили на шестнадцатую зиму.

— Это раньше. А сейчас только после восемнадцати.

— Пошто Чарым забыл, когда ему самому было шестнадцать лет? Само время теперь женить Орлана, Таяна, Карыша, Ургека. У молодых вождей уже растет борода и усы.

— Наговоришь ты мне тут! Не баламуть парней, Югана.

Старику Чарымову казалось подозрительным, что Югана и ребята ехали разнаряженными в свои лучшие одежды. У каждого на голове корона из ярких перьев, замшевые куртки расшиты бисером, голенища унтов шиты цвет-

ными шерстяными нитями. Уж не собрались ли парни в поход за невестами?

— Охо-хо, чего тут нынче думать и вздыхать — увела Югана своих вождей на Чагил, Березовый Праздник... — сказал сам себе старик Чарымов, проводив взглядом плывущую дощечку с жертвенными кусочками хлеба.

Но до Березовой Речки дорога неблизкая, и туда попадут путники не раньше, как дня через два.

А вот еще какая-то новость летит в заброшенное селение Улангай. Михаил Гаврилович быстро поднялся на берег и направился на окраину поселка, в ту сторону, где раскинулся небольшой аэродром, поросший густой травой и мелким кустарником по закрайкам взлетного поля.

Вертолет зашел на посадку, приземлился. Вышел старик Чарымов из-за угла складского сарая, остановился. Один пассажир остался на земле. А «стрекоза» с ревущим мотором взмыла, набрала высоту и пошла обратным курсом на районный поселок Медвежий Мыс.

— Здравствуй, добрый человек! — сказал Михаил Гаврилович, когда подошел к мужчине, который, взяв поудобнее на плечо ремень небольшого рюкзака, готов был куда-то идти.

— Добрый день, дедушка! — поприветствовал Михаила Гавриловича улангаевский гость и улыбнулся доброжелательно.

— Чарымов я, Михаил Гаврилович зовут меня. Я здешний старожил, юганского корня...

— А меня звать Виктором Петровичем. Я секретарь райкома, — представился Лучов и улыбнулся тому, как с показным удивлением начал старик рассматривать его с ног до головы.

— А про тебя, Витюша, я слышал добрые вести, — хитровато произнес Михаил Гаврилович. — И с дедом твоим мы в дружках ходили...

— Знаю, спасибо за добрую память...

И они направились вдоль поселка.

— Большой кирпичный храм, двухэтажную школу, ставили нефтеразведчики еще, — пояснил Михаил Гаврилович. — А береговая школа, бревенчатая, считается нашей, старожильческой.

Они вышли на берег реки. Сели на бревно, лежащее около покосившейся городьбы, стали держать совет.

— ...Небольшой ремонт, ясное дело, нужен каждой избе: что-то подгнило, что-то подопрело. Шифер лишним не

будет — крыши местами подладить надобно, — рассуждал Михаил Гаврилович о том, что если ожидаются новоселы, то надо все подготовить как следует. И не только дома подладить нужно, но и печи в порядок привести, надворные постройки. — Хорошо бы, Витюша, в каждом доме произвести побелку стен, потолков, чтоб живым духом пахло!

— Правильно, Михаил Гаврилович: встреча новоселов — большой праздник, а поэтому надо хорошо продумать насчет ремонта всего жилого фонда, — согласился Виктор Петрович.

— Тут я чесал у себя за ухом, царапал затылок — не могу в толк взять: ты прилетел к нам в Улангай как секретарь райкома или как наезжий турист, твой предшественник Дымбеев? — спросил Михаил Гаврилович, пытаясь выяснить: зачем и ради кого Виктор Петрович беспокоится — осматривает безлюдный поселок и рассуждает о ремонте пустующих построек?

— Приехал я как партийный работник, хочу разобраться и понять: что же происходит на юганской земле, почему из этого края уходили и уходят старожилы, а также новоселы? Раньше, когда я был начальником нефтеразведки, меня все это трогало не так болезненно.

— Вот, зазноби тебя в жаркой бане, товарищ партийный работник! Слушай, мой дорогой Витюша, и не обижайся за резкость на старика. Расскажу я тебе. В Европе, на Украине, там, брат, укрупнение колхозов, мелких деревень великую пользу народу принесло. Это все понятно, и никаких тут споров нет. А вот у нас, на васюганской земле, поначалу говорили, что артели и колхозы надо укрупнять. И укрупняли, и кричали до хрипу «ура»; и такие секретари райкомов, как Дымбеев, наверное, рапортовали в обком о досрочном и сверхплановом укрупнении... Вот и докукарекался Дымбеев до того, что васюганская земля стала безлюдной. Сшевелили коренных старожилов с места, оторвали от родных стойбищ, и пошли они, милые, вместо деревни в город, и чихали они на все укрупнения и объединения. Ну а после этого из Васюганского района и Медвежьемысовского сделали один: укрупнили и соединили — все сразу, махом. И тоже рапортовали о счастливой жизни в укрупненном районе. И это не спасло. Стали грешить тогда на молодежь, что она у нас не та, как раньше была... На этом вроде бы и остановились — свалили всю беду на молодежь и на то, что

она у нас грамотная, а поэтому и подалась в культурные, промышленные центры. А вот теперь уже много лет тишина: никто и ничего не говорит — не рапортуют больше... Нечего теперь укрупнять и объединять. Грешат еще на то, что тут у нас суровый климат, отдаленный район. А какая, к лешему, тут суровость климата, если в верховье Вас-Югана, в Кайтесе, помидоры на корню вызревают, а урожай хлеба что на Украине. Посмотри, Витюша, на карту: ведь все плодородные земли верховья Вас-Югана лежат почти на той же самой линии, что и Рига, Томск, Тюмень. Так что климат у нас — куда с добром!

— Да, Михаил Гаврилович, прав ты... И прав во многом. Если бы разумно отнеслись к этой проблеме, то...

— Неужели и ты, Витюша, из дымбеевской породы секретарей? — перебив Виктора Петровича, начал говорить запальчиво дед Чарымов. — Тот ведь много лет сидел в секретарском кресле — разводил руками, охал и ахал... Вот и прокукарекал весь наш район, поразорились деревни таежные, да и в нефтеразведках была полная неразбериха — это все знаешь ты лучше меня.

— Что было, Михаил Гаврилович, то прошло. Давай думать теперь, как дальше нам жить и что предпринимать в первую очередь? — смотря в глаза старику, спросил Виктор Петрович.

— В первую очередь нужно тебе взять к себе в помощники Сашу Гулова. Ты будешь командовать геолого-нефтяными делами, а Саша Гулов сельским хозяйством, промыслово-пушными делами, и уж он-то знает, как заново обживать нашу юганскую землю...

— Мне, Михаил Гаврилович, говорили, что у вас тут живут дети, которые почему-то не учатся в школе, вроде нет у них возможности и условий? — спросил Виктор Петрович, которому доложил начальник милиции о случившемся ЧП в Улангае.

— Верно, есть у нас четыре паренька — Танюшины сыны. Но они у нас учатся в Новгородской Руси... — Сказав это, старик Чарымов выжидательно посмотрел на секретаря райкома.

— Как это в Новгородской Руси?

— Так вот: Кайтес — это и есть наш Новгород, — ответил гордо старик Чарымов.

— Ну-ну, тогда вопросов нет — все понятно, — обрадованно произнес Виктор Петрович. — Да, но как они попадают туда? Ведь Улангай и Кайтес — оба населен-

ных пункта считаются неперспективными, заброшенными. И никакого сообщения между ними нет...

— Ноги да лыжи — вот главный транспорт. А по всему этому у ребят есть вездеход. Так они на нем начиная с первых заморозков шуруют в Кайтес, как на оленьей упряжке по мелкоснежью. Приедут в Кайтес. Поживут там, сколько им нужно. Сдадут экзамен за четверть — новое задание получат. Потом обратно сюда, в Улангай. Зимой их не застанешь в поселке. Колесят по тайге с Юганой, своей главной учительницей. Подолгу, случается, живут в охотничьих избушках и там, что кочевники, по книгам-учебникам сами себя учат. Все науки школьные самостоятельно воспринимают. Подойдет конец четверти — снова едут в Кайтес, снова сдают экзамен в тамошней школе. Нынче они окончили девятый класс. Так-то вот оно бывает... — произнес в заключение Михаил Гаврилович и, посмотрев на противоположный берег реки, вслух подумал: — Орлан решил оставаться на родине, в Улангае. А вот Карыш, Ургек, Таян в авиацию пойдут, как их отец когда-то. Мечтают они стать космонавтами. Как надумали про это в четвертом классе, так по сей день не передумали. Самолетами, ракетами бредят день и ночь. Само собой понятно: раз в космос решили шагать, то за собой следят строго и учатся в школе старательно.

За два часа до заката солнца прилетел вертолет из Медвежьего Мыса. Проводил Михаил Гаврилович секретаря райкома в безлюдный, сиротливый аэропорт, и провожал он его как самый настоящий губернатор — был наряжен в новый костюм и даже черный галстук с большим узлом повязал на ворот белой рубашки.

Долго стоял Михаил Гаврилович, уставив взгляд в сторону улетающего вертолета. Смотрел он в синеву сумрачного неба, пока не скрылась рокочущая машина из виду.

Глава восемнадцатая

Два дня назад Иткар прилетел в Кайтес попутным вертолетом, который шел из Нового Вас-Югана. Его встретил Петр Катыльгин.

— Иткар, хочу просить тебя: надумаешь лететь на Чагву, не забудь про меня. Хочется еще поговорить с Тунгиром, как тряслась земля и из земли выпрыгивала нефть.

— Ну, — рассмеялся Иткар, — рассказывать он мастер!

— Но ты мне толком так и не сказал: почему все-таки пропало большое озеро? Как провалилось?

— Трудно сказать что-то определенное. Но, понимаешь, мне кажется, что где-то произошло нефтепроявление в вулкане.

— Да ты что, в уме? Какие тебе вулканы в наших юганских болотах?

— Югана рассказывала. Тогда я еще не все понимал: «На Мертвом Озере рычал Дух Болот, а потом вместе с черной водой на небо улетел».

— Допустим, на Мертвом озере произошел выброс скопившегося газа...

— О, нет, не только газа, но и нефти! Не зря эвенки племени Кедра окрестили это озеро Мертвым и приносили жертву подземным людям. Место жертвоприношения называлось Пернов Бугор. А перунцы обычно точно знают, где из-под земли вылетал с грохотом Карга, Подземный Ворон.

— Ты считаешь, что на Перновом Бугре было когда-то нефтепроявление в вулкане? — с удивлением спросил Петр Катыльгин.

— Не считаю, а уверен! Я тебе уже рассказывал, что находил кусочки затвердевшей нефти в могильнике неолита. Все это говорит за то, что под юганской болотистой землей на большой глубине дремлет нефть.

— Хорошо, но если, как ты говоришь, наша нефтяная залежь такая же, как нижневартовский Самотлор, то почему не могут выявить месторождение?

— По-моему, выброс нефти на дневную поверхность происходит по бокам громадной Нюрольской впадины. Понимаешь, эта впадина имеет какую-то связь с уже открытыми месторождениями: Оленьим, Озерным. Эта цепочка уходит в северо-западную сторону и пересекает Катыльгинскую площадь. Не исключено, что тут сложная структура. Надо бы подумать о закладке скважины в районе Черной Стрелы, желательно у Пернова Бугра. Согласно легендам югов нефтепроявление было. Именно в этом месте.

— Иткар, кажется, я начинаю понимать тебя. Нужен снайперский выстрел! Но если вдруг скважина окажется холостой? Что тогда? Убытки-то великие. На чей горб они спишутся?

— Нефть есть, и нефть большая, палеозойская! — ответил Иткар.

Петр предложил связаться с редактором районной газеты Гораедовым. Газете нужна статья «Юганский палеозой».

Выслушав предложение, Иткар писать отказался, а вот рассказать он может много.

— Выкладывай, послушаю, — попросил Петр.

— Понимаешь, в пятьдесят третьем году было постановление бюро Тюменского обкома «Об организации массового геологического похода в области за полезными ископаемыми». Чувствуешь? Обком принял мудрое решение: привлечь все население области к активным поискам. Началось тогда на тюменской земле удивительное, какое-то необыкновенное движение...

— Так-так, улавливаю. Помнишь предание такое о Мертвом озере?

— Правильно, — подтвердил Иткар. — Вот с этого и начинайте свою статью.

— Иткар! — позвал кто-то под окном.

К дому подъехал Перун Владимирович. Под ним был гнедой оседланный жеребец.

— Сейчас, Перун Владимирович! Едем на Озеро Пепла? — спросил Иткар.

— Да, на озеро, на могилы наших предков, — задумчиво ответил Перун Владимирович.

Озеро Пепла расстелилось в песчаных отлогих берегах среди хвойного кольца кедрового лема. Оно не зарастает водорослями и не замерзает.

— У наших предков, Иткар, был обычай насыпать холмик на берегу озера или реки и там сжигать умершего. Потом на холме сажали молодое деревце.

Был тихий вечер у Озера Пепла, уходило солнце за горизонт, угасала заря. Вспыхивала роса на хвое кедра, радужные сети паутины сверкали серебристыми нитями. На озере лежали длинные тени от береговых сосен, рдели золотом угли в костре.

Вспыхивали, потрескивали сухие сучья, подкинутые в костер. И несло к озеру легкий сизоватый дымок с густой приправой запаха горящего смолья.

— Перун Владимирович, что-то случилось? Ты что-то боишься мне сказать?.. — спросил Иткар.

— Ничего особенного... Так, между делом, хочу сказать тебе, Иткар, мне не так уж много остается жить. Если

у меня не хватит сил подняться в седло, то ты посади меня и привези к Озеру Пепла. И вот тут, на этом берегу, на этом месте я буду встречать смерть... Похорони ты меня по древнему языческому обычаю наших предков. Если смерть неожиданно захватит меня дома... то сожги в берестяном челне на Каятном Мысу, что лежит вон там, чуть южнее кедра с гнездом орла.

— Я исполню твое желание, Перун Владимирович, — опустив глаза, сказал Иткар. — Но уходить из жизни тебе еще рановато. Твой дед жил сто тридцать семь лет; твой отец прожил сто сорок лет. Так что по закону долголетия наследственного имеешь в запасе более тридцати лет.

Еще солнце не закатилось, оно только зависло в дальней дали над тайгой, где-то над невидимой тундрой. Озеро Пепла лежит, как золотой котел, наполненный слезами скорби, выплаканными в горестных проводах русских людей в неизведанный, потусторонний мир. Дремлет Озеро Пепла величаво и спокойно в земной ложбине не одно тысячелетие, оно окружено хвойным венцом, да еще стелется всегда по его берегам благодатный аромат смолистой живицы, вечного ладана тайги.

В этот вечер озеро сияло отблеском кровавого меча. Крупные окуни, извечные обитатели таежных озер, в такие часы предзакатного торжества млеют и замирают от волшебства, когда воду пронизывают лучи причудливых оттенков радуги. Окуни поражены, когда на отмелях крупные слюдянистые песчинки искрятся в лучах червонным золотом. Кое-где можно видеть сквозь прозрачную воду затонувшие, окаменевшие деревья. Их обволакивает извечная зелень слизи, и эти наплывы в такие часы заката вечернего солнца вдруг напитываются соком вечерней зари. Окуни-щеголи, вон какой у них вечно изящный «костюм»! Они любители ярких красок, и будто украдены эти краски у солнечной зари и радуги, да вписаны эти зовущие цвета в кожу рыб, старожилов таежных озер. Краски создала природа для любви и продолжения рода. Даже вечно обозленные щуки чувствуют прелесть солнечного тепла, в такие часы они любят всплеснуться у берега, а потом напруженной стрелой замереть и любоваться еле уловимым движением воды, игрой алого перелива в потревоженной глади озера.

Молча сидели у костра Иткар с Перуном Владимировичем. Они провожали закатное солнце.

Был сегодня разговор у Перуна Владимировича с Иткаром о том, что уже давно на землях томского Приобья грохочет, не умолкая, лезвие стальной пилы. Ложится угрюмо под ножами пил кедровая тайга. Возможно, близок час, когда стригущий нож врежется в эти островки кедрача, что пораскинулись в первобытном приволье в районе Озера Пепла, в верховьях Вас-Югана. Бездумные люди могут запустить стригущий нож пил вот в эти кедры, которые уже почти пятьсот лет удерживают сыпучие берега. И будет тогда в этой округе пустыня, кладбище пней, сучьев и щепок. Тысячи таежных рек захламлены топляками, древесным мусором, давным-давно уже пообмелели, потеряли свою первобытную красоту. Таежные реки утратили свое былое, привольное и гордое полноводье. Виной всему этому неразумный лесоповал и сплав древесины допотопным методом.

Иткар думал о том, что как только вступит в свои законные права Юганский заповедник Тюменской области, то сразу же надо будет начать разговор о неразумном хозяйствовании лесозаготовителей на томском Приобье. Оставляют после себя лесозаготовители омертвелую землю. Эта земля, где вырублены кедрачи, сосняки, проглатывается болотами. Сколько таких пустынь заболоченных на томском Севере? Нет счета. И сквозь свои думы слушал Иткар Перуна Владимировича.

— ...Правда, в последнее время начинают раздаваться голоса о том, что нужно подумать о грядущих поколениях; нужно оставить им хотя бы маленький клочок нетронутой тайги, первозданного урмана с его царством зверей, птиц. Пора подумать и о том, что мы уже при своей жизни обворовали сами себя на чистый воздух, чистые реки — питьевую воду...

— Не грусти, мой добрый жрец, Перун Владимирович, — улыбнувшись, сказал Иткар. — Человечность победит в человеке зверя...

— Помню, Иткар, в детстве был у меня такой случай: рыбачили мы с отцом, сети поставили и сидим на берегу. Отец сам отковал в кузнице небольшой топорик и подарил его мне. Вот я и сидел у костра да забавлялся — наводил лезвие точильным камнем. А потом вскочил и побежал к кусту берегового тальника — ну и давай рубить, резвиться... Отец тогда подошел ко мне, отобрал топорик и срубленным мной прутом отхлестал по рукам. Пригова-

ривал он: «Без нужды не губи, а при нужде знай, что рубить».

— Наши предки умели любить и ценить свою землю таежную, — сказал Иткар после того, как не спеша достал из пачки сигарету, закурил.

Долго молчал Перун Владимирович, он что-то собирался сказать важное Иткару, а весь предыдущий разговор был как бы подступом.

— Война унесла из нашего Кайтеса поболее пятисот мужчин. Война унесла вместе с нашими мужчинами двадцать девять девушек. Легли юные женщины в солдатских шинелях в могилы войны. Там, под Москвой, лежат пятеро моих сыновей; и там же спят вечным сном шестеро твоих родных братьев, Иткар...

— Я понимаю твое беспокойство, Перун Владимирович — нашей васюганской земле нужен хозяин...

— Это, Иткар, скорее не беспокойство, а предчувствие большого пожара... Огонь может превратить в пепел всю Юганскую равнину, территория которой равняется среднему европейскому государству. Сейчас много пишут и говорят о переброске воды из Оби в южные засушливые районы. По моим подсчетам, выводам — это грозит катастрофой для юганского края. Пойми, Иткар, ведь васюганские торфяники — это великое национальное богатство государства. Многометровая толща торфа залегает на площади, равной миллионам гектаров... Накопление торфа длилось многие тысячелетия.

— Да, Перун Владимирович, об этом я думал, когда был у Тунгира на заимке и занимался выяснением причин пожаров на торфяных болотах. Как только понижается заводненность, а она понижается в засушливое лето, то начинается самовозгорание торфяников. И это сейчас, когда водяной режим Оби еще не нарушен вмешательством человека. Я имею в виду Среднее и Северное Приобье. Ну а если обеднить, понизить уровень заводненности...

— Вот-вот, Иткар, это-то и страшно! Трудно сейчас предсказать, даже вообразить, что произойдет после этого...

— Нет, почему же, Перун Владимирович, вообразить и представить мы можем. Не так-то уж давно горели торфяники в Подмосковье. Пожар там был на площади в несколько тысяч гектаров. Ну а если запылают торфяники на юганской земле — это миллионы гектаров.

Глава девятнадцатая

1

Почему сибирский абориген с незапамятных времен считает кедр одушевленным, обожествленным? Одна из причин в том, что кедр — основной кормилец всей живности тайги. Но обожествлены также и другие деревья древних урманов. А главное почитание человеком деревьев заключено в том, что из дерева можно добыть огонь сверлением, трением — отсюда рождается мысль, что искра чистого, священного огня дремлет в некоторых породах деревьев и трением лишь пробуждается к жизни, рождению.

В эвенкийских легендах племени Кедра рассказывается о том, что огонь вырастает в деревьях. Расти он начинает с того самого часа, как семя пустит корень. Невидимый огонь живет в любом дереве точно так же, как кровь в жилах человека. А раз есть, живет в деревьях огонь, то, значит, и есть душа. Может человек разговаривать с любым деревом как с другом: просить урожай ореха у кедра, а у березы обычно просят женщины дать им плодовитость, дать исцеление больным. Ведь березовые почки, листья, сок, деготь — все это считается с далекой древности добрым лекарством от очень многих болезней, а чага — березовый гриб — служил и служит человеку заменителем целебного чая.

Аборигены урманных лесов могут не только умолять, просить священные души деревьев, но еще могут душам этих деревьев приказывать и даже казнить их. Если, скажем, сразу после ледохода прийти к Кедру-Богу до первого весеннего грома и, ударив его пальмой по стволу, сказать: «Бью тебя рогатиной — бей меня шишками кедровыми», то это уже значит — дан заказ на богатый урожай кедрового ореха будущего года. А если просьба таежного человека не выполнена, то снова приходят к Кедру-Богу обычно после первого весеннего грома. Вокруг обожествленного кедра собираются соплеменники. Шаман подходит к Кедру-Богу, замахивается топором, как бы готовясь срубить дерево. Кто-то должен перехватить руку шамана с топором и сказать: «Не руби Кедра-Бога. Он прикажет урману родить богатый урожай кедрового ореха». Поневоле тут придется Кедру-Богу заставить плодоносить все кедровые урманы юганской земли.

В честь новорожденного ребенка сажают молодое де-

ревце где-то на священной кедровой или березовой гриве. Делается это для того, чтоб человек и дерево стали братьями или сестрами, и тогда добрые духи лесов будут считать человека своим родственником. А это значит, что когда мальчик или девочка вырастут, то им всегда будут сопутствовать удача на промысле зверя и всегда, в любую погоду, духи лесов помогут добыть огонь трением — дадут частицу своей огненной души в руки человека.

Сажают деревья около могил. В таких случаях земная душа умершего человека находит приют, вселяется в то или другое дерево.

Внушая своим воспитанникам свои взгляды на жизнь деревьев тайги, Югана думала: «Откуда пригласить красивую девушку, которая бы добыла чистый огонь на празднике Чагил? Ведь Орлана в этот Чагил необходимо посвящать в еще одну тайну обычая племени Кедра».

2

Югана напомнила ребятам, что в маленькой хантыйской деревне Айполово на берегу Вас-Югана еще живет около тридцати семей промысловиков. Братья Волнорезовы поставили большую палатку и остановились на ночлег.

Для Орлана Югана облюбовала девушку Дашу.

Пока ребята купались в реке, эвенкийка договорилась с матерью Даши. И вот прощай, славная деревенька Айполово, спасибо тебе от вождя Орлана. Спасибо от всего племени Кедра за Дашу!

На берегу Березовой Речки ребята отремонтировали небольшую промысловую избушку: замазали глиной щели, на прохудившуюся крышу положили новые берестяные листы. Все это делалось в присутствии Даши.

Югана ушла к Кедру еще с утра. Ребята ее поджидали. Мешать Югане не нужно, она разговаривает нынче с добрыми духами тайги.

Тихо шумела тайга. Легкий ветер заигрывал с листвой берез. Рядом, на озере, кричали кулики. Югана говорила:

— ...Про Орлана ты все знаешь, Кедр. А про его невесту Дашу Югана рассказала. Молодой вождь Орлан останется жить на юганской земле. Ургек, Таян и Карыш через год поедут учиться на летчиков в большой город. Они будут летать на больших небесных стрелах, которые поднимаются в небо на огненных хвостах...

Югана рассказывала Кедру о том, что три брата решили окончить летное училище и полететь на далекую планету, где живут души людей, ушедших из земной жизни.

Еще один обряд оставалось совершить эвенкийке — венчать Орлана и Дашу у свадебного костра.

Братья смотрели, как Даша неумело добывала с помощью трения чистый огонь. Югана сидела рядом с Дашей. Эвенкийка ждала, когда появится легкий сизоватый дымок. Когда девушка примется дуть на зарождающийся огонек, это значит, что часть своей души она отдаст священному огню, а огонь, в свою очередь, вернет человеку тепло и жар своего дыхания.

Горит в стороне от Кедра свадебный костер. Горит огонь на том самом месте, где упала поющая стрела, пущенная рукой молодого вождя в небо.

Накалилось на углях тонкое шило. Югана взяла кедровую дощечку.

— Просит Югана невесту Орлана дать клятву на крови. Пусть Даша садится рядом с Юганой.

Шилом на кромке дощечки были проколоты у девушки мочки ушей под золотые серьги. Так же проколота мочка правого уха и у Орлана. Оба будут носить серьги — символ солнца.

Теперь вождь племени Орлан должен из своего тугого лука запустить в небо еще одну поющую стрелу. Это будет означать, что он приглашает всех добрых духов к свадебному костру.

Ушла в небо поющая стрела. К ней привязаны оленьей жилкой прядь девичьих волос и алая ленточка, символ огня. Ушла в небо стрела с частицей души девичьей, и отныне должны знать добрые духи, что рождается новая семья, и духи обязаны покровительствовать молодым, оберегать их самих и их будущих детей на трудных тропах урманов.

С аппетитом поедал свадебный костер сухие дрова, обугливая куски лосиного мяса и рыбы. Подходило время ставить брезентовый чум. Ургек, Таян и Карыш натянули новую двухспальную палатку рядом с Березой, а потом такую же палатку поставили около Кедра. Молодые, по обычаю, должны провести первую ночь в палатке у Кедра, а вторую около Березы. В это время никто не должен им мешать: они остаются наедине со своей первой радостью, со своим счастьем и любовью.

Во второй половине дня Югана с тремя братьями со-

бралась в верховье Березовой Речки, к островку, который называется Юр-Хисаль — Добрый Камень.

Карыш и Ургек подвели лодку к берегу. Югана попросила положить в лодку лопаты, пилу и топор.

— Маленько землю копать будем.

Глава двадцатая

1

Григорий Тарханов достал из багажника брезентовый чехол и накрыл мотор лодки.

Перекинув легкий рюкзак через плечо и опираясь на весло, следователь направился к приземистой покосившейся избе. «Из трубы дымок — хозяин дома», — подумал Григорий.

Старый парусный цыган вышел за ворота.

— Не ждал гостя, Федор Романович?

— Сон виделся — собака ластилась. К гостю.

Парусный цыган пожал руку Григорию и пригласил зайти в дом.

После обеденного застолья Григорий закурил и стал рассказывать Федору Романовичу о находках на городище Вач-Вас.

— Не понимаю, зачем слиток меди?

— Та медь золотая, Гриша. Старики наши сами деньги делали, монету чеканили.

— Федор Романович, помнишь у нас был разговор про Мишу Беркуля?

— Этот человек заразился случайно. «Золотая лихорадка». Кому хоть раз подвернулся золотой фарт, тот заболеет на всю жизнь.

— Понимаю, — тихо сказал Григорий Тарханов. — Но вот смотрю я на твою пасеку и не понимаю: зачем тебе, Федор Романович, пасека без меда?

— Ежели вреда чинить не будешь — скажу. Искал я по молодости клад Миши Беркуля. Где-то в этом месте запрятано золотишко иртышских бугровщиков.

— Федор Романович, а на городище Вач-Вас не Пяткоступа ли работа?

— Нет, Гриша, Пяткоступ бродит в одиночку. Но вот говорила Югана про Сед-Сина, Черного Глаза. Этот, пожалуй, более общительный. Этот мог подобрать себе банду бугровщиков.

— Если Пяткоступ убил молодую женщину, повариху с буровой, то где это могло произойти?

— Подумать надо, соколик ты мой, по полочкам разложить. Пяткоступ, судя по его повадкам, жертву должен захоронить. Доставай карту, думать будем.

Григорий разложил на столе карту Томской области.

— Ну, вот точка, где была буровая. Отсюда исчезла повариха.

— Верно, так. Но по болоту повариха не пойдет и по небу не полетит. Одна у нее дорога со своим дружком была — по материковой гриве. А идти они должны были сухопутьем до Юрта, а потом в заброшенный скит около Мирного озера.

— Ага, теперь я понимаю! — обрадовался Григорий.

— Рано понял, Гриша. Еще маленько подумать надо. От Мирного озера идет речушка Пильга. Там есть Муч, поворот. На этом месте кладбище было, старообрядцы своих хоронили. Вот теперь, соколик мой, надо туда и лететь.

— А что, логично! — сказал Григорий. — Спасибо, Федор Романович. А как насчет изготовления фальшивых денег?

— Гриша, орел ты мой глазастый, никогда и никому не верь, что старообрядцы изготовляли фальшивые деньги. Суди сам, как можно из чистого золота или серебра чеканить деньги? О золоте-то у тебя есть понятие?

— Кое-что смыслю.

— Смыслить мало. Надо знать.

Следователь решил переночевать на пасеке парусного цыгана, а завтра утром просить вертолет, чтобы лететь в верховье Чижапки, на Мирное озеро.

2

Небольшой полуостров, поросший древним величавым кедрачом, врезался клином в чистое, безлесное моховое болото. На этом предболотном мысе прогремели залпом винтовочные выстрелы. Вспугнутая стая куропаток улетала с кормовой согры. Летели сытые куропатки низом, как зажиревшие курицы, которым не под силу взмыть в высоту неба.

У небольшого костра стойбища сидела Югана. Она держала в зубах давно уже потухшую трубку и смотрела

на Ургека, Таяна, Карыша. Те разорванными тряпками и ватой из старого одеяла заботливо протирали карабины от тугой, липкой смазки.

Четыре карабина, очищенных от смазки, лежали у ног Юганы на пихтовых ветках, и тут же лежали банки с патронами, кожаные подсумки.

Если кто-то со стороны подошел бы сейчас к стойбищу, то решил, что наткнулся на каких-то загадочных партизан или промысловиков-охотников: на костре готовилось на вертеле лосиное мясо, молодые мужчины чистили боевое оружие.

Югана вытряхнула из трубки холодный пепел, набила снова табаком, закурила. Она смотрела на подсумки для винтовочных патронов, которые лежали у ее ног. Наклонилась эвенкийка, взяла один из подсумков, откинула клапан и, подумав, сказала:

— Кожаные патронташи людей войны надо все набить патронами. Зачем они будут лежать пустыми? Кисет для табака — подсумки для патронов.

— Неужели, Югана, ты больше ничего не помнишь об этом? — спросил Карыш, когда взятые подсумки положил около ящика и принялся набивать патронами, складывать в вещевой мешок.

— Ха-ха, Югана, боезапас у нас богатейший теперь! — сказал Таян и попросил: — Расскажи, Югана, еще разок...

— Хо, пошто не сказывать? Югана тогда со своей матерью была в тайге. На озере Черного Бобра промышляли икряных карасей. Когда Югана пришла на стойбище, то племенной тайша, главный человек, сказал: «Племя Кедра имеет ружья войны. Дали оружие русские люди за пятьдесят оленей и меховую одежду...»

— Это понятно, Югана: эвенк без карабина — что грузин без кинжала, — сказал Карыш, когда поставил меж ног расконсервированный карабин и оперся на него руками, как на посох.

— Так, Югана, об этом ты нам говорила еще вчера, но кто были эти русские люди? Ведь тогда колчаковцев разбили и мелкие отряды разбрелись по обской земле. Многие, наверное, уходили через Вас-Юган на омскую сторону, в Барабинские степи, чтоб потом пробраться за кордон, в Монголию, — сделал свое предположение Таян, он смотрел на Югану как на всезнающую ведунью.

— Тайша, главный человек, сказал на суглане тогда, что все это оружие должно быть спрятано в надежном месте и оно должно лежать на случай большой войны. Кто были русские люди? Откуда сейчас можно знать: какой зверь, какая птица ходила, летала много лет назад на этой земле, в этом небе... Русские люди не делали вреда эвенкам племени Кедра. У них была своя тропа, и им нужна была пища, вьючные олени, меховая одежда. Тайша нашего племени дал им все это. И они ушли в сторону теплого ветра, — задумчиво говорила Югана и смотрела в пылающий костер, как будто в пламени искала ответ о событиях затерянного времени.

— Может быть, Югана, это были партизаны из Тарского отряда, что действовал по Иртышу? — тихо спросил Ургек.

— Пошто Ургек тревожит дух и тень людей, которые ушли своей тропой в сторону теплого ветра? Все эти ружья войны куплены великим тайшой племени Кедра. Эти ружья будут теперь разговаривать с милиционерами, которые отобрали у молодых вождей ружья, а у Юганы маленькое ружье в кожаном сапоге тоже взяли. Улангай надо оборонять! Томтуры хотели ломать школу, клуб, другие дома и возить к себе...

— Ха-ха, Югана! — рассмеявшись, сказал Ургек. — Да, мы теперь вооружены — всего этого нам хватит оборонять не только Улангай, но и всю землю!..

— Ургек правильно говорит: надо оборонять Улангай! — обрадованно сказала эвенкийка.

Югана жила в мире своих мыслей, своих взглядов, и неведомы были ей современные постановления, законы, согласно которым было взято оружие у нее лично и у ее молодых вождей. А поэтому она, руководствуясь неписаными законами и обычаями своего племени, которые были выработаны людьми кочевой тропы, считала: то печальное событие, которое произошло в Улангае, требует принять какие-то срочные меры не только ради сохранения жилых построек, служебных помещений в заброшенном поселке, но еще было необходимо Югане восстановить авторитет молодых вождей, которого не признали сотрудники милиции. Все это и побудило эвенкийку считать, что только силой оружия можно защищать Улангай.

— Югана, а ведь это просто чудо! Карабины сохранились так, будто они только что получены со склада, —

удивлялся Таян, когда вынул затвор и посмотрел в канал ствола.

— Карабины-то понятное дело, — задумчиво начал говорить Карыш, — а вот патроны... Могло ведь произойти какое-то окисление пороха. А они тебе все безосечешные, что молодые огурчики сияют, будто пролежали в земле не полсотни лет, а три дня.

— Хо, пошто Карыш думает плохо о людях племени Кедра, которые хоронили оружие войны в земной лабаз? Женщины добывали много кедровой серы, потом ее топили в котлах и смешивали с шерстью оленя. Карабины хорошо заливали густой смазкой из костей лося. На костре в горшках вытапливалось из лосиных костей масло. Потом все карабины были положены в берестяной мешок, который обмазали слоем кедровой серы, перемешанной с шерстью оленя. Все банки с патронами тоже были закатаны в серную шерсть. Потом место выбрал тайша вот здесь... Видите, сухое место на солнечной стороне, и тут никогда не застаивается вода. Хорошо и долго лежали ружья войны в земном лабазе. Вот поэтому они теперь радостно и громко говорят, стреляют.

— Югана, а почему шейка ложи карабина, вот этого, обмотана берестинкой? На ней есть знак — голова змеи, — спросил Таян.

— Голова змеи — герб рода тайши. Писаная береста голос дает. Надо смотреть...

Осторожно размотав с шейки ложи берестяную грамоту, Таян посмотрел задумчиво, сказал:

— Тамговое письмо. Прочитай сама, Югана, а то я буду расшифровывать битый час...

— Хо, — удивилась Югана, когда прочитала руны письма, — Улан, красный командир-начальник, сказал тайше племени Кедра: его люди уходят из тундры. Ружья войны оставляют эвенкам оборонять Советскую власть!

Прошло трое суток. Завтра утром в багажник лодки будет уложено оружие, взятое из племенного тайника. И помчится ладья по зеркальной глади Березовой Речки. Там, у Кедра-Бога, ждет братьев и Югану Орлан с Дашей. А может быть, и не ждут, потому что Орлану с Дашей, юной женой, некогда скучать и тосковать по Югане и братьям.

Глава двадцать первая

1

Большинство жителей малолюдного Кайтеса поуехали на свои пасеки, заимки. Выдался богатый медосбор. Поговаривают многоопытные старички пасечники, что поболее ста килограммов от каждой пчелосемьи будет сдано меду в общинный медовый закром.

В такое время горячей медосборной поры сельская больница пустует, но врачи и медсестры всегда находятся на своем бессменном посту и дежурит «Скорая помощь». Стоят под седлами в пригоне три лошади, и всегда наготове легкая кошева, выездная колесница.

Главврач Русина Перуновна сегодня утром вернулась с пасеки. Привезла она свежее пчелиное маточное молочко и яд пчелиный. Заказала Русина в этот же день, чтоб изготовили в больничной аптеке мазь из пчелиного яда для Агаши.

Агаша, когда была на побывке в Медвежьем Мысе, рассказывала своим старушкам-похворушкам о том, что на нее невообразимо благотворно подействовали процедуры в больнице. И те расхваливали внешность «помолодевшей» Агаши: «О, да ты, Агаша, очень молодо стала выглядеть! На лицо очень посвежела — морщин как сроду не бывало на щеках и под глазами. Больше тридцати лет не дать тебе!»

Много ли прошло времени, как началось Агашино омоложение, а она уж про старость забыла и парусному цыгану о своей любви все уши прожужжала. И ходит теперь Агаша всегда с улыбкой на лице, не сутулится, как раньше бывало. Да и седины в волосах у Агаши вовсе нет. Избавилась Агаша от седых волос с помощью особого меда, который седые волосы усиленно питает, и они приобретают прежнюю молодую, природную окраску.

В маленьком селении не утаить секретов: каждая душа на виду, как черная ворона на снежной дороге. Вот так и получилось в этот самый день, когда встретилась у колодца Агаша со своей соседушкой Муной.

— Плохая новость пришла в Кайтес. Андрей Шаманов попросил дать «размолвку». Отказался он жениться на Богдане. Девушка очень переживает, плачет. Ах, какое же несчастье в доме Перуна...

В полдень Агаша пошла на берег реки, прихватила с собой Мариану, слепую девушку. Мариана лежала на

песке, наслаждалась теплым влажным дыханием реки; слышались покрик куликов, переливчатые голоса синиц. Тело Марианы дышало горячей теплотой земли.

— Ой, крылушко ты мое лебединое! Позагорала немножко, а теперь охолонись — в воде покупайся... В тебя-то, Мэя, уже деревенский парень влюбился. Два дня или три, как начал шпырять коло наших окон...

— Кто он?

— Бычок слюнявенький, хлипкий из себя.

Мариана зашла в воду по грудь, остановилась и быстро определила: лицом она стоит к противоположному берегу, лучи солнца бьют в правую щеку, течение реки сшибает в левую сторону. Вот теперь можно ей недалеко сплавать.

А в это время нырнул с берега семнадцатилетний юноша Дима Крылатов. Вынырнул он вдали от подмостков щучкой, осмотрелся и поплыл к Мариане. Ведь девушка слепая — потонуть может. Вот тут-то юный рыцарь, спасая Мариану, совершит как бы случайное знакомство. Но девушка тонуть не собиралась. И тогда Дима, расхрабрившись, подплыл к Мариане.

— Девушка, — громко сказал Дима, когда почувствовал, что Мариана уловила его присутствие по плеску воды, — там дальше идет заводь с очень сильным течением! Возвращайся обратно. Я помогу тебе...

— Спасибо... — с благодарностью ответила Мариана.

— Меня Димкой звать... Говорят, ты слепая, — выпалил парень слово «слепая» и прикусил язык, обругал себя мысленно.

— Да, я слепая... — сказала Мариана, она неторопливо работала руками — лишь бы держаться на воде. — Ой, унесет меня в круговоротную заводь!

С берега послышался радостный крик:

— Ага-ша-а! Приехал с пасеки Федор Романович! — Махая рукой, Муна показывала — надо идти домой.

Сердце Агаши приятно защемило. «Приехал мой желанный!»

2

Рано поднялся парусный цыган. Только солнце вышло на ребро из-за горизонта, он уже был в седле. Бежала лошадка рысцой, оглянулся старик, помахал Агаше рукой.

И начался грустный день у Агаши. Не дается золотой клад в руки Федора Романовича. Обидно.

Проводив за поселок Федора Романовича, вернулась Агаша домой. Села она на скамейку у окна и готова была разреветься в любую минуту. Ладно, что появилась вовремя Мариана, а то не миновать слез.

3

Улангаевский «губернатор» Михаил Гаврилович Чарымов вышел на крыльцо своего дома, как на капитанский мостик, поглядывая на большую самоходную баржу, которая причаливалась к берегу, думал о том, что, должно быть, приплыла эта посудина из Медвежьего Мыса.

— Неужто в тот приезд правду сказывал Виктор Петрович, что направит в Улангай кирпич, шифер, тес и плахи на ремонт поселковых строений?.. — рассуждал старик сам с собой.

— Эй, кто там есть живой на берегу? — крикнул с самоходной баржи молодой рослый мужчина, стоящий у носовой лебедки.

— Что и кому нужно? Я нынче тут губернатор и министр внутренних дел! — громкоголосо ответил Михаил Гаврилович.

— Куда, дедушка, выгружать стройматериалы?

— Где стоите — тут все и выкладывайте, порядочком ложите. Вода пошла на убыль. Можно таборить все тут, на песчаной равнине у воды.

Началась разгрузка баржи. Михаил Гаврилович сидел поодаль от воды на бревне и посматривал, как ловко стрела крана переносила на берег связки теса. Прикидывал в уме дед Чарымов, сколько и куда понадобится пиломатериала. Так же хозяйским глазом посматривал он на выгруженный кирпич, шифер и тоже размышлял, где и в каком доме необходимо произвести ремонт печей. И решил Михаил Гаврилович после всех своих подсчетов, что строительного материала должно хватить на ремонт улангаевского «жилфонда», если, конечно, ремонт делать по-хозяйски, экономно.

Во второй половине дня, проводив самоходную баржу, старик Чарымов направился в сторону школы. Давно там на береговой мачте не поднимался алый флаг. Сегодня же поднял Михаил Гаврилович этот сигнал радости. И стоит дед Чарымов задумавшись, смотрит он на берег и словно где-то вдали видит себя молодым: плывет он по тихой воде с вольной артелью людей, которую привели из Ба-

рабинской степи в голодный год. И вот теперь, бог даст, вновь заживет Улангай, возможно, снова вернутся в это селение старожилы, как возвращаются птицы к старым гнездовьям.

— Ого-го! — крикнул Михаил Гаврилович, посматривая на поднятый флаг, и, погрозив кому-то невидимому пальцем, рассмеялся, а потом уже как бы сам себе сказал: — Ну что, взяли? Жив Улангай!

4

С полуночи заморосил дождь. Верховой ветер тащил с северной стороны грузные тучи. К утру в районе Улангая почувствовалась прохлада, и на смену дождю пошел снег. Очень редко, но случается, когда сердитые тучи пудрят юганскую землю снежком среди лета — такое для старожилов не диковина.

Слабый ветер вяло кособочил нежные пушистые хлопья, кидал их с потягом к земле. Танцуют, хороводятся легкие пушинки, слипаясь в хлопья, липнут к листве деревьев — устилает снег летнюю землю белым налетным ковром.

Где-то ночью сказочный небесный орел на славу пощипал лебединую стаю, устроил себе перину из пуха, выспался, а вот под утро спросонья забавляется — рассыпает пух по земле урманной.

Вышел Михаил Гаврилович на взлобок береговой, смотрит он на песчаные берега Вас-Югана, покрытые снежком, поглядывает на небо и тихо говорит сам себе:

— Вот прорва вылезла из дыры небесной! Ладно, что еще снег теплый, без мороза выпал. Беды нынче не будет для зелени огородной. А у пахарей может хлеба повредить — морхлостью погубит.

На крыльце сидела Галина Трофимовна и посматривала на лениво падающие снежинки, вспоминала свою далекую юность. Этот летний снегопад воскресил в ее памяти покров, осенний праздник, напомнил о девичестве...

Набрала Галина Трофимовна чистого летнего снега в таз эмалированный. Решила она, что пусть снег этот будет за покровный. Помоет она в бане голову — будет волос на голове мягким.

С юго-западной стороны шел вертолет на Улангай. Михаил Гаврилович посматривал на плывущую «стрекозу», махал приветливо рукой.

— Эй, мать! Из омской стороны, с юга вертолет... Тут и гадать не нужно: Андрей Шаманов с Таней летят!..

Не пошел Михаил Гаврилович встречать Андрея и Таню на улангаевский аэродром. Поопасался он немного: ведь Таня в первую очередь спросит о том, где ее сыновья. А что ответит старик? Лучше уж подождать, когда к нему домой придет Андрей Шаманов, и ему-то все можно будет сказать, как есть оно на деле. А чего говорить? Ведь Михаил Гаврилович сам ничего толком не знает. Увела Югана своих молодых вождей куда-то на праздник Чагил. Вот уже прошло много дней — нет их. Все ли благополучно там с Юганой и ребятами?

5

В стороне от Улангая, где Вас-Юган делает коленообразный поворот, вдруг раздались выстрелы.

Старик Чарымов бросил пазить сосновый столб, которому предстояло встать у сеней для державы заплота конюшни, с силой вонзил острый пазник в податливое дерево, а потом направился в избу.

Достал Михаил Гаврилович с полки свой древний бинокль, времен первой войны с германцем. И торопливо направился он огородной тропой в сторону берега. Когда дед Чарымов вышел на береговой взгорок, приложил к глазам бинокль, начал рассматривать дальний берег поворота реки.

Потрепанный кожаный чехол от бинокля висел на узком ремне через шею. На старике длиннополая косоворотка из белого льняного полотна-самотканки перехвачена расписной опояской, похожей на радугу; шаровары тонкого коричневого брезента заправлены в болотные сапоги с отвернутыми голенищами. Да еще на поясе у деда Чарымова висит в берестяных ножнах промысловый нож, который стал носить совсем недавно, после того как обнаглевший медведь пригнал к самому дому лошадь да еще рычал и огрызался.

Заметил дед Чарымов в бинокль, как выплыли четыре быстроходные лодки-дюральки. Рассмеялся старик. И сказал он сам себе:

— Вот тебе и сюрприз! Бери теперь, Танюша Волнорезова табакерку, нюхай табак и чихай до слез. Ведь там, на лодке, девица красная, как у Стеньки Разина княжна. Неужто они ее утопят по приказу матери? — рассуждал

шутливо старик. И вдруг снова прогремели залп за залпом. — Вот тебе, мать, пироги с начинкой!.. Откуда у них объявились карабины кавалерийские?

Михаил Гаврилович еще раз внимательно посмотрел в бинокль и точно определил, что палят братья Волнорезовы из самых настоящих боевых карабинов боевыми патронами.

— Де-душ-ка-а! — крикнула Таня Волнорезова. — Что случилось? О господи, что там за стрельба, как на войне?..

За Таней следом прибежал Андрей Шаманов, поспешно выхватил из рук Михаила Гавриловича бинокль, острым взглядом окинул всю плывущую лодочную эскадру и рассмотрел внимательно весь экипаж. «Вон оно что, наши воинственные ушкуйники возвращаются домой». А потом Андрей отдал бинокль старику Чарымову, сел на землю и, откинувшись на спину, разбросил руки наотмашь, смотрел в небо и загадочно улыбался.

— Андрей, что с тобой? Что ты там увидел?

— Все, Танюша, в жизни идет по своему кругу... Ребята возвращаются с Чагила. Положено по древнему обычаю салютовать добрым духам поющими стрелами. Ребята решили вместо стрел кидать в небо винтовочные пули.

— Дай, дедушка, свою подзорную трубу.

— На, мать. Посмотри на своих летящих орлов, — сказал Михаил Гаврилович, а сам косил взглядом на Андрея, как бы спрашивал у того, мол, что теперь нам делать?

— Они там ве-зу-ут де-ву-ушку-у... — растягивая слова, как бы заикаясь, говорила Таня, а сама не отрывала глаз от бинокля. — Дедушка, кто и откуда там с ними в лодке?.. Чья это может быть девчонка?

Старик Чарымов коротко рассказал Тане о том, как Югана с разнаряженными парнями отправилась на Чагил и что еще собиралась она присмотреть невест, переженить ребят...

— Боже мой, бо-же мо-ой! — восклицала Таня, схватившись за голову. — Югана совсем выжила из ума! На такое решиться... Искалечить жизнь мальчишкам. О, горе мне с этой Юганой! Отняла она у меня полжизни...

— Брось, Таня, реветь и разрывать свою душу на куски, а заодно и нашу. Ничего страшного не случилось. Возвращаются ребята с праздника. Ну а если и везут девуш-

ку, так что из этого. Ведь все равно через год или два они тебе сразу не одну, а четырех невест приведут. Что ты скажешь им тогда? Запретишь жениться, что ли? — пытался убедить, как-то успокоить Таню Андрей Шаманов. Он сидел на земле и, сказав это, нахмурился, достал из кармана кисет, набил трубку табаком, закурил.

— Да я тогда же всех этих четырех невест моментально, что котят, поутоплю в реке, — сердито ответила Таня. И снова, подняв бинокль к глазам, начала смотреть вдаль, на плывущих в лодках сыновей.

— Под суд отдадут тебя, Таня, за утопление четырех снох, — ответил шутливо Андрей Шаманов и подсказал: — Посмотри получше, может быть, там столетняя старуха, подруга Юганы, едет к нам в гости, а ты крик подняла на всю таежную губернию.

— Андрю-шша, — дрожащим от волнения голосом сказала Таня, — какая тебе там старуха, подруга Юганы... Девчонка молоденькая, она же ведь в головном уборе обвенчанной невесты, и платье на ней алое, послесвадебное. Да и стоит она в носу лодки, рядом с Орланом...

— Быть, значит, свадебному пиру в Улангае, — спокойно сказал Андрей, и посмотрел он на деда Чарымова просяще, мол, скажи что-нибудь подбадривающее, утешительное.

— Чо переживать теперечка, раз уж было дело... — тихо сказал Михаил Гаврилович и подмигнул Андрею, как бы говоря, что после драки бесполезно махать кулаками.

— Я вам, черти, покажу!

Откинув от глаз бинокль, Таня сердито посмотрела на Андрея и тут же, не вытерпев, села на землю, обхватила голову руками, навернулись у нее на глазах слезы, расплакалась навзрыд.

— Ну брось ты, мать, прежде времени помирать... Потерпи немножко. Вон они уже близехонько — все разъяснится... — успокаивал Таню Михаил Гаврилович, а сам, взяв у нее бинокль, начал рассматривать уже видимые и без бинокля подплывающие лодки... — Ой, зря ты, мама Таня, шум подняла! Да ведь это же и не девчонка, а княжна, настоящая царевна! Ох и красивая она из себя, ну и посчастливило кому-то из ребят. Неужели она невеста Орлана?

— А чья же больше? — ответила сквозь слезы Таня и, достав из кармана вязаной кофты платок, отерла с

глаз слезы, со щек и, поднявшись на ноги, попросила: — Дай, дедушка, еще разок подзорную трубу.

— На, мать! Посмотри на сынков — живы, здоровы, и не к чему тут убиваться, переживать. Да и грех ведь такую девочку в чужих руках оставлять. Правильно сделал Орлан, что привез ее с собой домой. Нынче разных нефтеразведчиков да вербованных охламонов навалом бродит по деревням. Всех девок порастащили, а эта просто как-то чудом уцелела.

— Тебе, дедушка, хорошо все это говорить... Будь бы они тебе родными, не такое запел, — ответила Таня, не опуская бинокля от глаз. — Нет, ей-богу, как только причалятся, так сразу же, с лодки, и утоплю эту невесту, как блудливую кошку... Ишь, стоит знай себе, обняла Орлана, что петлю на шею накинула. Да ведь она еще и улыбается во весь рот. Ох же и наглая! — ругалась Таня, но в душе она старалась убедить себя, что все это сон, не может быть никаких невест, жен — обман слуха и зрения все это.

— Михаил Гаврилович, неси веревки и багры... — сказал Андрей Шаманов и подмигнул старику.

— Это еще к чему такая канитель? — как бы удивился старик Чарымов.

— Ну а как же, чем вытаскивать будем мы с тобой утопленницу... — Сказав это, Андрей Шаманов подошел к Тане, пояснил: — Югана ничего плохого никогда для ребят не сделает. Понимаешь ты это?

— Андрюша, — сказал ласково дед Чарымов, — поди, у нашей Танюши рука не поднимется на убийство невесты... Не пойду я за веревками и баграми.

— Невеста — красавица, парень — орел! Так что, Танюша, прошу тебя, как только причалятся наши ушкуйники, крики и стоны не поднимать и не устраивать нервотрепную карусель себе и ребятам с Юганой. А потом, надо сказать тебе, на Югану не греши. Говори ей и богам таежным великое спасибо за то, что она была рядом с тобой более шестнадцати лет и воспитала таких богатырей. Что бы ты без нее делала? Ну?..

— Попытаюсь как-то сдержать себя, — согласилась Таня, и, отдав деду Чарымову бинокль, она попросила: — Ты, Андрюша, будь со мной рядом, а то я чувствую, что вот-вот в обморок упаду.

А лодки уже приближались к берегу. И вдруг как по команде были застопорены двигатели на всех четырех су-

деньшках, лодки сцепились борт к борту. И все, кто был там, поднялись на ноги и запели.

— Что это они придумали? — удивилась Таня и растерянно посмотрела в глаза Андрею.

— Это, Танюша, гимн вождей племени Кедра, — пояснил Андрей Шаманов.

— Я сроду не слышала такого... — ничего еще не понимая, сказала Таня.

— Правильно, его никто и не должен слышать в обыденной обстановке, но случается, что он по приказу вождя может исполняться перед битвой или при каких-то других трудных обстоятельствах. Ребята у нас не глупые утята. Они отлично понимают, что ты сейчас можешь устроить им трамтарарам. Вот, возможно, Югана, а может быть, сам Орлан приказал исполнить гимн, — пояснил Андрей Шаманов, а сам не спускал глаз с Орлана и его невесты.

— В этом гимне нет слов, — взяв за руку Андрея, сказала Таня.

— Э-э, у-у, а-а, у-а... — это был протяжный юный голос Даши, и летел он, тревожный и задушевный, по берегам, стелился по воде, как звон натянутой струны, как всхлип тетивы воинского лука. В этом юном женском голосе слышались слезы и тоска по ушедшим молодым соплеменникам на тропу войны.

— Цок-у-а, цок-цок, урла-а, кур-лы-ы... — а это были голоса четырех юношей, которые рисовали в воображении слушателей цокот оленьих копыт, крики вспугнутых орлов и вещих воронов, которые, поднявшись в высоту неба, парили там, ожидая жертвенного мяса, которое будет принесено им после страшной, кровавой битвы с недружелюбным племенем кочевников.

— А-а, лю-лю, ай-ай... — звучал чуть надтреснутый, но еще бодрый, сильный голос пожилой женщины. Югана своим голосом старой матери оплакивала, убаюкивала осиротевших маленьких детей, и в ее голосе чувствовался вместе со скорбью призыв, чтоб маленькие дети быстрее подрастали и, возмужав, вышли на тропу войны, взяв оружие отцов и дедов в свои молодые, крепкие руки.

Таня ощутила в этих голосах, что неслись с лодок, наступающую юность, которая молит и просит только об одном: дать волю, свободу тому, кто приходит на смену старому поколению.

Андрей Шаманов держал в руке потухшую трубку, смотрел на Таню.

— Послушай, Андрей... Они что там, с ума посходили... Ну разве можно нормальным человеческим голосом передать все, что рождается в душе, что навевает этот гимн кочевого племени... Понимаешь, такое ощущение, что это голос самих урманов: я слышу язык древних духов-богов, которые где-то рядом с нами опустились с неба, вышли из тайги и там, у лодок, подпевают им.

— Да, Танюша, это голос юности... — взволнованно сказал Андрей Шаманов.

— Я не вынесу, у меня надорвется сердце... Андрей, крикни им — пусть прекратят все это! — попросила Таня, но самой хотелось слушать и слушать голоса поющих сыновей.

— Сейчас, Таня, все кончится...

Как шум волны, как наплыв ветра ударил всеобщий всплеск голосов, и почудилось Тане, что где-то рядом рассыпалась льдистая глыба звенящим хрусталем. Все стихло. Кедровый лес шумел настороженно.

— Красиво сыграли гимн вождей! — задумчиво проговорил дед Чарымов и посмотрел на Таню: — А как понимать это словами?

— Концовка гимна означает: воины племени Кедра вернулись с победой, но везут они в речных долбленках тела погибших сородичей, и где-то по тайной тропе возвращаются на верховых оленях девушки, принимавшие участие в битве... — пояснил Андрей Шаманов.

— О господи, но зачем же они так душу надрывали себе и мне?.. — сказала Таня и направилась к береговому песчаному мысочку встречать сыновей.

Глава двадцать вторая

1

Иткар Князев выжидательно уставился на Югану.

— Понимаешь, Югана, мне необходимо найти святилище кволи-газаров. Оно, я считаю, хранит след к большой нефти. Укажи тропу.

— Хо, Иткар, Югана должна молчать. Святилище кволи-газаров — тайное место. Но слушай хорошо: берегла Югана тропу не для себя...

— Понимаю.

— Берегла Югана завещание вождей кволи-газаров. Хотела Югана, чтоб у племени Кедра было много людей, были богатые урманы и многорыбные реки и озера. И хотела Югана, чтоб у молодого вождя Орлана была своя нефть...

Иткар Князев приехал в Улангай вчера вечером. Расспрашивал он Югану, где же это загадочное святилище кволи-газаров? Старая эвенкийка отмалчивалась. И только сейчас, когда Иткар собрался возвращаться в Кайтес, Югана вдруг заговорила.

— Земля юганская имеет сердце, — торжественно произнесла эвенкийка. — Приложит Югана ухо к земле, и слышно: стучит. Там, в нижнем мире, кровь земли. Ей поклонялись кволи-газары.

Югана вытащила из кармана костяную дощечку величиной с ладошку.

— Тамговое письмо! — удивленно сказал Иткар.

— Так, письмо,. — кивнула Югана. — Писано очень давно. Тогда по земле ходили мамонты.

— А кто прочитает эти древние руны?

— Пусть Иткар передаст эту кость старому ханту Тунгиру.

Югана дала понять, что у нее был договор с Тунгиром.

2

Около старой промысловой избушки горел костер. Андрей Шаманов сидел на обрубке бревна. Они с Юганой закончили обедать, и теперь эвенкийка мыла в речной воде чашки и котел.

— Шаман не обижается на Югану, что молодой вождь Орлан женился? — спросила она.

Андрей подкинул в огонь поленья.

— У Орлана своя голова на плечах...

— Земных троп у человека шибко много, и все они запутаны. Тропа одного человека пересекается с тропой другого. Югана думала: по какой тропе идти Орлану искать девушку в жены? Югана жертву давала Солнцу, просила мудрую и красивую невесту. Солнце указало на Дашу.

— Даша чудесная девочка, наша, таежного корня.

Югана подошла и села рядом с Андреем.

— Кого Шаман видит в небе? — спросила она. Это означало: о чем думает Андрей, где сейчас его мысли?

— Югана, — ответил Андрей, — последнее время у меня какое-то плохое предчувствие.

— Зачем вождь племени думает о плохом? Шаман маленько болел, теперь это прошло. Надо подумать о большой жизни!

— Югана, на этом листке мое завещание. Возьми его на всякий случай.

Эвенкийка прочитала завещание и прикурила трубку от обугленного прутика.

— Вождь племени Кедра менять свое завещание не будет?

— Нет, Югана. Там все сказано.

— Хорошо, — согласилась эвенкийка. — Югана сделает все, как просит бумажка.

Путь Иткара лежал на Кипрюшку, самую отдаленную пасеку кайтесовской общины. Ехал он по летней тропе, с огибом вокруг большого сухого болота. Спешить ему было некуда.

Настроение приподнятое, плохие, тоскливые думы остались позади. Крик кедровок, посвист бурундуков, безоблачное небо.

Конь под Иткаром вдруг напружился, как перед обрывом. В стороне послышался хруст. Иткар всмотрелся: к болоту подходила медведица с двумя медвежатами.

Иткар вскинул ружье, грянули два выстрела, один за другим. Пули откусили вершинную ветвь пихты. Гулко прокатилось эхо выстрелов. Жеребец легко набрал рысь и пошел легко и мягко по мшистой земле. Иткар опустил поводья — дал коню волю. Кипрей стоял в рост человека.

Вот и пасека на Кипрюшке: старинный дом из кедровых бревен, добротный омшаник. Иткара встретили две лайки. Виляя хвостами, они приветствовали гостя. Иткар спешился.

— Иткарушка, рад тебя видеть! — встретил его седобородый старик пасечник.

Выпили по чарке медовухи, закусили карасевой икрой. Иткар завел разговор о самородной нефти.

— Иткарушка, это длинная песня. Дед мой был из старинного сибирского рода. Значился он сподвижником

Ермака, Матьяш Угренин. От Матьяша и пошел наш род.

— Святослав Кузьмич, легенду о самородной нефти можно считать достоверной?

— Где-то в Тобольске должны быть документы. Мой дед в начале века давал заявку на разведку нефти в Западной Сибири. Я точно знаю: горный департамент установил для Тобольской губернии подесятинную плату за разведку на нефть. В 1911 году промышленное товарищество «Пономаренко и К°» получило в Тобольске «Дозволительное свидетельство» на разведку нефти в низовьях реки Конды.

— Да́-а, фактов о перспективности Западной Сибири накоплено уже достаточно. Но меня интересует Нюрольская впадина. Может быть, приходилось что-то слышать о западном водоразделе Вас-Югана?

— Нет, Иткар, о тех краях ничего не могу сказать. Тут Тунгир знает.

3

Две палатки стояли у берега Ай-Кары. На сучке развесистого кедра висели два ружья, патронташи и промысловые ножи в ножнах. В стороне горел костер. На раскладном столике лежала карта и цветные карандаши.

Иткар, вытянув ноги, оперся локтем на рюкзак и тихо насвистывал. В походном котелке варилась уха из озерных окуней. Петр Катыльгин изучал карту. В пальцах у него зажата потухшая сигарета.

— Южная охранная зона Юганского заповедника, — говорил он, — должна включить весь бывший Вас-Юганский район. Возможно, в этой точке, где мы сейчас с тобой, залегает великий котел палеозойской нефти. Если бы на этом месте заложить скважину, она дала бы ответы на многие вопросы.

— Остается пустяк, — рассмеявшись, сказал Иткар, — пробурить поисковую скважину и сообщить об уникальном нефтяном месторождении. Но если без шуток, то круг поисков сузился.

— Давай вспомним знаменитый Мангышлак. Там двадцать лет велись безуспешные поиски. А ведь в тех краях местность намного благоприятнее, чем в наших болотах. А взять Камчатку. Тридцать лет велись поиски, и только совсем недавно получили первый промышленный газ.

— Иткар, ты говорил что-то про опорную скважину?

— Опорная скважина — это что-то вроде похожее на зеркало, в котором отражается картина залегания пластов, горизонтов, — пояснил Иткар и, достав трубку, неторопливо набил табаком, закурил.

— Ладно, Иткар, коль такое дело, то расскажи мне: зачем тебе во что бы то ни стало хочется найти этот мифический вулкан? — спросил Петр Катыльгин и, поднявшись, подошел к костру, снял котелок с тагана, поставил его на землю близ огня.

— Дело в том, Петр, что геолог-нефтяник, кроме разной необходимой документации, книг, карт разнообразных, рукописных материалов, должен еще так же собрать, изучить о данной местности рассказы аборигенов — что и где они наблюдали в этих местах, на озерах, реках; а возможно, кому-то удавалось где-то ощущать запах керосина, нефти от земли в каком-то обрыве у реки; вытекание или просачивание какой-то маслянистой жидкости. И когда поднакопится достаточно материала, вот тогда только придется уже кому-то брать на себя ответственность в том, что нужно, необходимо бурить скважину именно в этом месте, в этой точке.

Я считаю, что на этом месте, где мы сейчас с тобой, будет заложена поисковая скважина в нефтяной закром Нюрольской впадины. Спору нет — могу я ошибиться. Но а что касается, Петр, грязевых вулканов, то самые большие находятся в Азербайджане. Я уже как-то рассказывал тебе об этом. По нефтегрязевым вулканам можно судить, как по указателю, о существовании нефтяного месторождения. Но и бывает, что нефтегрязевой вулкан сидит прямо на нефтяном месторождении, как чирей. Так что если мы с тобой найдем здесь, на Ай-Каре, след нефтегрязевого вулкана, о котором говорят легенды югов, а также предания русских перунцев Кайтеса, то, возможно, это тот самый чирей, который прорвало совсем недавно, во время небольшого землетрясения, которое было в верховьях Нюрольки, в районе Чагвы и Ай-Кары, — пояснил Иткар и, посмотрев на котелок с варевом, сказал: — Рыбу выложи на берестинку, а то разопреет. Остынут окуни немного — с горчицей их благословим, щербой запивать будем.

— Ты еще, Иткар, не рассказал мне легенду про Ай-Кару, Черную Стрелу. Что ж это за райская река? — поинтересовался Петр после того, как выложил окуней на

берестяной лист, а котелок с ухой поставил на угли прогоревшего костра. Еще вчера, когда Петр с Иткаром шли по берегу реки Ай-Кары в сторону небольшого холма, то услышал Петр, как Иткар пел песню на языке югов, словно молитву. И попросил он тогда пояснить, о чем рассказывается в предании югов. Иткар неохотно ответил, что это песня-легенда про Ай-Кару — Черную Стрелу.

— ...Очень давно это было. Если судить по могильным холмам и находкам бронзовых изделий, то поболее трех тысячелетий. Тогда все верховье Вас-Югана принадлежало могучему племени югов, во главе которого стояла царевна Айсарана — Золотая Луна. И вот вспыхнула война. Иртышские племена потеснили югов с богатых земель, лежащих в окрестностях реки Тара. Юги отошли в самое верховье реки Ича, притока Тары...

— Слушай, Иткар, ведь из племени югов уже никого не осталось... Нет, вру, остался единственный человек, который знает письмена югов, знает их древний язык, — это наша Югана. Мужчины племени Кедра, принадлежащие к эвенкийскому роду, были с югами в брачном «кольце».

— Нет, не только Югана. Знает еще хорошо язык югов Андрей Шаманов. Да и я разбираюсь во всем этом...

— Мне как-то попала на глаза тетрадь у тебя дома, Иткар, это твой словарь?..

— А-а, вон ты про что... Нет, Петр, не словарь это. Выписал я названия рек и дал кое-какие пояснения. Понимаешь, есть река Васть-Юган, она впадает в Обскую губу. И дальше: с незапамятных времен аборигены, населявшие те места, использовали нефтяной мазут, вытекающий из берегов, для целебных целей и применяли его от нужды вместо жира в коптилках для освещения жилья. Об этом писали в газетах еще в тридцать седьмом году. Ну а теперь несколько слов о загадочных «юганах»: на Большом Югане также с незапамятных времен происходило самовытекание нефти из береговых обнажений. Нефть выплескивалась на дневную поверхность как в далекой древности, так и в наши дни. И вот он наш с тобой, Вас-Юган, тут то же самое; нефть выплескивалась из глубин на болота, текла она по воде рек таежных, сочилась из берегов загустевшим мазутом. Случайно ли все эти реки, также ряд других названы Юганами? Послушай: Васть-Юган, Вас-Юган, Вась-Юган, Вэс-Юган, Юган и Юга-Юган.

— Понятно, Иткар: получается Би-югор-му. «Би» —

огонь, «ур» — белка, «му» — земля. По-русски это можно понимать — Земля Огненной Белки, или Земля Огненных Лучей.

— Вот-вот, — рассмеявшись, сказал Иткар, — ты сделал правильный перевод и пояснение. Васть-Юган — Река Огненной Белки; Юган — Горящая Вода; Вас-Юган — Огонь Коричневой Реки, или Дух Подземного Огня. Вот теперь и получается...

— Получается, — перебив Иткара, начал говорить Петр, — что самовыброс нефти дал название всем этим рекам Юганам. Ну ладно, все это мне теперь понятно. Я перебил тебя. Рассказывай про царевну Айсарану, — попросил Петр и, посмотрев на котелок с ухой и рыбу, выложенную на берестяной лист, покачал головой. — Костер прогорел, уха остыла, и окуни пожухли. А-а, разогреем... Спешить нам сегодня некуда. Рассказывай.

— Айсарана согласно преданию югов приняла мудрое решение: объединить все разрозненные племена кволигазаров в одно большое племя. Было выбрано место под столицу на берегу Тух-Эмтора — Священного Озера.

— Иткар, Тух-Эмтор находится от нас с тобой севернее километров на шестьдесят, — сказал Петр и ткнул острием карандаша на озеро, поименованное на карте Тух-Эмтор.

— Правильно. Теперь слушай: почему Айсарана выбрала именно это место для нового столичного стойбища? Оказывается, жрецы племени югов считали своим главным духом-божеством бога Черной Стрелы.

— Но почему именно Черной Стрелы? А не какого-то духа-божества небесного происхождения, как, например, Солнце, Луна, Полярная Звезда.

— В этом-то, Петр, и вся соль: алтайцы, шорцы, в том числе и наши с тобой предки юги и югры, поклонялись горам, их белым вершинам, на которых, как считали они, жили горные духи-боги, яснее будет сказать: земные боги. Гор нет на нашей юганской земле — болотная низменность. Но поклонение горам заключает в себе довольно любопытную предысторию. С далеких времен, первобытных еще, человек наблюдал могучую, необузданную силу извержения вулканов. Вот поэтому наши предки и считали, что огненные боги земли воюют, враждуют с богами неба. Сам посуди: до небесных богов очень далеко, высоко, а земные, вот они — рядом, где-то под ногами живут. Так кому же было важнее отдавать молитвы и по-

клоны, кому приносили жертву в первую очередь наши предки — небу или земле?

— Ну конечно, земным богам, необходимо было им молиться в первую очередь, а небесным — от нечего делать, на всякий случай, — ответил Петр, а сам подумал о том, что Иткар хотя и многоопытный геолог, но поиск нефти он ведет скорее всего как охотник-промысловик — идет на поиск нефти он всегда так же, как юг или хант по следу загадочного зверя.

— Правильно! — сказал Иткар. — Большей любовью пользовались у наших предков земные боги. А потом жрецы югов знали место, из которого подземный бог Черной Стрелы выходил на войну с богами неба. И приходили люди племени югов на это место, чтоб выразить свою признательность подземным богам — помолиться да заодно попросить, чтоб бог Черной Стрелы дал силу и могущество югам, а также избавил людей от разных болезней. Ну вот, добрались мы с тобой, Петр, до главного — легенды не обманывают, — где-то в этом районе действовал нефтяной вулкан, пробуждался он время от времени. Не дремлет он и сейчас.

— А как тогда понимать само название реки Ай-Кара — Черная Стрела? — спросил Петр, хотя уже ему было почти ясно, на что навело Иткара одно из преданий людей племени югов.

— Стрела у всех древних народов была обожествлена, одухотворена. С досельных времен также применял человек в войне огненные стрелы, зажигательные. Делалось это просто: наконечник стрелы обмакивался в жидкую смесь нефти и серы. Так вот, само название Ай-Кара значит еще — Подземная Огненная Стрела. По поверью, даже не для зажигания, а просто слегка помазанная нефтью стрела приобретала силу, поддержку богов, и считалось, что она не только поразит любого противника насмерть, но и уничтожит душу воина недружелюбного племени.

Иткар подошел к угасающему костру, сгреб тлеющие угли в кучу и положил на них несколько сухих поленьев.

Вдали послышался выстрел. Иткар с Петром переглянулись.

— Тунгир? Кажется, это его берданка чихнула.

Помолчав, Иткар сказал:

— Вот с помощью Тунгира мы и будем искать. Тунгир очень хорошо знает местность в районе Ай-Кары.

4

Старый Тунгир выдернул на берег облас за носовую петлю. Над водой тянуло слабый дымок от костра.

— Рыбачил Иткар, однако, — сам себе сказал Тунгир.

Он увидел две палатки, развешанные сапоги, плащи, штормовки. «Люди дома, спят. Утром хорошо дружит с человеком Птица Сна», — подумал Тунгир.

— Паче рума! Пошто большой Иткар смотрит красивый сон шибко долго? Хо, паче рума! — крикнул Тунгир и, сев у костра, начал собирать в кучу потухшие головешки.

— Дедушка, здравствуй! — Петр Катыльгин высунул взлохмаченную голову из лаза палатки.

— Доброе утро, бояр Тунгир! — ответил из палатки Иткар.

Разгорался утренний костер, начинал запевать веселую песню прокопченный медный чайник.

Старик Тунгир докурил трубку и сказал:

— Человек Пяткоступ украл муку и сушеное мясо из лабаза. Унес весь порох и дробь. Чем теперь осенью буду промышлять соболя и белку?

— Как это украл? — удивленно спросил Иткар. — Ведь он давно уже куда-то исчез.

— След его ног остался на берегу.

— Выходит, он появляется на своем промысле ближе к осени, — вслух подумал Иткар.

Старый хант кивнул:

— Так, шарится. Копает маленько могилы. Наверно, много уже насобирал золота и серебра. Вот только за хлебом и за дробью с порохом не ходит сам в деревню, начал воровать.

— Может, заболел? Или страшится выходить за продуктами в населенные пункты? — начал рассуждать Петр Катыльгин.

— Пяткоступ решил уходить, бежать из урмана совсем. Пяткоступ раньше не воровал там, где жил и промышлял. Пяткоступ хорошо знает, что даже зверь не промышляет себе еду там, где его логово.

— Так, дедушка Тунгир. Получается, Пяткоступ смазывает пятки? А как ты думаешь, много у него золотых вещей? — спросил Иткар.

— Ушел Пяткоступ на своей моторке. Шибко сильный и быстрый мотор у него на лодке. Теперь он уже далеко.

А золота мало-мало есть у него. Сам видел. Когда ты, Иткар, от меня весной сплыл, то через два дня пришел Пяткоступ. Шибко он больной был. Просил: «Дедушка, лечи меня». Я его лечил.

— А золото видел? — спросил Петр Катыльгин.

— Мешок у него кожаный был. В нем лежало много разных посудин. Все было золотое и серебряное.

— Выходит, он не боялся тебя, Тунгир? Доверял? — спросил Петр.

— Зачем ему бояться меня? Тунгиру золота и серебра не надо. Пяткоступ это знал.

— Ну ладно, Пяткоступом и его золотом будет заниматься следователь Григорий Тарханов. А нам предстоят дела поважнее. Пока стоит погода, надо пройтись по гриве. Будем продолжать поиск. Может быть, наткнемся на след нефтяного вулкана.

— Хо, священный источник огненной воды надо искать там.

Тунгир махнул рукой на полуденную сторону.

— Там? — удивленно спросил Иткар. — Но там непролазное болото!

— Иткар хорошо знает урманы. Там, на болоте, есть высокий островок.

Старик пошарил в кармане куртки и достал черноватый кусок величиной со спичечный коробок.

— Ходил я остров. Лося раненого следил.

— Ура! — воскликнул Иткар, понюхав кусочек отвердевшей нефти. — Вот это находка! Сокровище!

— Наши люди варили такую землю, лекарство делали.

Налив в консервную банку кипятку, Иткар отколол ножом кусочек отвердевшей нефти. Поверхность горячей воды быстро покрылась радужной пленкой. Нефть!

— Вот она, Иткар, твоя Огненная Черная Стрела! Легенда говорила правду! — громко и торжественно произнес Петр Катыльгин.

Тунгир курил трубку и посматривал на Иткара со счастливой улыбкой. Солнце уходило на закат, наступала ночь.

5

На квартире Григория Тарханова в полночь тревожно зазвонил телефон.

— Говорит дежурный!

— Слушаю, — ответил Григорий хрипловатым голосом спросонья.

Ему сообщили, что вчера поздно вечером вертолет лесоохраны был вынужден сделать посадку в районе Ай-Кары. Человек по имени Иткар просил дать радиограмму на имя Тарханова. Мужчина с известными приметами на скоростной лодке с мощным мотором уходит по реке Чижапка. Возможно, в сторону Вас-Югана. Есть предположение, что это Пяткоступ — он везет с собой золотые вещи, добытые в древних захоронениях и культовых местах.

Положив телефонную трубку, Григорий посмотрел на часы. До рассвета оставалось около двух часов.

Утром он сидел в диспетчерской аэропорта. Дежурный грустно покачивал головой.

— Матушка-осень, время слякоти. Такое «молоко» может продержаться не одни сутки.

Телефонограммой Григорий Тарханов передал во все поселки на среднем течении Вас-Югана: участковым вместе с добровольцами-охотниками выйти на задержание Пяткоступа.

Глава двадцать третья

1

С раннего утра обложило туманной изморосью пустующий поселок Улангай. На изгородях и на тесовых крышах лежало серебро инея. С юга плыл теплый ветерок, гнал пух облаков.

Прощалась юганская земля с солнечными днями бабьего лета. После первого заморозка начал подсекаться лист на осинах и березах.

В первой половине дня заплакали тесовые крыши домов, и сдул с них южный ветер влажный налет инея. Слышится перезвяк ведер, пахнет дымом, отдающим едкой прелью, — старики Чарымовы копают в огороде картошку, жгут на грядках пожухлую осеннюю мякину.

Прощай, лето! Не можешь ты заневеститься на юганской земле подольше. Прощайте, птицы перелетные, пришло и вам время табуниться.

Грустно было Югане и Андрею Шаманову после проводов Тани с сыновьями в Кайтес. Но что делать? Югане нельзя нынче ехать в Кайтес; нельзя ей смотреть открыто в глаза старому русскому вождю Перуну Владимировичу.

Вождь племени Кедра нарушил клятву — отказался взять в жены Богдану. Никогда за всю историю племени Кедра вожди не нарушали своего клятвенного слова. Как и чем может искупить свою вину Андрей Шаманов перед русской красавицей — княжной Богданой и ее древним родом? Ничем. Но мудрое время излечивает раны сердечные. Возможно, пройдет какой-то отрезок времени и восстановятся добрые отношения между Юганой и Перуном Владимировичем, между Андреем и Богданой. Но трудно заглядывать в будущее и предсказывать судьбу человека.

— Кочевая тропа всегда гонит плохие мысли далеко — хоронит на старых следах, — сказала Югана, когда они с Андреем сели в лодку.

— Да, Югана, права ты. Поедем хотя бы в малое кочевье, — согласился Андрей и, сняв с подвесного мотора брезентовый чехол, оттолкнулся от берега шестом.

Андрей Шаманов второй уже год работал над серией полотен, которая именовалась у него «В глубь земли». Еще прошлым днем он с Юганой приехал на мотолодке к небольшой заброшенной деревушке, раскинувшейся у берега Чижапки. Тихо плескались речные волны. Уныло молчало давно заброшенное людское гнездо — Юрт Вольджа. Пустующие огороды позаросли мелким березняком, осинником.

— Югана, — сказал Андрей, когда они вечером сидели на берегу у костра, — у меня не получается на картине постановка ноги буровика. Мне нужно передать большое нервное напряжение человека. Произошла авария: прихват инструмента на большой глубине. Буровой мастер сам встает за рычаги лебедки...

— Хо, Югана хорошо знает в лицо картину Шамана — зачем много говорить? Там у Шамана, на картине, стоит за умными «руками» машины-лебедки сам Иткар Князев. Сильный мороз. Морозная кухта облепила стальные трубы буровой вышки. Люди стоят, дышат — из рта у каждого идет пенистый туман — шибко морозно! Но Иткару Князеву жарко. Он стоит без телогрейки, шапка у него на голове с поднятыми ушами. Волосы висят сосульками на лбу. Все буровики стоят поодаль, за спиной Иткара. Скоро может лопнуть трос, и большой геолог Иткар погибнет...

— Правильно, Югана, Иткар опасается, что трос лебедки от перегрузки может лопнуть. Все это напряжение вроде мне удалось выписать на лицах буровиков, в их

движениях, позах. Но главная фигура — Иткар Князев. Стоит он у меня не так, как надо бы...

— У вождя Шамана глаз орла! У Шамана все люди на картине живые. Югана их всех знает — они жили в Улангае. Люди на картине не говорят, но на них можно долго смотреть и услышать, о чем они думают...

— А вот с ногой у меня, Югана, ничего не получается... — сказал задумчиво Андрей, когда набил трубку табаком и прикурил от уголька, взятого согнутым прутом-зажимом.

— Верно, Югана помнит, нога на картине у Иткара Князева плохая, — согласилась эвенкийка. — Вместо ноги дал Шаман Иткару бревешко в меховом сапоге.

— Что делать? Сюда я приехал вот зачем: тогда буровая стояла точно в таком же месте, на берегу реки Хатчима, в верховьях Нюрольки. Меня все подмывает рядом с буровой поставить вот такой же могучий кедр, что возвышается у нас за спиной.

— Хо, это хорошо! Вышка буровая шибко высокая. И кедр должен быть чумкасом — мерой для глаза человека, который будет смотреть картину Шамана. Люди и буровая вышка кажутся сильными, но за спиной у них великий кедр со всей тайгой еще красивее и сильнее... Зима лежит на юганской земле, шибко страшный стоит мороз. Но людям-буровикам жарко, на картине они пришли заключить мир с великим подземным духом, Духом Огня. Человек, который будет смотреть картину Шамана, никогда не узнает, какую жертву попросит у людей подземный Дух Огня.

Сказав это, Югана долго молчала и о чем-то думала. Андрей Шаманов смотрел в сторону заката. Играла на далеком горизонте вечерняя заря, алым поливом глазурила тайгу.

— Хо, смотри теперь, вождь Шаман! Югана теперь не Югана, а мужик. — Эвенкийка встала на ноги, подняла с земли небольшой обломок жерди, которую Андрей принес на дрова, и, держа этот ошкуренный березовый обломок, как пальму, на изготовку, начала пояснять: — Югана теперь буровик, геолог Иткар. Вот он, Иткар, в тайге идет на медведя. Медведь с оскаленными зубами поднялся на дыбы. Иткар идет и держит крепко в руке пальму — скоро будет борьба и кровь...

Андрей понял, на что наводила его Югана. Постановка ноги! Упор ноги перед тем, как проткнуть грудь разъ-

яреппого зверя стальным ножом на древке. И вдруг Андрея осенило, что именно в таком плане должна быть постановка ног у Иткара Князева, в прошлом охотника-промысловика. Именно так он должен стоять на пружинистых и крепких ногах за рычагами лебедки в опасную минуту.

— Спасибо, Югана, — поблагодарил Андрей эвенкийку и, достав из походного планшета блокнот, быстро набросал карандашом фигуру Юганы с пальмой на изготовку перед невидимым зверем.

Полночь. Дымит костер сквозь наложенный сырой дерн. Дым стелется по земле, и тянет его воздушным потоком в сторону двух брезентовых палаток. Андрею Шаманову не спится. Все его картины, начатые или только еще задуманные, заботят, беспокоят душу художника, как малые дети. Закрыв глаза, он лежал в спальном мешке и видел отрывок таежной жизни: он, Андрей, шел по свежему следу медведя, который скрадывал лосиху с лосенком, а потом пытался отрезать лосиху от берега, чистого места. Но любой лось, а матка с теленком особенно, понимает, что защищаться от хищного зверя лучше ей на чистом месте берега реки, чем в чащобном мелколесье. Шел тогда Андрей по следу ради любопытства — узнать исход битвы. Было это весной, начинала уже цвести черемуха, и распустился нежный, запашистый березовый перволист. Андрей вышел на песчаную береговую косу. Следы на песке рассказали историю поединка лосихи с медведем... Сел Андрей на ствол осины, подмытой в половодье и поваленной под яр. Он смотрел на противоположный берег, поросший краснопрутником, тальником. И тут заметил девушку-хантыйку лет четырнадцати, которая торопливо разделась и щучкой нырнула в воду — поплыла на другую сторону реки. Река в этом месте была узкая, не более ста шагов, но течение напористо бурлило. Юная незнакомка вышла на берег и удивленно всплеснула руками... Заметил и художник, что у самой воды завяз лосенок в илистом забереге...

Кашлянула в палатке Югана. «И ей тоже не спится», — подумал Андрей. И снова продолжилось видение. На твердом песчаном берегу лежал лосенок, а юная хантыйка обмывала его пучком мягких, волокнистых корней, как мочалкой. «Вот он, закон материнства», — подумал тогда Андрей. Чуть в стороне лежала мертвая лосиха с окровавленной, разорванной шеей. А медведь, видимо,

был смертельно ранен копытом лосихи, он смог подползти к воде и пытался пить, но жизнь его угасала. Водянистая сукровица пропитала песок; застыла пеной у рта. Битвы лосей с медведями наблюдал Андрей за свою жизнь не раз, но никогда он не видел на зверином остывшем побоище такую юную, сказочную девушку, которая спасала лосенка-сосунка. И тогда, на той далекой таежной тропе, у Андрея созрел замысел картины «Закон материнства». Именно девочка с лосенком, считал он, будет «магнитной» точкой картины, а лосиха-матка и медведь на остывшем побоище — символ бессмертного материнского долга перед потомством...

По реке пронесся мягкий, напевный шум подвесного лодочного мотора и повторился этот шум по лесным берегам громким бормотанием.

Югана открыла глаза, прислушалась; потом она откинула дверцу палатки, начала всматриваться в сторону реки, окутанной ночным сумраком. «Пошто человек мимо проехал на быстрой лодке — не заметил наше стойбище? Разве он слепой — на берегу костер горит, люди остановились на ночь. Куда он так шибко торопится?»

Андрей так же откинул дверную полу палатки, посмотрел на реку. И ему показалось, что человек, державший рукоятку подвесного лодочного мотора, ниже склонился, ссутулился и дал полный газ мотору, словно старался поскорее проскочить стоянку незнакомых людей. «Мужик, видать, трусливый. Где-то и когда-то был пуган на таежной земле. Кто бы это мог быть?»

Давно уже за полночь. Что-то случилось, где-то задержалась Птица Сна, и не спешит она незримой, желанной тенью вселиться на ночь в Югану. Думает эвенкийка о Тане и молодых вождях, которые уехали в Кайтес.

2

С окраины кайтесовской Перыни в полдень «запел» призывным гласом троян-колокол, выговаривал он с переливом: двень-нь, ве-е-чь... Кайтесовский троян-колокол звал сельчан на вече.

В Кайтесе исстари повелось устраивать для юношей защиту зрелости, совершеннолетия. Сегодня в просторном помещении клуба состоится такая защита у братьев Волнорезовых. Пришли насельники Кайтеса на свое древ-

нее вече как на великий праздник. В первом ряду расселась молодежь, а за ними уже все деды и бабушки да прабабушки — всех возрастов мужчины и женщины.

На почетном месте, чуть возвышенной сцене клуба, за длинным столом, накрытым скатертью красного бархата, сидел князь Перун Владимирович Заболотников. Вот он встал, осмотрел всех односельчан, пришедших на вече, начал говорить:

— Дорогие мои девушки и юноши, родные мои одноземельцы, — сказав это, Перун Владимирович посмотрел на четырех братьев, которые сидели от него по левую руку, за почетным столом, и продолжал говорить: — Сегодня у нас с вами необычно радостный день. Наше вече совпало с защитой зрелости у молодых вождей племени Кедра. Небывало радостный этот день еще и потому, что за всю историю Кайтеса, а она тысячелетняя, еще не приходилось слушать защиту зрелости сразу от четырех братьев-близнецов. Все мы знаем о том, что Карыш, Ургек, Таян мечтают стать космонавтами, а это уже значит то, что будет еще один небывалый случай в истории космонавтики. В космическое пространство уйдет с земли корабль с экипажем из трех братьев. И великая Русь вновь услышит позывной клич: «Земля! Я — «Кедр»!» Как принято издавна у нас, вспомним благодарным словом предков Орлана, Карыша, Ургека, Таяна.

Перун Владимирович рассказал все подробно о предках Орлана, Карыша, Ургека, Таяна. Не забыл он упомянуть добрым, теплым словом и Югану, мудрую эвенкийку, которая была воспитательницей и наставницей юных вождей племени Кедра. А после него дали слово Орлану.

— ...Дорогие товарищи! Девушки и юноши, женщины и мужчины, с сегодняшнего дня я вступаю в новый мир. Я взрослый человек, я — мужчина! И имею я теперь все права и обязанности наравне со старшими товарищами. — После такого короткого вступления Орлан приступил к изложению своей мечты, цели всей жизни. — Согласно обычаю и закону эвенкийского племени Кедра я был избран вождем. С далеких, древних времен урманы, лежащие в верховьях Вас-Югана, принадлежали людям племени Кедра и югам. И поэтому я считаю эту землю своей, родной! Если мои младшие братья...

У всех присутствующих в зале клуба вырвался невольный и дружный смех. Улыбались Карыш, Ургек, Таян. Дело в том, что каждый житель Кайтеса знает, кто из

братьев кого насколько старше. А время этого старшинства установлено и узаконено со слов Юганы, которая принимала роды у Тани Волнорезовой. Югана рассказывала так: «Первым родился Андрей-Орлан. Второй — Костя-Карыш. На одну трубку он моложе Орлана. Третий был Илья-Ургек. На один чайник он моложе своих братьев. Четвертый — Саша-Таян. Моложе он всех на один чугун с картошкой».

И уже сами братья, когда они учились в первом классе, устанавливали каждый свое старшинство. Засекалось время, которое нужно для того, чтоб выкурить Югане одну трубку; потом определялось, за сколько минут нагреется вода в чайнике до кипения. Ну и наконец, сколько нужно времени для того, чтоб в полуведерном чугуне сварить картошку...

— ...Если мои младшие братья, — продолжал говорить Орлан, когда утих смех в зале, — собираются время от времени покидать пределы земные и уходить в космическое пространство — навещать другие планеты, то я остаюсь полностью земным человеком. Моя мечта — сделать наш юганский край многолюдным и жизнерадостным...

Рядом с Таней по левую руку сидела Даша, жена Орлана, а по правую руку — Саша Гулов. Таня взволнованно, радостно смотрела на своих сыновей, а на глаза невольно навертывались слезы. Но это были слезы счастья материнского, слезы гордости за себя и своих сыновей. Таня не слышала, о чем говорил Орлан, она видела только его лицо, видела, как юный мужчина жестами рук подчеркивал слова. Но вот она немного успокоилась и, поборов волнение, начала вслушиваться.

— ...Сейчас в верховье таежной реки Ай-Кары найдено Иткаром святилище кволи-газаров. Древний грязенефтяной вулкан среди великого болота на Нюрольской впадине ожил — дал выброс нефти!

3

На макушку громадного берегового кедра прилетели глухари. Птицы опасались землиться. Старый самец-глухарь важно клохтал. На земле, в зарослях тальника с порыжелой листвой, затаилась лиса — выжидала добычу.

— Туман жирный лег над рекой, — сказала Югана, разжигая утренний костер.

— Ничего, Югана, спешить нам некуда, — сказал Андрей.

Эвенкийка подвесила на таган чайник.

— У Юганы язык просит мяса со щучьего брюха. Пойдет Югана промышлять маленько.

Она спустилась на песчаный берег. Стояла у воды и посматривала на небольшой осиновый обломок в воде у самого берега. Из-под него, как из засады, уходили щуки в глубь реки на охоту. Эвенкийка высматривала крупную щуку, с мясистым жирным брюшком. Вдруг она торопливо вынула из ножен свой крылатый нож. «Идет большая и жирная щука, — подумала старуха. — Мелкая рыба трусливо бежит, как брызги во все стороны».

Рукоятка крылатого ножа Юганы сделана из витого нароста березы, на запятнике «перо» — пучок волос из конского хвоста, на острие проточена зазубрина.

Большая щука осторожно подошла к засаде и замерла. В этот же миг блеснул крылатый нож, брошенный рукой Юганы. Всплеск, брызги!

Старая эвенкийка спокойно сматывала прожилину, подтягивая щуку, загарпуненную ножом.

В полдень были погружены палатки, уложена посуда. Андрей снял с кормы один подвесной мотор.

— Пойдем, Югана, не спеша, на одном моторе.

Лодка заскользила по воде.

Во второй половине дня туман поредел. Стояла теплая, сыроватая погода. Испарения бескрайних юганских болот стелились по земле тяжелым паром.

— Хо, человек! — сказала Югана и указала на песчаный мысок, где стояла дюралевая лодка. Мужчина, одетый в кожан и летние хантыйские унты, смотрел на подъезжавших.

— Помогайте, добрые люди. Беда у меня — заклинило мотор, — попросил незнакомец.

— Помочь можно, — спокойно ответил Андрей. — У меня два мотора.

— А то возьмите на прицеп. Мне бы только на Вас-Юган выбраться, там у меня родня.

Югана рассматривала незнакомца. «Голова косматая, как у медведя в линьку. Борода огнем подпалена... Почему у него глаза бегают хитрыми пузырями?» Эвенкийка заметила его следы. «Хо, у человека нога ходит по земле глубоко пяткой. Это — Пяткоступ!»

Югана на глаз исследовала груз в лодке Пяткоступа.

«Почему у него лежат турсуки с сушеным мясом, а на них тамга бояра Тунгира? Неужели Пяткоступ и Тунгир друзья?»

— У хозяина лодки с плохим мотором лежит много еды, взятой из промыслового лабаза Тунгира, — сказала Югана Андрею.

— Какой еще, бабушка, Тунгир? — удивленно спросил мужчина. Он не спускал глаз с рук Андрея.

— Турсуки у тебя в лодке с тамгой Тунгира, — спокойно пояснил Шаманов.

— Ах, вон вы про что! Из-за него-то я и запорол мотор. Старика с заимки подобрал. Страшно больной был. Всю ночь мне пришлось нажимать, торопился до больницы живым дотащить.

— А где Тунгир? — спросила Югана.

«Больной хант Тунгир никогда не повезет с собой еду, которой хватит на пять месяцев одному. Почему Пяткоступ врет?»

— А-а... Давайте подождем старика. Все харчи в этих мешках он решил тащить в деревню.

— У Тунгира нет крыльев, — тихо сказала Югана. — На земле от лодки идут следы одного человека.

— Что ты, бабушка, гортанишь? Ну, пойду я поищу старика. Ладно ли там с ним?

Мужчина сделал несколько шагов в сторону береговых зарослей и вдруг неожиданно повернулся, в правой руке у него оказался двухствольный ружейный обрез.

В тот момент, когда Пяткоступ нажал на спусковой крючок, блеснул крылатый нож эвенкийки.

Андрей, зажав левый бок обеими руками, медленно опустился на землю. Югана помогла ему лечь на спину. Она положила ему руки на груди крестом, но руки соскользнули на землю.

Эвенкийка долго смотрела на зажатый в руке Пяткоступа двуствольный обрез, потом пнула его ногой. После этого Югана долго искала трубку в замшевом мешочке. Рукоятка крылатого ножа торчала из горла Пяткоступа.

Югана сняла с себя пыжиковую безрукавку и накрыла голову Андрея Шаманова. Ей теперь надо было немного отдохнуть и собраться с силами.

●

ПОЭЗИЯ

Валентин СОЛОУХИН

ВЗДОХНУЛА РАДОСТНО СВИРЕЛЬ

В ЧИСТОМ ПОЛЕ

В чистом поле звякнул колоколец,
Закружилась на дороге пыль.
От плетней,
от розовых околиц
В город дальний мчал автомобиль.

В чистом поле звякнул колоколец,
Вечер собирал в луга туман.
У дороги белый иноходец
И орловский рысачок — булан.
И вдали ходили мирно кони,
Жеребята, как ребята — вскок...
Положил краюху на ладони,
К табунку пошел
наискосок.

В чистом поле звякнул колоколец...
Подошел я ближе к рысаку.
Вскинул гриву белый иноходец.
Так,
что месяца задел серьгу.
Свистнул!..

Кони с храпом понеслись
От дороги, в темные луга...

Звезды колокольцами тряслись,
Эхо звоном било в берега.

* * *

Печальной осени заплаканы глаза,
И омута засыпаны листвою.
Роняет слезы в озеро лоза,
Склонены ивы над водою.

Прошли дожди,
 отава поднялась,
Квадраты яркой зелени озимых.
Могучий дуб —
 на всю округу князь —
На косогор взошел,
 как из былины.
Табун коней никто не стережет,
Он по лугам, по перелескам скачет...

Как дивно слышать, что скворец поет,
Как жутко сыч на колокольне плачет.

* * *

С. П.

Поеду к Сергею,
 машину он даст.
Машину с достойным шофером.

Мелькнет, отдаляясь, за окнами город,
И вихрем закружится солнечный наст:
Березы, снега.
За березами ели.
Овраги, как тени, а дальше река.
Тропинка.
Я вижу на ней мужика.
Рябинка.
Спорхнули с нее свиристели.

Орловщина милая,
снова я здесь,
Деревня — застывшая темною птицей...

Спускаюсь к оврагу.
В овраге криница
С живою водою —
у нас еще есть...

* * *

А в жизни всякое случается,
Гремели грозы,
шли дожди.
И стежки росные кончаются,
И бездорожье впереди.

Куда уходят дни хорошие?..
Туда ль,
где молодость была?..
И я один, как гость непрошеный, —
На тропке нашего села...

Я землю нашу с ясной просинью
Под сердцем грел.
Сейчас стою
И чувствую, что вместе с осенью
Холодным пламенем горю...

ЭХО

На опушке нет кукушки,
Нет кукушек в перелеске.
В желтом золотистом блеске
За рекою три копнушки.

Солнце кануло за лесом,
Но горят в лучах заката
Очерет и бела хата,
Отражаясь в тихом плесе.

Через плес мосток сосновый,
За мостком луга и пойма...

Юный клен в заре багровой —
Дышится в лугах легко мне.

...Чу, кукушка,
                    но откуда?
Осень, и в стогах солома...

Это юность так знакомо
С эхом шлет такое чудо.
Это юность у тропинки
Сыплет ранние ромашки.
На пригорке — ты,
                        и машешь
Мне лазоревой косынкой.

Эхо жизни, эхо дали.
В сумерки все прячет вечер...
Как давно те были встречи —
Жаль, кукушки не считали.

В ЛЕСУ

В лесу, задумчивом и хмуром —
Без шороха, без крика птиц, —
Под елями на хвое бурой
Увидел стайку медуниц.
И проблеск солнечного света
Метнулся за густую ель.
Почудилось,
                что рядом где-то
Вздохнула радостно свирель.
В глухом лесу — такое чудо...
Я замер, напрягая слух.
Но звука не было.
                        Откуда
Здесь дунет в дудочку пастух?

Во всем виновны медуницы...
Нет
        лучше к солнцу, на простор,
Там жизнь кипит, щебечут г ицы
И в медуницах косогор.

СТЕПНОЙ ПАЛ

Горела степь.
Плясало пламя,
По бурьяна́м и по стерне.
И горизонт играл огнями
При полной бронзовой луне.
За речкой где-то ржали кони,
А в камышах стонала выпь.
Склонилась ива и в ладони
Ловила коростелей скрип.

Притихли малые пичужки,
Померкла полная луна...
Вдруг по пригорку от избушки
Спокойно женщина прошла
И появилась на кургане.
Смирялся ветер,
гас огонь.
За речкой на далеком стане
Запела грустная гармонь.

Исчезло пламя,
и тревога
В ночную темень уплыла.
По речке лунная дорога
К кургану прямо пролегла.

НАШИ ПЕРВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Николай АЛЁШИН

Николай Алёшин родился в Поволжье, в крестьянской семье. После окончания десятилетки работал грузчиком, слесарем, экскаваторщиком. Служил в Советской Армии, ходил матросом на рыболовных судах Дальнего Востока.

В настоящее время — журналист. Живет в Москве.

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

КРАЮХА ХЛЕБА

Я в детстве думал, что в краюхе
хлеба
Заквашена лишь серая мука...
А в ней — и тишь, процеженная
с неба,
И тарахтение грузовика;
И бригадира с агрономом сшибки
О сроках и начале посевной,
И трактористов ясные улыбки,
Стекающие сеялкам в зерно;
И лепетанье стебельков зеленых,
С такой наивностью входящих
в жизнь,
И звон колосьев, поясно склоненных
В степи, где ни тропы и ни межи;

И пряный запах рук, и смех девичий,
Рассыпанный на солнечном току,
И шепот веялки, и посвист птичий,
Растаявший на лунном берегу;
И хруст мороза, и мельканье снега,
И этот чистый бесконечный свет.
...В ней и вершины и низины века
Заквашены. Хотел бы ты иль нет.
Она намного и теплей и шире,
Когда не провожаем мы парней
На фронт.
И чем сильнее грозы в мире,
Она тем и печальней и скудней.
В ней напряженье замерших орудий
И самолета быстрая петля...
И потому по ней мы часто судим
О том, чем дышит и живет земля.

МОСКОВСКИЕ СТУДЕНТЫ

Расставив дорожные вехи
В предутренней дымке сырой,
Студентам «дает на орехи»
Прораб, обожженный жарой:

«Ну как же, друзья, вам не стыдно
От наших ребят отставать?
В столице привыкли, как видно,
Вы ложками только махать».

И глазом колючим он косит:
Мол, так, дорогие, нельзя.
«Ребятам» — и МАЗ, и бульдозер.
Кирки и лопаты — «друзьям».

Студенты — народ не охочий
Скандалить о длинном рубле.
Средь денежных
ловких рабочих
Привыкли сидеть на нуле.

Приехали — нет! — не за славой.
И любят дела — не слова.

Кирки и лопаты оравой
Берут, закатав рукава.

Но раз попрекнули столицей —
И техника даже не в счет.
Булыжник звенит и дробится.
Асфальт, словно речка, течет.

И прячется в горных отрогах
Напуганная тишина.
И чащу пронзает дорога
На вечные времена.

Над стойбищем серых палаток
Малиново зреет рассвет.
И смотрит прораб виновато
Столичным студентам вослед.

ОСЕНЬ

Распрощался с песней журавлиной
Желтый лес до будущей весны.
Ветер на поля с электролиний
Проливает музыку струны.

Над околицей на небе синем
Целый день пасутся облака.
Восковые яблоки корзинам
Распирают крепкие бока.

Распластался за речной излукой,
Набирая силы, чернозем.
Тракторист свой трактор,
                                        словно друга,
По плечу похлопал:
                                «Отдохнем...»

ТОПОР

Может, мой далекий русый прадед
Им когда-то ворога крушил,
А под старость, силушку растратив,
Смазал дегтем, в землю положил.

И его — весенним детством помню —
Откопал отец мой на дворе.
Полетели щепки из-под комлей
Голубями к парусной заре.

Захрустел к печам поспевший хворост,
Засвистели, падая, сучки.
Древний тополь, позабыв про хворость,
Любовался взмахами — крепки!

Он плясал на бревнах в алых брызгах
Духовитой смоляной коры,
Поднимая над плетнями избы,
Будто бы из сказочной игры.

Он с натуги умывался потом
От июлей и до январей.
С каждым годом яростней работал,
Становясь все ярче и острей.

Он теперь звенит о чем-то дивно
В белый холод, что дрожит как зной,
Бесконечным, самым теплым гимном
Над моею снежной стороной!

* * *

Отбушевал февральский ураган.
Отвоевал Великий океан.

И вновь бегут рыбацкие суда,
На косяки нацелив невода.

На палубы как будто бы аврал
Старпомов и механиков собрал.

Сюда азарт их бросил, не приказ.
Матросы ценят их плечо и глаз.

И крутятся лебедки, вайера,
Выхватывая рыбу «на-гора́».

И рыба, словно молния, блестит
И по крутым лоткам легко летит

В широкие корзинные уста
На мотоботы, что легли к бортам.

Снует за мотоботом мотобот,
Уловами питая плавзавод.

А плавзавод, как лебедь на воде,
По горло в торжествующем труде:

Бесценный перемалывает груз,
В котором так нуждается Союз.

Поэзия рыбацкого труда
Отправится в поселки, в города.

Она приедет к северным снегам.
Ты поднесешь ее к своим губам.

Увидишь волны, а на волнах соль...
Почувствуй и тоску мою, и боль.

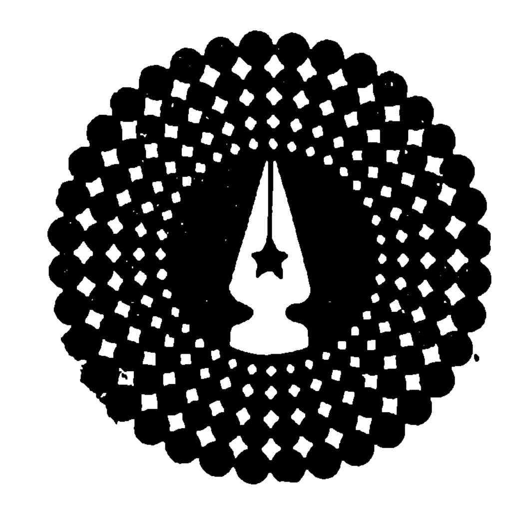
И может быть, тебя охватит дрожь,
И может быть, ты в этот миг поймешь,

Как я дышу, твои снега любя,
Как не хватает мне сейчас тебя,

Как я гляжу на север в синеву,
Тебя сквозь мили страшные зову...

Но вновь бегут рыбацкие суда
К поэзии и риска и труда.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

КОМСОМОЛ СТРАНЫ НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ ПЯТИЛЕТКИ

Виктор ЛЕВАШОВ

БИЛЕТ ДО БАЙКАЛА

Пассажирский поезд до Звездного идет раз в сутки, около шести часов вечера, от станции Лена-Восточная. Отсюда — переправой через слабый лед Лены — начал путь в январе 1974 года первый десант на Таюру. Где-то здесь жил своей трудной жизнью зимник, копились грузы в ожидании ледостава. Здесь прораб Валентин Куликов сооружал знаменитый бензопровод «Малая Дружба», позволивший обмануть транспортное межсезонье: на дно реки был опущен трубопровод с воронкой на левом берегу, куда бензовозы из Усть-Кута сливали горючее, насосы закачивали солярку в цистерны машин на другом берегу — так беспрерывно снабжался горючим весь машинный парк набирающей силу трассы.

...Поезд неторопливо вкатывается из черноты в полусвет слабых боковых огней какого-то очередного моста — на этот раз, должно быть, через реку Таюру, тоненько и сипло свистит, как в оловянный свисток, и наконец останавливается у ярко освещенных изнутри окон вокзала — такой же избушки, как и на Лене-Восточной. К вокзалу примыкает перрон — высокий деревянный помост, коротенький — в длину двух вагонов, освещенный наружным фонарем. И когда состав, свистнув на прощанье, откатывается вправо — на восток, на другой стороне путей открывается огромный черный крутой косогор. И где-то вверху, слева, густеют огни. Они тянутся высоко в гору: редкий пунктир уличных фонарей, один над одним, плотные квадраты огней в двухэтажных домах, короткие строчки светящихся окон длинных типовых общежитий.

Там — Звездный.

По крутой и узкой деревянной лесенке мы выкарабкались, как из карьера, на дорогу, нарезанную террасой на крутом уклоне; внизу остались огни вокзала и тусклый блеск мокрых

от начавшегося дождя рельсов. Время от времени спереди из-за поворота и уклона вырывался мощный свет фар, тяжелые грузовики, свирепо рыча, проносились мимо, раскидывая скопившуюся в русле дороги грязь...

На крыльце коттеджа на наш робкий стук отозвался хозяин дома, заместитель начальника строительно-монтажного поезда № 266 Юрий Диомидович Утюжников, без лишних слов накинул плащ, сунул ноги в резиновые сапоги, стоявшие наготове у входа, и, сведя нас вниз, передал пожилой женщине, коменданту общежитий СМП-266 Марии Павловне — и для нее тоже, чувствовалось, это позднее беспокойство не то чтобы ожиданно, но привычно, нормально. Тут же, на крыльце ее дома, мы переобулись в принесенные ею, еще хранившие тепло кладовки резиновые сапоги, стало веселее. Еще через четверть часа звякнул тяжелый висячий замок на массивной двери какого-то помещения позади бани, мы оказались в поселковой прачечной, уставленной огромными белыми стиральными машинами, заваленной тюками белья. По указанию Марии Павловны мы вымыли под огромными кранами с холодной и горячей водой свои разнесчастные ботинки и поняли, что это, как ни странно, как раз то, что требовалось сделать для обретения нормального и даже несколько приподнятого состояния духа. А еще через четверть часа поднялись на крыльцо одного из начинающих утихать общежитий, прошли по коридору, где у дверей комнат были выставлены по две-три пары резиновых сапог (чтобы грязь в комнату не тащить). Мария Павловна открыла одну из комнат, отделила от связки ключ и передала нам со словами:

— Живите. Здесь сейчас никого нет — ребята уехали на Даван. А будете уезжать, ключ положите на притолоку. Отдыхайте!..

На стене комнаты улыбалась с огоньковской обложки Галима Шугурова, застывшая в грациозном изгибе с обручем в руке, рядом висел пожелтевший листок с формулами сопромата. На подоконнике белело забытое, тоже слегка пожелтевшее от солнца письмо: «На другой день, как ты уехал, я пошла на танцы, и мне не понравилось, скучно. Потом пошла в кино, тоже скучно. Потом была в гостях у дяди Бори, к нему сын приехал из Ленинграда, студент, и опять скучно. Зачем ты уехал от нас, Валерка?..»

Мы были в Звездном...

Звездный, Магистральный, Ния, Могот...

Кунерма, Даван, Северобайкальск, Кичера...

Северомуйск, Лепринда, Дюгабуль, Чара...

Масштаб любого нового дела в какой-то степени соразмерен, наверное, количеству новых слов и понятий, которые вместе с этим делом входят в словарный запас страны. С каждым новым десантом в глубь тайги, с каждым новым «серебряным звеном», с каждым новым праздничным поездом, билет на который не продается, а добывается трудом, БАМ превращает никому прежде не ведомые названия распадков, перевалов и диких ручьев в звонкие имена новых станций и городов. Словно огромная планета, неспешно поворачиваясь, открывает БАМ все новые грани: привычные Звездный и Беркакит теснятся ново и странно пока

еще звучащими Герби и Уркальту, а впереди уже подступает словно из тумана загадочная, таинственная, манящая — полюс недоступности — Чара. А ведь вовсе уже недалек день, когда и до Чары можно будет также свободно купить билет, как нынче до Звездного от Усть-Кута.

Да, все меньше «белых пятен» остается на схеме трассы, все увереннее входит БАМ в экономику страны и в наше сознание как нечто сущее уже сегодня, на бóльшую половину свершенное, все будничней делаются разъезды по освоенным железнодорожниками перегонам — и вместе с тем все ярче и явственнее превращаются в легенду труды и дни тех, кому выпало быть первыми пассажирами самых первых медленных поездов.

И может быть, нет на трассе человека, имя которого было бы более тесно связано с первыми, самыми трудными километрами БАМа, чем бригадир Виктор Лакомов.

То, что сделали он и его бригада, можно исчислить — гектары просеки, десятки километров уложенного пути. Но есть и другой след, который всегда оставляет человек в судьбах других людей, встретившихся ему на пути. Его и искали мы в рассказах молодых старожилов БАМа...

АНАТОЛИЙ ПЕТРУНИН, секретарь комитета комсомола строительно-монтажного поезда 266:

— Я с Урала, из Перми, работал после армии на заводе — токарем, мастером, инженером, потом секретарем комсомольской организации цеха, ну а в мае 1974 года по комсомольской путевке приехал сюда, в Звездный.

В Звездном нас никто не ждал — прилетели утром, в разгар рабочей поры. Еще из вертолета увидели палаточные городки, их два было — комсомольский городок и палатки старых бригад, которые с десантом пришли и готовили для отряда жилье. Встретила нас Тоня Голянова, из мордовской делегации, комиссар звездненской половины отряда — ее выбрали, когда отряд в Тайшете разделился и комиссар Мучицын уехал со второй половиной на Центральный участок БАМа. У Тони хранилась и половина символического ключа от БАМа. Привела нас в палатку ленинградцев: пока устраивайтесь. Палатка была пустая — все ребята, бригада лесорубов, была на просеке, на 25-м километре. Мы тоже как-то само собой превратились в одну бригаду — красноярскую, меня сделали бригадиром. На другой день всех ребят оформили лесорубами, а девушек оставили на работе в поселке. Быстро перезнакомились со всеми. Рядом стояла палатка делегации Казахстана, хорошие ребята, мы с ними подружились, эстонцы тоже рядом жили, тут же — Киргизия. Так по республикам и областям палатки и назывались.

И вот началось то, для чего мы сюда и приехали, — работа. Недели полторы мы были в поселке — проходили практику на просеке. Потом года два, проходя мимо этого места, смеялись — так наломали дров. А ничего удивительного — я, например, до этого времени топора в руках не держал. Но ничего, кое-какие навыки получили, и вот наш прораб, Уласик, дал команду готовиться к переброске на трассу, на 50-й километр. Спустились вниз по Таюре — на Колпашный ручей, поставили палатку и приступили к работе. Нам достался очень трудный уча-

сток — крутой косогор был, тяжелый лес, мы там работали вплоть до сентября. А потом перебирались на другой участок: двигались двумя большими группами навстречу друг другу — 15 бригад лесорубов со стороны Усть-Кута и 10 — от Звездного.

Как работали? Это нужно было видеть. Не было умения, но был азарт. Грузинская бригада за июнь дала 460 процентов! Они просыпались в два часа ночи — еще чуть-чуть светало над тайгой, и работали до 11 вечера — когда отдыхали, на чем держались! А все-таки вырвали первое место, всем показали, как надо работать — Зураб Каличава и его ребята орлами смотрели. Первые два месяца мы давали по 220—230 процентов плана, на нашем участке были на третьем месте, иногда занимали второе, но победителями так не удалось стать ни разу, больно уж крепкие были у нас соседи — грузины и еще одна бригада — Виктора Лакомова. Они таких сумасшедших процентов, как бригада Зураба, не давали — держались ровно, стабильно. И народ в бригаде Виктора в основном был опытный, и сам он как бригадир был не чета мне.

Когда проходит много времени, отдельные куски своей жизни вспоминаешь или по событиям: что в то время с тобой было, или по людям: кто в твоей жизни занимал много места, оказывал на тебя влияние. В те первые месяцы в Звездном у каждого появилось много новых товарищей, друзей, но сейчас, когда возвращаешься мыслями к тем временам, понимаешь, что был один человек, в сфере влияния которого каждый из нас находился. Так или иначе. Отдавая себе в этом отчет или нет.

Это был командир отряда имени XVII съезда комсомола Виктор Лакомов.

Первый раз я увидел его и познакомился с ним на просеке, в первые дни работы. Однажды к концу дня с соседнего участка к нам подошел невысокий человек, темноволосый, спокойный. Посмотрел, как мы работаем, потом говорит мне: не увлекайтесь вы подсадом — а мы всю мелочь под корень рубили, — когда деревья будут падать, подсад и так помнется, просека останется чистой, а вы немало времени на этом сэкономите. Это и был Лакомов. Я его до этого не видел: он уже в Звездном к отряду присоединился — задержался в Москве, вместе с некоторыми другими членами отряда встречался с Алексеем Николаевичем Косыгиным и руководителями Министерства транспортного строительства. И я в тот день как-то даже и не подумал, что это Лакомов — очень уж не вязалось то, что я читал и слышал о командире отряда, с самим Виктором. Ну, человек и человек, подошел, подсказал, спасибо. Я уже потом у ребят спрашиваю: а кто это приходил? Как же, говорят, — Лакомов. Ну и ну!

Потом мы часто к ним в гости ходили, со всеми хорошо познакомились, ребята из его бригады к нам приходили, их лагерь был в километре от нашего. В те первые недели складывался костяк бригады Виктора Лакомова, которая позже прошла по всему Западному участку БАМа, оставляя за собой след — не только то, что они построили, но и то, что они сделали для тех, кто рядом с ними работал: словом, советом, каким-то заразительным дружелюбием. По сравнению с нами, новичками, ребята из бригады Лакомова были опытными строителями — почти все начинали на прошлой стройке — на до-

роге Хребтовая — Усть-Илимская. Первым на БАМ оттуда прибыл Андрей Полянский. Сам он родом с Украины, в пятнадцать лет уехал в Казахстан, там и приобщился к профессии транспортного строителя — строил железную дорогу Мангышлак — Гурьев. А оттуда уже — в Сибирь, на Хребтовую. На БАМ его не отпускали, он воспользовался тем, что в феврале 1974 года как раз истек срок трудового договора, и перебрался на Таюру. Миша Дубровин уже здесь был — раньше Лакомова. А потом появился и Виктор, а с ним Василий Шиман — комсорг в старой бригаде Лакомова, и Коля Чернов — с ним Виктор вместе был в Чили, по просьбе правительства Сальвадора Альенде в составе отряда добровольцев строил железную дорогу — подъездной путь к металлургическому комбинату в Эами, на юге Чили.

Уже в Звездном к старожилам лакомовской бригады присоединились Толя Марченко, Виталий Степанченко, Баранец. И еще двое из отряда имени XVII съезда ВЛКСМ — Виталий Кокиль и Слава Аксенов, он стал в бригаде комсоргом. У Славы вообще история замечательная, в какой-то мере показательная — она заслуживает особого разговора...

Я почему говорю, что по-настоящему роль Виктора Лакомова в моей жизни и в жизни моих друзей оценивается только со временем, не сразу, да потому, что на первый взгляд ничем эта бригада от остальных не отличалась. И сам бригадир. Ну, бывал у нас в бригаде, в других бригадах — подойдет, посмотрит, как работают, подскажет. Но это воспринималось — как будто Виктор просто прогуливается по тайге, вот случайно и завернул. А потом, когда рассказы вместе собрались, тут и выплыло, что это была за работа — ни одной же бригады не было окрест, где бы Виктор и его ребята не побывали, не помогли. Это уже потом на базе бригады Лакомова образовали нечто вроде школы передового опыта — посылали к нему на практику и выучку лесорубов, вальщиков и так далее. А поначалу сами создали настоящую школу, и без всяких слов и приказов.

Еще одно маленькое отличие лакомовской бригады от остальных — тоже значение его лишь со временем осозналось. Вот, допустим, перебазировались мы на новый участок тайги — что делаем? Поставили кое-как палатку, котлопункт оборудовали — и на просеку, за работу. А если немного времени и сил осталось — на рыбалку скорей, места-то богатейшие! А у Лакомова по-другому. Палатка палаткой, а в свободное время, глядишь, начали потихоньку зимовье складывать, рядом баньку. Зачем, спрашиваем другой раз, ведь все равно с этого места уйдем. Ничего, пригодится. И верно — другой быт. Как с осени зарядили дожди, мы в палатках только поворачиваться успевали, а у Лакомова — сухо, тепло, дрова в печке потрескивают, а промерз — в баню пожалуйста, красота! И вот так поглядим на них — и уже сами за топоры да зимовье класть. Наглядно учились. А лесные избушки Лакомова до сих пор по всей трассе стоят — не на день срублены.

У каждого человека, в юности особенно, в каждый период жизни стоит перед глазами некий идеал, мечта, образец, сравняться с которым он стремится. В ту первую осень для меня и ребят из нашей красноярской бригады мечта была одна: чтобы нас приняли в отряд имени XVII съезда комсомола.

Поэтому мы и работать старались изо всех сил, чтобы не отставать, — и не отставали. Но так получилось, что формально приема новых членов в отряд не было. Я, например, числюсь под номером шестнадцать в списке ленинградской делегации, хотя никакого ритуала приема не было. Так же и все остальные. Было другое — каждый сам определял свою причастность к отряду. По тому, какими мерками мерили себя. По тому, всего ли себя отдавали делу. По тому, как воспринимали трудности.

А трудности начались едва ли не с первых дней. Одни были ожиданны, к ним готовились — это трудности физического труда, трудности, вызванные отсутствием сноровки, неумелостью. Неудобства бытовые — палатки, лес — нами поначалу и за трудности не считались. Наоборот — интересно, необычно, сюда и стремились — в тайгу. А вот что было хуже — трелевочного трактора часто не было, на себе деревья таскали, начались перебои с запчастями для бензопил «Дружба». Сейчас «Дружба» в опытных руках служит года три, а тогда — по неумелости — неправильно работали, непомерно перегружали инструмент, вот и возились — едва ли не каждый день разбирали и собирали. А без пилы в лесу делать нечего.

Все лето и осень большинство ребят работали в лесу, окрепли, обвыкли, и казалось — все, сам черт нам не брат. Но вот тут-то и началось то, к чему мы вовсе не были готовы.

С приближением холодов нужно было форсировать строительство поселка, поэтому, кого только могли, перевели из леса в Звездный, на жилье. А все только в стадии организации: снабжение стройматериалами плохое, механизация минимальная, отсюда — простои. На просеке все мы хорошо зарабатывали — не умением, так выносливостью брали. А тут и заработки сразу резко упали. И погода началась — дожди. Вот и начало копиться внутреннее раздражение, недовольство, пока наконец не прорвало... Это произошло на собрании Всесоюзного ударного строительного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, 26 ноября 1974 года...

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ГРОМЕНКО, секретарь парткома СМП-266.

— Я хорошо помню это собрание, серьезный был разговор. Веха. Для меня особенно — первый раз после приезда в Звездный я увидел членов знаменитого отряда имени XVII съезда комсомола, услышал их. Есть протокол этого собрания, но он все же не дает объективной картины. По нескольким причинам. Во-первых, вели кто — девчонки, вчерашние десятиклассницы, что успели, то и записали. И еще — записали то, что показалось важным. Вот, например, Дзлобов выступал. В протоколе: «О быте. Сделали побелку, а все обваливается». А у меня в записной книжке отметка, слова Дзлобова, которые мне показались самыми важными из его выступления: «Мы живем в замкнутом мире, ничего не знаем о БАМе...»

Можно, конечно, и по этим записям многое узнать о тогдашних наших проблемах. Но, чтобы правильно их понимать, нужно хорошо знать общую обстановку. А она была серьезная. Вообще о той первой зиме редко вспоминается и как-то в общем — «трудная». Но нужно знать, какая именно трудная, почему трудная. Чтобы, во-первых, не повторять сделанных ошибок.

А во-вторых, чтобы по-настоящему оценить ребят и девушек, эти трудности перенесших.

Сам я приехал на БАМ, в Звездный, из Шелехова, под Иркутском, работал там инструктором промышленного отдела Шелеховского горкома партии. А вообще родом из Черниговской области, город Бахмач. После армии по комсомольской путевке приехал на строительство Иркутского алюминиевого завода, в Шелехово, в 1960 году, так с тех пор и живу в Сибири. В сентябре 1974 года, мне как раз исполнилось 36 лет, вызвали в Иркутск, в обком партии: нужно ехать на БАМ. Я подумал, с семьей посоветовался, а у нас уже сыну было 11 лет и дочери 7, дал согласие. 28 сентября я еще был в Иркутске, никаких документов не было оформлено, только внутренне, что называется, подготовился, а тут сообщение: в Звездном, в СМП-266, отчетно-выборное собрание 29 сентября. 29-го во второй половине дня я уже был в Усть-Куте, а зима в тот год ранняя была, снегов выпало невиданно, темнело уже рано. Меня встретил товарищ из Усть-Кутского горкома, сразу на вертолет. Приземлились в Звездном. От вертолета добрались до школы, и тут же началось собрание. Коммунисты СМП-266 рекомендацию обкома поддержали, оказали мне доверие — выбрали секретарем парткома. И сразу, осмотреться не успел, окунулся в заботы. А главная тогда была — до холодов переселить всех из палаток в дома.

Но испытание холодом началось раньше, чем могли предвидеть. 7 ноября провели мы торжественное собрание. Вечером вернулся домой, и в это время вышла из строя электростанция. А все вагончики с электрическим отоплением, многие тогда в вагончиках жили. Мы с Александром Сергеевичем Бурасовым, заместителем начальника СМП, всю ночь провели на электростанции — мороз был градусов 40, каждый час значение имел, вот мы и помогали ремонту, чем могли. Дизель удалось запустить только часам к 8 утра. До сих пор вспоминаю: пришел в вагончик, а он еще не нагрелся, взял бритву, начал бриться, а руки трясутся, до того перемерз! Но что меня поразило в ту ночь — ребята. Это было первое мое, по существу, настоящее знакомство с молодежью Звездного, знакомство не обычное, а — в испытании. Вагончики так устроены, что пока электричество есть — тепло, а чуть отключилось — через 20 минут в них холоднее, чем на улице. И вот когда электростанция вышла из строя, сразу всех детишек из вагончиков перенесли в зимовья, устроили там в тепле. А самим куда? Все в зимовьях не разместятся! И вот на улицы высыпали. Ночь, мороз трескучий. Костры разожгли, начали в пятнашки играть, прыжки, смех. Так до утра и грелись. И за всю ночь ни одного нытика не было. Не было ни одного!

Вообще эта зима была богата на неприятные происшествия. Через несколько дней после аварии электростанции, в ночь на 10 ноября, у нас сгорел клуб «Таежник». Клуб неважнецкий, кое-как утепленный сарай с маленькой сценой, но все-таки место, где молодежь могла собраться, потанцевать, кино посмотреть. Сразу после пожара молодежь собралась, очистила площадку, две бригады подключили: чтобы, пока не промерзла земля, заложить фундамент для нового здания. Субботники проводили, воскресники. И хоть нелегко было, а Новый год празд-

новали уже в новом клубе, бал-маскарад устроили, настоящий праздник.

И вот что интересно. Самый большой отсев из отряда произошел, как ни странно, не в трудные зимние месяцы, а, напротив, летом, в первые два-три месяца после приезда отряда. Потому что, как ни старались в обкомах строго подходить к подбору отряда, но все же просочилось в него немало народа совершенно случайного. Некоторые были недовольны, что их на просеку или на строительство посылают, а они механизаторы. Помню, в первые дни после моего приезда начальник СМП-266 Сахно рассказывал, как одолевал его один парень: дай машину и дай, ничего не хотел слушать. Наконец Сахно не выдержал, подвел его к грузовику ГАЗ-63 и сказал: вот тебе машина, ремонтируй и работай. А машина эта по зимнику вместе с десантом прошла. Можно представить, в каком она была состоянии. И вот этот парень дня три походил вокруг машины и говорит: «Нет, не годится, я уж лучше потом к вам приеду, когда хорошие машины будут». Сколотил себе плотик и вниз по Таюре сплавился, а там по Лене до Усть-Кута. И устроился поваром в местном ресторане. И такие были.

И если посмотреть цифры отсева из отряда и вообще из Звездного, из СМП-266, то окажется, что в самое-то трудное время считанные единицы уехали, да и то многие на другие предприятия на БАМе. И выходит, что не от трудностей народ уезжал, а напротив — от безделья, от неразберихи первых месяцев, от отсутствия настоящего дела.

После того памятного собрания отряда все меры, какие возможно, приняты были. Все не удалось выправить — были объективные причины, в снабжении стройматериалами особенно. Но ребята увидели, что с их словом считаются, это подняло тонус.

А испытания продолжались. Прямо наказанье было, а не зима. В ночь с 4-го на 5-е декабря у нас сгорела контора. А причина та же — от неумелости нашей, от неопытности. Поставили «буржуйку», трубу в окно вывели, в форточку, все вроде бы предусмотрели, разделку сделали металлическую — в кабинете начальника СМП. Песочницу большую поставили — все честь по чести, ни один пожарный не придерется. А трубу в разделке обмотали шнуровым асбестом. Кто же мог подумать, что он горит! Ну, не горит пламенем, но при большой температуре тлеет. А топили щедро, вот асбестовая обмотка и начала тлеть, от этого загорелась краска на окне. И пошло. В конторе дежурство было — Люда Быкова, молодая девчонка, сидела, книжку читала. Заметила дым, прибежала, а уже все полыхает. Подняла тревогу, народ сбежался, начали тушить. А трудно — сушь стояла, мороз крепчайший и сушь. И тут еще расположение нашего Звездного сказалось — он же на крутом косогоре, на террасах стоит — на полках, как у нас говорят, дороги крутые. А осенью сначала шли дожди, а потом как ударил мороз, все схватило — камень и гололед. И никакая техника наверх, к конторе, подняться не могла. С трудом бульдозером затащили пожарную машину. Одно крыло удалось отстоять, а в первом все сгорело, даже в сейфах, внутри, все бумаги обуглились, такой жар был. Все личные дела в кадрах сгорели — пришлось поработать, восстанавливая, тысячи запросов по стране разослали.

И вот какая примечательная деталь. Когда Люда Быкова прибежала в кабинет начальника, где пожар начался, на столе там стояло два ящика со статистическими карточками. Если их вынести — проще было бы восстанавливать трудовые книжки и личные дела. Но Люда вскочила на стол, сняла со стены портрет Ленина, большой был портрет, тяжелый. Мы потом удивлялись — как успела вынести. В такие минуты спасают самое дорогое.

Это был последний пожар, и вообще с тех пор в Звездном ничего такого не было — уроки первой зимы уму-разуму нас научили.

А холодам еще конца не было видно. 12 октября мы сняли последнюю палатку, всех переселили в вагончики и сборно-щитовые дома, кроме трех палаток — ребята из них наотрез отказались переезжать. И вот ведь — в них было теплее: палатки зимние, утепленные, снегом снаружи забросаны, не дует, печка топится, дров сколько угодно. А в домах и вагончиках холодина стоял. Котельная была только одна, насосы часто выходили из строя — горячую воду из котельной не успевали перекачивать. И пока вода от котельной до школы дойдет, уже холодная. Температура на подаче была 40 градусов — много ли! В верхнем этаже школы, где занятия шли, там еще было тепло. А на нижний этаж, который был заселен как общежитие, тепла не хватало. В ту зиму был заселен каждый квадратный метр, даже красные уголки общежитий. Были дни, когда в комнатах, особенно в нижнем этаже школы, температура не поднималась выше нуля.

К жаре можно привыкнуть, к холоду нельзя. Когда человек работает на морозе весь день и отдыхает в нетеплом помещении — трудно. В школе, например, вот так ко сну готовились: надевали на себя свитера, ватные брюки натягивали, валенки, шапку-ушанку завязывали, шубой укрывались.

Но вскоре кой-какой выход нашли: во всех помещениях появились самодельные обогреватели самых разнообразных конструкций. Самый простой и надежный способ избавиться от холода придумали ребята, что жили в нижнем этаже школы. Они пламя паяльной лампы направляли в металлическую двухдюймовую трубу. Труба раскалялась, получалась тяга— ревет как самолет. Но тепло идет, и все довольны. Другой раз идешь мимо школы — слышно, как внутри гудит. Греется народ. Только бы, думаешь, ничего не случилось. А они смеются: это безопасней, чем «буржуйка»...

Поразительно все же, как трудности объединяют коллектив, как в каждом человеке проявляются лучшие его качества. Вспомнишь другой раз ту зиму — дрожь пробирает. А ведь в таких условиях не просто жили, перебивались — работали. И как работали! Нужно знать обстановку в поселке, чтобы по-настоящему, полной мерой оценить то, что в те месяцы было сделано.

Не только в Звездном, но и на всем БАМе.

И именно в это время Виктор Лакомов проявился как командир отряда. Не жесткостью, не максималистскими требованиями, а наоборот — добротой, пониманием. В трудных условиях вообще коллектив всегда проявляет склонность к решениям резким. Проштрафился парень — долой его из отряда! И тут командир чаще всего вставал на сторону провинившегося: не нужно

спешить, выгнать никогда не поздно, а вдруг человек случайно оступился, давайте подождем, посмотрим. И прав оказывался. Вообще-то Лакомов умел быть жестким и требовательным, но ему всегда подсказывало какое-то внутреннее чутье, высший педагогический такт, что ли, как поступить в том или другом случае. А может быть, просто жалел ребят, потому что видел, понимал, как им приходится трудно...

По мере того как множились встречи на Западном участке БАМа, по мере того как из рассказов молодых строителей постепенно складывалась, словно мозаика, общая картина первых перегонов и первых лет, все более явственно обнаруживался след, оставленный командиром съездовского отряда Виктором Лакомовым в характерах и душах людей, с которыми сводила его судьба. И след этот вовсе не требовал специального выявления, а чаще всего проявлялся сам собой — так вот, как в разговоре с командиром отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ, лауреатом премии Ленинского комсомола Вячеславом Аксеновым — в разговоре, который произошел в сотнях километров от мест, где работала бригада Виктора Лакомова:

— Как складывалась ваша жизнь на БАМе в первое время?

— Когда приехали в Звездный, меня рекомендовали в бригадиры — образование было среднетехническое и кое-какой опыт работы на строительстве — в ССО. Ребята поддержали. Так я стал бригадиром, а вся наша владимирская делегация — бригадой лесорубов. По второму разряду. Рубили просеку к Усть-Куту, жили все вместе, в лесу, в палатке. Ребята в бригаде в основном механизаторы — шоферы, трактористы. К работе-то привычные, но с лесом дела никто не имел. Так же, как и я. Мы сразу из бригады выделили двух человек, они неделю обучались, а мы получили топоры и вырубали подсад — мелколесье. Из нашей бригады первый уехал примерно через два месяца. Сказал: я ехал работать на машине, а машин нет. Такой период был — не было фронта работ механизаторам. И уехал. Его, конечно, осудили, но у многих ребят, я замечал, в глазах задумчивость появилась. Тоже механизаторы. Я как мог уговаривал: не нужно спешить. И у нас был отличный прораб, Уласик Валерий Павлович. Он говорил: ребята, все будет, в сентябре придут мехколонны, и я сам помогу вам получить машины, напишу рекомендации, все будете работать на машинах. Так и получилось. Пришли мехколонны, бригада наша стала редеть. Я говорю Уласику: как же так, Валерий Павлович, все уйдут в мехколонны, а мы, два-три человека, что будем делать? Он отвечал: не бойся, без работы не останетесь. И вот однажды подходит он ко мне, предлагает: завтра суббота — выходной, не сходить ли нам в тайгу, не худо бы посмотреть новый участок. Ну, я утром зашел к нему, отправились в лес. Туда было километра три идти, шли не спеша, он обо всем меня расспрашивал: и откуда, и о работе, о планах. Я уж потом понял, что участок смотреть — это для него был просто предлог, чтобы спокойно поговорить со мной, понять, кто я, работать приехал или так, случайно занесло. Посмотрели мы участок, посидели, пошли домой — долго мы в лесу были, почти целый день. И перед поселком он говорит: вот что, скоро приедет Витя Ла-

комов, ты посмотри, кто из твоих ребят не на полгода приехал, и я помогу вам перейти к нему в бригаду. Примерно через месяц приехал Лакомов. Однажды мы работали в лесу, я смотрю: идет Уласик, а с ним еще кто-то. Уласик подошел: вот, познакомьтесь... А на следующий день кончилось мое бригадирство и мы с Виктором Кокилем перешли в бригаду Лакомова. В этой бригаде я работал с 1974-го до 1978 года...

— Вы были в бригаде Лакомова комсоргом. Какую работу вы вели как комсорг?

— Тут само слово не подходит — работа. В семье, например, кто какую работу ведет? Мы просто дружно жили, вместе работали, вместе после работы, вместе праздники — все вместе. Как тут сказать, что я проводил среди ребят воспитательную или какую другую работу? Скорее они меня воспитывали!.. В бригаде Виктора Лакомова я познакомился и с моей будущей женой, Аней. Она приехала из Караганды к брату в Звездный, работала в бригаде поваром. В феврале 1978 года у нас родилась дочь Наташа. Мы уже жили в Магистральном, нам дали там квартиру — всю нашу бригаду передали тогда из СМП-266 другому поезду, с базой в Магистральном. А потом, когда укладка приблизилась к Давану, бригаду передали еще дальше, в Кунерму. Но я в это время уже был на Бурятском участке БАМа, в Кичере.

— Как это произошло?

— В марте 78-го года меня вызвали в Москву, в ЦК комсомола. Рассказали о том, что формируется отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ, большой, со съезда уедет не только на БАМ, но и в Нечерноземье, на «Атоммаш», в Тюмень и в Усть-Илим. Сказали: есть предложение рекомендовать командиром бамовской части отряда тебя. А как же бригада, спрашиваю? Бригада останется на Западном участке. Значит, нужно уходить из бригады? И из Магистрального уезжать? А Наташе тогда только второй месяц пошел. Очень уж все это было неожиданно. Ну, в ЦК сказали: посоветуйся с бригадой, с семьей, дали несколько дней на размышления. А Виктор Лакомов в это время в больнице лежал, в Иркутске, нога у него болела. Прилетел я в Иркутск, пришел к нему в больницу, все ему рассказал. Поговорили мы, он говорит: «Смотри сам, но отказываться нельзя». Подумал я, подумал и понял — прав Виктор, отказываться нельзя. Так вот и получилось, что он стоял не только у начала моей жизни на БАМе, но и на крутом переломе моей судьбы. Да и не только моей!..

Когда на Западном участке с просекой было покончено, бригада Лакомова вернулась к прежней, исконной своей специальности — монтеры пути. Укладка железнодорожного пути шла от Усть-Кута к Звездному, потом к Нии, Магистральному, Улькану — на восток, к Байкальскому хребту, к Давану. Вместе с головой трассы двигалась и бригада Виктора Лакомова — ее передавали из поезда в поезд. Последним поселком на этом маршруте была Кунерма...

Кунерма возникает за крутым поворотом, на подъеме дороги, неявном для глаза, но ощутимом для натужно гудящих двигателей: несколько длинных плоских домов за насыпью и запру-

женной грузами железной дорогой, двухэтажка конторы СМП с разгонными машинами у крыльца, неохотно отступающие от узких проездов сосны и лиственницы. И горы кругом — впереди, по сторонам, насколько хватает глаз: лесистые увалы, хмурые гольцы, весело поблескивающие снежные скаты, а дальше — в проемах — снова увалы и грани гор.

Кунерма — последний большой поселок Западного участка БАМа. Дальше — Байкальский хребет, долгий опасный подъем к перевалу, базы тоннельщиков, строителей Давана: Гранитный, Гоуджикент, сам поселок Даван. И лишь потом, за всеми изломами базальтовых круч, за всеми серпантинами и «тещиными языками», словно бы выстраданный и машинами и шоферами, начинается спуск к Байкалу.

Кунерма — как последний привал перед броском вперед, последняя точка спокойной земли. Поздней осенью 1978 года это было особенно заметно: готовилось открытие сквозного движения по всему Западному участку от Усть-Кута до Байкальского тоннеля, в Кунерме сосредоточивались все резервы техники, материалы, люди. Поселок словно бы вымирал днем, но зато так оживлялся вечером, что казалось, будто здесь назначен какой-то карнавал и он вот-вот начнется: столько кругом огней, смеха, оживленных голосов, молодых, да и не очень молодых людей. Под гостиницы-«заежки» были отданы все свободные комнаты, коменданты даже фамилию не спрашивали: кидали на матрац стандартный комплект белья, живите на здоровье. До поздней ночи не гасли огни в конторе СМП-582, рано утром в сторону Давана уходили «газики», обгоняя переполненные автобусы и огромные оранжевые «Магирусы». И стоило с утра чуть припоздниться, как глазу открывался пустой безжизненный поселок, лишь свежий снег был вытоптан по всем улочкам до черноты да какой-нибудь паренек, воспользовавшись случайно выпавшим отгулом, шел через шоссе в лес с ружьем за плечами в окружении десятка, не меньше, поселковых собак, визжащих и лающих в предвкушении веселой охоты.

Одноколейный рельсовый путь на площадке Кунермы удваивался, учетверялся, с каждым днем обрастал все новыми тупиками, отводами — по мере того как подтягивались с тыла, от Улькана и Магистрального, полувагоны со щебнем, платформы с фермами и упакованными в дощатые щиты трансформаторами для линий электропередачи, вагоны с лесом, щитами домов, строительной и горной техникой. Дальше не было пока им пути. И лишь для единственного груза расступались сцепки, сторонились составы, открывая единственную среди тупиков сквозную нитку — для короткой «вертушки» с готовыми звеньями рельсо-шпальной решетки. Маленький маневровый тепловоз осторожно подталкивал ее сзади; плохо рихтованный, словно бы пока только наспех брошенный на землю, путь углублялся в тайгу, по сторонам, в кюветах, в оголенной от леса полосе отчуждения грудились стволы огромных сосен, небрежно сдвинутые с пути стотонные каменные глыбы, какое-то ржавое искореженное железо, а поверху, точно бы и вовсе не имеющая отношения к этим следам разгула диких и страшных сил, ровно-ровно тянулась голубоватая насыпь, скромная, как невеста. Она была проведена так точно и, по видимости, легко, что непонятно было, отчего это так мечется из стороны в сторону насып-

ная автодорога, то прижимаясь к кювету трассы, то шарахаясь далеко в сторону, в лес; огромный и страшный труд преодоления был скрыт, невидим, легкость совершенного инженерного сооружения одна только и представала взгляду.

Еще плавный поворот, короткая прямая, мягкий подъем — и впереди на высокой насыпи, четким силуэтом на закруглении: короткая строчка платформ, словно бы без подпор повисшая в воздухе ферма путеукладчика, движение маленьких темных фигур, а дальше — та же голубоватая насыпь, такая же ровная, аккуратная, но чего-то явственно недостает ей — рельсов...

Укладка. Голова трассы. Острие стройки...

Каждое большое дело выявляет людей, характер которых как бы соразмерен размаху дела, его ритму, общественной значимости. И невольно задумываешься: случайно ли, что на укладке пути, венчающей весь сложный комплекс работ, выпало работать именно бригаде Виктора Лакомова? Или это произошло в результате необратимого и естественного процесса выдвижения на острие атаки людей, которым по самой сути их только и место тут, которым всякое иное место было бы неловко, не по судьбе?

Невысокого роста. Темные, слегка вьющиеся волосы. Негромкий голос. Спокойный, внимательный взгляд. Явная скупость на слова. Он старше всех членов своей бригады, иных — больше чем на десять лет, но этого старшинства не чувствуется. Всем — ровесник: ни тени превосходства ни над кем, даже чаще точно бы уважительное удивление чужим словам, признание: «А я вот этого не знаю, не читал, не слышал» — тоже без слов. На перекуре, в столовой, на отдыхе Виктор Лакомов как бы теряется среди ребят из своей бригады, которые и ростом выдались, и бородой, и умением острое слово к месту ввернуть — так, чтобы от дружного хохота зазвенели тарелки на раздаче. Но стоит бригаде только приблизиться к рабочему месту, как само собой происходит перераспределение: центром оказывается Лакомов, как бы сами собой рядом с ним те, кто нужен ему, чтобы на ходу, специально не задерживаясь на этом, договориться о ходе предстоящих работ, одни подходят, другие отходят, короткий спор, шутка, вопрос: «Все ясно?» И без перекура, не останавливаясь даже, полминуты не теряя на расстановку, каждый оказывается на своем месте. По взмаху Лакомова оживает лебедка, из одной платформы на другую катится с железным гулом штабель двадцатипятиметровых звеньев, и вот уже одно из них подается на тросах вперед, повисает над гравийной подушкой девственно чистой насыпи... «Чуть вперед!.. назад немного!.. Хорош, майна!» Тотчас все облепили звено, навалились... «Дружно, раз!..» И только еще многотонная тяжесть рельсо-шпальной решетки заставила скрипнуть щебенку, как все уже снова по местам, легко взмыл в воздух и запел, с размаху ударяя в торец рельса, стокилограммовый «целовальник» — кусок рельса с прутьями-ручками с расчетом на четверых. «Еще разок!..» «Хорош, следующий!..» Встал на место и второй рельс, звякнули накладки, сцепляющие звено со звеном, — на двадцать пять метров стал длиннее БАМ, а по воздуху уже плывет, покачиваясь и прогибаясь от собственной тяжести, новое звено...

О Лакомове написано много. Немало в очерках, репортажах,

в интервью — с его собственных слов. Иногда больше, чем он говорил. Когда поздно вечером в Кунерме, в одной из комнат общежития, в котором временно разместилась бригада (постоянно-то ребята живут в Звездном и Магистральном), я процитировал Виктору Лакомову некоторые из его высказываний, он переспросил: «Это я говорил?» И, получив утвердительный ответ, покачал головой с еле заметной усмешкой: «Неплохо. Нужно будет запомнить...» В действительности сам о себе он говорит коротко, по обстоятельствам точно, и из его скуповатого и внешне бесстрастного рассказа может вырисоваться во всей полноте его образ — образ человека, которого хорошо знают и любят на Западном участке БАМа, — только если все время держать в памяти напряженный, упругий ритм укладки рельсов — дела, в котором полно и зримо реализуется личность Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета РСФСР, бригадира Виктора Ивановича Лакомова...

— БАМ — четвертая моя дорога. А первая — Абакан — Тайшет. Получилось просто. После школы, ее я закончил на родине, под Ельцом, поступил в железнодорожное училище, хотел стать машинистом, водить поезда. После училища получил специальность мастера по эксплуатации железных дорог, пошел в горком комсомола, попросил направить на строительство дороги Абакан — Тайшет, она только начиналась. Дали путевку, приехал на стройку, но поработать пришлось всего три месяца — в армию взяли. После армии вернулся в Сибирь, поработал на строительстве Братского лесопромышленного комплекса. Потом услышал, что начинается строительство трассы Хребтовая — Усть-Илимская, Всесоюзная ударная стройка. Это моя вторая дорога — ее прошел с самого начала до самого конца. Восемь лет — 240 километров. А потом была третья дорога — самая короткая, всего полтора километра. И наверное, самая сложная. Это было в 1973 году, в Чили. По просьбе правительства Сальвадора Альенде в числе пятнадцати советских специалистов я принимал участие в сооружении железнодорожной ветки к медеплавильному комбинату Энами. Я рассказывал об этом на XVII съезде комсомола. В Чили мы нашли много друзей — это были рабочие, студенты, крестьяне, они много расспрашивали о нашей стране, о нашей жизни. Нам кажется: все обычно, а они смотрели наши фильмы и плакали. И говорили: «Вы счастливые, мы тоже хотим построить такую жизнь...» Работать, признаться, было нелегко, вручную перетаскивали полутонные рельсы, вручную носили шпалы, вручную грузили и выгружали балласт. Уставали, конечно, однажды даже проспали землетрясение. Но дорогу все-таки построили. Частные компании брались выполнить заказ за полгода, а мы построили эту дорогу всего за 38 дней... Ну а теперь вот — БАМ...

Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илимская, полтора километра железнодорожного полотна в Чили — для бригадира Виктора Лакомова все это позади, все это его вчерашний день, который неотделим ото дня сегодняшнего, как неотделимы от характера человека черты, обретенные в нелегких испытаниях на трудных дорогах, лежащих уже за плечами. А день нынешний и день завтрашний — вот он, БАМ, его не пройденные еще тысячи километров...

— Майна!.. Еще правее!.. Чуть назад!.. Хорош!..

Звон «целовальника», стук накладок, позвякиванье споро работающих ключей — еще на двадцать пять метров стала длиннее Байкало-Амурская магистраль...

Впереди — Байкал...

Странным образом наступательные ритмы нашего времени связывают и переплетают привычные понятия: история и современность.

История современности. Современность истории.

Сегодня проложено уже более двух тысяч километров трассы БАМа, построены десятки новых поселков и городов. И хотя завершение «стройки века» принадлежит будущему, уже сегодня очевидно, что значение Байкало-Амурской магистрали в судьбе страны, в истории комсомола не исчерпывается созданием еще одной, хоть и столь масштабной, новой дороги. Один из главных итогов БАМа — люди, выросшие в атмосфере созидательного труда.

Различны пути, которые приводят молодого человека на великую сибирскую стройку, различны причины, подтолкнувшие его к решению круто изменить течение своей жизни, по-разному складываются судьбы людей на самом БАМе. У кого-то — «звездно», у других — внешне неброско, с постепенным овладением профессией, с постепенным вхождением в новую жизнь.

Но есть нечто общее в любой биографии, в любой судьбе молодого человека на БАМе — путь, который он проходит, часто даже не осознавая его, путь от Я к МЫ: от юношеского индивидуализма к приятию коллектива как формы жизни, путь нравственного мужания, обретения гражданской зрелости. Как и любая стройка, БАМ дает молодому строителю опыт, профессию, мастерство. Но только ли профессию, только ли мастерство?

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Величие всякого мастерства, может быть, прежде всего в том и состоит, что оно объединяет людей, ибо нет в мире ничего драгоценнее уз, соединяющих человека с человеком». Не есть ли это суть незримого процесса, который неостановочно свершается на всех участках огромной стройки, — процесса, который был бы немыслим без той нравственной атмосферы, которую создают люди, подобные бригадиру Виктору Лакомову?

По давней традиции транспортных строителей «серебряное звено» смыкает части рельсового пути, одновременно сливая воедино и труд людей. По новой, уже на БАМе рожденной, традиции на смычки этапные — на границах республик, областей и краев — готовится символическое «золотое звено» и торжественно, принародно заключает последний стык.

И как это торжественное звено соединяет железной дорогой части страны, точно так же сама Байкало-Амурская магистраль драгоценным звеном ложится в биографии десятков тысяч молодых людей, соединяя воедино их судьбы. И точно так же, как в биографии их предшественников красными строками врезались Каховка и Днепрогэс, в судьбы нового поколения комсомолии ложатся строки трудовой хроники БАМа...

Трасса Байкало-Амурской магистрали,
1975—1980 гг.

Сергей ГУК

МАСКИ И ЛИЦА СОВРЕМЕННОГО НАЦИЗМА

36 лет спустя после разгрома фашизма в ряде западных стран все чаще начинает заявлять о себе коричневое наследие. Активизируют свою деятельность неонацистские организации в ФРГ, Италии, Франции, Англии, США, Турции, Испании, Португалии. Преступная деятельность фашистов нового образца традиционно направлена в первую очередь против левых прогрессивных организаций и их деятелей. Но и не только против них: объектом атак справа становятся и демократические институты буржуазных государств. Столь же традиционными являются и методы коричневых главарей: демагогия в сочетании с террором, физическими расправами, насилием.

Неонацизм по-прежнему остается одним из резервов реакции. Его субсидируют монополии, ему покровительствуют власти, оказывают скрытую поддержку разведывательные службы. Капитализм — та среда, которая продолжает питать последователей Гитлера и Муссолини.

...Учитель Кристоф Занн отказывался верить глазам: прямо перед ним, на фасаде ратуши — резиденции городских властей,— была намалевана гигантских размеров свастика. В его родном Мюнстере — городе старинных построек, музеев — такого после войны еще никогда не было. Мимо шли прохожие. Никто не останавливался, никто не возмущался. Как будто так и надо — свастика, символ нацизма, из-за которого Мюнстер уже был однажды сметен с лица земли, вновь на здании муниципалитета.

Дежурный у входа ратуши, к которому обратился Занн, требуя принять меры против осквернения, равнодушно пожал плечами: он несет службу, остальное не его дело. Лишь после настойчивых телефонных звонков к представителям городских властей, на место происшествия прибыла пожарная команда, соскоблившая свастику.

Однажды ночью учителя поднял с постели телефонный звонок. Незнакомый юношеский голос прокричал в трубку: «Занн, ты, еврейская тварь, выгляни-ка, полюбуйся, что у тебя за дверью. Хайль, Гитлер!» На тротуаре перед домом учителя было намалевано: «К. З., мерзавец! Ты у нас на заметке». И свастика.

Год спустя после всего случившегося, в ноябре 1978 года, учитель оказался без места — за «внеслужебное» поведение, как ему разъяснили. Придерживаться антифашистских убеждений в сегодняшней ФРГ не всегда безопасно: частенько это расценивается как признак неблагонадежности. А еще месяц спустя, в канун рождества, среди поздравительных открыток Кристоф Занн обнаружил и такую: «Радостного праздника в газовой камере! НСДАП, округ Вестфален, филиал Мюнстер». И опять свастика.

Эта история — лишь небольшой кусочек гигантской мозаики, рисующей разгул и бесчинства современных неофашистов в ФРГ. И не совсем типичный: в большинстве случаев последыши Гитлера уже не довольствуются малеванием свастик — этих фашистских «черных меток». В последнее время они оставляют куда более вещественные следы своей деятельности. Взрывы бомб на телестанциях Мюнстера и Кобленца во время демонстрации фильма «Холокост», рисующего зверства нацистского режима. Выбитые окна в помещениях бюро Германской компартии, других демократических организаций. Вооруженные налеты на банки и склады с оружием бундесвера. Физическая расправа с политическими противниками...

Вопреки Потсдамским соглашениям, вопреки собственной конституции ФРГ в стране безнаказанно действует сегодня свыше 150 правоэкстремистских организаций. Значительную часть их составляют молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет. Нынешние коричневые главари делают ставку на подрастающее поколение, используя страх и неуверенность его перед будущим.

Семинар, проведенный профсоюзной организацией земли Гессен среди молодых безработных на тему «Мое будущее через 10 лет», выявил настроения, царившие среди его участников. «Страх и бесперспективность» — такой ответ дали опрошенные. Многие убеждены в том, что через 10 лет ситуация в ФРГ существенно не изменится. Именно эта категория молодых людей, отчаявшихся, утративших веру в будущее, особенно восприимчива к нацистской пропаганде, ловко спекулирующей на настроениях безысходности и пессимизма.

Миллионы молодых людей в капиталистических странах после окончания школы автоматически попадают в категорию «лишних людей»: нет работы, нет возможности получить специальность, продолжить образование, нет средств к достойному существованию. Часть молодежи со временем деклассируется, пополняя ряды люмпенов, наркоманов, уголовников. Именно здесь, на задворках общества, современные неофашистские «ловцы душ» рекрутируют себе кадры. Грань, разделяющая неофашистов и деклассированные элементы, подчас весьма зыбкая и условная: многие функционеры и активные сторонники «коричневого подполья» являются выходцами из уголовного мира.

Главарь одной из западногерманских профашистских террористических банд Михаэль Кюнен так характеризует условия, благоприятствующие, с его точки зрения, деятельности правоэкстремистских ультра: «Во-первых, за последние годы изменилась общая политическая атмосфера, то есть вновь усилилось недовольство старыми партиями, поддерживающими государство. В то же время соответствующие выступления, и в особенности так называемая гитлеровская волна (имеется в виду широкое

распространение в ФРГ и других капиталистических странах произведений литературы, кино и телефильмов, обеляющих и рекламирующих Гитлера и фашизм. — *С. Г.),* привели к известному смягчению общественного мнения. Присмотревшись к нам, вы обнаружите, что 80—90 процентов наших сторонников, причем наиболее активных, — это люди в возрасте 20—25 лет. Мы представляем собой новое поколение, которое осознало, что все устоявшиеся течения, в сущности, неспособны решить проблемы будущего».

Отсутствие иммунитета против национал-социалистских идей среди молодежи объясняется — и в немалой степени — «исторической неграмотностью» большинства учащихся капиталистических стран. За весь период пребывания за школьной партой ученикам отводится в среднем 80 часов на изучение эпохи Карла Великого, 24 часа — наполеоновским войнам и только 7 часов — периоду германского фашизма. При этом качество учебных пособий весьма сомнительное. Пробел по этой части образования с лихвой стараются восполнить буржуазные средства массовой информации, книги, кино, которые всячески подсвечивают «героическое» прошлое, искажают и приукрашивают его. Завершают цикл «образования» многочисленные неонацистские издания, беспрепятственно распространяемые в школах. В листовках и брошюрах открыто проповедуются «культ фюрера», «чистота германской расы», идея «расширения жизненного пространства», «возвращения утерянных земель».

В книге Д. Боссмана «Что я слышал о Гитлере...» анализируются высказывания 3 тысяч западногерманских учащихся из различных учебных заведений в возрасте от 11 до 19 лет. На вопрос, что они знают о фюрере, ответы были по преимуществу такие: Гитлер был «лидером НАТО», считал один. Другой назвал его «королем», третий — «руководителем немецкой демократии», четвертый был убежден, что он «представлял социалистическую партию» и т. д.

Нацизм наших дней в борьбе за души молодежи пользуется — и не без успеха — методами и традициями «призраков прошлого», в частности гитлерюгенда. Для подростков организуются молодежные летние лагеря с соревнованиями, политическими семинарами, факельными шествиями и даже стрельбой из огнестрельного оружия. Проверки на храбрость, ночные походы, умение обороняться и нападать, бег с препятствиями, военная муштра — все это входит в цикл «воспитательной работы».

Неонацисты создают склады с оружием, боеприпасами, взрывчаткой, составляют «черные списки» будущих жертв. И все это происходит на глазах местных властей, которые нередко «не видят» в активизации неонацизма «никакой реальной угрозы», как об этом заявил, например, министр внутренних дел Баварии Герольд Тандлер. Хотя именно Бавария с давних пор превратилась в коричневое осиное гнездо, прибежище для ультраправых террористов, причем не только западногерманских.

...Персонал гостиницы «Йодквелленхоф» в небольшом баварском городке Бад Тёльц без труда опознал по снимкам, предъявленным сотрудником итальянского информационного агентства АНСА, своих недавних постояльцев: Джиованни Вентура и Франко Фреда — известных террористов, активных неофашистов,

осужденных в Италии на пожизненное заключение. На их «лицевом счету», в частности, взрыв бомбы в миланском банке, унесший 16 человеческих жизней. Отпущенные на свободу полицией в ходе предварительного следствия, оба неофашиста не замедлили воспользоваться любезностью властей и немедленно скрылись. Влиятельные «друзья» помогли им перейти границу. В Бад Тёльце они появились в сопровождении двух неизвестных немцев, доставивших их в гостиницу на радиофицированном «мерседесе» стального цвета.

Почему именно Бавария была избрана коричневыми преступниками в качестве убежища? Дело, конечно, отнюдь не в географической близости этой западногерманской земли к Италии, а в том, что в вотчине Ф. Й. Штрауса коричневое подполье может чувствовать себя в безопасности — власти стараются не причинять неудобств таким гостям. В Мюнхене в свое время годами проживал, причем временами под собственным именем, основатель террористической организации «Группа действий Муссолини» Клементе Грациани, разыскиваемый итальянской полицией за совершенные им преступления. Для полноты картины следует добавить, что неофашисты с Апеннинского полуострова давно уже поддерживают тайные связи с западногерманской федеральной разведывательной службой БНД, чья резиденция находится в местечке Пуллах, под Мюнхеном, и которую долгие годы возглавлял кадровый гитлеровский шпион Р. Гелен. Как стало известно, итальянские правые ультра даже обучаются методам террора и диверсий в военизированных лагерях Баварии — так далеко заходит расположение к ним западногерманского шпионского центра. Нужно ли после этого последышам Муссолини, имеющим таких покровителей, кого-то опасаться в Баварии? Как, впрочем, и коричневым отечественного образца?

В течение многих лет в Нюрнберге и его окрестностях бесчинствовала неофашистская «военно-спортивная группа», возглавляемая неким Гофманом. Розовощекие юнцы, одетые в военные мундиры гитлеровского вермахта, беспрепятственно проводили учебные стрельбы, отрабатывали приемы рукопашного боя. Угрозы и террор против местного населения нарастали. Полиция бездействовала, погромщики наглели. «Мы готовимся к «дню икс», когда одной полиции будет уже недостаточно для того, чтобы покончить с левыми», — открыто провозглашал фюрер террористов Гофман.

Многочисленные протесты демократических организаций, требовавших пресечь деятельность коричневых ультра, успеха не возымели. Министр внутренних дел в возглавляемом Штраусом земельном правительстве Баварии Тандлер отвечал, что он не видит оснований для каких-либо санкций против неофашистских штурмовиков. Решение о запрете деятельности этой группы, вынесенное в конце концов федеральным министерством внутренних дел в Бонне в январе 1980 года, носило чисто формальный характер. Никто из членов преступной банды не был арестован, а конфискованное полицией оружие было даже частично возвращено им обратно. И вот в конце сентября 1980 года, в канун выборов в бундестаг ФРГ, во время народного праздника в Мюнхене произошел взрыв бомбы, унесший 12 человеческих жизней и превративший в калек многих из 215 раненых. Штраус, под-

держанный реакционной прессой, вознамерился поначалу объявить преступление делом рук «лиц, подозреваемых в разведывательной деятельности в пользу ГДР». Не вышло: выяснилось, что погибший при взрыве террорист оказался одним из «безобидных» из группы Гофмана. Шестеро других ее членов сразу же после взрыва попытались улизнуть за границу, но были схвачены. Но арестованных выпустили на свободу. Расследование против них было прекращено, а случившееся в Мюнхене объявлено делом рук «преступника-одиночки».

Свидетельством растущего влияния неонацистов в Европе может служить признание Хосе Толо Бласко, убежденного нациста, представителя «Испанского кружка друзей Европы» — организации, координирующей связи европейских неофашистских центров: «Очень важно для будущего иметь базу для операций. Это необходимо для мировой борьбы с коммунизмом... Может быть, вас это удивит, но могу сказать, что и мы, нацисты, и крайне левые группировки решили идти одной дорогой. В основе у них по многим вопросам лежат наши идеи. Мы сейчас присутствуем при необычайном явлении в мире. Уже замечено, что теория Мао недалека от теории Гитлера. ...Крайне правые и крайне левые прекрасно понимают друг друга».

Антикоммунизм фашистского толка протянул руку антикоммунизму маоистского образца. «Черные» и «красные» террористы в Португалии после победы «революции гвоздик» в 1974 году своими поджогами, нападениями на помещения демократических организаций, взрывами бомб, уличными беспорядками облегчили задачу местной реакции — перейти в контрнаступление. Во многих западноевропейских странах прекратились и стычки, некогда возникавшие между леваками и неофашистами, а со страниц газет обоих направлений исчезли взаимные нападки. Словом, перемирие по всему фронту.

В августе 1980 года Италия была потрясена очередным кровавым преступлением, совершенным неофашистами — взрывом бомбы на вокзале города Болоньи, в результате которого погибло более 80 и ранено около 200 человек. Следы привели к подпольной неофашистской организации, именующей себя «вооруженные революционные ячейки». Коричневые нового образца все чаще стараются рядиться под «революционеров». Именно эта организация настойчиво искала возможности создать альянс из «черных» и «красных» террористических группировок, призывая ультралевацкие элементы «объединиться против распыления революционной энергии». Нельзя сказать, чтобы такие призывы не нашли отклика.

В ряде итальянских городов имели место единые выступления неофашистских и анархо-маоистских организаций. Листовки, разбрасываемые после совершения преступлений, все чаще подписываются совместно. «Правые и левые революционные группы раздавят эту систему», — говорилось, к примеру, в листовках, найденных на месте ограбления оружейного магазина в Риме. В итальянской столице, кроме того, «красные» и «черные» террористы пользовались одной и той же системой конспиративных квартир. Маоисты ФРГ совместно с неонацистами требуют вести «борьбу за жизненное пространство», за поглощение ГДР. А гамбургская террористическая группировка «Фронт действий национал-социалистов» рекрутирует себе пополнение, в частности,

из числа молодых маоистов — бывших членов разваливающихся филиалов Пекина в ФРГ.

Маоистские и иные левацкие организации для неофашистов, помимо всего прочего, играют роль «козла отпущения», на которого удобно сваливать собственные преступления. Вот что находим по этому поводу в документах «агентства Ажинтер», являвшегося одним из координационных центров европейского неофашизма: «По нашему мнению, первым делом должно быть разрушение структуры государства — и все это под прикрытием деятельности левых экстремистов и маоистов. Мы уже заслали агентуру во все эти группы. Естественно, мы должны работать под них, проводя пропаганду и насилие, которые выглядят так, как если бы они исходили от наших коммунистических противников».

Безнаказанность, с какой орудуют неофашисты в ФРГ, Италии и других странах Западной Европы, не может не навести на размышления. Итальянская конституция запрещает «восстановление в любой форме фашистской партии», однако в стране их насчитывается десятки. Аналогичное положение содержится и в Основном законе Федеративной Республики и большинства других стран.

Нынешний «ренессанс» ультраправого и левацкого терроризма во многом обязан покровительству весьма влиятельных сил, в первую очередь западных разведывательных служб. Действующая в Италии подпольная группировка, именующая себя «рабочей автономией», была создана стараниями американского ЦРУ. Ее ядро составили итальянские студенты, обучавшиеся в США и завербованные там. Сами главари «автономии» в газетных интервью не отрицали, что получали деньги от ЦРУ и что в их рядах действовали неофашисты.

ЦРУ организует, финансирует и руководит деятельностью так называемых «красных бригад», запятнавших себя похищением и злодейским убийством лидера ХДП Альдо Моро (как стало известно, это преступление было совершено ими во взаимодействии с ультраправой террористической организацией «Новый порядок»), не говоря уже о других, более мелких террористических актах. Как стало известно, американское шпионское ведомство через свое доверенное лицо, отставного генерала Мичели, участника провалившегося правого путча в Италии, ассигновало «красным бригадам» на подрывную работу 500 миллионов лир. В распоряжении правых ультра страны находятся также тайные военные арсеналы, созданные вермахтом в Италии незадолго до капитуляции.

Поддержку террористам правого и левацкого толка осуществляют и западноевропейские секретные службы — итальянская СИД, западногерманская БНД и другие. Вот характерный пример.

...Земельный суд в Карлсруэ разбирает дело о контрабандной торговле оружием. Обвиняемый, 55-летний Зибценер, к немалой растерянности судей, делает неожиданное заявление: своим незаконным бизнесом он занимался с ведома и благословения франкфуртской прокуратуры и гессенского земельного ведомства по уголовным делам, выступая одновременно в качестве «доверенного лица» одного из прокуроров. В обвинительном заключении Зибценеру инкриминировалась продажа 13 тысяч пистолетов с

боеприпасами на сумму в 1,5 миллиона марок, снабжение оружием анархо-террористов и других экстремистов.

Существует несколько засекреченных документов, ставших достоянием гласности, которые проливают свет на то, зачем американским и другим западным секретным службам понадобилось вооружать и «подкармливать» террористов. Речь идет, в частности, о «Руководстве ФМ 30—31», разработанном в США, а также о наставлении ЦРУ для своей зарубежной агентуры. В качестве задачи номер один ставится внедрение доверенных лиц в ряды подпольных экстремистских группировок, действующих в «дружеских» государствах (т. е. в странах НАТО), и подталкивание их на совершение террористических акций «под контролем секретных служб американской армии». Цель — «организация специальных операций, способных убедить правительство и общественность дружественной страны в реальной опасности и необходимости принять ответные меры».

Поясним. Речь идет об искусственной дестабилизации политической ситуации в «дружественных» странах Западной Европы, когда в Вашингтоне посчитают, что «угроза» прихода к власти демократических левых сил стала реальной. Вот тут на сцену должна выступить «пятая колонна» США. От неофашистов требуется одно: применить стратегию «запугивания» населения.

...На улицах, в магазинах, кинотеатрах, на вокзалах, в поездах рвутся бомбы. Сотни убитых, тысячи раненых. Среди бела дня убивают политиков (вспомним Альдо Моро — он был похищен и убит, когда создание коалиции демократических сил с участием коммунистов стало реальностью), не прекращаются перестрелки с полицией, войсками. Уличные столкновения, кровавые беспорядки, зарево пожаров. И страх. Ощущение беспомощности, беззащитности. Желание, чтобы пришла наконец «твердая рука» и навела в стране порядок раз и навсегда. Чтобы снова можно было спокойно выходить из дома, не опасаясь, что окажешься жертвой взрыва бомбы или перестрелки. Но именно это нужно и реакции — имеется в виду «твердая рука», «сильная личность». Так, террористы, руководимые секретными службами и стоящими за их спиной монополиями, должны идти впереди танков, на броне которых в столицу въедет какая-нибудь «сильная личность». Диктатор. Европейский вариант Пиночета.

Что ж, к такому методу империализм США прибегал неоднократно. Один из последних тому примеров — кровавые события в Чили. Впрочем, предоставим слово бывшему госсекретарю США Г. Киссинджеру — ему есть что рассказать по этому поводу. Выступая в сенатской комиссии, расследовавшей роль ЦРУ в свержении правительства Альенде, он заявил: «Вы упрекаете нас за деятельность ЦРУ в Чили. Но не будут ли ваши упреки еще более серьезными, если мы ничего не предпримем для того, чтобы предотвратить захват коммунистами власти в Италии или других западноевропейских странах?»

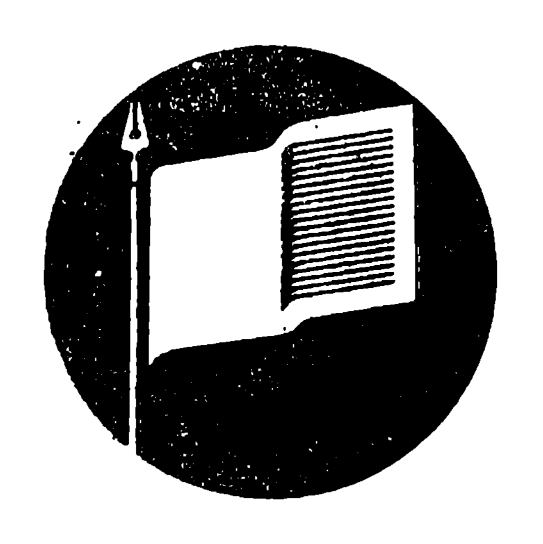
Яснее не скажешь. Именно для этих кровавых целей империализм вооружает и финансирует подпольные террористические организации, готов инспирировать диверсии и кровавые беспорядки в собственном доме, накал которых тем будет выше, чем больше страх перед приходом к власти правительства демократического большинства в какой-нибудь капиталистической стра-

не. Как отмечал еще Ф. Энгельс, система репрессий и террора представляет «господство людей, которые сами напуганы».

«Черные метки», которые повсюду оставляет после себя коричневое подполье в капиталистических странах, — наглядное свидетельство того, что империализм в борьбе за выживание начинает все больше прибегать, как это он делал не раз в прошлом, к услугам неофашизма. На вопрос о том, существует ли опасность неофашизма сегодня, можно дать однозначный ответ: да, существует. В то же время было бы ошибкой переоценивать его возможности в наши дни. Коренным образом изменилось соотношение сил на мировой арене в пользу мира и социализма. Для реакционных кругов капиталистических стран поле для маневров все более сужается. В самих этих странах набирает силу широкое антифашистское движение, объединяющее в своих рядах коммунистов, социал-демократов, представителей профсоюзов, либеральных и христианских кругов. Невзирая на различия в мировоззрении, всех их объединяет решимость — дать отпор неофашизму. Демократический альянс, ядро которого составляет рабочий класс, в состоянии изолировать реакционные банды, сорвать их планы.

Фашизм сам по себе в наши дни не в состоянии обеспечить господствующим классам достаточно широкую опору среди определенных слоев населения — массовой базы коричневые последыши не имеют нигде в мире. Функции неофашизма в силу изменившихся условий стали более ограниченными и не идут дальше соучастия в политических репрессиях и дестабилизации неугодных правительств и режимов. В исторической перспективе неонацистские группы облегчают монополиям задачу — оттянуть на время приход к власти коалиции левых сил в капиталистических странах. Остановить же этот процесс они не в состоянии.

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ СОФРОНОВА

Юрий ПРОКУШЕВ

СВЕТЛЫЙ И ЩЕДРЫЙ ТАЛАНТ

Любите нас, пока мы живы.
Пока травой не проросли
Не для корысти и наживы
Мы в этот трудный мир
пришли.
Анатолий Софронов

Представьте себе такую волнующую картину. Переполненный от партера до балкона под потолком, просторный светло-голубой концертный зал имени Чайковского в Москве. Ни одного свободного места. Люди стоят в проходах, сидят на ступеньках. Пытливая, думающая аудитория, в основном молодежная.

Идет вечер, посвященный 85-летию великого поэта России — Сергея Есенина. Выступают поэты. Они читают стихи Есенина, стихи, посвященные его памяти, другие свои стихи.

Последним к микрофону подошел поэт и драматург Анатолий Софронов. Он достойно и мудро завершил этот волнующий вечер. Зал слушал его окрыленно, живо реагируя на каждое слово. Когда же он в конце своего выступления с присущей ему ораторской убежденностью сказал, что верит: не за горами то время, когда в Москве на улице Горького рядом с Пушкиным и Маяковским будет поставлен памятник Сергею Есенину, зал взорвался от аплодисментов. Таков он, Анатолий Софронов. Голос его в тот памятный вечер звучал на редкость молодо и задорно. Не верилось, что за плечами этого человека почти семь десятилетий жизни, активно-напряженной с юных лет, наполненной неуемной работой, годами фронтовых дорог, бессонными писательскими ночами, постоянными поездками по стране, сложными и ответственными зарубежными командировками, многолетней творческой и общественной деятельностью в Союзе писателей, наконец, многотрудными редакторскими заботами в «Огоньке» на посту главного редактора почти в течение трех десятилетий.

Порой просто невозможно себе представить, как и когда Анатолий Софронов успевает все это делать, и притом добротно и окрыленно. Находясь все время в пути, в дороге, на семи ветрах, успевает писать новые пьесы, новые рассказы и очерки и, конечно же, новые поэмы и стихи. А может, поэтому и успевает, что с юных лет взял такой разбег, такой стремительный ритм жизни.

Одним словом, Анатолий Софронов — личность, личность талантливо-дерзкая во всем, с ярко выраженным поэтическим складом души.

В том, что Анатолий Софронов поэт истинный, творящий в стихах свой мир красоты, в душе и сердце которого звучит своя неповторимая песнь любви и жизни, еще и еще раз нас убеждает его книга поэм, на сегодня, бесспорно, итоговая для поэта. Теперь, когда книга начала жить своей самостоятельной жизнью, когда о ней говорят и спорят читатели, критики, наконец, сами поэты, трудно, невозможно представить без нее не только поэтический мир Анатолия Софронова, но и нашу современную поэзию. Такое ощущение, что эта книга, ее герои уже давным-давно нам хорошо знакомы. И это так и есть на самом деле: автор складывал свою книгу на протяжении почти четырех десятилетий, в разные годы печатая ее отдельные главы-поэмы. В теперь далеком от нас предвоенном 1939 году Анатолий Софронов написал поэму «Бочонок». Ею открывается книга, а завершается поэмой о Маяковском, датированной автором 1976 годом.

Книга поэм Анатолия Софронова — это книга итогов, книга раздумий о судьбе народной, судьбе человеческой. Вместе с автором по ее «ступеням»-поэмам мы поднимаемся к высотам человеческого духа, высотам любви и верности. Познавая себя и окружающий его мир, поэт постепенно осмысливает и открывает для себя, а в конечном итоге для нас, его читателей, красоту этого мира, красоту его родных донских степей, красоту трудового братства людей, красоту великого подвига советского народа в Отечественной войне, красоту мира, всей нашей планеты Земля. Вместе со своим народом поэт и в радостях и в горе. Потрясение, боль и невосполнимость личной утраты помогают ему познать глубоко в нравственно-философском плане смысл жизни, человеческого счастья. Так возникает и рождается «Поэма прощания» Анатолия Софронова.

Признаюсь, и сегодня мне еще очень трудно, а точнее, просто невозможно относиться к «Поэме прощания» только лишь как к литературному произведению и с этих позиций вести ее критический разбор.

Слишком хорошо известна и памятна мне реальная, земная жизнь тех людей, которые выступают в «Поэме прощания» как главные герои — Он и Она. Я знал их не один год. Душевные раны героя поэмы, а вернее, ее автора, навсегда потерявшего самого дорогого и любимого человека, еще кровоточат и будут долго напоминать о себе незатихающей сердечной болью. И вряд ли сейчас мы вправе бередить их излишней критической активностью. Тем более что истина сполна всегда лучше открывается нам на расстоянии.

Вместе с тем было бы несправедливо по этой причине обойти молчанием вопрос о нравственно-философской сути «Поэмы про-

щания», ее главном пафосе, ничего не сказать о той возвышенной песне любви и обнаженно-открытой исповеди человеческой души и сердца, которые никого не могут оставить равнодушным к трагически прекрасной судьбе героев «Поэмы прощания».

На сегодня эта поэма Анатолия Софронова, несомненно, ключевая и заглавная для автора. Она высвечивает в его творчестве все для нас особенно дорогое и светлое, подчеркивая с особой силой веру автора в человека, красоту его души, раскрывая его вечную любовь к матери-Родине, ко всему живому и прекрасному в мире.

Трудно бывает порой людям подняться над повседневным, суетным в жизни к высотам истинной любви, труднее, чем покорить бескрайние океанские просторы или самые высочайшие в мире Гималайские горы. Так думает герой «Поэмы прощания», он и нас убеждает в этой мудрой истине жизни.

Трудно в этом святом деле бывает еще и потому, что всегда, почти всегда находятся «добрые друзья», которые обязательно попытаются уговорить не рисковать излишне ради... любви.

В наш век, особенно на Западе, произошла необратимая инфляция самых святых порывов человеческой души. Не застрахованы от этого и мы в нашей действительности. Обывательские идеи мещанской сытости, всеядного прагматизма, неприкрытого цинизма и фарисейства, к великому сожалению, не требуют «ни визы, ни прописки».

Сколько справедливого сарказма, горькой иронии в словах автора «Поэмы прощания» об этаких «благонамеренных» человечках — «добрых друзьях», их «благонамеренных» убаюкивающих совесть речах! Какая едкая правда заключена в словах поэта:

И мне шептал мой добрый друг:
«Зачем тебе такие страсти?
Живи, по-умному живи...
А раз не можешь без любви, —
Пусть будет тайным это счастье.
Свиданья — это кислород,
Любовь нужна нам для разрядки,
Для отдыха от всех забот, —
Пришел — ушел,
и все в порядке.
И ты подумай о себе:
Чего достиг — ты все разрушишь
И — что еще, быть может, хуже —
Поставишь крест ты на судьбе.
Поверь, тебе не будет сладко,
Ты знаешь наш суровый век;
Ведь подневолен человек
Установившимся порядкам».

Когда я обращаюсь к этим стихам, мне почему-то кажется, что я знаю этого зловещего «доброго друга», я встречал его. И еще: у меня такое чувство, что он и сегодня, как это ни досадно, находится где-то за спиной автора поэмы. Впрочем, возможно, я ошибаюсь. Ведь в поэзии, как считают теоретики, образ носит обобщенный характер.

Все это так!

Но первопричиной-то возникновения любого образа в поэзии была и остается навсегда сама жизнь.

Продолжая рассказ о тяжелой обстановке, в которой оказались герои поэмы благодаря стараниям различного рода этаких «добрых друзей», автор подчеркивает:

Все было против.
Все — нельзя,
Все, как посмотришь,
было скверно!
И лишь одно....
одно лишь «за» —
Что я люблю тебя
безмерно.
Твои слова,
твои глаза
И сердце, что меня любило,
Одно и было только
«за»,
Все остальное «против» было.

Глубоко прав поэт Василий Федоров, заметивший однажды проницательно и зорко: «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают».

Когда-то Маяковский, говоря о поэме «Про это», подчеркивал, что он ее написал по личным мотивам об общем быте. Вероятно, по-своему мог бы сказать так о своей «Поэме прощания» и Анатолий Софронов. Казалось бы, глубоко личная, интимнейшая поэма, родившаяся из личной боли, невосполнимой личной утраты, с первых своих строф, первых глав начинает звучать общественно-глобально. Весь мир со своими радостями и болями, открытиями и утратами вторгается в душу и сердце поэта, когда, казалось, там нет места ничему, кроме личной боли, личной скорби, личной утраты. Кажется, парадокс. Но это только кажется. Человек всегда общественен, всегда, даже в самые трагические минуты личных потрясений, незримыми нравственными, духовными, социальными корнями накрепко связан с окружающим его миром.

В этом нам видится едва ли не главный пафос «Поэмы прощания» — поэмы верности и любви.

* * *

Щедрый писательский талант Анатолия Софронова ярко и самобытно проявился и в драматургии. Рано или поздно количество переходит в качество. Шли годы. Одна за другой появлялись и ставились в театрах пьесы Анатолия Софронова, в каждой из которых затрагивались острые современные социальные, нравственные, гражданские проблемы, возникали драматические коллизии и конфликты, к которым зритель никогда не оставался равнодушным.

За последние три десятилетия мне довелось в разных театрах, в разных городах видеть многие спектакли, поставленные по пьесам Софронова; это были и рядовые спектакли, и хорошо памятные шумные премьеры: «Московский характер» у Завадского,

«Карьера Бекетова» у Акимова, «Сын», «Деньги», «Ураган», поставленные Малым театром, «Наследство» — в Театре киноактера и, наконец, «Стряпуха», блестяще сыгранная впервые вахтанговцами, а затем обошедшая едва ли не все театры страны.

Каждый раз, находясь в зрительном зале, я видел, как чутко, заинтересованно реагировал этот зал на все то, что происходило на сцене, как искренне и взволнованно сопереживали зрители вместе с автором острые, крутые повороты в судьбах его героев. И после театра дома, на работе те, кто видел новый софроновский спектакль, продолжали живо дискутировать, размышлять о его героях, конфликтах, проблемах.

Хорошо помню, как в первые послевоенные годы после просмотра «Московского характера» мы у себя в горкоме комсомола (я работал тогда секретарем МГК ВЛКСМ) активно обсуждали острую, злободневную по тем временам пьесу молодого драматурга.

После своей первой пьесы Анатолий Софронов заставил заговорить о себе и зрителей и критиков. Заметим, что и в дальнейшем пьесы талантливого драматурга почти всегда после их постановки на театре вызывали оживленную, заинтересованную реакцию зрителей и далеко не всегда однозначные суждения театральной критики.

Памятна и поучительна в этом отношении сценическая судьба пьесы «Карьера Бекетова», написанной автором почти три десятилетия тому назад и до настоящего времени остающейся одной из лучших сатирических комедий нашей многонациональной драматургии. Вскоре после ее постановки, еще в пятидесятые годы, некоторые критики явно односторонне и необъективно подошли к рассмотрению идейно-художественного содержания «Карьеры Бекетова», считая, что автор пьесы чрезмерно сгустил краски.

Время — наиболее справедливый, объективный критик. Ныне очевидно, что прав был автор пьесы, а не ее критики.

Уже в семидесятые годы мне довелось вновь видеть в Москве спектакль «Карьера Бекетова». Пьесу Анатолия Софронова показал во время гастролей в столице Государственный красноярский драматический театр. Насколько же современно и актуально прозвучала эта «старая» пьеса Анатолия Софронова в наши дни!

Более сорока пьес написано драматургом Анатолием Софроновым. Его пьесы шли и продолжают ныне с успехом идти на нашей театральной сцене. Их играли и продолжают играть и наши прославленные академические театральные коллективы, и областные театры; постоянно обращаются к пьесам драматурга народные самодеятельные театры.

Сегодня мы вправе говорить о театре Софронова так же, как мы говорим о театре Погодина, Афиногенова, Корнейчука и других выдающихся советских драматических писателей. И хорошо, что драматургия Софронова, его театр всегда развивались и утверждались в русле великих традиций русской театральной классики и прежде всего театра Островского.

Случалось, что в прошлом кое-кто упрекал Софронова как драматурга в чрезмерной приверженности классике, в том, что, как это казалось иным критикам, пьесы его по форме недостаточно «современны», «традиционны», что им не хватает «телеграфного стиля» эпохи, «документализма», «протоколизма»...

Однако вопреки таким, скажем прямо, недальновидным крити-

ческим суждениям Анатолий Софронов в нашей драматургии шел своим путем, твердо держа ориентир на классику, а главное — на жизнь народа, на окружающую его действительность, полную невыдуманных, реальных драматических конфликтов и коллизий.

Твердо стоял драматург Софронов против различного рода модных формалистических, модернистских веяний, которые, к сожалению, время от времени проникают к нам на театр из чужедальних заморских стран и весей и которые порой своим «новаторством» основательно затуманивают отдельные горячие головы и в нашей драматургии, особенно те, которые ах как охочи до шумных, а то и просто скандальных сенсаций.

Поэтика пьес Софронова глубоко реалистична, народна, характеры героев в них очерчены резко индивидуально, язык действующих лиц современен, многозвучен, афористичен.

* * *

Не однажды за последние полвека политический климат на нашей планете претерпевал изменения, и подчас весьма резкие; менялась за прошедшие десятилетия и литературная погода в разных странах, на разных континентах. А как много важнейших, примечательнейших событий, в том числе в области духовной, нравственной жизни народа, включая литературу и искусство, произошло в нашей стране!

Случалось, что временами и наших отдельных идейно нестойких литераторов покачивали, и весьма ощутимо, чуждые ветры, в том числе ревизионистско-диссидентские.

Все эти далеко не однозначные годы — годы напряженной идейной, идеологической борьбы с противниками социалистического обновления мира — Анатолий Софронов и как писатель, и как главный редактор старейшего в стране общественно-политического и литературного журнала «Огонек», находясь постоянно в живом контакте, а порой и в жарких спорах и дискуссиях с политиками и писателями многих стран и наций, проявил себя стойким, закаленным идейным борцом, писателем-коммунистом, для которого святой принцип партийности и народности литературы всегда оставался непоколебимо незыблемым.

Гражданская позиция писателя Анатолия Софронова ясна и определенна. С высокой патриотической устремленностью говорит он об этом:

Все началось от нас,
да, от моей России.
От первых стачек
и от первых битв.
Теперь найди ты место
во всемирной сини,
Где Ленин не был бы
для всех открыт.
Кому-то это политграмота,
быть может;
И кто-то скажет —
знаем все и так...

А нам все это —
летопись атак,
И все, что в мире,
нас всегда тревожит.

Стихи эти подтверждает вся жизнь поэта, тесно спаянная, слитая с жизнью народа и в годы мирного созидания, и в пору грозных, суровых дней войны.

С первых дней Отечественной войны молодой писатель на фронте — корреспондент военной армейской газеты «К победе», а затем газеты «Известия».

«Это был 1941 год со всеми драматическими и трагическими подробностями, с горечью отступления, с небольшими радостями первых побед, с сожалением о том, что эти победы (и первая из них под Ельней) одержаны пока не на нашем участке фронта. Все это было и все запомнилось. Запомнилось навсегда, ибо каждая встреча на фронтовых дорогах в ту пору была тем, чего никогда до этого в жизни не было, что уже позже не повторится», — писал уже после войны Анатолий Софронов в главе «Начало» своей, может быть, самой для него дорогой книги «Честь рода» — книги военных очерков и рассказов. Написанные «на ходу», на фронтовых дорогах, зачастую после очередного боя, очередной жаркой схватки с фашистами, а то и в глубоком тылу врага, в партизанской землянке, эти краткие скромные очерки и рассказы просты и бесхитростны по форме и стилю. Их глубинная художественная, нравственная сила, обжигающая наши сердца, души и сегодня, — в суровой, героической, трагической правде войны.

«Честь рода» — это мужественное слово писателя-солдата о подвиге народном в лихую военную годину, когда русский советский характер испытывался на прочность и стойкость в огненной купели войны. «Год спустя» — так назвал писатель один из своих ранних очерков-репортажей из города Волоколамска в декабре 1942 года.

«Многовековая история этого города записана в пожелтевших от времени книгах. Новая история еще не написана, она вся на виду: на стенах разбитых, изрешеченных осколками домов, в пустых окнах сгоревших строений... с западной окраины доносилась пулеметная трескотня, визг и разрывы мин, частая ружейная перестрелка. Бой шел за городом, живых немцев в Волоколамске уже не было, исключая разве пленных, пугливо таращивших глаза на советских бойцов...

Прошел год. Подсчитаны и подведены итоги двухмесячного германского разбоя в Волоколамском районе. Страшные итоги! В районе сожжено дотла 19 деревень, частично — 141; уничтожено 2906 домов, частично — 783 дома.

Когда в районе говорят «частично уничтожено», обычно при этом горько улыбаются: частично — это значит остались одни стены...

Много людей ушло на войну — не только мужчин, но и девушек, — а район уже в первую осень после освобождения перевыполнил план посева зерновых!

Сколько скрытых сил у русского человека! И скромен он по натуре, не бахвалится, не хвастает этой силой. Но понадобится —

и раскрывается его могучая сила. У одних — на фронте, у других — в тылу. Поначалу и сам человек удивляется: откуда это у меня? Вроде не замечал раньше?»

Так за частной судьбой старинного русского города в дни Отечественной войны зримо проглядывается в очерке «Год спустя», равно как и в других военных рассказах и очерках Анатолия Софронова, судьба всей России, всего народа, героически сражающегося с врагами Отечества «ради жизни на земле».

В богатом, разнообразном жанровом творчестве Анатолия Софронова книга «Честь рода», а точнее, его военная публицистика, занимает достойное и особое место. Она по праву станет после войны надежной духовной, нравственной, гражданской опорой писателя.

Именно на войне специальный корреспондент «Известий» Анатолий Софронов открыл впервые для себя многих героев своих будущих пьес, поэм, стихов. В памяти души и сердца писателя навсегда сохранится бессмертный подвиг защитников Родины.

Вспоминая то незабываемо героическое время, Анатолий Софронов рассказывает: «Первым моим заданием специального корреспондента «Известий» был полет 6 ноября 1942 года через линию фронта к брянским партизанам...

Именно в то время вместе с композитором Сигизмундом Кацем была написана мною песня «Шумел сурово брянский лес», которую я впервые спел партизанам тогда же, 6 ноября 1942 года, в партизанской землянке. Как и положено было в ту пору, мы никогда не раскрывали имен командиров и комиссаров партизанских отрядов. И в записной журналистской книжке они не были обозначены. А жаль, как бы хотелось назвать сейчас эти героические имена, каждое из которых как песня...

...Весной 1968 года мы побывали в Брянске, встретились с теми, кто шел партизанскими тропами в суровые годы Великой Отечественной войны.

Молча стояли мы у величественного монумента, на котором были выбиты слова нашей песни, рожденной в 1942 году:

Шумел сурово брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли тропою партизаны».

Да! Воистину должен быть счастлив поэт, чье песенное слово бережно хранит народная память. А ведь таких всенародно признанных песен, как «Шумел сурово брянский лес», у Анатолия Софронова не одна, не две, не три...

Счастливо из уст в уста передает одно поколение другому, как своеобразную поэтическую эстафету, многие песни Анатолия Софронова. Если бы он как поэт ограничил себя только жанром песни, то и тогда его доброе имя надежно и заслуженно осталось бы надолго в благодарной памяти соотечественников.

Однако, как мы знаем, Анатолий Софронов никогда не ограничивал себя какой-либо одной жанровой тропой.

Его щедрый талант всегда проявлял себя многопланово и разносторонне и в поэзии, и в драматургии, и в прозе...

Александр КАРЕЛИН

ЖИЗНИ ВЕРНЫЕ ЧЕРТЫ...

ЗАМЕТКИ ОБ ОЧЕРКАХ НРАВОВ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ

В современной художественной публицистике больше стало аналитичности, внимания к важнейшим общественным проблемам, разнообразия творческих манер. Это особенно видно в наши дни, когда партия зовет к открытому обсуждению актуальных вопросов общественной жизни, считает нетерпимыми тенденции сглаживать и обходить нерешенные проблемы, острые вопросы, замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни, зовет к доверительности тона, разнообразию, яркости и выразительности литературных средств.

Публицисты, пишущие о современной деревне, смело и основательно ведут обсуждение острых проблем развития сельского хозяйства, социальной психологии и культуры, пристально всматриваются в духовный облик современника, в многообразные процессы социалистического обновления. Сельские очерки Федора Абрамова, Ивана Васильева, Сергея Викулова, Юрия Грибова, Анатолия Емельянова, Леонида Иванова, Анатолия Иващенко, Юрия Куранова, Евгения Максимова, Вячеслава Пальмана, Петра Ребрина, Николая Родичева, Ивана Синицына, Владимира Ситникова, Ивана Филоненко, Леонида Фролова, Юрия Черниченко, Веры Шапошниковой, Семена Шуртакова — интересные явления в художественной публицистике.

Есть в ней и другая обнадеживающая примета — возрождение традиционного русского жанра — очерка нравов. Вслед за произведениями Александра Яшина, Федора Абрамова, Владимира Солоухина этот жанр активно развивают в наши дни Петр Ребрин, Семен Шуртаков, Юрий Грибов, Иван Синицын, Николай Родичев, Евгений Максимов, Екатерина Лопатина и другие.

Очерки нравов, как известно, создаются трудно: удача посещает только тех, кто изучает жизнь не с парадной, а с будничной стороны, кто особенно вдумчиво и повседневно вглядывается в глубинные явления современности.

Из века в век русские писатели стремились вдоволь побродить по Руси, причаститься родниковой водой самобытной народной речи, полюбоваться сочным разнообразием людских типов. «Меня всегда тянет на уездные тракты и проселки, по которым так привольно, так мягко идти с котомкой за плечами, — писал еще В. Г. Короленко, — или к мелким речкам с их тихой красотой, с их лесами и неожиданностями».

Эта вековечная тяга в родные просторы еще более обострилась в наш динамичный, механизированный туристский век. И стремление публицистов быть на переднем крае пятилеток теперь все

чаще находит свое выражение в глубинном, пристальном изучении новых пластов жизни, людских судеб, социальной нравственности. Их в особенности привлекают богатство духовного мира современников, необычайный прогресс человеческой личности в условиях развитых социалистических отношений, новые формы взаимоотношений человека и общества. Отрадно, что художественная публицистика свободнее, смелее обращается к исследованию самых различных сторон народной жизни, социальных и нравственных проблем и конфликтов, обретая новые свойства художественной выразительности.

Примечательна в этом отношении книга Петра Ребрина «Это гудит время», вышедшая в издательстве «Современник».

Петр Ребрин, писатель из Омска, человек уже немолодой, на длительное время отправился в сибирскую «глубинку», в далекие села Прииртышья, откуда триста километров до ближайшего города и около ста до асфальтированной дороги. Он захотел, как он пишет, «побродить здесь досыта, пожить среди людей, приникнуть к душам светлым и забраться в извивы душ темных, понять, почему одни пошли туда, а другие сюда». Он сполна отдался течению здешней жизни, наблюдал ее неторопливо, желая все видеть своими глазами. Он записал множество бесед с самыми различными людьми, в которых глубоко проявилось своеобразие судеб, страстей, страданий и радостей сельских жизней.

Автор изучает деревню в самых разнообразных аспектах — экономических, социальных, общественных, но главное внимание он сосредоточил на изображении нравов, характеров современной деревни. Люди села привлекают писателя прежде всего своей духовной сутью. Он долго всматривается в интересного человека, дает ему возможность самопроявиться в исповедальном разговоре. В результате таких бесед возникает широкая картина жизни деревни, картина пестрая, противоречивая и вместе с тем цельная, написанная добротной, зрелой прозой, сочной и многоцветной.

Опыт Петра Ребрина, впрочем, явление отнюдь не исключительное. Писатель Сергей Захаров, живущий в Марийской АССР, неторопливо прошел пешком те же тракты и проселки Приветлужья, по которым в конце прошлого столетия увлеченно путешествовал «с котомкой за плечами» В. Г. Короленко, скрупулезно сопоставил то, что увидел, с наблюдениями русского писателя. Сопоставления получились впечатляющими.

Книга С. Захарова «Солнце с четырех сторон», выпущенная Марийским издательством, в какой-то мере напоминает лирическую прозу В. Солоухина, ярко описавшего свои странствования по родным местам, но вместе с тем С. Захаров сохранил свою творческую самостоятельность, передал в своей прозе очарованное удивление щедростью природы и высоким благородством, душевностью людей.

По-иному создавал Анатолий Иващенко свой примечательный очерк «Костер у шалаша» («Знамя», 1979, № 9) о легендарном председателе колхоза «Большевик» Владимирской области Акиме Васильевиче Горшкове, недавно ушедшем из жизни. «Десять дней провел я у него, кажется, обо всем переговорили, один раз даже просидели всю ночь напролет до шести утра», — признает-

ся автор. И можно лишь порадоваться, что он успел это сделать.

Ивану Васильеву, уже несколько десятилетий живущему в кругу своих сельских героев в ржевских колхозах и совхозах Калининской области, Ивану Синицыну, постоянно «прописанному» в селе Высокиничи Калужской области, Юрию Курапову, также обосновавшемуся в одном из псковских сел, вообще не нужно выезжать за жизненным материалом — он тут, рядом, в повседневной будничной жизни. Молодая уральская писательница Вера Кудрявцева рассказала о своих сельских героях в книге «Я выткала вам по дорожке» так задушевно, словно долго жила с ними по соседству.

Разнообразны подходы к изучению сельской жизни, но уровень художественного осмысления нравов современной деревни во многом определяет активная социальная позиция писателей.

* * *

Характерная черта многих очерков и документальных повестей — мастерство психологического портрета, раскрытие нравственных ценностей в облике героев.

Сергей Захаров вспоминает мысли В. Г. Короленко: «Человек хочет широких формул, обнимающих жизнь и зовущих к жизни... Только тогда человек чувствует себя человеком». Очеркист применяет эти слова к нашим современникам. Он увидел в них, подлинных хозяевах земли, широту восприятия жизни. Это хорошо показано в очерках о леснике Федоре Московкине, о ветеране войны Галине, молодом агрономе Баженове, о передовых людях старинного села Юркина, в котором побывал когда-то В. Г. Короленко.

Петр Ребрин тоже раскрывает деревенские нравы, как он говорит, «в душах людей». В поздний час встретился писатель с трактористом Петром Дороненко, и беседа незаметно затянулась до утра. Выяснилось удивительное: на самом старом в районе тракторе Дороненко дает самую высокую выработку.

— Да ему пьяницы помогают в работе, — пошутила жена.

— Как так?

— Они недорабатывают сильно, — объяснил Дороненко. — Что они не доделают, я доделаю. Все б равно работали, так я бы с выработкой не выделялся.

Автор постепенно втягивает читателей в интересный процесс узнавания своего героя. Нет необходимости передавать подробности этого ночного разговора, ограничусь теми выводами, к которым пришел в конце концов писатель: «Когда я стал размышлять о Дороненко как о типе, то подумалось, что сверхзанятость его могла убить в нем духовное начало. А он — сама нравственность, у него устойчивое внутреннее спокойствие, собранность. Он кристально честен, совестлив, он обладает высшей степенью ответственности перед самим собой. Почему же он, при его сверхзанятости, оказался защищенным? Потому, очевидно, что сверхнапряжение в данном случае имеет глубоконравственные основы... Он как бы говорит односельчанам: раз я могу так работать, значит, и вы можете... Само присутствие таких людей, как он, безусловно, оказывает влияние на нравственную атмосферу деревни».

Заметно повысилось в художественной публицистике мастер-

ство портрета. Все более укрупняются в изображении облика сельских жителей их коллективные черты, виднее становится круг забот не только о личном, но и общем благе.

В очерковой книге «В своей деревне — пророк» Николай Родичев, например, стремится «как бы поладнее, ближе к истине и не прибавляя красок», строго реалистически создать портрет деятельного, образованного сельского руководителя — председателя колхоза «Луч революции» А. Н. Артюхова. И это ему удается. Писатель действительно не грешит парадными красками: все в его очерке жизненно правдиво, хорошо изображена атмосфера общей увлеченности трудом, моральная красота героя.

Широта души, масштабы личности выразительно раскрываются в уже упомянутом очерке Анатолия Иващенко «Костер у шалаша». Автор создал колоритный портрет широко мыслившего, разносторонне образованного ветерана колхозного движения Акима Горшкова, который целых полвека, со времен коллективизации, возглавлял колхоз. В реалистическом повествовании Иващенко есть интересные наблюдения о том, как менялись социальная психология и нравы сельских жителей за минувшие полвека. Колхозная жизнь «коммунией» началась в 1928 году в двухъярусном шалаше на пустоши, на болоте. У ночного костра первые артельщики мечтали о времени, когда на этих болотах будет создано богатое почвенное плодородие. И, вспоминая этот далекий костер у шалаша, Аким Горшков рассказывал о чистых, крепко укоренившихся сельских нравах: «Решения принимались сообща, а будучи принятыми, они — закон. Ни одно распоряжение дважды не повторялось, ни одно задание не могло остаться к вечеру невыполненным... Дисциплина установилась железная, и храним ее такой до сих пор. Но не нажимом, не криком — демократией. Я, к примеру, не умел и не умею повышать голос».

А вот и другие выразительные штрихи: «Всякий раз срубив дерево, сажали два. И сейчас шумят на ветру сорокалетние коммунарские боры... Началом всех начал была у нас работа на перспективу, с дальним прицелом... Делать старались все «на вырост».

Многое открывается и в таких деталях: «Возвращается Горшков с полей, смотрит, кто-то «голосует» у дорожной обочины, свой или не свой, а шоферу скажет: «Остановись, Толя, подвезем человека». На центральной усадьбе идет по улице — здоровается даже с малышом, спросит, что несет сегодня в дневнике домой. Приезжему поясняет: «Если я не скажу ему «здравствуй» сегодня, завтра он мне не кивнет головой. Если мальчишка дымит тебе навстречу папиросой и ты вроде не замечаешь, то, повзрослев, он и пьяным не постесняется встретиться. А у нас это издавна осуждается. Не принято!»

Горшков заключает рассказ святым принципом колхозной жизни, собственным принципом: «Всю жизнь отказывая себе, мы готовили наследство людям, которые должны быть лучше, выше нас».

Вот какова наша «председательская гвардия», создавшая новые, социалистические порядки и новые нравы в деревне!

Другая характерная черта очерков современных сельских нравов — глубокое изучение семьи, изображение явлений социальной психологии именно в этой первичной ячейке общества.

Лучшие страницы книги П. Ребрина посвящены «сельским династиям» — семьям потомственных животноводов Горносталевых, Золиных, Калашниковых. Атмосфера их жизни лучше всего раскрылась в домашнем быту, во взаимоотношениях поколений.

«Незнакомый дом — всегда открытие, видишь и устремления, и душу человека», — отмечает писатель. И в самом деле, подробные описания «благоговейной тишины» в доме животноводов Горносталевых становится глубоким художественным постижением крепкой коренной сибирской семьи.

Но в этом же доме автор поутру застал множество детей: в маленькой комнатке, сплошь заставленной матрасами, он увидел лежащих, сидящих, ползающих на четвереньках, прыгающих, читающих, хохочущих детей всех возрастов. Это было неожиданно, пришелец удивился такому многолюдию. «Это гостельники омские да кемеровские. Уже отгащиваются», — объяснила бабушка, которая словно бы светилась лаской и сердечностью.

Видно, в добрую минуту зашел сюда писатель — старая женщина одарила его удивительными самобытными рассказами о семье, о детях, о традициях, семейных преданиях, горе и радостях, смысле их бытия. Из этих рассказов сложился выразительный портрет прародительницы, которой автор откровенно любуется: «Жизнь, у нее была тяжелая, терпкая, ее швыряло и бросало, жгло морозом, и огонь ее пожирал. Все она знала — и наветы, и лихоманство, — но никогда не ныла, неизменно пребывала в состоянии веры и добра. Спасало ее мудрое понимание людей и смысла жизни. Зло для нее связывалось с плохим человеком... Я подумал, что это величайшая мудрость, всосавшаяся в кровь нашего народа после Октября, — понимание, что от государства зла не будет, а если что и случается, так это от них — от злых или что-то себе старающихся выгадать людей. Это та мудрость, которая, покоясь на вере в добрых людей, утверждает оптимистический взгляд на мир».

В молодой семье Донских (он механизатор, она доярка) писатель увидел новое поколение деревни — людей современных, симпатичных своей открытой заботой об общественных делах. По отзывам односельчан, они «живут со светлыми лицами», значит, наделены духовным богатством, которое отдают людям.

Вместе с тем писатель внимательно приглядывался к единоличникам, сохранившимся в дальней сибирс ой деревне. Сорок лет живут они замкнуто, у них сформировалась особая психология, психология обособленности. П. Ребрин пишет о них с полной объективностью и некоторым даже состраданием. Автор подмечает ущербные черты психологии этих индивидуалистов. Духовная их бедность проступает еще контрастнее в прямом соседстве с яркими личностями колхозного села.

Так называемая «личная жизнь» героев, которой еще в недавнем прошлом публицисты касались зачастую робко и невнятно, все чаще становится объектом художественного изображения в очерках и документальных повестях последних лет. Это позволяет ярче раскрыв..ь современные нравы в их самых глубинных, интимных проявлениях.

Документальная повесть Веры Кудрявцевой «В том краю, где твоя береза» рассказывает о жизни четырех сестер Петровых из

уральского села. Кажется, на что уж просто, порой даже наивно, без каких-либо словесных украшений рисуется облик этих русских женщин, а какая сила достоверности, житейской правды! Каждой из героинь присущи высокое человеческое благородство, глубина чувств, богатство души.

Старшую сестру зовут «нянькой Тосей», потому что она после смерти матери вынянчила, вырастила младших сестер, отдала им все силы души, так и не успев построить свою личную жизнь. А было у нее в молодости романтическое чувство к односельчанину Грине, который уехал потом учиться и стал известным оперным артистом. Прошло много лет, а Антонина Степановна, она же нянька Тося, все еще томится утратой любимого человека, сочиняет в уме тайные к нему письма, но не посылает их: «Ведь и печаль греет сердце, дает ему работу». Был только один счастливый просвет: приезжал артист в родное село, повстречался с первой своей любовью, признался Тосе в заветном проулочке: «Годы прошли, могу теперь уж сказать: ни работа, ни семья, ни друзья, ни слава и почет — ничто не может тоски моей по тебе заглушить, по тебе ли, по дому ли». А еще через десять лет услышала Антонина Степановна по телевидению другое признание народного артиста: «Была в селе нашем певунья, редкого голоса и красоты редкой обладательница. Жаль, не пришлось ей пойти рядом со мной... Есть у меня в селе местечко заветное — проулочек между двумя огородами, незаметный, нехоженый... Вот если у кого есть в сердце полянка такая, богатый, я считаю, тот человек».

Через эту полянoчку как бы прокладывается незримая душевная связь двух любящих сердец, а вместе с тем раскрывается их духовная красота.

Высокое счастье семейной жизни и материнства досталось другой сестре, Лиде, степенной, величавой. Когда родила дочь, она из родильного дома сразу же отправилась на весеннее поле, где работал муж. «Лида села прямо на траву — покормить проснувшуюся дочку... Такой и увидел ее Виктор из кабины трактора — светлоголовой, кормящей ребенка... Виктор сел рядом, поглядывая на жену, ни о чем не спрашивал. И ей не надо было объяснять, почему она, еще не совсем оправившись после трудных родов, пришла к мужу на пашню. Обо всем сказали ее глаза, ее руки, обнимающие дитя, вся ее осанка, выражающая покой и радость».

Радость и горе, как известно, живут рядом. Наибольшее горе досталось самой младшей, самой красивой из сестер — Маше, потерявшей мужа. За целый месяц после похорон не проронила ни слезинки, вся окаменела. И когда Маша впервые заплакала, сестры обрадовались: «Теперь отойдет помаленьку». В. Кудрявцева тонко прослеживает, как слабеет, утишается женское горе при удивительно чуткой, ненавязчивой, тактичной поддержке всех односельчан — именно поддержке, а не утешительстве.

В повесть органично входят картины общего труда. Хоть и трудно, с неполадками складывается на первых порах работа на новой фабрике молока, но люди не опускают рук. В самых что ни на есть житейских фактах проявляется истинный демократизм труда и жизни, когда, например, женщины распекают местных руководителей за неполадки, за медлительность, за показуху.

«Мамонька наказывала всем по-путевому жить», — напоминает «нянька Тося» своим сестрам и подругам. Так они и живут: по чистой совести, по здравому разумению, по народным обычаям.

«Я увидел пестрый поток судеб. И было нечто общее, объединяющее столь разных людей — незаурядность характеров и нравов. И уже можно поразмыслить о природе самобытности. Общество должно быть заинтересовано, чтобы люди развивались как личности самобытные, то есть имеющие самостоятельность в развитии, личности своеобразные, ибо богатство общества — это богатство совокупной личности» — так размышляет П. Ребрин, наблюдая чистый нравственный климат в сибирской «глубинке», где много живет людей совестливых, с высоким духовным настроем души. И создают, укрепляют этот климат сельские коммунисты.

«Новые формы влияния на личность в коллективе — вот что мы ищем, — рассказывал гостю парторг. — Надо, чтобы каждый коллектив сам в себе находил силы для пополнения и для самосовершенствования. Разница между лучшими и худшими — это большой резерв, который материальных вложений не требует. Но требует капитальных духовных вложений. Решили ввести в дело эти резервы».

Такая распространенная форма партийной работы, как самоотчеты коммунистов, приобрела здесь значение особенное, прямо-таки исповедальное. Люди раскрываются перед коллективом, выслушивают в свой адрес добрые слова и, бывает, совестливые укоры, но происходит это в обстановке принципиальности, доброжелательности и сердечности.

Петр Ребрин сделал подробную, с выразительными комментариями запись такого самоотчета. Это, пожалуй, кульминационная глава в его книге, так ярко в ней изображена духовная атмосфера деревни, глубина коллективных размышлений, партийная чуткость и добросердечие.

С самоотчетом на этот раз выступал слесарь «летучей» автомастерской Прокопий Смертин, работник добрый, который, по общему мнению, «по уму живет, по уму все делает», человек большой совести и высокой требовательности к себе. Вся атмосфера самоотчета была дружеская, почти братская. «Здесь стараются наладить жизнь каждого изнутри, — заключает автор, — то, что здесь происходит, можно определить как воспитание сердца».

Как важно, однако, избежать при этом формализма, казенных «мероприятий»! Сергей Захаров в книжке «Солнце с четырех сторон» описывает, как в одном из хозяйств парторг «планирует» настроение бригады. «Планирование» это ведется довольно странными методами. Вот в бригаде появился нарушитель дисциплины. Перед тем как осудить на собрании этого нарушителя, Костров сначала «договаривается с отдельными членами бригады, чтобы выработать коллективное отношение к проступку, чтобы не было кривотолков». С. Захаров пишет об этом с одобрением. А ведь если бригада действительно дружная, надо ли заранее сговариваться, навязывать каждому точку зрения? Такой порядок далек от действительно партийных методов. Следовало бы объективно оценить возможные последствия такого «воспитания».

В очерках нравов писатели приглядываются к самым разным сторонам деревенского быта, описывают не только светлые, но и теневые его стороны, размышляют. Из мелких, казалось бы, житейских подробностей проступают широкие проблемы, они высвечиваются порой с совершенно неожиданной стороны.

Таковы, в частности, особенности публицистического таланта Петра Ребрина. Вот он в сырой, промозглый день после обильных дождей, закатав до колен брюки, вместе с председателем колхоза Неворотовым ходит по дворам. Председатель вышел, как выражаются здесь, «на уговоры» — упрашивать женщин, чтобы подменили заболевших доярок.

Демократизм деревенской жизни теперь настолько широк, что административными мерами правление действовать не хочет, вот и приходится председателю быть «главноуговаривающим». Долгие терпеливые уговоры ведутся с большим человеческим тактом. П. Ребрин записывает их скрупулезно, во всей их естественности. Вот своенравная женщина со встревоженным, злым, темным лицом. «Я без мужика, несподручно мне, — отмахивалась она, — у меня сын, все ж таки дитё еще, как же его не лелеять?!»

А сыночку, оказывается, восемнадцать, лет, а он еще не знает, как дратву сучат, вилы толком не насадит, топорище не заклинит. Дитятку берегут, отмечает писатель, из этого дитятки вырастает чадо, которому деревенский труд кажется чужеродным.

«Соня, что-то ты неладно говоришь, — со страдальческим лицом замечает председатель. — Ты-то как воспитывалась? Крестьянская ли ты дочь или кто? Кого ты растишь? Для города, что ли, его готовишь? Да и нужен ли такой городу?!»

В другой избе неожиданно встретили шуструю девушку с бигуди в волосах, собравшуюся уже совсем к отъезду. Лиза — так ее звали — рассказала, что поступала в институт, но не сдала экзамены, однако решила остаться в городе, устроилась там в тепличнo-парниковом комбинате.

«Как же так, Лиза? — оторопел Неворотов. — Помнишь, у нас разговор был: кто мать заменит? Ты мне обещала ее коров принять, ты дала слово. — Голос его затихал, в лице отчетливее проступало огорчение, а в глазах растерянность. — Я хотел тебя другим в пример поставить. Заработок перед тобой открывался на сто восемьдесят рублей. Дворец культуры для тебя построили... Все сделал, о чем ты мечтала... А ты...

— Нет уж, хватит, Георгий Александрович! — вышла из оцепенения хозяйка — мать Лизы. — Ты не береди девку! Я тебе в колхоз троих отдала, а эту не трогай, не совести. Это я ее погнала... Она у нас единственная способная к учению. Так неужели ты не дашь нам **погордиться?** Пусть поживет в городе, побудет в уюте».

Женщина распалилась, стала говорить горячо, предельно откровенно. Монолог Федосьи, горький и тревожный, писатель записал во всей многокрасочности народного говора...

Современная деревня благодаря телевидению и семейным связям все больше познает преимущества городских условий жизни, тянется к ним и не хочет больше мириться с сельскими бытовыми неудобствами. Писатель записывает неторопливые беседы с председателем колхоза о далеко не простом явлении — отливе молодежи из села. Умно, ясно размышляет этот председатель, мыслит масштабами государственными. Его тревожит, что из

деревенских школьников троечники уходят в техникумы, отличники — в институты, а в деревне остаются двоечники. Им-то и отдается в руки новая техника: «Умы утекают из деревни... Не все возможности влияния на ход миграции используются. У нас есть тот набор средств, который вчера еще считался достаточным для того, чтобы привязать молодежь к родному селу: Дом культуры хороший, кружки всякие, спортплощадки... А все дело в воспитании! Дворец-то культуры легче построить, чем душу... Мы ведь все больше на общественные института воспитания полагаемся... А ведь нравственные-то основы человека в семье закладываются».

И здесь, далеко в Сибири, хорошо поняли, что надо воспитывать не только детей, но и их родителей — влиять на общественное мнение, повышать престижность сельского труда, улучшать и украшать сельскую жизнь.

Мысль писателя и его собеседников гибка, подвижна. Они не склонны излишне драматизировать процесс миграции сельской молодежи или требовать всеобщего и вечного закрепления ее на земле. Вот и с Лизой председатель колхоза в конце концов поладил: договорились, что после окончания учебы она вернется в родной колхоз. А если способный сельский парень собрался стать физиком или математиком — ну как же его не отпустить на учебу с самыми добрыми пожеланиями и даже, может быть, с колхозной стипендией, хотя в данном случае прямой «отдачи» колхозу и не будет. Но, конечно, в народных интересах важно на демократических основах разумно регулировать соотношение городской и сельской молодежи. Надо, чтобы в городе и деревне было в равной степени интересно работать и жить, всюду бы открывались широкие перспективы. Тогда и усилится обратный процесс — возвращение в родные места недавних деревенских жителей.

В связи с этим вспоминается очень жизненная история четвертой сестры, Шуры, из повести Веры Кудрявцевой «В том краю, где твоя береза». Шура живет в селе по-походному. Ее муж постоянно меняет место работы, ездит по стране, жена вынуждена следовать за ним. «Где мы только не жили! — сокрушенно рассказывает Шура. — На станции Зима жили? Жили! Сбежали? Сбежали! В городе Фрунзе жили?.. Жили! И оттуда сбежали, скажи! Из Молдавии муж непутевый сам уехал. Теперь Кубань...»

Такой кочующий то ли селянин, то ли мастеровой — новый социальный тип в наших условиях. Но в отличие от меркантильных участников «шабашкиных артелей» он не столько гонится за длинным рублем, сколько странствует по земле из чистого интереса, стремится повидать жизнь в разных местах, в различных ее проявлениях. История кончилась тем, что жизнь в родном селе оказалась намного привлекательнее, и семья Шуры вместе с мужем в конце концов возвратилась домой.

Процесс миграции людей из села в город и обратно — процесс естественный. Тот же Неворотов, один из героев книги П. Ребрина, рассуждает по этому поводу: «В Америке, вы знаете, на одного деревенского приходится десять городских, а у нас один кормит только троих... В деревню идет техника, людей потребуется меньше. У нас строится второй молочный комплекс, в котором одна доярка будет доить сто коров, на очереди откормочный комплекс, где один скотник будет обслуживать пятьсот голов вместо пятидесяти... Преимущество нашего общества — человек волен

выбирать себе жизненный путь, дорог у нас много, были бы способности».

Читаешь книгу П. Ребрина о жизни села и не можешь не ощутить, что масштабы мышления его обитателей широки и многосторонни. Вот, к примеру, сокровенные мысли одного из сельских коммунистов: «Сейчас работник растет быстрее, чем человек. Материальная заинтересованность делает человека сноровистей и расчетливей, добытчиком в общем-то. Материальную заинтересованность надо подкреплять нравственной красотой труда».

«Есть ближний рубль, который каждый может положить в карман за счет своих рук, но есть еще рубль, который мы создаем все вместе, сообща, который рождается в результате общий усилий. Его-то и надо больше всего ценить», — сказал писателю еще один сельский собеседник.

Такое высокое самосознание все больше входит в повседневный обиход деревни.

Характерно, что новые явления в сельской «глубинке» привлекают внимание самых разных, в том числе сугубо городских, людей. Однажды в красивом бору повстречались П. Ребрину явные горожанки. Они восторженно говорили о необыкновенной красоте сибирской природы.

У вечернего костра завязалась интересная беседа, которая явно импонировала писателю. «В воспитательной работе мы многое теряем оттого, что недостаточно используем очень глубокие исторические пласты, — рассуждала приезжая, как потом выяснилось, читавшая лекции в сельском клубе. — Самобытное — это величайшая сторона культуры. Я так объясняю паломничество в старорусские места: в этом проявляется социальная потребность чувствовать свою принадлежность к русскому. Все наше лучшее из традиций не потерялось бы — вот что меня растревожило».

В разговоре высказывалась мысль о том, что сто́ит сберечь и развивать на новой современной основе ряд самобытных русских обычаев и праздников. В частности, речь шла о проводах русской зимы, масленице и других традиционных обрядовых праздниках, с которых время уже сняло религиозную окраску.

Во всем этом, конечно, много дискуссионного. Но достоинство книги П. Ребрина как раз и состоит в том, что она вызывает ответные размышления, желание поспорить с автором.

А поспорить с автором и в самом деле необходимо, в частности, по поводу его рассуждений о «свободе деревенской» и «свободе городской». П. Ребрин считает, что деревенскую молодежь город манит тем, что там можно жить свободнее. В деревне, рассуждает автор, все, что делает человек, куда ходит и зачем, с кем встречается, от кого получает письма, что читает, к кому ездит, знают все, а это служит предметом пересудов.

«В большой свободе анонимной жизни в городах, безусловно, есть привлекательное, — продолжает мысль автор. — Но вот ведь получается какое столкновение: с одной стороны — большая свобода связей, да еще скрытых от глаз общества, с дру-

гой — более равнодушная, чем в деревне, людская молва. А ведь это таит опасность: спросу-то у каждого с себя меньше. На мой взгляд, личные связи в городе по сравнению с деревней, обеднены, и человек становится более поверхностным, более бедным в чувствах. Если есть в деревне сирый старик, так ему всегда кто-то поможет, он многим как родной. В деревне проще, чем в городе, оставить детей на соседку. Председатель колхоза, бригадир знают нужды каждого куда лучше, чем директор завода или начальник цеха в городе. Женщину-одиночку без дров и сена в деревне никогда не оставят».

Наряду с верными наблюдениями есть и явные перекосы. Вряд ли справедливо замечание о том, что «в городах более равнодушная, чем в деревне, людская масса», что городской человек «становится более поверхностным, более бедным в чувствах». Нельзя же всерьез это доказывать на примере сирого старика! В современных условиях, когда все более стираются существенные различия между городом и деревней, вообще неправомерно противопоставлять «свободу сельскую» «свободе городской», жизнь все более их выравнивает. Автор был бы ближе к истине, если бы постарался разобраться в социально-психологической адаптации переселенцев из села к условиям городской жизни. Эта проблема ждет публицистического раскрытия и художественного анализа.

В пестрой мозаике жизни современного села вдумчивые публицисты анализируют современные человеческие взаимоотношения, рельефно изображают нравы, присущие социалистическому укладу жизни, — трудовую доблесть передовых людей села, их общественную активность, душевную щедрость, моральную чистоту. Во всем этом проявляется сильная, свежая и здоровая натура народа.

Есть еще привлекательная особенность этих очерков — в них очень выразительно изображается преемственность поколений, стремление сохранить в русской деревне все ценное, нетленное, чистое из вековечного опыта. Наблюдения и мысли авторов органично перекликаются с глубокими размышлениями Федора Абрамова:

«Сегодня, когда старая деревня доживает свои последние дни, мы с особым обостренным вниманием вглядываемся в наших матерей и отцов, дедов и бабок. Ох немного выпало на их долю добрых слов! В чаянии нового, прекрасного человека, в жадном порыве к новой, обетованной земле социализма мы частенько смотрели на них свысока, как на неполноценную породу людей... Большой разговор в литературе о людях старого и старшего поколений — это стремление осмыслить и удержать их духовный опыт, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжелых испытаний».

Возрождение «очерка нравов» современной деревни свидетельствует о зрелости художественной публицистики, ее широчайших творческих возможностях и перспективах.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИВЕРСАНТЫ

Мы читаем, слышим, сами говорим, что живем в обстановке ожесточенной и бескомпромиссной идеологической борьбы, но что греха таить: еще не все отчетливо представляют, в чем она проявляется, так сказать, практически. Больше того, можно встретить человека, всерьез полагающего, что идеологическая война ведется где-то далеко, к тому же якобы специально уполномоченными на это людьми. В действительности, учитывая высокий уровень развития радио- и другой техники, широкий международный обмен, идеологическая война не признает государственных границ, ею сегодня охвачены все страны, с ее проявлениями сталкивается каждый независимо от того, сознает он это или нет. Как свидетельствует сама жизнь, как это подчеркивается в документах КПСС, нейтральных в идеологической войне нет и не может быть.

Идеологический противник не скрывает, что его главная задача сегодня — ослабить изнутри социалистические страны и прежде всего внести разброд в умы политически неподкованных людей, в первую очередь молодежи, не имеющей жизненного опыта. В этих целях активно используются возможности радио. Специально созданы десятки мощных радиостанций в различных странах, изливающих провокационно-клеветнические измышления почти круглосуточно.

Строго документальная книга Леонида Колосова «Голоса с чужого берега» показывает сущность деятельности радиостанций, специально созданных американской разведкой для проведения идеологических диверсий против СССР и других социалистических стран.

Автор не касается предыстории их создания, а, пожалуй, важно напомнить, что в

Леонид Колосов. Голоса с чужого берега. М., «Советская Россия», 1979.

1948 году конгресс США принял закон «Об ежегодном ассигновании 100 миллионов долларов на подрывную деятельность различных антисоветских формирований, групп и отдельных лиц, действующих как в США, Западной Европе, так и в СССР и странах народной демократии». В соответствии с этим законом в том же году в Мюнхене была создана радиостанция «Свободная Европа» для подрывной деятельности против Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Румынии, а в 1953 году — радиостанция «Свобода», носившая вначале иное название — «Освобождение», для ведения подрывной деятельности непосредственно против СССР.

Опираясь на документы, на свидетельства лиц, имевших прямое отношение к этим центрам идеологических диверсий и шпионажа американской разведки, Л. Колосов рассказывает, с какой циничной тенденциозностью стряпается антисоветская, вообще антисоциалистическая клевета. Автор называет десятки предателей, тех, кто служит американской разведке, дает краткие биографические справки. Перед читателем проходит галерея изменников Родины, активных гитлеровских пособников, повинных в гибели тысяч советских патриотов, а также «новое пополнение» так называемых диссидентов. Противник открыто заявляет, что сегодня главную ставку он делает именно на диссидентов, причем прямо называет их врагами Советской власти.

Необходимо обратить внимание на то, что особенно надежными и полезными считаются в шпионских центрах те бывшие граждане СССР, которые выехали в Израиль «для воссоединения» нередко с вымышленными родственниками.

«Руководство радиостанции «Свобода», — пишет Л. Колосов, — усиленно вербует в свои сотрудники лиц еврейского происхождения, поскольку они «самые свежие и информированные», их можно поставить к микрофону в качестве «заинтересованных граждан». А эти «заинтересованные» давно потеряли или вовсе не имели связи с советским народом. Под псевдонимом Инна Светлова ведет «молодежные передачи» Молли Гордин. Семен Мирский, он же Маевский, сочиняет ежедневные комментарии. Виктор Кабачник, поглядывая вниз на улицу из окна нью-йоркского небоскреба, кропает еженедельные заметки «глазами недавнего москвича». Рахиль Федосеева заправляет делами, связанными с «самиздатом». Когда нет свежих поступлений, Рахиль срочно вылетает в «отпуск» в Израиль, чтобы встретиться с лицами еврейской национальности, прибывшими из СССР, опросить их и быстренько состряпать очередной опус под видом «самиздата»... Кстати, в последнее время все большее число радиопередач «Свободы» посвящается так называемой «еврейской проблеме в СССР». Эта тематика занимает уже около одной трети всего вещания на Советский Союз».

Автор приводит примеры, что в этом центре идеологических диверсий и шпионажа мирно соседствуют и гитлеровцы, убивавшие евреев, и евреи, оглупленные сионистской пропагандой. Американские сионисты сегодня являются головным отрядом

сионизма, а США стали ярким примером страны, чья внутренняя и внешняя политика в значительной степени определяется и направляется сионистами. Сам Картер вынужден был признать, что бороться с мощным сионистским лобби для президента равносильно самоубийству.

Читатель узнает, что американская разведка использует предателей не только в качестве радиодиверсантов, но и в качестве шпионов, вербовщиков, пытающихся склонить советских людей, выезжающих за границу, к измене Родине. Радиостанции поддерживают повседневный контакт со всеми зарубежными антисоветскими изданиями, в том числе с рупором сионистов газетой «Новое русское слово», выходящей в Нью-Йорке и возглавляемой Янкелем Цвибакером (предпочитающим выступать под псевдонимом Андрей Седых), и антисоветским журналом «Континент» (Париж), созданным и существующим на средства ЦРУ. Кстати, подвизающиеся в нем диссиденты Максимов, Синявский, Некрасов, Гладилин выступают с такой злобной клеветой на свою бывшую родину, что их поведение вызвало возмущение «старой» эмиграции. Так, белогвардейский публицист Дикий в монархическом журнале «Знамя России» с негодованием написал: «Не русская земля взрастила их. Они прыщи, бородавки на народном теле».

Книга Леонида Колосова способствует повышению бдительности советских людей. Под бдительностью мы понимаем воспитание способности не только своевременно разоблачать врага, как бы он ни маскировался, но и стойко противостоять любому чужому влиянию.

Сергей АНАНЬИН

КАК СОВЕСТЬ ВЕЛЕЛА...

Альберт Лиханов много и успешно работает в детской литературе. Но пишет не только для детей. К тому же многие его произведения, даже адресованные юному читателю, содержат серьезные нравственные уроки и взрослым. Ведь не случайно его «Чистые камушки», «Лабиринт», «Обман», написанные в разное время, позднее были изданы в одной книге под совсем «недетским» названием «Семейные обстоятельства». Автор этой поучительной книги напоминает родителям об их гражданском долге перед подрастающим поколением, призывает к правдивости, честности, выводит на чистую воду мещанство, своекорыстие и равнодушие. Писатель настойчив и последователен: «семейную» тему он разрабатывает постольку, поскольку она является поводом для принципиального разговора о гражданской ответственности поступков каждого человека независимо от его возраста.

Альберт Лиханов. Голгофа. Повесть. — «Знамя», 1979, № 8; Благие намерения. Повесть. — «Знамя», 1980, № 7.

Подтверждение этой мысли можно найти в многочисленных публицистических выступлениях Лиханова, в его статьях и книгах на темы воспитания: «Добро и зло, честь и бесчестие, корысть и бескорыстие, правда и ложь — это общественные категории. Но, может быть, самую откровенную и обнаженную трактовку они получают именно в семье, среди своих, когда нечего скрывать от чужих, когда нет постороннего свидетеля». Таким «посторонним свидетелем», притом отнюдь не равнодушным, оказывается сам писатель. Лиханов идет навстречу самым острым, спорным проблемам, вскрывает конфликтные ситуации.

Чем объяснить стойкий интерес писателя к неблагополучию и разладам? В книге «Уже не дети, еще не взрослые» он пишет: «...урок не может строиться на гладкописи розовых обстоятельств, вывод читатель может сделать лишь из конфликтной ситуации: урок заключен в ней». Итак, это творческое кредо писателя, выбравшего, скажем прямо, нелегкий путь. Речь идет не о борьбе плохих и хороших людей, хотя и тех и других в его произведениях достаточно. Плохое и хорошее борется в самих героях писателя, противодействуя, заставляя их сомневаться, мучиться. Правда, к которой они приходят, выстрадана ими, оплачена горечью потерь и утрат. Произведения Лиханова не успокаивают, а заставляют размышлять, оставляя ощущение нерешенности конфликтов, побуждают к действию. Может быть, в этом и состоит их главная ценность.

Повесть Лиханова «Голгофа» продолжает главную линию творчества писателя. Поначалу кажется, что Лиханов уходит от своей излюбленной темы. В повести почти нет «лабиринта» семейных обстоятельств, главному герою перевалило за сорок. В названии нечто библейское, философское. Но позднее мы поймем, что неторопливая экспозиция — своего рода художественная уловка, ибо она лишь должна подчеркнуть по принципу контраста трагедийность развернувшихся затем событий. Голгофа давно стала для нас символом подвижничества и нравственных страданий. Вот на что обрекает своего героя писатель. В чем же смысл и значение голгофы Алексея Пряхина? Природа наделила его душой чуткой и отзывчивой на доброту, обостренной совестью и чувством ответственности за свои поступки. Но судьба ему досталась тяжкая На фронте он не успел повоевать, сразу же получив серьезное ранение. А затем трагический случай: работая шофером, в гололед не по своей вине он сбивает женщину, мать троих детей. В напряженный сюжет врывается судьба трех осиротевших девочек, и мы начинаем понимать, что писатель возвращается к своей теме как бы с иной, новой стороны.

Алексей Пряхин казнится муками совести, он вдруг понимает, что есть ситуации, когда «худшее, то есть смерть, не всегда худшее в сравнении с жизнью. Если жизнь вот так, как у него, повернет...». Чувство вины сжигает его душу. Но беде не удается сломить Алексея, напротив, она заставляет собраться с силами, сосредото-

читься, напрячься и действовать, действовать наперекор всем ее ударам.

Но от поражений до победы тернистый, ухабистый путь, и главная из побед — над собой. Тогда жизнь становится ясной и наполненной смыслом. Первую такую победу Пряхин одерживает, вернувшись в городок, где случилось трагическое происшествие, поняв, что «от себя не убежишь». С этого момента и начинается новый, неожиданный даже для себя самого Алексей Пряхин. Будничные, привычные дела: забота о хлебе насущном, напряженная, выматывающая последние силы работа — вдруг обретают особый, возвышенный смысл. И это не случайно, ведь речь идет о спасении жизни детей, их будущем, их праве на счастье. Однажды Пряхину приходит мысль, что боль его утихнет только тогда, когда они вырастут, вернее, только тогда, когда вырастут и будут счастливы их дети, не знающие войны и страданий.

Главная забота Алексея Пряхина — накормить осиротевших детей, спасти их во что бы то ни стало. Великолепно написан эпизод на станции, когда Пряхин ночью подрабатывает, больной, обессиленный, таскает тяжелые мешки. Благородство, доброта высекают искры радости, когда достигают цели. Через боль и муки совести, через черный порог горя Алексей Пряхин, помогая чужим детям, находит цель и смысл существования, свою точку в жизни, приходят к нему душевный покой и радость.

Главный нравственный урок «Голгофы» выражен совершенно определенно: счастье в умении отдавать себя людям, не жалея ничего, жить с душой, открытой для добра и участия. В повести мы встречаем по-настоящему деятельных в добре людей: тетю Груню, Анатолия, Нюру. Они поддерживают Алексея на его нелегком пути, помогают всем, чем только могут, а главное, помогают прийти к выводу: «Чтобы выжить, надо другому помочь».

«Отдай другому и сам получишь, вот что выходило у Пряхина. И свои мысли проверяя, словно жизнь перетряхивая, переспрашивая себя — а верно ли, а так ли? — убеждался он, что путь это единственный, что любовью человеческой жива душа любого и всякого, что жил он в эти трудные дни благодаря другим — их теплу и сердцу, а на сердце и тепло отвечать обязан тем же. Так совесть велела».

Так велела совесть — эти три слова определяют пафос всей повести. Писатель воспроизводит подробности быта того трудного времени. Но подробности интересуют его не сами по себе, а несут обобщенный смысл. В преодолении трудностей проявляется человечность героев, их высокий душевный настрой. Беда, горе могут и опустить человека, сделать его одиноким и жалким, но они же могут разбудить самые светлые стороны его натуры, выявить способность к самопожертвованию и героизму.

В повести А. Лиханова много говорится о таких категориях, как жизнь, добро, счастье, любовь, будущее. Рассуждая о будущем, герои мечтают не о сытости, не о комфорте, которых тогда так недоставало. Они говорят о необходимости доброты, честности, справедливости. «Будет

ли когда такое время, — говорил азартно Анатолий, — когда все люди жить станут достойно? Честно чтоб! Не для других честно, не для видимости, а для самого себя? И чтоб высший судья, главный прокурор для каждого был бы он сам?» Обращенность в будущее — одна из самых характерных особенностей повести Лиханова.

Перечитывая прежние произведения Лиханова, понимаешь, что к повести «Голгофа» он шел давно. И если в «Семейных обстоятельствах» главной была мысль об ответственности родителей перед детьми, то Алексей Пряхин чувствует свою ответственность перед чужими детьми как представителями будущего. Недаром так много места в повести уделено размышлениям, как они будут жить, счастливо ли, достойно ли. Автор словно забывает, что с тех пор минуло достаточно времени, можно бы и сообщить, как они сейчас живут и здравствуют. Лиханов чурается благополучных эпилогов. Финал повести драматичен. Умирает Анатолий, душа-человек, больше чем друг для Алексея. Это новое потрясение для него. А к заботам о девочках, ставших ему почти родными, добавляется появление на свет собственного сына. Конец повести, как это характерно для всех произведений Альберта Лиханова, зовет к напряженным размышлениям и новым итогам...

Повесть «Благие намерения» еще раз убеждает в том, что писатель верен однажды избранной теме, отражая самые неожиданные и острые ее аспекты, актуальные социально-нравственные конфликты.

В центре писательского внимания трудные судьбы обездоленных детей, на этот раз малышей-детдомовцев. За хрупкими, неокрепшими плечами каждого драма, а то и трагедия, и это показано в повести остро и правдиво. Только вступив в этот мир, эти ребятишки, по существу, сразу же терпят бедствие: теряют родителей, теряют ласку, дом. Их надо спасать, спасать человеческую душу, веру, надежду. Видимо, не случайно главную героиню повести зовут Надеждой. Между ней и Алексеем Пряхиным родство несомненное. Как и Алексей, молодая воспитательница Надежда Георгиевна бросается на отчетливо слышимый ею зов о помощи, не раздумывая, забывая о личном, растворяясь в чужой беде, проходя собственную «Голгофу», испытывая горечь потерь и радость неожиданных открытий.

Тема, избранная писателем, здесь не повторяется, она уходит вглубь, развивается. Делать добро необходимо и даже радостно, это так. Но и добро должно соизмерять свои силы. Благие намерения могут остаться неосуществленными и, следовательно, принести только вред. Отсюда в повести резкое осуждение тех, кто позволяет себе благие намерения как некое добавление к привычному комфорту. Захотелось приласкать ребенка — взяли из детдома. Надоел — отправили обратно, нимало не заботясь о том, какой урон нанесли духовному миру маленького человека, поверившего в возможность счастья и обманутого больно и несправедливо. Грош цена таким «намерениям».

Надежда Георгиевна стре-

мится исправить чужое зло во что бы то ни стало, с радостью идя на подвиг самоотречения. И Алексей и Надежда одержимы страстью к самопожертвованию, это герои скорее желаемые, чем действительные, их благородство выглядит даже странно с точки зрения обыкновенного житейского практицизма. Но именно против этого практицизма и направлен пафос повестей.

В самом названии — «Благие намерения» — у Лиханова заложен полемический заряд. На этот раз здесь и вопрос, и ирония, и раздумье. Надежда Георгиевна озабочена прежде всего тем, как сложится судьба детей, и писатель здесь порой уступает место публицисту: осуждение сытости, мещанства, педагогические раздумья даже потеснили художественность. Надежда рассуждает, сравнивает, ошибается, ищет. Есть одна отличительная черта, которая поднимает героиню повести на новую ступень. Алексей Пряхин расплачивается за свою, пусть невольную, вину. Надежда берет на себя вину других, испытывая муки совести за тех, кто черств и равнодушен. «А хватит сердца твоего?» — спрашивает ее мать. И вот что мысленно отвечает ей дочь: «Хватит или не хватит? Думала ли я об этом? Нет. Молодость легко принимает трудные решения, не очень задумываясь о будущем...» Но это только так сказано из скромности. На самом деле она знала: хватит. И вот что существенно: «Теперь отступать некуда!» Нельзя отступать, в этом максимализм действия, и только ему подчиняет себя Надежда. Нет чужих детей — вот ее убеждение, воплощенное в поступках. И благодаря ей многие детдомовцы находят добрых, чутких, заботливых приемных родителей. Ну а тех, кого брали с «благими намерениями» и вернули, доводит до порога в большую жизнь сама Надежда Георгиевна. И они не оказались обделенными. На страницах повести Лиханова добро всегда «затопляет» зло, человечность торжествует. Прекрасное чувство — всеобъемлющая любовь к людям. Она и выход из самых сложных ситуаций, и единственный путь к личному счастью. Его, как и Алексей Пряхин, испытывает Надежда Георгиевна. Счастье в том, чтобы дарить людям счастье. Вот истина. Она очевидна. Но путь к ней каждый должен выстрадать посвоему. Об этом и рассказывают две схожие и такие разные повести Альберта Лиханова.

Аристарх АНДРИАНОВ

В ГЛУБИНУ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Книга А. Шагалова живо и доходчиво рассказывает о творчестве Петра Проскурина, одного из интереснейших современных прозаиков, произведения которого широко известны читателю. Способ-

Александр Шагалов. Петр Проскурин. М., «Советская Россия», 1979.

разным эпиграфом к этой критической работе можно взять тургеневские слова о том, что «вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет». Настоящий талант всегда принадлежит своему народу и своему времени. Мерой народности и мерой времени автор определяет идейно-художественную значимость творчества писателя, самобытность его повествовательной манеры.

Литературная и гражданская биография П. Проскурина рассматривается критиком в органической слитности. Сама судьба как будто позаботилась щедро одарить писателя прочным знанием народной жизни. Еще подростком он увидел на родной Брянщине кровавые ужасы фашистской оккупации, неимоверное горе и муки наших людей, изведал тяжелый крестьянский труд на освобожденной от захватчиков израненной земле, а позднее служил в армии, работал на Камчатке лесорубом, сплавщиком, шофером, затем журналистом. Для будущего писателя это было школой приобщения к созидательным и ратным свершениям народа, к тревогам и заботам нашего времени.

Всесторонне исследуя художественный мир П. Проскурина, критик выявляет эпическую природу таланта писателя, его способность находить в народном характере героическое, подлинную красоту человечности. В романах «Горькие травы», «Исход», «Судьба», «Имя твое» запечатлены эпохальные события современности, патриотическая героика советских людей, явивших миру высокие образцы мужества, стойкости, нравственного величия и благородства. В центре писательского внимания глубокие пласты народной жизни, динамика развития русского национального характера, обретающего в наши дни новые качества и героическую силу. Общечеловеческое живет и полнокровно проявляет себя в национальном, в исторически конкретной реальности. Таким подходом к проблеме эпического писателем заявлен решительный бой пресловутой концепции нигилистического пренебрежения к историческим и нравственным достижениям нашего народа, к его славному героическому прошлому.

В Захаре Дерюгине («Судьба» и «Имя твое») воплощены типические для русского народа черты — ясный ум, выдержка, трудолюбие, доброта, открытость. Коммунист, воин и труженик, он прошел вместе с народом тяжкие испытания военного лихолетья и мирной строительной страды. А сколько мужества и душевной красоты в подвиге командира партизанского отряда Трофимова («Исход»), поднявшего своим вдохновенным призывом всех бойцов в атаку на врага! Не забыть и подвига Семена Пекарева, рядового солдата партии («Судьба»), который, будучи смертельно раненым, озабочен тем, чтобы прикрыть боевого товарища и помочь ему уйти от грозящей опасности. Простая русская женщина Ефросинья поджигает избу в Густищах с перепившимися там немецкими фашистами и этим мстит врагу за причиненные нашему народу бедствия и страдания.

Вот в этих простых людях, прикипевших сердцем к земле родной, писатель открывает глубинные истоки извечно-

го народного героизма, являющегося и сегодня незыблемой твердыней советского патриотизма.

Познавательная ценность книги А. Шагалова состоит, на наш взгляд, в том, что она обстоятельно знакомит нас с содержанием и направлением творчества П. Проскурина, идущего своим путем в постижении глубин народной жизни и стремительно движущегося времени.

Валентин СЕРГЕЕВ

«...У ВРЕМЕНИ В ПЛЕНУ»

Первая книга молодого поэта Юрия Полякова озаглавлена непривычно: «Время прибытия». В названии «зашифрован» не сразу поддающийся разгадке смысл. Но по мере чтения он становится все более очевиден. На протяжении сборника прослеживается строгое единство темы. Темы в р е м е н и. Вчитавшись в его стихи, доверчиво открытые нашему восприятию и чуждые каких-либо условностей и недомолвок, легко обнаружить полную закономерность этой темы в его поэзии:

Мальчик видит, как заходит солнце.
Сверстники растут, седеет мать.
Знает: э т о временем зовется.
Все так просто! Что здесь понимать?
Позже он поймет, он убедится:
В мире нет энергии сильней
Той, что в ходе времени таится!
...И душа работает на ней.

В хитросплетениях житейской пряжи поэт отыскивает нити, ведущие от наружных признаков и проявлений к сокровенной сути наблюдаемого предмета, события, человеческого характера. Эта скрытая от невнимательного глаза сущность вещей схвачена поэтом в ее движении, в обновляющем потоке времени. Вне этого живого потока она бесследно утрачивается, пропадает из виду. Вот почему сосредоточенно и напряженно вглядывается поэт в необратимое течение времени, в его безостановочный бег, пытаясь различить зримый отпечаток, достоверный след времени на старых довоенных фотографиях («1941 год») и на полотнах Третьяковки («Портрет молодой женщины»), в полупризрачных, как сон, детских воспоминаниях и в архитектуре старинных городов («Прогулка по Москве», «В северном городе»). Но наиболее явственные приметы времени он вычитывает на огненных скрижалях войны.

Душа, как судорогой, сведена,
Когда я думаю о тех солдатах наших,
Двадцать второго, на рассвете, павших
И даже не узнавших, что война!
И если есть какой-то мир иной,
Где тем погибшим суждено собраться,
Стоят они там смутною толпой
И вопрошают: «Что случилось, братцы?!»

Эти строки, перебрасывая мост из минувшего в настоящее, рождают у читателя чувство прямой сопричастности к трагическим мину-

---

Ю р и й П о л я к о в. Время прибытия. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1980.

там истории. Горестный и недоуменный хор голосов, из далей прошлого донесшийся до слуха поэта, словно в одно мгновение преодолел расстояние между эпохами и вошел в наше сегодня вестником давно пережитых событий. Грозная явь неотвязных дум об испытаниях военной годины неутихающей болью отзывается в стихах молодого поэта, как бы несущего в душе груз неодолимой памяти поколений. Память эта вносит обеспокоенность и тревогу в самый строй стиха, порой нарушая его энергичный и бодрый ритм невольным восклицанием или вопросом, расшатывая его плотную кладку внезапным перебоем интонации.

Весомая доля сборника посвящена армейским будням автора, сравнительно недавно прошедшего службу в Вооруженных Силах. И здесь приобретенный автором воинский опыт перекликается с мыслями о ратном подвиге народа, о смертях, которыми оплачена жизнь послевоенных поколений, о долге перед отцами как о живом нерве истории, соединяющем судьбы и времена.

И любовь пропущена у поэта сквозь «магический кристалл» времени, в чьих зыбких гранях ее отражение становится неузнаваемым; забвение и память, борясь друг с другом, рисуют «портрет» любимой:

Сначала я забуду звуки
голоса,
Ее привычку теребить кольцо.
Потом глаза, походку, руки,
волосы,
Улыбку — всю ее, в конце
концов.
Лишь силуэт, почти что
невещественный,
Останется, реальностью
тесним,
И с той минуты никакая
женщина
Не сможет никогда сравниться
с ним.

Время — живой и многоликий герой книги, которому открыт доступ в тайную тайных авторской души. Именно эта интимная, психологическая сторона времени остро осознается поэтом и находит рельефное образное воплощение в его стихах. Движение чувства и олицетворяемое «ревущим поездом» движение времени парадоксально сближаются в одном из стихотворений («Железнодорожное сравнение»). Летучая игла времени как бы пронизывает «внутренний состав» человека, прошивает его сознание связующей нитью преемственности судеб, не дает душе успокоиться и застыть, тревожа ее уколами воспоминаний.

Полюбить словно высунуть
голову
Из окошка летящего поезда:
Ветер город сдувает за
городом
И косою проходится по лесу.
Но вдыхать этот воздух
стремительный
Для души необычно и боязно...
Одинаково ль время прибытия
У любви и ревущего поезда?

Первая книжка редко обходится без видимых промахов и упущений. Есть они и у нашего автора: порой склонность к риторике, к звонкой, закругленной фразе, иногда назойливое разжевывание смысла. Но все эти частные несовершенства искупает одно существенное достоинство: органическая цельность книги, свидетельствующая о подлинности запечатленного в ней порыва.

Аркадий ХВОРОЩАН

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» ЗА 1980 ГОД

Редколлегия журнала ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» отметила денежными премиями следующие произведения, напечатанные в 1980 году:

Евгений БОВКУН. Правда, которую держат в подвале. Очерк (№ 9). Владимир ВОЗОВИКОВ. Поле Куликово. Роман (№ 8—10). Николай ГРИБАЧЕВ. Всегда новая дорога. Очерк (№ 7). В. ДОРОФЕЕВА, В. ДОРОФЕЕВ. Будни по вертикали. Документальная повесть (№ 2, 3). Лучезар ЕЛЕНКОВ. Гранитное. Поэма. Перевод с болгарского Игоря Шкляревского (№ 9). Сергей ЗАПЛАВНЫЙ. Два дома. Очерк (№ 6). Сабир ИСЛАМОВ. Мать. Рассказ. Перевод с азербайджанского А. Князева (№ 12). А. КОНДРАТОВИЧ. «Дорогой мой поэт...». Статья (№ 1). А. КУЗЬМИН. Становление марксистской мысли. Статья (№ 4). Вячеслав МАРЧЕНКО. Северá. Роман (№ 2—4). Сергей ОСТРОВОЙ. Летопись. Подборка стихотворений (№ 3). Иван СТАДНЮК. Война. Роман, книга третья (№ 5, 6, 9). Леонид ЧИКИН. Скорбящая Мать. Поэма (№ 5). Феликс ЧУЕВ. Праздник жизни. Подборка стихотворений (№ 12). Семен ШУРТАКОВ. Древние камни Эллады. Статья (№ 7).

Премия «Молодой гвардии» присуждена редакции газеты «Красноярский комсомолец» за подготовку январского номера журнала в журнале «Товарищ», посвященного 60-летию Красноярской краевой комсомольской организации.

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 04.11.80. Подп. в печ. 23.12.80. А02747.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 870 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 1713.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Е. БОВКУН	В. ВОЗОВИКОВ	Н. ГРИБАЧЕВ	В. ДОРОФЕЕВ
В. ДОРОФЕЕВА	Л. ЕЛЕНКОВ	С. ЗАПЛАВНЫЙ	С. ИСЛАМОВ
А. КОНДРАТОВИЧ	А. КУЗЬМИН	В. МАРЧЕНКО	С. ОСТРОВОЙ
И. СТАДНЮК	Л. ЧИКИН	Ф. ЧУЕВ	С. ШУРТАКОВ

Цена 60 коп.
Индекс 70544